

**БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ - XI:
ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА
В XXI ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ**

Улан-Удэ

2020

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

**Байкальские встречи – XI:
ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В XXI ВЕКЕ:
ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ**

Материалы международной научно-практической конференции
10-11 декабря 2020 г.
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2020

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

EAST-SIBERIAN STATE INSTITUTE OF CULTURE

**Baikal meetings – XI:
NATURE, A MAN AND CULTURE IN THE XXI
CENTURY: CHALLENGES AND ANSWERS**

Proceedings of the international
scientific-practical conference
10-11 December, 2020
Republic of Buryatia, Ulan-Ude city

Ulan-Ude
Publishing department of ESSIC
2020

УДК 008+930.85

ББК 71.л0

Б 189

Утверждено
редакционно-издательским Советом
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

Ответственный редактор:

кандидат экономических наук Перова Е.Ю.

Научные редакторы:

доктор исторических наук Цыремпилова И.С.,

доктор исторических наук Дашиева Н.Б.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Серебрякова З.А.,

кандидат педагогических наук Нимаева И.Б.,

кандидат филологических наук Ринчинова А.В.,

кандидат филологических наук Сангадиева Э.Г.,

кандидат филологических наук Шойбонова С.В.

Переводчики:

кандидат филологических наук Хобракова Л.М.

кандидат филологических наук Шойбонова С.В.

Б 189 **Байкальские встречи – XI: природа, человек и культура в XXI веке: вызовы и ответы** : материалы международной научно-практической конференции, 10-11 декабря 2020 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2020. – 504 с.
ISBN 978-5-89610-310-3

В данное издание включены материалы международной научно-практической конференции «Байкальские встречи – XI», состоявшейся в г. Улан-Удэ 10-11 декабря 2020 г. В статьях рассматриваются теоретико-методологические основы и практики взаимодействия природы, человека и культуры в XXI веке.

УДК 008+930.85

ББК 71.л0

ISBN 978-5-89610-310-3

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2020.

УДК 008+930.85

ББК 71.10

Б 189

Approved for publication
by the publishing Council of FSBEI of HE
«East Siberian State Institute of Culture»

Chief editor:

Ph.D. in Economics E.Yu.Perova

Scientific editors:

D. Sc. in History I.S. Tsyrempilova

D.Sc. in History N.B. Dashieva

Editors:

D.Sc. in Philology Z.A. Serebryakova

Ph.D. in Pedagogy I.B. Nimaeva

Ph.D. in Philology A.V. Rinchinova

Ph.D. in Philology E.G. Sangadieva

Ph.D. in Philology S.V. Shoybonova

Translators:

Ph.D. in Philology L.M. Khobrakova

Ph.D. in Philology S.V. Shoybonova

Б 189 Baikal meetings – XI: nature, a man and culture in the XXI century: materials of the international scientific practical conference, 10-11 December, 2020, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city. Ulan-Ude : Publishing department of ESSIC, 2020. – 504 p.
ISBN 978-5-89610-310-3

The collection includes the proceedings of the international scientific-practical conference «Baikal meetings – XI» held in Ulan-Ude on 10-11 December, 2020. The theoretical and methodological foundations and practices of the interaction of nature, a man and culture in the XXI century are considered in the articles.

УДК 008+930.85

ББК 71.10

ISBN 978-5-89610-310-3

© East Siberian State Institute of Culture, 2020.

**Дорогие друзья! Уважаемые участники и гости
международной научно-практической конференции
«Байкальские встречи – XI: Природа, человек и культура
в XXI веке: вызовы и ответы»!**

Разрешите от имени профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов Восточно-Сибирского государственного института культуры поприветствовать вас и пожелать успешной работы. Международная конференция «Байкальские встречи» является традиционным научным мероприятием нашего института и проводится в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию вуза.

Наш институт, являясь первым вузом культуры на территории Сибири и Дальнего Востока, прошел сложный и насыщенный событиями путь. Сегодня ВСГИК, используя накопленный опыт и традиции, сохраняя уникальность образовательных методик, высокую результативность научных и творческих школ, играет весомую роль в развитии уникального социокультурного пространства, формировании профессиональной художественной среды, выявлении и поддержке талантливой и креативной молодежи.

Конференция «Байкальские встречи», которая берет истоки в 1989 году, наглядно демонстрирует стабильный исследовательский интерес к предложенной тематике: от теоретических и практических вопросов взаимодействия человека и природы, осмысления опыта этих отношений в науке, культуре и искусстве до проблем актуализации культурного кода наследия. Среди участников конференции – широкий круг представителей гуманитарного сообщества: философы, историки, культурологи, социологи, лингвисты, литературоведы, этнографы из Монголии, Республики Корея и Китая, а также различных регионов России (г. Москва, Орловская,

Самарская, Калининградская, Кемеровская, Иркутская области, Алтайский, Красноярский, Забайкальский края, республики Бурятия, Тыва, Саха (Якутия), Калмыкия.

Убеждена, что участники конференции представят интересные доклады, что состоится живой и конструктивный разговор, профессиональный обмен мнениями и будут предложены практические рекомендации для учреждений сферы образования, науки, культуры и искусства!

**Ректор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский
государственный институт культуры»,
к.э.н., доцент Е.Ю. Перова**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 378.6(571.56)

Игнатьева С. С., г. Якутск, Россия

Ignatyeva S. S., Yakutsk, Russia

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНСТИТУТАХ КУЛЬТУРЫ КАК КУЛЬТУРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

EDUCATION IN THE INSTITUTES OF CULTURE AS CULTURAL PRODUCTION IN CREATIVE ECONOMY

Статья посвящена актуальной проблеме в области подготовки кадров для развития креативной экономики. Отмечается, что вузы культуры изначально ориентированы на подготовку творческой личности, которая способна быть гибкой в условиях новых экономических изменений. Основой креативной экономики являются такие элементы, как культурные и креативные индустрии. Существующая типология позволяет каждому вузу культуры реализовать свою роль в культурном производстве специалистов для креативной экономики. Речь идет о подготовке дизайнеров, специалистов в области визуальной культуры, издательского дела, сферы досуга. Кроме того, автор обращает внимание на внутренние образовательные процессы, которые обозначили сложные задачи в перестройке внутренней системы образования вуза.

The article is devoted to the urgent problem in the field of personnel training for the creative economy development. It is noted that higher educational institutions of culture are initially oriented at training a creative personality that is able to be flexible in the conditions of new economic changes. The creative economy is based on such elements as cultural and creative industries. The existing typology allows each higher educational institution of culture to implement its role in the cultural training of specialists for the creative economy. It concerns training designers, specialists in the field of visual culture, publishing and leisure. Besides, the author draws attention to the internal educational processes that have set complex tasks in restructuring the internal educational sys-

tem of the higher leaning institution.

Ключевые слова: вузы культуры и искусств, креативная экономика, культурное производство, культурные и креативные индустрии, новые формы работы преподавателя вуза.

Keywords: higher educational institutions of culture and arts, creative economy, cultural production, cultural and creative industries, new forms of work of a teacher of a higher educational institution.

Сначала немного истории, поскольку наши генетические связи близки. И вы, и мы переживаем юбилейный год. «Арктический государственный институт культуры и искусств» создан на базе четырёх филиалов российских вузов; были сформированы факультеты на образовательном, научно-творческом, кадровом потенциале ВСГИК, Уральской консерватории, Красноярского художественного института, Школы студии МХАТ им. Немировича-Данченко. Факультет информационных, библиотечных технологий и менеджмента культуры был создан на базе Якутского факультета Национальной Культуры ВСГИК. И наше образовательное пространство до сих пор выполняет такую же миссию, как и Восточно-Сибирский государственный институт культуры – миссию воспроизводства специалистов высокого качества в сфере культуры.

В 1989 году на базе колледжа культуры и искусств Республики Саха был создан учебно-консультационный пункт Восточно-Сибирского государственного института культуры и искусств. В 1999 году на пост заведующего УКП была назначена С. С. Игнатьева, к.п.н., ныне ректор АГИКИ, ее заместителем стала выпускница библиотечного факультета ВСГИК С. В. Максимова. Среди первых преподавателей УКП были Дугаров Д. С., Гоголев А. И., Федоров А. С., Сивцев И. С., Бурцев А. А., Попов Б. Н., Шейкин Ю. И. и многие другие.

Якутское представительство ВСГИК осуществляло подготовку по многим специальностям. Среди них «Информационные системы в социально-культурной сфере», «Народное художественное творчество», «Библиотековедение и библиография», «Музейное дело и охрана памятников». ВСГИК постоянно оказывал и научную, и учебно-методическую помощь. Педагоги вели учебные занятия, руководили курсовыми и дипломными работами, являлись

научными руководителями кандидатских диссертаций, защищенных в диссоветах ВСГИК. Выпускники достойно трудятся на благо института и сегодня.

Сегодня АГИКИ, а вместе с ним и другие вузы культуры и искусств, являются своеобразными центрами воспроизводства специалистов в области креативной экономики, которая представляет собой определенный способ производства культурных смыслов, организованный в соответствии с требованиями современности и активно способствующий преобразованию окружающей реальности. Креативная экономика позволяет понять, как производится культурный продукт и каким смысловым содержанием он обладает. Для науки креативные индустрии представляют собой одну из форм воспроизводства и распространения культурных смыслов, обусловленную историческим развитием и предполагающую изучение посредством анализа связей смыслов с культурным контекстом. Для креативной экономики данное явление представляет интерес в качестве способа активизации культурной жизни территории, что выражается в привлечении к участию в экономике творческих работников и выпуске конкурентоспособного конечного культурного продукта. Таким образом, креативные индустрии – важный атрибут современной жизни, который напрямую связан с нарастающими социокультурными изменениями с начала XX века.

Специалист, подготовленный вузами культуры и искусств, должен работать в любой экономической организации, где воспроизводятся культурные смыслы. А культурный смысл – это накопленная культурой информация, посредством которой общество (общность, нация, народ) создает свою картину мира, т.е. подходы к принципам жизни, мыслит свое предназначение в мире. Говоря упрощенно, вузы культуры готовят производителей и распространителей культурных смыслов в условиях массовой и глобальной культур.

Примером такого «производства» специалистов по культурным смыслам и является наш АГИКИ. Несколько лет назад преподавателями нашего института стала разрабатываться идея соединения, рождающейся креативной экономики с существующими специальностями и направлениями. Мы нашли несколько точек соприкосновения: во-первых, дизайн и ДПИ – являются в чистом виде

направлениями, готовящими специалистов для креативной экономики. В типологии креативных индустрий им отведено самостоятельное место.

Во-вторых, в АГИКИ выпускают специалистов, работа которых связана с производством визуального продукта и информационного – это направления «Прикладная информатика» и «Библиотечное дело». В свою очередь «Библиотечное дело» напрямую связано и издательским делом, которое в типологии также указано как самостоятельная индустрия. А визуальный продукт в виде проектов для музеев и библиотек является частью СМИ и массовых коммуникаций.

В-третьих, институт готовит специалистов сферы досуга (СКД, НХК, МИ, актеров театра и специалистов-хореографов балета). Сфера досуга – это самая большая часть креативной экономики, которая имеет хозрасчетные основания. Таким образом, уже сегодня АГИКИ является центром подготовки специалистов в области культурных и креативных индустрий. Но подготовка таких, пока еще редких кадров, сопряжена с проблемой переустройства образовательного процесса. Поэтому следующие размышления именно о том, какие проблемы существуют и как возможно их решить.

На днях состоялись ректорский и профессорский форумы. Оба форума показали, что проблема развития образования в связи с изменениями, происходящими сегодня в культуре, является одной из самых актуальных. Возвращения назад не будет! Происходящие реформы образования и наступивший дистантный период, связанный с распространением COVID-19, произвели научно-образовательный переворот. Новые формы обучения и реальное состояние образования сегодня выявили принципиальные отличия «новых детей» от предыдущих поколений. И это еще раз актуализирует необходимость нововведений в высших учебных заведениях. Обучение «новых детей», детей которые не соответствуют нашим ожиданиям и требованиям, показало кризис традиционных форм преподавания.

На недавно (07.10.2020) состоявшемся круглом столе в Европейском университете в Санкт-Петербурге первый проректор В. Радаев отметил, что преподавателям становится все труднее пони-

мать молодые поколения – сначала миллениалов, теперь зумеров [1]. Проректор выделил ключевые проблемы и тенденции в работе со студентами. Например, он обратил внимание на то, что сегодня происходит переструктурирование материала, который предназначен для студентов. Он должен выдаваться как готовая информация, которая нарезана, упакована, а смысл в ней распакован, поскольку основная часть студентов сегодня отказывается от чтения длинных и сложных текстов. Они не понимают, зачем стремиться «из терний к звездам», зачем нужно так сложно распаковывать смыслы, если и так все очевидно.

Следующей новой тенденцией стала необходимость изменения способов обучения. В. Радаев говорит буквально следующее: «Старшие поколения сначала искали источники «настоящего знания», потом преодолевали сложный материал, осваивали, запоминали и так накапливали знание, которое называлось «культурным багажом». Новые поколения настроены на быстрый поиск готовой информации и не видят необходимости запоминать информацию, поскольку есть возможность найти ее в интернете. Происходит переход к работе с потоками информации. Отсюда нежелание задавать преподавателю вопросы, так как информация стала доступнее» [1].

Следующей проблемой стало изменение роли профессиональной экспертизы. Учитель или преподаватель сегодня не носитель сакрального знания. Они предстают в качестве интерпретатора, толкователя, поскольку главным и ценным для молодого поколения стали искусственный интеллект, Интернет. В этой связи возникает вопрос, а нужен ли сегодня преподаватель в том реальном положении, в котором он находится. Преподаватель сегодня вынужден быть универсалом и читать несколько близких курсов, или должен уйти, уступив место другому, более гибкому и способному к быстрой ориентации в информационном пространстве.

Есть и другая совершенно очевидная тенденция – большие возможности для самообразования. И это тоже влияет на авторитет и роль преподавателя вуза в современной системе образования. Поддержка практико-ориентированного образования также составляет другие приоритеты, прежде всего для студентов. Они хотят прикладных навыков, хотят больше практики, нежели знаний

теоретических дисциплин.

Отдельного разговора требуют заведомо нереалистические стандарты, которые формируют и развивают такое качество, как прокрастинация – стремление все откладывать. Это способствует накоплению невыполненных работ и не приобретение определенных компетенций, что приводит к стрессам самих студентов и их разочарованию не столько в себе, сколько в том, что они делают. Они понимают, что такое образование им не совсем помогает, а может вообще ведет в другую сторону от профессии.

Нельзя забывать и о такой проблеме, как прогрессирующая форма зависимости от гаджетов, поскольку сознание студента становится неустойчивым, раздрганым, в то время как образовательный процесс требует от студента длительное погружение в изучаемый материал. Встает вопрос, как возможно удержать ускользающее внимание студента? И ответы на этот вопрос уже есть; это продемонстрировал последний профессорский форум, в частности на секции «Актуальные вопросы повышения качества подготовки научных кадров высшей квалификации». Например, были предложены и доказаны на практике педагогические технологии включенности студента в собственный образовательный процесс. Пробовать не развлекать студентов на теоретических занятиях, а предлагать новые формы организации занятий, например, онлайн-курс с виртуальным и офлайн-обсуждением. Использовать знакомые и незнакомые технологии работы с гаджетами. Более активно использовать формирование индивидуальных образовательных траекторий, что должно способствовать формированию более ответственного отношения к учебе. Предлагалась и кардинальная смена парадигм во взаимоотношении преподаватель-студент. Когда студент равен преподавателю, и он может стать руководителем проекта, а преподаватель – студентом. Такая расстановка позволяет формировать горизонтальную среду коммуникаций, что, на наш взгляд, способствует демократизации взаимоотношений между преподавателем и студентом, а главное – снимает эффект страха перед незнанием и повышает мотивацию студента в стремлении получить профессиональные компетенции.

Примечания

1. Как преподавать новым поколениям студентов? : итоги круглого стола программы «Университетский менеджмент» // Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eusp.org/news/kak-prepodavat-novym-pokoleniyam-studentov-itogi-kruglogo-stola-programmy-universitetskiy-menedzhment> (дата обращения: 08.10.2020).

УДК 572(=512.31)

**Ростовцева В. В., Бутовская М. Л., Мезенцева А. А., г. Москва,
Дашиева Н. Б., г. Улан-Удэ, Россия**

**Rostovtseva V. V., Butovskaya M. L., Mezentseva A. A., Moscow,
Dashieva N. B., Ulan-Ude, Russia**

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ БУРЯТ: РОЛЬ ПОЛОВЫХ, ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И СРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ

COMPLEX STUDY OF THE BURYATS' COOPERATIVE BEHAVIOR: THE ROLE OF GENDER, PHYSIOLOGICAL AND ENVIRONMENTAL FACTORS

Настоящая работа является обобщающим обзором результатов, полученных авторами в двух независимых экспериментальных исследованиях, проводившихся в г. Улан-Удэ и г. Москве, и посвященных кооперативному поведению бурят. В работе рассмотрены полоспецифические особенности кооперации бурят, влияние половых гормонов на формирование индивидуальных кооперативных предрасположенностей, а также эффекты семейной и городской социальной среды.

The article is a general review of the results obtained by the authors in two independent experimental studies conducted in Ulan-Ude and Moscow cities and devoted to the Buryats' cooperative behavior. The article considers sex specific differences in cooperation among the Buryats, the influence of sex hormones on the formation of individual

cooperative predispositions as well the effects of the family and urban social environment.

Ключевые слова: кооперация, альтруизм, половые различия, пальцевой индекс, 2D:4D, тестостерон, многодетная семья, мегаполис, буряты

Keywords: cooperation, altruism, sex differences, finger index, 2D:4D, testosterone, family with many children, megapolis, the Buryats.

Исследования феномена кооперации и альтруизма, как одного из ключевых явлений в эволюции живой природы, ведутся уже на протяжении более чем столетия [1], однако большинство прорывных работ, дающих формализованное теоретическое объяснение этому феномену, приходится на вторую половину XX в. (см. обширный обзор: [2]). Человек является «гиперкооперативным» видом, обладающим беспрецедентными способностями к кооперации. На сегодняшний день известно несколько возможных механизмов возникновения и прогрессивного развития кооперативного поведения человека, такие как косвенная и устойчивая реципрокность [3; 4], практика социального наказания [5], групповой (или многоуровневый) отбор [6]. Однако, несмотря на общую ориентацию на просоциальность, человеку свойственна и вариативность в склонности к кооперативному и альтруистичному поведению [7-11].

В настоящей работе мы уделили основное внимание половым и индивидуальным различиям в склонности к просоциальному поведению. Изложенный материал будет представлен в качестве теоретического обобщения результатов, полученных нами в двух независимых экспериментальных исследованиях, проходивших в г. Улан-Удэ [12-17] и г. Москве [18-21], и посвященных изучению механизмов кооперативного поведения (на примере бурят). В ходе анализа большого числа экспериментальных, антропометрических и демографических параметров, нам удалось выявить некий единый паттерн полоспецифических особенностей кооперативного поведения бурят и их связи с индивидуальными физиологическими показателями (для мужского пола), а также со средовыми факторами.

Участники. Участниками исследования в г. Улан-Удэ были 208 бурят (104 муж., 104 жен., возраст 20 ± 2 г.), студентов различ-

ных специальностей (естественные и гуманитарные науки, экономика, искусство), представленных в выборке примерно в равных пропорциях. В эксперименте в г. Москва участвовало 102 молодых мужчины (51 русский, 51 бурят) (русские: $25 \pm 3,2$ лет; буряты: $24,5 \pm 3,1$ года). В московской выборке все буряты были выходцами из Бурятии и проживали в Москве от 1 до 8 лет. Представителями выборки русских были жители Москвы и Подмосковья. Профессиональная деятельность участников московского эксперимента также была разнообразна: от студентов различных специальностей до мужчин, работающих в разных областях.

Кооперативное поведение. Индивидуальная склонность к кооперативному поведению оценивалась в ходе экспериментальных экономических игр в условиях групповых (игра «Общественное благо») и парных (игра «Дилемма заключенного») взаимодействий между представителями одного пола. Мы не будем здесь подробно останавливаться на условиях экспериментов, т.к. с ними можно ознакомиться в публикациях, посвященных непосредственно каждому из рассматриваемых исследований [12-20]. Отметим лишь, что в контексте групповой кооперации оценивались индивидуальные стратегии кооперативного поведения участников, а в парной игре оценивалась общая склонность к кооперации в условиях индивидуальных (т.е. парных) взаимодействий. При анализе кооперативного поведения в группах нами были выявлены следующие индивидуальные стратегии участников: эгоист (стабильное нежелание кооперироваться с другими членами группы); безусловный кооператор, или альтруист (стабильное желание кооперироваться, даже если другие участники группы его/ее предавали); условный кооператор (кооперировался в зависимости от обстановки, т.е., как правило, на взаимной основе); обманщик (использовал кооперативные намерения других членов группы для собственной выгоды). Оценка кооперативных предрасположенностей участников в нашем исследовании давалась на основе анализа их непосредственного поведения в эксперименте, а не на основе анкетирования.

Физиология. Поскольку одним из основных фокусов настоящей работы являются полоспецифические особенности кооперативного поведения, то в качестве ассоциированного физиологического параметра мы рассмотрим роль половых стероидных гормо-

нов (в частности, фактора пренатальной андрогенизации, т.е. воздействия андрогенов – мужских половых гормонов – в период внутриутробного развития). Основным половым гормоном, ответственным за формирование полоспецифических особенностей мужского организма в процессе онтогенеза, является тестостерон. Тестостерон начинает производиться мужскими половыми железами еще на ранних пренатальных стадиях (начиная с 8 до ~24 недели развития плода) [22; 23]. Второй пик концентрации тестостерона в мужском организме соответствуют пубертатному возрасту (половое созревание) [24; 25]. В эти периоды тестостерон оказывает основное воздействие на мужской организм, что приводит к формированию полоспецифической мужской морфологии (телосложение, форма лица, голос, третичный волосяной покров и др.), а также особенностей поведения (особенности полоспецифической нейроанатомии, склонность к соперничеству, агрессии) [26-29]. Количество вырабатываемого тестостерона характеризуется индивидуальной вариативностью и (в идеальных условиях) чем оно выше, тем сильнее будут выражены у человека полоспецифические мужские черты. Сегодня наиболее популярным методом косвенной оценки влияния пренатальных половых гормонов (для человека во взрослом возрасте) является оценка соотношения второго и четвертого пальцев на руках (пальцевой индекс 2D:4D) [30; 31]. В большинстве исследованных популяций человека этот индекс имеет более низкие значения у мужчин, чем у женщин [27; 32; 33]. Роль 2D:4D в качестве предиктора степени пренатальной андрогенизации на сегодняшний день исследована уже довольно подробно. Показана связь этого признака с концентрацией гормонов в амниотической жидкости (во время беременности) [34]. Физиологический механизм, ответственный за формирование соответствующей разницы в длине второго и четвертого пальцев под действием пренатальных половых гормонов, был продемонстрирован на мышах [35]. Более подробно ознакомиться с методами измерения длин пальцев, а также литературой на тему связи 2D:4D с поведенческими особенностями, можно непосредственно в наших публикациях [12; 16; 18; 19; 21].

При наличии половых различий в кооперативном поведении логичным было предположить, что особенности такого поведения,

характерные именно для мужского пола, будут более выражены у индивидов с более высоким пренатальным тестостероном (т.е. с более низкими 2D:4D). Проверке данной гипотезы посвящена основная часть настоящей работы.

Средовые факторы. В качестве средовых факторов, потенциально влияющих на формирование и реализацию индивидуальной предрасположенности к кооперативному и альтруистичному поведению, мы рассмотрим: (1) фактор состава семьи по критерию наличия и числа братьев и сестер (сиблингов); (2) эффект мегаполиса. Известно, что буряты являются популяцией с культурной установкой на многодетность, которая успешно реализуется и в современных условиях (Всероссийская перепись населения, 2010). Поскольку семья является одним из самых важных институтов социализации человека в детстве, когда формируются основные и наиболее стойкие личностные и поведенческие предрасположенности, мы предположили, что эффект социальной среды, в которой рос человек, можно будет проследить и во взрослом поведении [13]. Эффект мегаполиса же оценивался при сравнении поведения бурят в своей резидентной локализации (г. Улан-Удэ, население около 440 тыс. чел.) с поведением бурят, мигрировавших в столицу (г. Москва, население около 12,5 млн. чел.) [12].

Результаты. Обратимся вначале к рассмотрению половых различий в кооперативном поведении. В ходе анализа поведения бурят в групповой игре (г. Улан-Удэ) были выявлены достоверные различия в применении кооперативных стратегий между мужчинами и женщинами. Молодые мужчины были более склонны применять стратегию безусловной кооперации (альтруизма) (36% участников мужского пола прибегали к этой стратегии, в то время как среди женщин «альтруистов» было всего 21%). Женщины, в свою очередь, чаще применяли стратегию обмана (30%), чем мужчины (18%) ($p < 0,017$). Однако при анализе результатов парных игр оказалось, что в них статистически достоверные половые различия в принятии кооперативных решений отсутствовали. Таким образом, наши результаты позволяют полагать, что групповая кооперация играет особую роль именно в мужском поведении бурят [15]. Это также находит подтверждение в результате, полученном в ходе анализа связи между стратегическим поведением мужчин и пара-

метрами состава семьи. Оказалось, что молодые мужчины из многодетных семей (≥ 4 детей в семье) были более склонны проявлять кооперацию в групповых взаимодействиях, в то время как мужчины, бывшие единственным ребенком в семье демонстрировали эгоистичное поведение. Поскольку этот эффект был обнаружен только для мужчин и только для групповых взаимодействий, мы склонны полагать, что основы мужской коллективной кооперации бурят закладываются еще в детстве и важную роль в этом процессе играет социальная среда многодетной семьи [13].

Следующим этапом нашего анализа стало исследование потенциальной связи между степенью андрогенизации мужчин и свойственных им особенностям кооперативного поведения. Поскольку степень подверженности воздействию половых гормонов (в период внутриутробного развития) в нашем исследовании оценивается с помощью косвенного маркера 2D:4D, то в первую очередь, обратим внимание на валидность использования данного маркера. В одном из наших частных исследований был проведен анализ связи полоспецифической морфологии лица бурят со значениями пальцевых индексов [16]. Оказалось, что для мужчин индекс 2D:4D (на правой руке) достоверно ассоциирован с конкретными полоспецифическими особенностями морфологии лица, характерными именно для этой популяции [17]: молодые мужчины с низкими значениями 2D:4D отличались яркой выраженностью черт лица, характерных для бурят мужского пола, в то время как форма лиц мужчин с высокими значениями пальцевого индекса (низкой андрогенизацией) была больше сходна с формой характерной для женского пола. Для женщин ассоциация 2D:4D и формы лица была не значимой [16]. Таким образом, наши результаты подтверждают, что, по крайней мере, для мужчин, пальцевой индекс действительно может рассматриваться как предиктор воздействия андрогенов в пренатальный период.

Как уже было сказано выше, анализ кооперативного поведения мужчин (бурят) и его связи с пальцевым индексом проводился в двух независимых исследованиях. В московском эксперименте была выявлена достоверная квадратичная связь индивидуальной кооперативности в групповых взаимодействиях и значений 2D:4D: наиболее кооперативными оказались мужчины со средними значе-

ниями пальцевого индекса [18]. Положительная же связь была выявлена для парных взаимодействий: мужчины с более высокими значениями 2D:4D были более кооперативными в парах. Помимо этого пары, в которых один из участников был более «фемининным» по пальцевому индексу, чаще достигали взаимной кооперации [19]. При анализе связей индивидуальной кооперативности с пальцевыми индексами в эксперименте, проведенном в г. Улан-Удэ ни одной достоверной связи обнаружено не было. Несмотря на отсутствие статистически значимых ассоциаций, стоит отметить, что, как и в московском исследовании, мужчины из г. Улан-Удэ с низкими значениями 2D:4D не были склонны кооперироваться ни в групповых, ни в парных взаимодействиях.

Таким образом, результаты, полученные в ходе 2-х независимых экспериментов, не показали согласованности. В московской части исследования была обнаружена достоверная связь пальцевых индексов с кооперативным поведением, в то время как в части исследования, проведенной в г. Улан-Удэ, несмотря на то, что, в общем, различия были направлены в ту же сторону, достоверных связей зафиксировано не было. В попытках объяснить такой результат, в первую очередь внимание было направлено на поиск различий между исследованиями (экспериментами в г. Москве и г. Улан-Удэ).

Достоверные различия были выявлены между бурятами (Улан-Удэ) и русскими (Москва) ($p < 0,001$); а также бурятами (Москва) и русскими (Москва) ($p = 0,006$). Оказалось, что низкие значения 2D:4D являются популяционной особенностью бурят [12, 21]. Низкие пальцевые индексы были характерны как для бурят в Москве, так и в Улан-Удэ. В то же время бурятам в Бурятии были в целом свойственны более низкие значения пальцевых индексов, чем и русским, и бурятам в г. Москве (Ростовцева и др., 2019). Таким образом, можно констатировать, что достоверных связей кооперативного поведения и значений пальцевых индексов не было обнаружено именно в выборке молодых мужчин с низкими значениями пальцевых индексов.

В литературе встречается много сведений о модулирующем эффекте пренатальных гормонов на развитие систем регуляции поведения человека. В частности, как было показано в одной из не-

давних работ, существует выраженный модулирующий эффект пренатальной андрогенизации на силу связи между тестостероном и кооперативным поведением у женщин: чем выше значения пальцевых индексов (т.е. чем ниже пренатальная андрогенизация), тем сильнее выражена положительная связь тестостерона и кооперативных предрасположенностей [12; 36]. Для того, чтобы проверить, не наблюдается ли и здесь нечто подобное, данные двух экспериментов были по возможности объединены для общего анализа. Для того чтобы проследить влияние степени пренатальной андрогенизации участников на выраженность и направление ассоциации значений 2D:4D с кооперативным поведением, общая выборка (N=193) была разделена на 3 части: (1) участники с низкими значениями 2D:4D, или с высокой степенью пренатальной андрогенизацией (0,88 – 0,94; N=55); (2) участники со средними значениями 2D:4D (0,94 – 0,98; N=79); (3) участники с высокими значениями 2D:4D, или с низкой степенью пренатальной андрогенизации (0,98 – 1,07; N=59). В учет брались только индексы на правой руке, т.к. именно они показали наибольшее число достоверных связей в нашем исследовании. Анализ общей выборки выявил, что статистическая достоверность появлялась только для мужчин с высокими значениями пальцевых индексов ($>0,98$). Помимо этого, эффект пренатальной андрогенизации на кооперативное поведение имел разное направление в парных и в групповых взаимодействиях. Согласно полученным результатам наиболее кооперативными в парных взаимодействиях оказались мужчины с самыми высокими значениями пальцевых индексов (сильно выраженный «фемининный» тип), при этом, чем выше были среди «фемининных» мужчин пальцевые индексы, тем более кооперативными были такие мужчины в парах (статистически достоверно: $p = 0,027$). В групповых же взаимодействиях альтруистами в основном были мужчины со средними значениями пальцевых индексов, а при повышении значений 2D:4D кооперативность снижалась (статистический тренд: $p = 0,067$). Этот результат демонстрирует вероятный модулирующий эффект пренатальной андрогенизации на механизмы развития и регуляции поведения человека. Полученные различия в связях между феминизацией и кооперативностью между парными и групповыми взаимодей-

ствиями хорошо согласуются с результатами по половым различиям между мужчинами и женщинами, обсуждавшимися выше.

Наконец, проведенные нами исследования позволили произвести предварительную оценку влияния жизни в мегаполисе на особенности кооперативного поведения и личностных качеств [12]. При сравнении поведения в парных взаимодействиях для выборок бурят из г. Улан-Удэ и г. Москвы было обнаружено, что наряду с более высокими пальцевыми индексами у бурят, живущих в столице, также наблюдается повышенная склонность к кооперации в парах (по сравнению с резидентами г. Улан-Удэ). Помимо этого «московским» бурятам были свойственны более низкие самооценки по шкале агрессивности (опросник Басса и Перри: [37]) [12].

Заключение

При обобщении результатов, полученных в ходе двух независимых экспериментов, были зафиксированы значительные различия в кооперативном поведении мужчин и женщин: мужчины в целом были более кооперативны, чем женщины в однополых *групповых* взаимодействиях, однако в индивидуальных (парных) взаимодействиях женская кооперативность повышалась и достигала уровня мужской; «фемининные» же мужчины с высокими значениями 2D:4D (или низким уровнем пренатальной андрогенизации) характеризовались повышением кооперативности в парных взаимодействиях и снижением в групповых (по аналогии с женским поведением) [15; 18; 19]. Полученный эмпирический результат хорошо согласуется с существующими в литературе данными, о том, что высокий уровень тестостерона у мужчин связан с повышенной соревновательностью [29]. Связь высокого тестостерона со склонностью к соперничеству, по всей видимости, мешает реализации кооперативного поведения мужчин на парном уровне. В то же время, в литературе встречаются свидетельства тому, что высокий тестостерон способствует повышению внутригрупповой кооперативности мужчин, но при наличии фактора конкуренции с какой-либо внешней группой [38; 39]. По всей видимости, в этом случае мужчины с высоким уровнем тестостерона переносят свое стремление к соперничеству на межгрупповой уровень, что автоматически способствует повышению их кооперативности внутри собственной группы. В нашем эксперименте фактор межгрупповой конкуренции

не предусматривался, что, возможно отразилось на том, что наиболее кооперативными были мужчины со средним, а не высоким уровнем андрогенизации. Однако наш результат показывает, что полоспецифическая предрасположенность мужчин к групповой кооперации может реализовываться и без наличия явной межгрупповой конкуренции. Также наши результаты показали, что такая мужская предрасположенность особенно хорошо реализуется в случае, если мужчина рос в многодетной семье [15]. Носит ли эта тенденция универсальный характер, или же она обусловлена культурными особенностями конкретного общества, еще предстоит выяснить в будущих кросс-культурных исследованиях.

Помимо этого в результате наших исследований было показано, что мужчины одной и той же этнической группы, проживающие в своей родной среде и в столичном мегаполисе различаются по ряду характеристик. Жителям мегаполиса были свойственны более высокие пальцевые индексы, повышенная кооперативность в парных взаимодействиях, а также сниженный уровень агрессивности [12]. Мы склонны полагать, что в современных мегаполисах идет положительный отбор на общую феминизацию мужчин (или снижение выраженности тестостерон-опосредованных черт), что затрагивает как физиологические факторы (в частности, сам уровень тестостерона, а также врожденного здоровья и физической силы), так и поведенческие (например, снижение физической агрессивности). В данном случае не подразумевается, что у мужчин снижается выраженность полоспецифических черт после переезда в мегаполис. Речь идет лишь о том, что в больших городах, в новых хозяйственно-экономических и информационных условиях, могут действовать другие факторы отбора, позволяющие мужчинам с менее выраженным маскулинным комплексом лучше приспособиться и становиться более успешными в среде мегаполиса, по сравнению с мужчинами с завышенным уровнем тестостерона и всеми вытекающими последствиями. В свою очередь, последние, как правило, обладают хорошим врожденным здоровьем и физической силой [40; 41], что является преимуществом в более традиционной социальной среде. Выводы по данному пункту являются лишь предварительными в силу небольших размеров исследован-

ных выборок и нуждаются в проверке в более масштабных исследованиях в будущем.

Экспериментальные материалы для статьи собирались при финансовой поддержке Российского научного фонда (18-18-00075). Обобщающий доклад подготовлен и публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Примечания

1. Кропоткин П. А. Взаимная помощь, как фактор эволюции. СПб. : Изд-во т-ва «Знание», 1907.

2. Бутовская М. Л., Ростовцева В. В. Эволюция альтруизма и кооперации человека: биосоциальная перспектива. М. : URSS, 2021. 304 с.

3. Trivers R.L. The evolution of reciprocal altruism // The Quarterly review of biology. 1971. Vol. 46, N.1. P. 35-57.

4. Bowles S., Gintis H. The evolution of strong reciprocity: cooperation in heterogeneous populations // Theoretical population biology. 2004. Vol. 65, N. 1. P. 17-28.

5. Costly punishment across human societies / Henrich J. [et al.] // Science. 2006. Vol. 312, N.5781. P. 1767-1770.

6. Henrich J. Cultural group selection, coevolutionary processes and large-scale cooperation // Journal of Economic Behavior & Organization. 2004. Vol. 53, N. 1. P. 3-35.

7. Стратегии дележа ограниченными ресурсами у детей и подростков в трех африканских обществах Восточной Африки: социокультурные и генетические факторы / Бутовская М. Л. [и др.] // Доклады Российской Академии наук. Науки о жизни. 2020. Т. 494, № 1. С. 437-443.

8. Butovskaya M. L., Burkova V. N., Karelin D. V. Does the friendship matter? Sharing, fairness and parochial altruism in African children and adolescents // Social evolution and history. 2020. Vol. 19, N. 1. P. 89-112.

9. Peysakhovich A., Nowak M. A., Rand D. G. Humans display a 'cooperative phenotype' that is domain general and temporally stable // Nature communication. 2014. Vol. 5, N. 1. P. 1-8.

10. Volk S., Thöni C., Ruigrok W. Temporal stability and psychological foundations of cooperation preferences // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. Vol. 81, N. 2. P. 664-676.
11. Is behavioral pro-sociality game-specific? Pro-social preference and expectations of pro-sociality / Yamagishi T. [et al] // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2013. Vol. 120. N. 2. P. 260-271.
12. Ростовцева В. В., Мезенцева А. А., Бутовская М. Л. Кооперативное поведение и агрессия среди молодых мужчин: эффекты пренатальной андрогенизации и социальной среды // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23. Антропология*, 2019. № 3. С. 42-54.
13. Влияние числа сиблингов и очередности рождения на индивидуальную кооперативность во взрослом возрасте: экспериментальное исследование среди бурят / Ростовцева В. В., Бутовская М. Л., Мезенцева А. А., Дашиева Н. Б. // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 5. С. 160-182.
14. Ростовцева В. В., Мезенцева А. А., Бутовская М. Л. Роль вербальной коммуникации в динамике кооперативного поведения в мужских коллективах (на примере бурят Южной Сибири) // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2020. № 2. С. 127-140.
15. Sex differences in cooperativeness – An experiment with Buryats in Southern Siberia / Rostovtseva V. V., Weissing F. J., Mezentseva A. A., Butovskaya M. L. // *PloS one*. 2020. Vol. 15, N. 9.
16. Second-to-fourth digit ratio and facial shape in Buryats of Southern Siberia / Rostovtseva V. V., Mezentseva A. A., Windhager S., Butovskaya M. L. // *Early Human Development*. 2020. N. 149. P. 105-138.
17. Sexual dimorphism in facial shape of modern Buryats of Southern Siberia / Rostovtseva V. V., Mezentseva A. A., Windhager S., Butovskaya M.L. // *American Journal of Human Biology*. 2020.
18. Ростовцева В. В., Бутовская М. Л. Биосоциальные механизмы кооперативного поведения у мужчин (на примере русских и бурят) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23. Антропология*. 2017. № 4. С. 107-118.
19. Ростовцева В. В., Бутовская М. Л. Социальное доминирование, агрессия и пальцевой индекс (2D: 4D) в кооперативном

поведении молодых мужчин // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 65-80.

20. Ростовцева В. В., Бутовская М. Л. Этнический парохиализм в кооперативном поведении: экспериментальное исследование среди русских и бурят // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 66-84.

21. Rostovtseva V., Butovskaya M., Mkrтчhjan R. 2d: 4d, Big Fives and Aggression in Young Men of Caucasian, Ural and Asian Origin // Social Evolution and History. 2019. Vol. 18, N. 1. P. 110-126.

22. Involution of Human Fetal Leydig cells. Animmunohistochemical, Ultrastructural and Quantitative Study / Codesal J. [et al] // Journal of Anatomy. 1990. N. 172. P. 103.

23. Lee V. W. K., Burger H. G. Pituitary Testicular Axis during Pubertal Development. In: D.M. de Kretser, H.G. Burger, B. Hudson (Eds.), The Pituitary and Testis. Monographs on Endocrinology. Berlin ; Heidelberg : Springer, 1983. P. 44-70.

24. Gene expression during development of fetal and adult Leydig cells / Dong L. [et al] // Annals of the New York Academy of Sciences. 2007. Vol. 1120, N. 1. P. 16-35.

25. Wu X., Wan S., Lee M. M. Key factors in the regulation of fetal and postnatal Leydig cell development // Journal of Cellular Physiology. 2007. Vol. 213, N. 2. P. 429-433.

26. Prenatal and pubertal testosterone affect brain lateralization / Beking T. [et al] // Psychoneuroendocrinology. 2018. N. 88. P. 78-91.

27. Digit ratio (2D: 4D), aggression, and dominance in the Hadza and the Datoga of Tanzania / Butovskaya M., Burkova V., Karel-in D., Fink B. // American Journal of Human Biology. 2015. Vol. 27, N. 5. P. 620-627.

28. Sex differences in 2D: 4D and aggression in children and adolescents from five regions of Russia / Butovskaya M., Fedenok J., Burkova, V., Manning J. // American journal of physical anthropology. 2013. Vol. 152, N.1. P. 130-139.

29. Testosterone and androgen receptor gene polymorphism are associated with confidence and competitiveness in men / Eisenegger C. [et al] // Hormones and behavior. 2017. N. 92. P. 93-102.

30. The ratio of 2nd to 4th digit length: a predictor of sperm numbers and concentrations of testosterone, luteinizing hormone and

oestrogen / Manning J. T., Scutt D., Wilson J., Lewis-Jones D. I. // Human Reproduction (Oxford, England), 1998. Vol. 13, N. 11. P. 3000-3004.

31. Second to fourth digit length ratio (2D: 4D) and adult sex hormone levels: new data and a meta-analytic review / Hönekopp J., Bartholdt L., Beier L., Liebert A. // Psychoneuroendocrinology. 2007. Vol. 32, N. 4. P. 313-321.

32. The 2nd: 4th digit ratio, sexual dimorphism, population differences, and reproductive success: evidence for sexually antagonistic genes? / Manning, J. T. [et al] // Evolution and Human Behavior. 2000. Vol. 21, N. 3. P. 163-183.

33. Hönekopp J., Watson S. Meta-analysis of digit ratio 2D: 4D shows greater sex difference in the right hand // American Journal of Human Biology. 2010. Vol. 22, N. 5. P. 619-630.

34. Digit ratio (2D: 4D) in newborns: influences of prenatal testosterone and maternal environment / Ventura T., Gomes M. C., Pita A., Neto M. T., Taylor A. // Early Human Development. 2013. Vol. 89, N. 2. P. 107-112.

35. Zheng Z., Cohn M.J. Developmental basis of sexually dimorphic digit ratios // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108, N. 39. P. 16289-16294.

36. New evidence on testosterone and cooperation / van Honk J., Montoya E. R., Bos P. A., van Vugt M., Terburg D. // Nature. 2012. Vol. 485, N. 7399. P. E4-E5.

37. Buss, A. H., Perry, M. The aggression questionnaire // Journal of personality and social psychology. 1992. Vol. 63, N.3. P. 452.

38. Stirrat M., Perrett D. I. Face structure predicts cooperation: Men with wider faces are more generous to their in-group when out-group competition is salient // Psychological science. 2012. Vol. 23, N.7. P. 718-722.

39. The Male Warrior Hypothesis: testosterone-related cooperation and Aggression in the context of Intergroup Conflict / Muñoz-Reyes J.A. [et al] // Scientific reports. 2020. Vol. 10, N. 1. P. 1-12.

40. Digit ratio and hand-grip strength in German and Mizos men: Cross-cultural evidence for an organizing effect of prenatal testosterone on strength / Fink B., Thanzami V., Seydel H., Manning J. T. // American Journal of Human Biology. 2006. Vol. 18, N. 6. P. 776-782.

41. Digit ratio (2D: 4D), testosterone, cortisol, aggression, personality and hand-grip strength: Evidence for prenatal effects on strength / Ribeiro Jr, E. [et al] // Early human development. 2016. N. 100. P. 21-25.

УДК 070(091)(470+571)

Дякиева Б. Б., г. Элиста, Россия

Dyakieva B. B., Elista, Russia

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СМИ КАК СРЕДСТВО
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
И ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ**

**PROFESSIONAL MEDIA AS A MEANS OF PRESERVING THE
HISTORICAL HERITAGE AND TRADITIONS OF THE
PEOPLES**

В статье проведен анализ роли периодических печатных и электронных изданий в сохранении культурного и национального наследия. Центральные и региональные СМИ рассмотрены в качестве ретрансляторов и эффективных инструментов сохранения и популяризации объектов культурного наследия. Изучены профильные журналы с содержательной и концептуальной точек зрения, начиная с дореволюционных изданий. Определена государственная медиастратегия в области сохранения исторических памятников и объектов культурного наследия.

The article analyzes the role of periodical printed and electronic publications in the preservation of cultural and national heritage. Central and regional media are considered as retranslators and effective tools of preserving and popularizing cultural heritage objects. Specialized journals have been studied from the point of content and conception starting from the pre-revolutionary publications. The state media strategy in the field of preservation of historical monuments and objects of cultural heritage has been defined.

Ключевые слова: периодические печатные и электронные СМИ, культурное наследие, традиционная культура, исторические памятники.

Keywords: periodical print and electronic media, cultural heritage, traditional culture, historical monuments.

Современные средства массовой информации в условиях тотальной глобализации должны играть особую роль не только в сохранении и преумножении культурного наследия, в том числе устных и письменных памятников, влияя, таким образом, на условия для этнического ренессанса. Данная проблема сегодня особенно актуализируется благодаря возрастанию роли СМИ, как печатных, так и электронных, в сбережении самобытности и идентичности национальных культур народов России. В реально наступивший информационный век они призваны более ответственно, чем когда-либо выполнять «...функцию механизма воздействия на ход национального развития» [1, с. 36].

Анализ периодических изданий логично построить хронологически по времени их появления и представить их последовательно, начав с печатных, затем перейдя к профильным электронным СМИ.

В истории печати России были газеты и журналы, оставившие бесценный опыт сохранения культур народов России. Одним из таких редких для своего времени журналов является «Живая старина», который был создан Этнографическим отделением Императорского русского географического общества и издавался в Санкт-Петербурге более четверти века – с 1890 по 1916 гг. [3].

Основателем журнала является Ламанский Владимир Иванович (26.06 (8.07). 1833, Петербург – 9.11 (22.12). 1914, Петербург). Владимир Ламанский в то время был известным историком, академиком, создателем исторической школы русских славистов, отстаивавшей славянофильские и панславистские идеи. Позже профессором Петербургского университета по кафедре славянской филологии. Преподавал также в Петербургской духовной академии и Академии Генерального штаба [2, с. 315-316].

Анализ структурного содержания журнала свидетельствует о всеохватности тем не только по этнографии, но и различных гео-

графических мест и территорий для отражения в журнале. О широком спектре тем в «Живой старине» свидетельствуют пять ее отделов: 1. "Исследования, наблюдения, рассуждения". 2. "Памятники языка и народной словесности" (с 1903 г. – "Памятники языка, народной словесности, живой старины"). 3. "Критика и библиография". 4. "Вопросы и ответы". 5. "Смесь" [3].

За период деятельности продолжительностью более двух десятков лет журнал «Живая старина» сыграл важную роль в развитии международной этнографической науки, становлении русской школы этнографии в целом, и этнографии народов Российской империи, в частности. К сожалению, в 1916 году Отделение Этнографии РГО постановило временно прекратить издание журнала «...ввиду чрезвычайного вздорожания цен на печатание и на бумагу» [4].

В новое время с 1994 года выпуск журнала возобновлён в Москве в рамках деятельности Государственного республиканского центра русского фольклора. Преемственность современного издания выражается в сохранении публикационной политики и издательской концепции «Живой старины». Известный ученый Неклюдов С.Ю., редактировавший долгое время воссозданный журнал (1996-2010), отмечал: «Мы считаем себя не просто одноименным, но и возобновленным изданием, в известном смысле «тем же самым» — по крайней мере, по целям и задачам. Как и 120 лет назад, журнал по мере сил и возможностей способствует записыванию и изучению «памятников народной словесности, поверий, преданий, примет, народного быта с его обычным правом, домашним обиходом и строем, со внешнею обстановкою, с народным вкусом и чувством к изящному, с народными воззрениями религиозными, нравственными, общественными, государственными и международными» [5, с. 389-392].

В 1937 году при поддержке Министерства культуры РФ начал свою деятельность научно-популярный журнал «Народное творчество: личность, искусство, время», периодичность которого составляла 8 номеров в год, а содержание – 64 страницы уникальных материалов ведущих экспертов и специалистов народного творчества. Прерванный по разным причинам выпуск журнала был

возобновлен в 1992 году. В настоящее время журнал распространяется только по подписке во всех регионах РФ [6].

В советские годы большую работу проводило Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), учрежденное в 1965 году. Согласно Уставу основными целями и задачами организации являлись охрана, восстановление и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России. В 1980 году ВООПИиК учредило иллюстрированный альманах «Памятники Отечества» с периодичностью четыре номера в год, каждый выпуск которого посвящается национальной культуре и истории России.

В дело сохранения устных и письменных памятников, в целом развития культуры не только в нашей стране неоценимый вклад внес выдающийся ученый, гуманист, академик Д.С.Лихачев. Именно по инициативе Дмитрия Сергеевича был создан Советский фонд культуры, которым он руководил немало лет и успел, как неоднократно отмечалось, очень многое сделать для сохранения и обогащения отечественной культурно-исторической памяти. Он, более чем кто-либо, понимал роль печатного слова и в 1988 году по его инициативе начал издаваться историко-культурный журнал «Наше наследие». Авторитетный ученый, радетель народной культуры создал совершенно новое издание, в котором в полной мере отражалось достояние культуры во всем его многообразии – «...литература и философия; мемуары и эпистолярная проза; история и сокровища архивов; древнерусское искусство; живопись, графика, фотография, театр, кино, музыка – словом все, что за века было рождено в России и что должны люди новой эпохи сохранять и изучать», – писал к юбилею журнала его главный редактор В. Енишерлов [7].

С именем ученого связана также многообразная деятельность Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, который организовал выпуск нескольких периодических печатных («Культурное наследие России») и электронных изданий («Журнал Института наследия», «Культурологический журнал»).

Закономерным было, что многие СМИ создавались бюджетными учреждениями Министерства культуры РФ. Так, Центром

русского фольклора Государственного российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова в 2002 году был основан научный альманах «Традиционная культура». Периодическое издание посвящалось «...вопросам комплексного изучения народной культуры во всех ее проявлениях: поэтическому и прозаическому фольклору, музыкальному искусству, художественно-декоративным промыслам, духовным и обрядовым практикам, в том числе в их современных формах, а также социокультурной проблематике жизни народа» [8].

В новейшей истории гигантскими темпами растет влияние Интернета, формируется в этой связи и особая специфика взаимодействия интернет – СМИ и социальных сетей. Так, привлекает внимание одно из первых специализированных интернет-изданий – ежеквартальный журнал «Наследие народов Российской Федерации», созданный в 2002 году Министерством культуры России и призванный освещать вопросы госохраны историко-культурного наследия. Наряду с данным электронным журналом в этом же году была основана популярная иллюстрированная книжная серия «Наследие народов РФ», главной целью которой была определена популяризация историко-культурного наследия и современного состояния культуры отдельных регионов России.

Как уже было выше отмечено, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева с 2010 года издает и электронное периодическое рецензируемое научное издание «Культурологический журнал» бесплатного доступа с периодичностью четыре номера в год на русском и английском языках без печатного аналога. Данная организация в 2015 году учреждает также другое сетевое рецензируемое научное издание бесплатного доступа под названием «Журнал Института наследия/The Heritage Institute Journal», которое также не имеет печатного аналога.

В январе 2014 года Федеральное Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК) начинает выпуск еще одного электронного журнала под названием «Охраняется государством», посвященный главным тенденциям в сфере сохранения и популяризации памятников истории и культуры.

По опыту федеральных и центральных профильных СМИ со временем появляются и региональные издания с аналогичными целями и задачами. Одним из заметных изданий регионального информационно-культурного пространства является электронный научный журнал «Наследие веков – Юг» (с 2015 г.) – рецензируемое, периодическое издание, освещающее вопросы теории и практики культурной политики, актуализации и сохранения культурного наследия, проблемы истории культуры и современного социокультурного развития Юга России.

В числе региональных профильных СМИ также можно назвать и всероссийский познавательный журнал «Традиции», который задуман ООО Издательство «Союз художников» в Санкт-Петербурге. Особенность данного журнала в том, что он с августа 2017 года выходит ежеквартально и распространяется по всей Российской Федерации, а также в ее официальных зарубежных представительствах. Говоря о концепции издания, учредители обращают внимание на его главные цели: «Сохранение базовых традиционных ценностей как основы развития современного общества: национальной идентичности, образования, культуры, семьи, принципов воспитания, обычаев» [9].

В разные годы созданы и издаются также такие региональные журнальные издания, как «Московское наследие», «Историческое наследие Крыма», «Этносфера», «Ориентиры культурной политики», «Традиционная культура», «Мир культуры», «Культура и время», «Дом культуры», «Горизонты культуры», «Культурная жизнь Юга» и др.

В целом, рассмотренные печатные и электронные журналы представляют широкую панораму жизни традиционного и современного самодеятельного искусства России и их вклад в сохранение этнокультурного потенциала народов страны неоценим.

Примечания

1. Проблемы освещения вопросов национальной культуры в региональных средствах массовой информации (на примере Республики Алтай). Барнаул, 2007. 76 с. URL: https://allbest.ru/otherreferats/journalism/00010060_2.html (дата обращения: 12.02.2009.)

2. Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014. С. 315-316.

3. Журнал «Живая старина». URL: <http://www.rgo.ru/ru/proekty/etnografiya/istoriya-etnografii-v-rgo/zhurnal-zhivaya-starina> (дата обращения: 15.03.2018).

4. Живая старина (журнал) // Академик : [сайт]. URL: <https://veter.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/919028> (дата обращения: 05.07.2017).

5. Неклюдов С. Ю., Ахметова М. В. У нас в гостях «Живая старина» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 389-392.

6. Журнал «Народное творчество». URL: <http://narodnoetvorchestvo.ru> (дата обращения: 18.08.2018).

7. Наше наследие. URL: <http://www.nasledie-rus.ru> (дата обращения: 01.06.2018).

8. Журнал «Традиционная культура». URL: <http://www.folkcentr.ru/production/zhurnal-tradicionnaya-kultura> (дата обращения: 20.07.2018).

9. Традиции : всерос. познават. журн. URL: <http://traditionsjournal.ru> (дата обращения: 25.02.2018).

УДК 78:7.048(=512.36)

Эрдэнэбэлэгийн Зулцэцэг, г. Улан-Батор, Монголия

Erdenebelegiy Zultsetseg, Ulaan-Baatar, Mongolia

**ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ МУЗЫКАЛЬНЫМ
МИНИМАЛИЗМОМ И ТРАДИЦИОННЫМИ
МОНГОЛЬСКИМИ УЗОРАМИ И ОРНАМЕНТАМИ**

**THE INTERCONNECTION BETWEEN MUSICAL
MINIMALISM AND TRADITIONAL MONGOLIAN PATTERNS
AND ORNAMENTS**

Под минимализмом подразумевается распространенная музыка, где используется мало звуков, слов и, следовательно, мало музыкальных инструментов. Считается, что часто повторяющиеся

мотив, фраза и мелодия, обволакивая слух зрителей, гипнотизируют их. Повторяемость и частота имеют свое место в искусстве. В монгольском традиционном изобразительном искусстве повторяемость играет роль украшения, и это находит свое отражение и в музыкальном мышлении. По мнению автора статьи, в этом видится определенная взаимосвязь. Следствие любого нелинейного процесса имеет дробный /фрактальный/ характер и примером этого является минимализм. Значение данного исследования заключается в выявлении некоторой взаимосвязи между разными видами искусств.

Minimalism is spread music that contains few sounds produced by few musical instruments, consequently. It is considered that often repeated motive, phrase and melody enveloping the listeners' ear hypnotize them. Repetitiveness and frequency are important in art. In the Mongolian traditional fine arts the repetitiveness plays the role of decoration and is reflected in musical thinking. In the author's opinion, this is seen as some interconnection. The consequence of any non-linear process is of fractional/fractal character and minimalism can be regarded as an example. The significance of the research is in revealing some interconnection between different kinds of arts.

Ключевые слова: узоры, орнаменты, минимализм, взаимосвязь.

Keywords: patterns, ornaments, minimalism, interconnection.

Как основной показатель минимализма повторяемость традиционно находит свое отражение в монгольском музыкальном мышлении в течение долгих лет. Повторы можно обнаружить в штрихах на морин хууре и в традиционном танце монголов «Би биелгее». Данный вопрос был нами ранее изучен на примере музыки балета известного монгольского композитора С. Соронзонболда «Великая легенда» и результаты исследования были озвучены в виде научного доклада на конференции МонГУКИ. Настоящая статья посвящена проблеме взаимосвязи композиции и изображения традиционных узоров и орнаментов как украшения музыкальной композиции минимализма.

Рассматриваемый термин впервые был предложен американским композитором Майклом Найманом в 1968 году и

распространился по Западной Европе. В том же году, изучив книгу Корнелиуса Гардю «Великое пищеварение», Найман отметил, что данная книга написана методом минимализма. Впоследствии минимализм стал широко использоваться в музыкальных произведениях. В 1974 году данный термин был использован и в произведениях Джона Кейджа. В произведениях композиторов такие явления, как однообразные или переменчиво повторяемые ритмы, мотивы, импровизации, глиссандо и продолжительные композиционные методы, в частности в произведениях Харольда Бадды «Gaze» [1], можно отнести к жанру минимализма. К нему можно отнести и произведения Ниблока, Филипа Гласса, Ла Монте [2, с. 11]. Европейский минимализм, который отличался гипнотизированием, так называемая американская школа музыки, был более понятен и приятен для слуха. Композитор Стивен Райх систематически выделил 11 видов музыкальной композиции минимализма. Считая минимализм опытом исследования, с этого времени он начал применять его в композиции. Но, на наш взгляд, данный метод еще ранее существовал в композиции монгольских узоров и орнаментов.

В настоящее время стало распространенным изучение возникновения любого искусства на стыке с другими видами искусств. Величайшие произведения изобразительного искусства Запада и Востока многих поколений становились образцами разных видов искусств. Во времена барокко в архитектуре, классицизм и романтизм в других видах творчества определяли разные направления своего периода развития. И музыкальное искусство основывалось на изобразительном искусстве. И идентично тому музыкальный минимализм относим к композиции монгольских орнаментов и узоров. Во многих исследовательских трудах изучены традиционные композиции монгольских рисунков. В работах монгольских художников и специалистов по художественной резьбе можно увидеть особенности композиции изображения узоров и орнаментов. Основой работы монгольских художников являются узоры и орнаменты. В трудах монгольских художников и резчиков образы людей, животных по размеру почти одинаковы. Их нельзя определять как главные или второстепенные. В монгольских рисунках изображения облаков, гор, воды, огня и

дыма прекрасно выражают особенности традиционных узоров. В 1995 году исследователь Ц. Ядамжав классифицировал монгольские орнаменты и узоры следующим образом:

1. Геометрические: /алхан хээ, өлзий, хаан бугуйвч, хатан сүйх, түмэн насан хээ, хорол, хөө хуяг/ дословные варианты перевода: / орнамент в виде молотка, плетенка, царский браслет, орнамент «дамские серьги», орнамент долголетия, фигура круга с радиальными спицами, доспехи воина /

2. Животные: /эвэр угалз, хамар угалз, эрвээхэй хээ, арслан, луу, загас, шувуу /орнамент в виде рога, орнамент в виде носа, орнамент в виде бабочек, льва, рыб, птиц /

3. Растение: /цветки, ягоды, плоды, лотос, листья, трава /

4. Природные явления, космическое пространство / горы, облака, морские волны, огни, искры огней, солнце, луна, звезды /

5. Предметы и их символы /соёмбо/ эмблема независимости Монголии, панз, пүүз /торговля, зэндмэн /драгоценный камень, очир /символ могущества, стрельба из лука, бумба /сосуд, хадаг /сложенная узкая шелковая ткань, которую преподносят в знак приветствия, поздравления, уважения и т.д/, шүхэр /балдахин/ [3, с. 12].

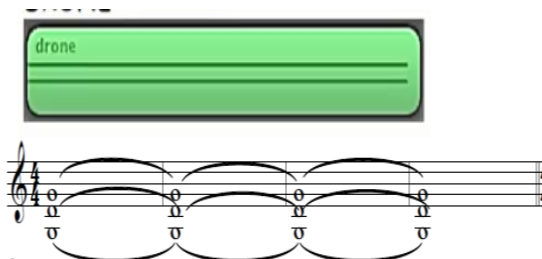
Если сравнить композиции данных изображений с композицией музыкального минимализма, можно обнаружить их схожесть.

1. Drone – повторы звуков, т. е. продолжительность звучания на определенное время. В музыке это выражается тем, что нота задерживается на определенное время или одиноковая нота или аккордовые ноты повторяются время от времени. Сравним drone с монгольским орнаментом «Алхан хээ». Характер «алхан хээ» в музыке идентичен повторениям звуков. Метод рисования «алхан хээ» [3, рис. 26], на наш взгляд, идентичен по следующим трем признакам:

Первый вариант. Беспрерывная продолжительность орнамента «алхан хээ» идентична продолжительности звуков.

Рис. 1

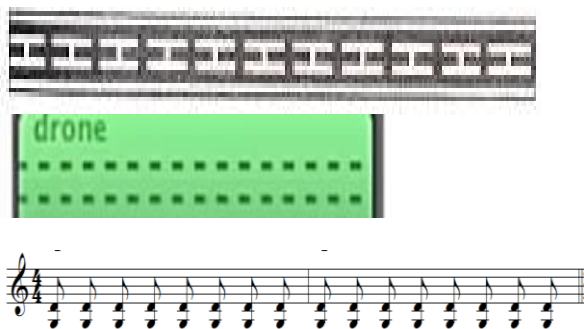

Бесперывное дугообразное изображение продолжительности орнамента «алхан хээ» /g d¹ g¹ / схоже с аккордовыми тонами по композиции.

Второй вариант. «Алхан хээ» с пунктирами в два ряда. Их можно сравнить с интервалами октавной системы. Повторение двойного изображения «алхан хээ» выглядит следующим образом:

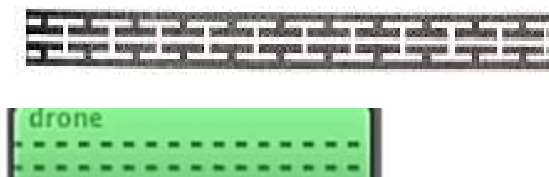
Рис. 2

Боковые и вертикальные линии с перерывами, изображения «алхан хээ» напоминают восьмую ноту g, d¹.

Третий вариант. Изображение «алхан хээ» в три ряда с перерывами. Соединенные в середине прямой линией, разделенные вертикальными линиями орнамент «алхан хээ» можно отождествлять аккордовым тонам с повторениями.

Рис. 3

Метод изображения через «алхан хээ» можно считать идентичным с музыкальной композицией с повторениями звуков.

Такого вида изображения одни используют в рисовании, в чеканке, а другие – в музыке.

2. Ostinato – Повторы звуков. Частые повторения коротких мотивов /cell /.

Здесь мы попытаемся сравнить один вид «алхан хээ» с повторами мотивов.

Частоту повторения одинаковых наклонных, прямых и треугольных линий орнаментов сравним с ритмом набора звуков шестнадцатой ноты /d¹ - fis¹- g¹- h¹-d² -h¹-g¹-h¹/. Здесь ясно видим схожесть композиций обоих видов искусства.

Рис. 4

3. Layering – Волнообразные повторы

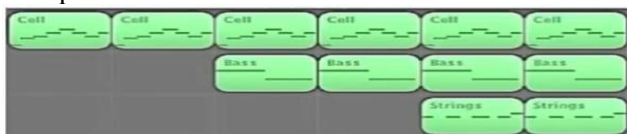
К коротким аккордовым тонам добавляется другой мотив. Он сравним с монгольскими орнаментами, изображающими природные явления, небесные пространства или природу. Из них выбираем волны. Монгольские художники изображали волны

спокойными, сверкающими или сильными, пенистыми с переборами [3, с. 28].

Рис. 5

По сравнению с Drone.

Орнамент с изображением волн в три ряда. Layering, т.е. повторение трех разных мотивов.

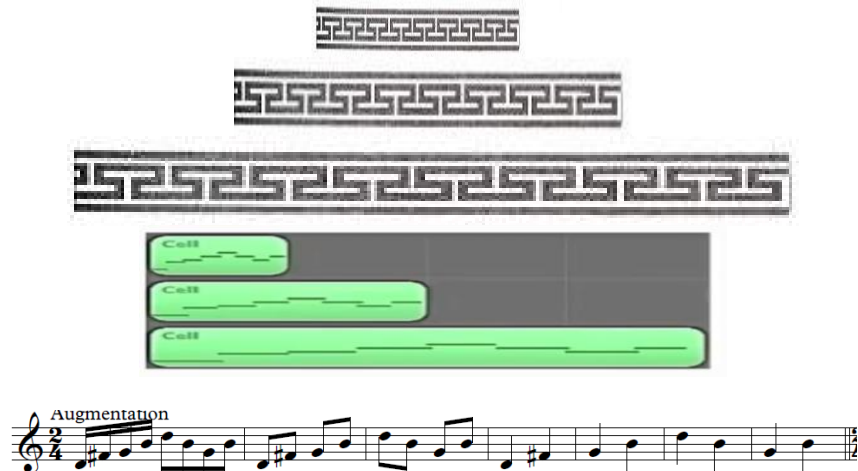
Начало сравнительно спокойной волны в музыке выражается четвертным ритмом большой октавы мотивом /G - D/, средние ровные волны – мотивом малой октавы шестнадцатого ритма /d-d-d-d-e/, а верхние пенистые бурлящие волны выражаются шестнадцатым ритмом первой октавы / d¹ - fis¹ - g¹ - h¹ - d² - h¹ g¹ - h¹.

4. Augmentation – Замедленные повторы. Сравним с постепенно замедляющимся методом по скорости. Это значит – замедлять мотив в один, в два раза. При создании орнамента используют способ с короткого к более длинному. Размер и форму орнамента выбирают в зависимости от изображения. «...Создание монгольского орнамента и узоров, особенно на войлоках и на

стеганных подстилках более свободно, поэтому эти изображения можно расширять или уплотнять» [4, с. 216]. Мы полностью согласны с этим заключением доктора Л. Батчулууна.

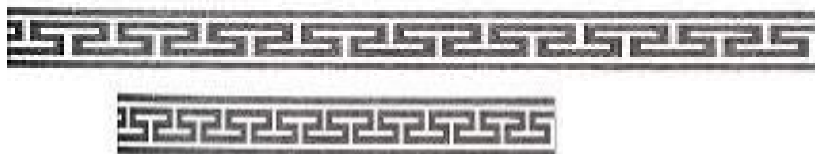
Рис. 6

«Алхан хээ», начиная с плотного изображения к более просторному, – augmentation, т.е. одинаковый мотив замедляется. Плотное, маленькое изображение выражается с помощью скорости музыки, а расширенные и объемные исполняются замедленным темпом музыки. В частности /d¹- fis¹ – g¹- h¹- d² – h¹- g¹- h¹ /шестнадцатую ноту исполняют октавой или четвертной, как мы и пытаемся сравнить с вышеназванными изображениями.

5. Diminution – Скоростные повторы. По темпу можно сравнить со скоростным методом. Противоположен методу замедленного повтора, и, значит, создает изображения орнамента и узоров путем перехода от длинной линии к более короткому.

Рис. 7

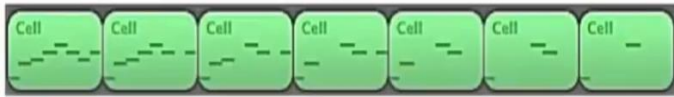
Изображенный от пространного к более плотному орнамент «алхан хээ» – diminution, т.е. повторение мотива со скоростью.

Изображение отличается длиной, и это следует сравнивать с длинами других видов изображений. При этом считаются идентичными объемность изображения медленным темпом с маленькими со скоростным темпом. /d¹-fis¹-g¹ – h¹ – d²- h¹- g¹- h¹/ Четвертной нотой звукоряда вводим в восьмую и шестнадцатую ноту, так мы сравнивали расширение объема орнамента «алхан хээ».

6. Note subtraction – Повторы путем убавления ноты. Это означает, что при процессе повторения убавляется нота по одной. Такой метод используется в одиночном и двойном виде изображения монгольского орнамента «алхан хээ».

Рис. 8

Довольно часто встречается, что у двойного орнамента убиралась прямые линии. А при музыкальной композиции /d¹ – fis¹-g¹- h¹-d²-h¹- g¹-h¹/, начиная с ритма шестнадцатой ноты до /g¹/, затем си /h²/, и так последовательно убавляются ноты.

7. Note addition – Повторы путем прибавления нот. Это противоположный вышеназванному методу, т.е. добавляется по одной ноте. Это можно увидеть в данных ниже примерах.

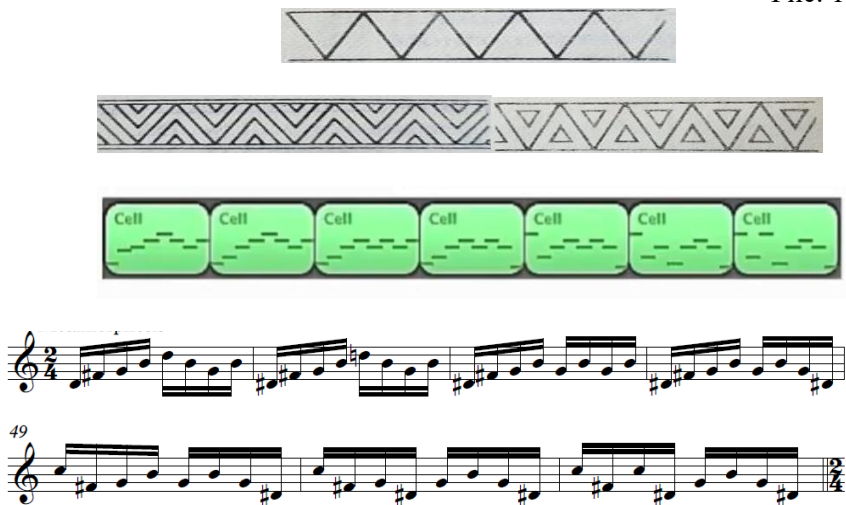
Рис. 9

Это обозначает повторение поворота, другими словами, прибавление нот. На рисунках наглядно показано, как, начиная от одиночных линий, добавив вторичные, изображаются двойные орнаменты, тогда как в музыкальных вариациях, начиная от состоящих из звуков /d¹ - d²/ ритма шестнадцатой ноты мотива через си /h¹/ до фа диез /fis¹/ добавляются ноты. При музыкальной композиции можно начать с любой ноты.

8. Metamorphosis – Повторы нот с агогикой. Это значит, что при каждом повторении изменяется какая-либо нота. Мы постарались показать это на примере, изменив некоторые основные части орнаментов, узоров. И так сравнить с узорными плетёными тесьмами, которые являются историческими вещественными символами.

Рис. 10

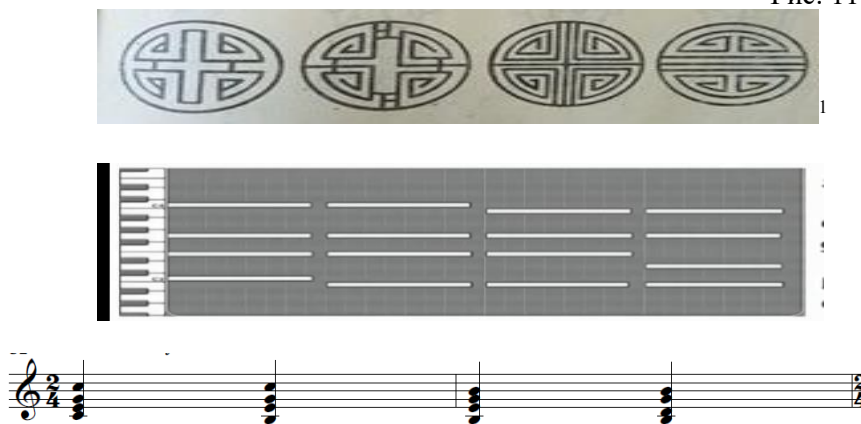

С незначительными композиционными изменениями узорные тесьмы и metamorphosis, т.е. повторение мотива с агогикой. Для сравнения мы снова выбрали предыдущий мотив, состоящий из /d¹-fis¹-g¹-h¹-d²-h-g-h¹/ звуков ритма шестнадцатой ноты, и чтобы повторить ре /d¹/ре –г /dis¹/, следующим повторением ре /d²/соль /g¹/ изменили композицию. Согласно вышесказанному, для агогики можно выбрать любой мотив, но это зависит от особенностей произведения. Ритм должен быть идентичным. При

создании узоров или орнаментов основная продолжительная линия сохраняется. И они похожи тем, что к ним можно добавить некоторые украшения.

9. Static harmony – Устойчивые повторы. Устойчивая гармония. Путем изменения и повторения одной ноты аккорда можно изменить тональность. Орнаменты круглой геометрической фигуры распространены в Монголии как украшения для наволочек, сундуков, головных уборов.

Рис. 11

При создании кругообразных фигур внутри сделаны незначительные изменения, и они соответствуют изменениям ноты при игре.

В этом случае выбраны непрерывные, как бы отдельные «зоосон хээ» /орнамент в виде монетки/. Этому соответствуют не звукоряд, а аккордовые тона. При повторении аккорда делаются изменения, и это прекрасно сочетается с «зоосон хээ» такого характера.

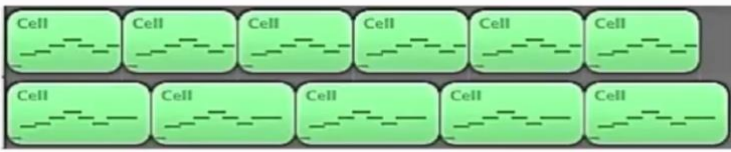
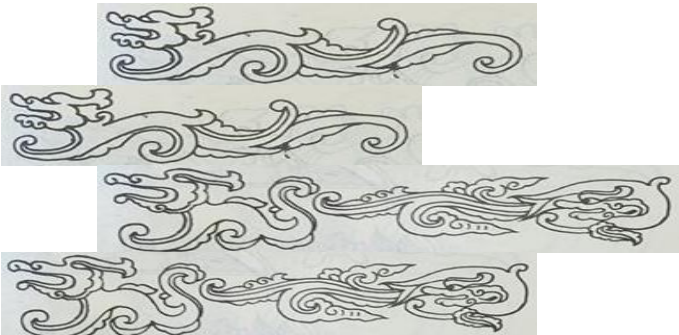
10. Phasing – Тон. Противоположные повторы. Одновременные и параллельные мотивы: при игре придерживают одну ноту подольше, чтобы создать гармонию.

Орнамент с изображением дракона относится к типу изображения животных. Символизирует гром, молнии, яростного

небесного покровителя, украшают их путем рисования, рельефа, резьбы на зданиях, а также на религиозных инвентарях, выполненных из дерева и металла [3, с. 25].

Образ дракона бывает разный: иногда с очень длинным хвостом, иногда сказочных размеров, и особые орнаментные украшения на хвосте. Можно сравнить эти образы с музыкальным противоположным повторением минимализма.

Рис. 12

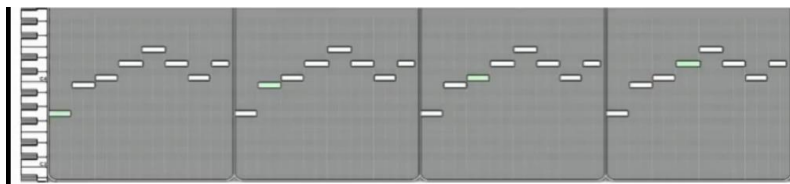
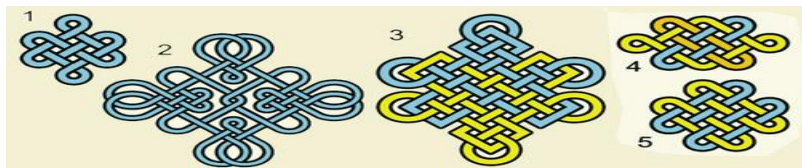

Сопоставительные образы рисунков и нот.

Для примера были взяты те же мотивы. При повторении /d¹- fis¹ – h¹- d²- h¹ –g¹-h¹/ состоящие из этих звуков ритмы шестнадцатой ноты сначала основным порядком, h¹ – второй конечный звук удлинняется в три раза и шестнадцатую ноту к трем секстам.

11. Rhythmic displacement – Переменные повторы. При каждом повторе мотива движется звуковой ряд от слабой к более сильной доле. Мы сравниваем это с монгольским орнаментом *Өлзий хээ* /символ благополучия/. Этот орнамент – один из очень распространенных типов геометрических орнаментов, и он занимает особое место в изобразительном искусстве в Монголии. Данный орнамент имеет много разновидностей. Из них самый распространенный вид – десятиклеточный цельный орнамент «арван нүдэт өлзий хээ».

Рис. 13

Разновидности орнаментов, у которых свои особенности изображения – rhythmic displacement⁴⁶, т.е. повторение каждого звука поочередно, как сильная доля.

У каждого орнамента «өлзий» имеется особый узор. Попробуем выразить их музыкой. /g¹- h¹- c² – d²-e²- d²- c²- d²/, включающий данный звукоряд мотив, первый соль /g/ звучит

сильно, затем при повторении второй звук си /h¹/ переходит в сильную долю, и так далее повторяются особенно.

Из всего этого видно, что орнаменты и узоры, которые являются основой изобразительного искусства Монголии, во многом похожи с музыкальной композицией минимализма. Эти 11 способов, которые считаются новым направлением в западном музыкальном мире, имели свое отражение в нашем древнем изобразительном искусстве. Предполагаем, таким образом у нас есть возможность теоретически последовательно изучать и развивать это направление.

Выводы

Минимализм есть повторяемость очень простых жизненных явлений, имеет определенное место во времени, в пространстве и в быту. Впервые минимализм возник в изобразительном искусстве и нашел дальнейшее развитие в музыке как один из способов ее композиции. Музыкальный минимализм выражается как многократное повторение и как одно единое целое, и тому подтверждение – объединение противоположностей. Данные одиннадцать методов музыкальной композиции были основаны американским композитором Стивеном Райхом в его произведениях, и в дальнейшем она развивалась как миди обработка в музыке.

Повторы в музыкальных произведениях проявляются многократными повторениями 11 разных небольших мотивов. Для объяснения этих понятий мы предлагаем следующие варианты: повторы звука, повторы звуков, повторы лада, замедленные повторы, скоростные повторы, повторы путем убавления нот, повторы путем добавления нот, повторы агогики нот, повторы устойчивых нот, противоположные повторы и переменные повторы.

В изображении монгольских орнаментов и узоров имеется этот же продолжительный, повторяющийся характер. По мнению ведущих исследователей, существуют 5 разновидностей орнаментов и узоров. Из них геометрические занимают 65%, символизирующие предметы – 18%, природные явления и

связанные с небесным пространством – 9% и связанные с животным миром – 9%.

Изучив отдельные части монгольских национальных орнаментов и узоров, сопоставив их с методами музыкальной композиции, мы приходим к выводу, что 11 способов сочинения музыки в какой-то степени связаны между собой. Эти методы были развиты в монгольском изобразительном искусстве еще с древних времен.

В дальнейшем, на наш взгляд, перед нами предстоит большая исследовательская работа по изучению метода минимализма, в частности, в народном фольклоре, в эпосах, где многократно повторяются штрихи на морин хууре (народный музыкальный инструмент), повторы бубнов в шаманских призываниях, в уговариваниях домашних животных, в том числе овец и верблюдиц, принять приплод, и в молитвах лам и т.д.

Примечания

1. Robin Guthrie & Harold Budd – Gaze // YouTube.ru. URL: <https://www.Youtube.com/watch?v=rOCuHgojWnc> Gaze (дата обращения: 16.02.2021).
2. Хөгжим хүүхдийн ном. УБ., 2011. Х.126.
3. Ядамжав Ц. Хээ угалз (Орнаменты и узоры). УБ., 1995. 16-р зураг.
4. Батчулуун Л. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг. УБ., 1999. Х. 216.

Матвеева Е. В., г. Улан-Удэ, Россия

Matveeva Ye. V., Ulan-Ude, Russia

**ОБ ЭКОЛОГИИ ИНФОРМАТИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ДИСТАНЦИОННОЕ
ОБУЧЕНИЕ**

**ABOUT THE ECOLOGY OF INFORMATIZATION
CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO
DISTANCE LEARNING**

В данной статье осмысливаются проблемы изменения условий организации образовательного процесса. В качестве объекта для исследования была выдвинута проблема защиты информатизационного сознания участников процесса обучения. Особый акцент автором сделан на проблеме защиты сознания учащихся от негативных тенденций протекания процессов сомато-, психо- и социогенеза в условиях оф- и он-лайн обучения.

The article reflects the problems of changing the conditions of the educational process organization. The problem of protecting the informatization consciousness of the participants in the learning process was put forward as the object of research. Special emphasis is placed on the problem of protecting students' consciousness from negative trends in the processes of somato-, psycho-and sociogenesis in the conditions of off- and online learning.

Ключевые слова: информатизационное сознание, ментальная экология, синергетика, дистанционное обучение, цифровая зрелость.

Keywords: informatization consciousness, mental ecology, synergetics, distance learning, digital maturity.

Одним из кризисов, перевернувшим привычный ритм жизни планеты, стала угроза новой вирусной инфекции, повлекшей за собой разрушение привычных норм общественного устройства во

всех без исключения отраслях производства, во всех социальных институтах.

Одним из первых социальных институтов, который был вынужден приспособиться к новым условиям жизнедеятельности, стало образование. На смену привычным и, судя по всему, безвозвратно утраченным, контактными аудиторными занятиям, пришел дистанционный способ получения знаний, что повлекло за собой подключение к новым технологиям все большего числа участников процесса обучения.

Когнитивной особенностью человека является способность к саморазвитию и поэтому постепенное включение учащегося в контекст глобальной сети с целью усвоения новой информации, в конечном итоге привело бы к освоению новых возможностей и безболезненной адаптации к новым вызовам. Но пандемия эти процессы многократно ускорила, и насильно включила человека с его неподготовленными возможностями в масштабный информационный поток. В этой связи актуальным становится проблема защиты сознания учащихся от новой угрозы усталости от цифровых устройств при необходимости ежедневного оф- и он-лайн присутствия в глобальной сети, чтобы воспринимать, обрабатывать и осмысливать невероятные масштабы информации, к которым человеческое сознание еще не адаптировано.

О проблеме ментальной экологии в социальных и гуманитарных науках текущего столетия были высказаны идеи, содержанием которых стало обращение к синергетике, как междисциплинарному направлению научных исследований, предметом изучения которых становятся «общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных системах (физических, химических, биологических, экологических, социальных и других) на основе присущих им принципов самоорганизации» [1].

Как отмечается в специализированной медицинской литературе: «Синергетический подход можно представить тремя основными плоскостями (векторами) биопсихосоциальной модели: сомато-, психо- и социогенеза. Соматогенез предполагает развитие систем и функций организма; психогенез – развитие психических функций; социогенез – развитие социальных ролей и отношений» [2].

Наиболее близко к понятию «экология информатизационного сознания» стоит понятие «ментальная экология». Ментальная экология включает изучение факторов, оказывающих свое прямое влияние на психическое состояние личности. Речь поэтому идет о том, как внешние вызовы и условия реализации индивидуальных и социальных потребностей воздействуют на сознание и поведение людей.

Актуальность исследований ментальной экологии личности обусловлена ростом заболеваемости психической патологией, как нам думается не только людей трудоспособного возраста, о чем заявляют исследователи, но и детей и молодежи, что может быть обусловлено их включением, вопреки их физиологической и психической несоразмерности, в глобальный информационный поток. Такой мультидисциплинарный подход к исследованию нарушений психического здоровья позволяет широко и, одновременно, детально, подойти к проблеме экологии сознания учащихся в условиях перехода на дистанционное обучение.

Феноменом самоорганизующейся системы можно объяснить способность человеческого мышления воспринимать все новые потоки информации и использовать ее для своих нужд. Вместе с тем в медицине и психологии пониженный уровень стрессоустойчивости современного поколения объясняется исчерпаемостью ресурсов сознания, приводящей к дисфункциональным способам самовыражения, разгармонизации с окружающим и уходу в виртуальный мир, где формируются абсолютно отличные от реальности способы рефлексии.

Среди факторов риска не только неокрепшее сознание основных пользователей глобальных информационных потоков - детей и молодежи, но и проблемы физиологического свойства. Человек, проводящий за компьютером ежедневно по много часов, подвергается рискам, связанным с сидячим образом жизни. Это могут быть последствия длительной гиподинамии, сказывающейся на функционировании сердечно-сосудистой системы и опорно-двигательного аппарата. Свое негативное влияние оказывает и нахождение в непроветриваемых помещениях с высоким уровнем излучения от рабочего устройства. Последствиями такого образа жизни становятся заболевания позвоночного столба, болевые ощущения от минирастяжений сухожилий кисти и локтевого сгиба,

застой крови в шейной области, ухудшение зрения. В результате повышения утомляемости человек приобретает устойчивый соматический синдром пониженного настроения, ухудшается уровень его производительности. Есть еще один важный элемент, часто проявляющийся у молодых пользователей ИКТ – избегание социума (аутизм).

Развитое информатизационное сознание – это способность личности к восприятию информации, накоплению, хранению и ее воспроизводству и использованию. Новейшие технологии, позволяющие с большим эффектом использовать накопленную человечеством информацию, оказывают на сознание человека свое непосредственное влияние – положительное и негативное. Проблемы, вызванные повсеместным проникновением ИКТ в повседневную жизнь, напрямую указывающие на болезненность последствий переживаемой техногенной цифровой революции, вызывают к появлению нового направления исследований в социальных науках – экологии сознания. Предметом нового направления исследований становится человек, чье сознание опосредовано влиянием ИКТ и цифровизации, позволяющих ему погружаться в глобальное информационное пространство и использующего эти технологии для развития, для развлечения, для общения и др. целей.

Противоречия современного периода исследования информационного сознания связаны с проблемой внеплановой цифровизации населения Российской Федерации, как впрочем, и всего населения планеты в связи с массовым уходом на дистанционные способы обучения.

В актуальном исследовании ученых одного из вузов РФ приводятся данные социологического исследования, которые характеризуют процесс перехода на дистанционное обучение со стороны профессорско-преподавательского состава. В частности, в статье перечислены тенденции, которые присущи процессу образования в условиях пандемии и они следующие.

– Увеличилась общая учебная нагрузка на преподавателей, которые в спешном порядке вынуждены загружать на образовательные платформы свои дисциплины или значительно реконструировать их; кроме всего значительные затраты времени уходят на проверку выполненных заданий.

– Молодые педагоги, как и предполагалось, оказались более подготовленными к переходу на дистанционный режим преподавания.

– В качестве образовательных ресурсов педагоги используют электронные почтовые сервисы (80%), социальную сеть ВКонтакте (60%), мессенджеры (40%), Moodle (44%), он-лайн сервисы (33%).

– Выявились проблемы несовершенства программного обеспечения и оборудования, используемого для образовательного процесса.

– Повысилась оплата интернет-трафика, используемого для подключения к интернет-ресурсам для разработки учебных курсов и обучения.

– Значительная часть опрошенных преподавателей (35%) не удовлетворена условиями компенсации своих физических и моральных затрат в условиях перехода на дистанционное обучение; четверть опрошенных затруднилась в оценке результатов своей работы [3].

В исследованиях других ученых, занимающихся вопросами внедрения ИКТ в обучение, бизнес и досуг, указывается, в частности, на факторы напряжения, испытываемые время от времени всеми без исключения пользователями сети. Речь идет о т.н. «синдроме мышинной ярости» – состоянию неудовлетворения от нелогичной навигации сайтов, низкой скорости загрузки нужных документов, необходимостью ожидания конца рекламы, предваряющей многие информационные ресурсы и пр. Все эти раздражители приводят в итоге к высоким нервноэмоциональным перегрузкам, выражающимся, в частности, в повышении кровяного давления, ухудшению настроения, стрессу и, как указывают исследователи, к резкому росту агрессии по отношению к техническим средствам и другим, находящимся «под рукой», устройствам. Такие поведенческие сбои являются показателем ментальной усталости от постоянной зависимости от гаджетов [4].

21 июля 2020 года вышел Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» в котором были определены следующие, актуальные для государственного развития, тенденции:

– достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования, здравоохранения и госуправления;

– увеличение доли массовых социально значимых услуг для населения до 95%;

– рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-коммуникационной сети Интернет до 97% и др. [5].

В этом контексте понятие «цифровая зрелость» должно быть осмыслено не только как результат развития технологий и инфраструктуры, но и как проблема экологии информатизационного сознания участников «цифрового контента» – учащихся и педагогов, на которых давление массивированного информационного потока все увеличивается, а методики ментальной «разгрузки» еще не созданы.

Примечания

1. Иванов Д. А. Понятие «синергия» и «синергический эффект»: семантический и эволюционный аспекты // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 20. С. 2583–2594. doi: 10.18334/rp.17.20.36917.

2. Сидоров П. И., Новикова И. А. Синергетическая концепция формирования психосоматических заболеваний // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskaya-kontseptsiya-formirovaniya-psihosomaticheskikh-zabolevaniy> (дата обращения: 24.10.2020).

3. Переход на дистанционное обучение в условиях COVID – 19 в оценках профессорско-преподавательского состава / Неборский Е. В. [и др.] // Перспективы науки и образования. 2020. № 4. (46). С. 99-110.

4. Жилкин В. В. Проблема экологии информатизационного сознания // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekologii-informatizatsionnogo-soznaniya> (дата обращения: 25.10.2020).

5. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 26.10.2020).

СЕКЦИЯ I. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 332.146+008

Перова Е. Ю., г. Улан-Удэ, Россия

Perova Ye.Yu., Ulan-Ude, Russia

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

THE ROLE OF ETHNOCULTURAL TRADITIONS IN THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS IN THE CONDITIONS OF MODERN CHALLENGES

В статье рассмотрены основные вызовы современного этапа, заключающиеся в необходимости формирования новой идеологии межгосударственных отношений, новой модели экономики, роста значимости экологических факторов, развития, формирования общества знаний и искусственного интеллекта, ускорения роста волн кризисов различной природы. Показана роль этнокультурных традиций в локализации негативных последствий инновационных изменений.

The article considers the main challenges of the modern stage connected with the necessity to form new ideology of interstate relations, new model of economy, increase the importance of environmental factors, development, formation of the society of knowledge and artificial intelligence, growth of waves of crises of different nature. The role of ethnocultural traditions in localizing negative consequences of innovative changes is shown.

Ключевые слова: модель экономики, кризисы, экология, искусственный интеллект, пандемия, социально-экономическое развитие, регион, этнокультурные традиции.

Keywords: model of economy, crises, ecology, artificial intelligence, pandemic, socio-economic development, region, ethnocultural traditions.

В современной научной литературе, выступлениях политиков и экономистов, средствах массовой информации активно обсуждается вопрос о необходимости изменения идеологии развития общества. Так, известный российский экономист Андрей Белоусов, один из идеологов сегодняшнего этапа развития экономики России, считает, что мейнстримом начала этого века является восстановление многополярного мира, возрождение протекционизма, адаптация экономики к новому технологическому укладу, экология и климат, доверие к власти [1].

Автор также считает, что основными факторами, определяющими социально-экономическое развитие регионов, являются:

- необходимость формирования новой модели экономического роста, гарантирующей устойчивое и конкурентоспособное развитие;

- придание экологическому фактору конструктивной роли;

- формирование системы обеспечения экономической и социальной безопасности в эпоху нарастания волны экономических и климатических кризисов, возврата кризисов пандемий;

- формирование в регионе основ инновационной экономики на основе развития культуры в обществе знаний.

Культурные особенности влияют на поведение людей, включая и экономическое поведение, следовательно, есть необходимость обратить внимание на те ценности, модели поведения или элементы культуры, которые позволят адаптироваться к вызовам времени и содействовать ускорению экономического развития.

Автор считает, что одним из основных механизмов адаптации регионов к данным вызовам является поддержание и развитие этнокультурных традиций, сформировавшихся в регионах России.

Традиционно этнокультурные традиции в научной литературе рассматриваются в разрезе воспитания и образования индивидуумов и групп населения в целях обеспечения духовной безопасности общества. Действительно, эти традиции способствуют развитию системы ценностей, этнического (национального) самосознания, сохранения и развития интереса к национальной культуре.

Формируя этническую идентичность, эти традиции способствуют проявлению интереса к малой родине и, пусть косвенно, но влияют на закрепление населения на территории, тем самым решая

и важную экономическую проблему обеспечения экономики кадровыми ресурсами.

Однако, при всей важности мировоззренческой и морально-этической функции этнокультурных традиций, они имеют еще и прикладной экономический характер, позволяющий в какой-то мере способствовать решению рассмотренных выше проблем социально-экономического развития региона.

С позиции экономического развития этнокультурные традиции вносят как ограничения на развитие, так и создают определенные преференции.

Ограничения, в первую очередь, отражают интересы местного сообщества в развитии бизнеса на территориях. Широко известна проблема конфликтов населения с горнодобывающими компаниями на религиозной и экологической почве, приводящая к ограничениям или не реализуемости многих инвестиционных проектов. Думается, что это является положительным вкладом этнокультурного самосознания населения в сохранение природного и духовного наследия для будущих поколений.

Этнокультурные традиции при этом оказывают и положительное влияние на социально-экономическое развитие.

Во-первых, в регионах с сформировавшимися этносами, а таких в России подавляющее большинство, высок потенциал этнической экономики, куда входит этнокультура. Это и национальные учреждения культуры (музеи, театры, ансамбли и т.д.), производство этнической продукции, в том числе продуктов питания, другие виды этно-ориентированной деятельности, создающие конкурентные преимущества для регионов, и обеспечивающие ощутимый вклад в валовой региональный продукт.

Во-вторых, этнокультурные традиции способствуют формированию позитивного менталитета у населения, ориентированного на специфические национальные традиции и способствующие приданию положительных характеристик предпринимателям и работникам. Этика бизнеса, трудовая дисциплина, экономическая и социальная ответственность во многом формируются этнокультурными традициями.

С позиции экологического развития этнокультурные традиции способствуют формированию экологического мышления у

населения и предпринимателей, направленного на достижения симбиоза с природной средой в хозяйственной деятельности. Этносам изначально присуще чувство необходимости обеспечения сохранности территории проживания и рациональности использования природных ресурсов.

С позиции обеспечения социальной и экономической безопасности в эпоху кризисов, особенно последнего, связанного с пандемией и социальной изоляцией населения, этнокультурные традиции способствуют поддержанию духовного равновесия населения, локализуют негативные психологические факторы, делают возможным разнообразить жизнь в уединении от общества.

И, наконец, с позиции формирования инновационной экономики и повсеместного внедрения искусственного интеллекта, этнокультурные традиции могут способствовать имплантации регионов в мировые тренды развития через использование особенностей этносов в развитии новых моделей, технологий, систем.

Мегакогнитивные технологии и искусственный интеллект являются основой зарождающегося нового технологического уклада. По оптимистическим прогнозам, искусственный интеллект и автоматизация к середине этого века охватят большую часть экономической деятельности и жизненного пространства. По мнению В.В. Путина, тот, кто станет лидером в области искусственного интеллекта, тот станет «властелином мира» [4].

Главное отличие человеческого мышления от «холодного» рационализма искусственного интеллекта – это эмоции» [2]. «У искусственного интеллекта нет сердца, души, нет чувства сострадания и совести» [3].

«Основой модели социально-этичного научно-технического прогресса станет принцип главенства человеческих ценностей при максимальном использовании инструментальных средств поддержки труда» [2].

По мнению автора, именно использование этнокультурных традиций при разработке систем искусственного интеллекта способствует приданию им креативного характера, в какой-то мере «одушевляя» их и локализуя негативные последствия инновационных изменений, а также возможность задать процессу направле-

ние и последовательно следовать ценностным ориентирам в вопросах развития искусственного интеллекта.

Примечания

1. Андрей Белоусов: это десятилетие заставит Россию и мир в корне изменить модель развития // ТАСС : инфор. агентство. URL: <https://tass.ru/interviews/9951349> (дата обращения: 09.12.2020).

2. Беломестнов В. Г. Цифровая экономика и искусственный интеллект - мейнстрим идеологии экономического развития // Вестн. Забайк. гос. ун-та. 2019. Т. 25, №10. С. 120-129.

3. Конференция по искусственному интеллекту // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 09.12.2020).

4. Путин: лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20170901/1501566046.html> (дата обращения: 09.12.2020).

УДК 1(510)

Чебунин А. В., г. Улан-Удэ, Россия

Chebunin A. V., Ulan-Ude, Russia

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ДУХОВНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

CHINESE PHILOSOPHY ABOUT THE SPIRITUAL ESSENCE OF A MAN

Истинное осмысление сущности человека в качестве ведущего элемента мировоззрения позволяет выстраивать адекватные отношения с миром и добиваться социально-политической устойчивости. В китайской духовной традиции синкретизм конфуцианства, даосизма и буддизма, где основополагающим было положение о духовной сущности человека, позволил сформировать прочные механизмы воспроизводства традиционной личности Благородного мужа, совершенномудрого и бодхисаттвы. Это заложило духовный

фундамент общей социально-политической и культурной устойчивости Китая и обусловило потенциал его современного развития.

True understanding of a man's essence as a leading element of the worldview allows to build adequate relations with the world and achieve social and political stability. In the Chinese spiritual tradition, the syncretism of Confucianism, Taoism and Buddhism, where the fundamental guideline was about the spiritual essence of a man, made it possible to form strong mechanisms for the reproduction of the traditional personality of a Noble husband, sage and bodhisattva. This laid the spiritual foundation for the overall socio-political and cultural sustainability of China and determined the potential for its modern development.

Ключевые слова: Китай, философия, сущность и природа человека, духовная сущность человека, духовные ценности, традиция, социальное развитие, социальная устойчивость, личность.

Keywords: China, philosophy, essence and nature of a man, spiritual essence of a man, spiritual values, tradition, social development, social stability, personality.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие философской мысли Китая в контексте его современной политической стратегии (конфуцианство, даосизм, буддизм, марксизм)», № 19-011-00455.

Проблема сущности и природы человека представляет собой основополагающий вопрос любого мировоззрения, от решения которого напрямую зависит содержание и форма отношений человека с миром. Иначе говоря, от того, как понимается сущность и природа человека, определяется его место в этом мире и обуславливается выбор механизмов взаимодействия человека и мира, т.е. его практическая деятельность. Однако диалектика практической деятельности и сознания подразумевает не только порождение определенной практики от сознания, но и обратное влияние практики на сознание. Можно сказать, что сознание порождает практическую деятельность, а практическая деятельность изменяет, определяет сознание. В результате разнообразие отношений человека к миру представлено в разнообразии концептуального осмысления сущности и природы человека, что, в свою очередь, проявилось в

различных философских учениях и направлениях. Подобное разнообразие подходов к осмыслению человека определятся разнообразием типов личности, выстраивающих различные отношения с окружающим миром, включающим как природную, так и социальную среды.

В результате концептуальное мировоззренческое осмысление сущности и природы человека напрямую отражает глобальную проблему социального воспроизводства личности. Те образы и идеи, которые закладываются в голову человека и определяют его отношения с миром в конечном итоге и формируют соответствующий тип личности. Общество, воспроизводя определенный тип личности, обеспечивает свое преемственное развитие и устойчивость социально-политической структуры. Нарушение преемственности социального воспроизводства нарушает не только культурные традиции, но и социальную стабильность в целом.

В процессе исторического развития различные культуры и цивилизации выработали свои механизмы своего воспроизводства, где основополагающее значение приобрела духовная традиция. Ориентация на личность родителей, а впоследствии на личность учителя гарантировала социальное воспроизводство нужного для общества типа личности. Именно сохранение традиционного типа личности обуславливало культурное своеобразие определенной культуры или цивилизации, где социально-политическое и культурное развитие шло за счет обогащения духовного содержания личности, а не через ее кардинальное изменение. Там, где воспроизводство личности переживало трансформацию, общество также переживало радикальные изменения и слом традиционной экономической, социально-политической и духовной структуры. Если эти изменения соответствовали генеральной линии развития человечества, такие общества вырывались вперед в развитии, служа ориентиром для других. Если же трансформация личности нарушала объективные исторические законы развития, то такие общества сходили с исторической арены, растворяясь среди более успешных.

В настоящее время западная цивилизация, возглавлявшая человечество на протяжении нескольких веков, вступила в полосу всестороннего кризиса. Формируемая ныне западной цивилизацией модель личности не способна обеспечить социально-культурное

воспроизводство, в результате чего закат Европы и Северной Америки становится очевидным для всех адекватно мыслящих людей. Человечество в целом оказалось перед кардинальным выбором пути своего дальнейшего развития. Во многом этот выбор определяется той моделью личности, на которую ориентируется общество. Уже понятно, что личность потребителя, паразитирующем на материальном благополучии, ведет общество к техногенной структуре, когда человек становится био-роботом, обслуживающим экономическую модель и являющимся отчужденным материальным объектом обогащения экономической элиты.

В этом контексте, опыт традиционных философских учений может стать ключом к двери в светлое будущее духовного общества, где человек станет свободным духовным субъектом творческого процесса жизнедеятельности общества. В таком обществе не человек будет обслуживать экономику, а экономика станет служить человеку. Но для этого человек должен стать именно духовной личностью, полностью раскрывшим и реализовавшим свою духовную сущность. И здесь проблема понимания духовной сущности человека выходит на первый план.

Поскольку в настоящее время китайская цивилизация показывает наиболее успешные результаты развития, что в немалой степени обусловлено именно духовным потенциалом китайской культуры в целом, рассмотрение этого духовного наследия в рамках традиционной философии, концептуально отражающей мировоззренческие скрепы, представляется весьма плодотворным и конструктивным. Тем более, что из всех древних цивилизаций только Китай смог сохранить свою культурную и социальную преемственность. Ведущую роль в этом играли механизмы воспроизводства традиционной модели личности, определяемые духовным синкретизмом конфуцианства, даосизма и китайского буддизма. В этом синкретизме каждое учение продвигало собственное понимание духовной сущности человека и соответствующие духовные ценности, которые в конечном итоге и формировали соответствующую личность.

Так, конфуцианство, возникшее в эпоху разрушения родового строя и перехода к политической структуре, на первый план выдвинуло моральную проблематику. Поскольку родовые нормы

уже не могли обеспечить социальный порядок, вопрос встал о внутренних регуляторах поведения человека. Заслуга Конфуция (551-479 гг. до н.э.) заключалась в том, что он не только выдвинул и обосновал эти регуляторы, но и сформировал системное философско-этическое учение, которое стало идеологией Китая на более чем две тысячи лет.

В этом учении главным содержанием стала реализация духовного начала человека, которое Конфуций обозначил как жэнь – гуманность, человечность, человеколюбие. Это то, что делает человека человеком, выделяя его от животного мира. Это качество присуще человеку изначально, и его задача заключается в развитии этого качества, в котором были сконцентрированы все лучшие моральные свойства – любовь и уважение к людям, почитание старших, забота о младших, сыновья почтительность и верность государю, честность и преданность, прямодушие и скромность. Все, что в социальном плане имело позитивное содержание, Конфуций относил к гуманности, основным критерием которого стало золотое правило морали: «Не делай другому человеку того, чего не пожелаешь себе» [1, с. 200]. Генетически гуманность восходила к чувству любви к ближним родственникам, которое проецировалось на все социальное окружение, однако только совершенномудрые, среди которых особо выделялись древние правители Яо, Шунь, Юй, Вэнь-ван, Чжоу-гун, могли в полной мере проецировать чувство любви на всех людей. У всех прочих чувство любви естественным образом различалось в зависимости от объекта – человек любит родственников больше чем соседей, а соседей больше чем просто знакомых. Но чем более человек духовно развит, чем больше у него гуманности, тем шире круг людей, которых он любит, и тем сильнее это чувство.

В результате древние правители стали ориентиром духовного развития, а сама модель идеальной личности, обладающая гуманностью, стала называться Благородным мужем. Понятие Благородный муж стало центральным в учении конфуцианства, которое и определило специфику этого учения.

Большой вклад в развитие конфуцианства внес последователь Конфуция Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.). Именно он четко обозначил приоритет духовного начала человека над его биологиче-

ской сущностью, выражением которой является физиологическая жизнь: «Я люблю рыбу, но люблю также и медвежью лапу. Если я не могу иметь и то и другое, то я оставляю рыбу и возьму медвежью лапу. Я люблю жизнь, но люблю также и справедливость. Если я не могу иметь и то и другое, то я предпочту справедливость. Я также люблю жизнь; но есть то, что ценю более жизни, и потому не сделаю ничего зазорного, чтобы сохранить ее. Я питаю отвращение к смерти; но есть то, что я ненавижу более смерти, и потому не уклоняюсь от опасности» [1, с. 358].

Духовную сущность человека Мэн-цзы видел в четырех главных качествах – гуманности, справедливости, нормах поведения и мудрости, которые подобно конечностям изначально принадлежат человеку. И задача человека не заглушить эти качества, а в полной мере развить их, сформировав в себе личность Благородного мужа.

В таком виде концептуальное ядро конфуцианства сохранялось более тысячи лет, пока представители неоконфуцианства под влиянием даосизма и буддизма не ввели в свое учение концепцию трансцендентного Принципа Неба, увязав его с духовной сущностью человека. Таким образом, модель Благородного мужа получила механизм развития интуитивного уровня и стала абсолютно самодостаточной моделью развития духовной личности.

Тем не менее, социальная ориентированность Благородного мужа поднимала вопрос о социальном отчуждении человека, когда социальные нормы подчиняли не только биологическую, но и духовную сущность человека. Решить эту проблему попытался даосизм, который стал идеологическим противовесом конфуцианства.

Несмотря на то, что Лао-цзы был старшим современником Конфуция, и последний даже консультировался с ним, учение даосизма стало рациональной рефлексией на учение Конфуция, выдвинув принцип интуитивизации сознания в ответ на рациональное и социальное отчуждение. Понятие Дао, подразумевающее трансцендентное начало с субстанциональной и функциональной характеристикой [2, с. 110], стало определять и духовную сущность человека, где основными качествами выступили увэй – недеяние, означающее следование естественному ходу вещей, дэ – небесная

благодать, добродетель, а также отсутствие желаний, простота и невербальная мудрость.

Соотношение духовной сущности человека с онтологическим Дао позволило освободиться от рационально-этической иерархии духовных ценностей конфуцианства и гармонизировать духовное состояние человека с высшими трансцендентными законами. Такого человека, достигшего единства с Дао и гармонии с внешним миром, Лао-цзы называет совершенномудрым, личность которого и стала ориентиром духовного совершенствования. В отличие от Благородного мужа совершенномудрый не давит свою биологическую сущность, противопоставляя ее социально-духовной, а гармонично сочетает ее с духовной, нивелируя их противоречия, образуя тем самым единство внутреннего содержания, подчиненное высшим нормам Дао.

Последователь Лао-цзы Чжуан-цзы (369-286 гг. до н.э.) развил учение даосизма, обосновав в нем концепции интуитивизма, релятивизма и естественности, выдвинув техники духовного самосовершенствования цзюан – сидение в забытьи и синьчжай – пост сердца, в результате чего достигается единство с миром и внутреннее умиротворение. Вследствие этого личность аскетического и уединенного совершенномудрого, живущего в гармонии с миром, стала своего рода противовесом социально-активному Благородному мужу, что придало некий баланс и устойчивость воспроизводства китайской культуры в целом.

Впрочем, в этом балансе доминирующей стороной была все же модель Благородного мужа с его этической рационализацией сознания, сбалансировать что и пытался даосизм своей интуитивизацией. Это не решало проблемы высшего трансцендентного основания и критерия нравственности, и если в западной цивилизации таким основанием стало христианство в качестве инструмента формирования религиозного мировоззрения, то в Китае им стала религия и философия буддийской Махаяны.

Махаяна, пришедшая в Китай в начале первого тысячелетия новой эры, сохранив и дополнив традиции Хинаяны, представила обоснованную концепцию духовной сущности человека. Концепции пяти скандх, пустоты и природы Будды конкретно определили духовное основание сущности человека, связанное с трансцендент-

ными законами бытия. Постигание этой сущности обуславливало просветление человека и его спасение. В китайском буддизме ведущее значение приобрела концепция природы Будды, гносеологический аспект которой определял интуитивизацию сознания, а онтологический аспект – нравственное поведение. Вследствие интуитивной нравственности или нравственной интуитивизации буддизм предоставил четкие и прочные механизмы духовного самосовершенствования, направленные как против фундаментальных мотиваторов безнравственности (алчности, гнева и невежества), так и на развитие духовных качеств милосердия, сострадания, терпения, самоограничения и умиротворения.

Достигший просветления человек, который посвятил свою жизнь спасению других людей, становился бодхисаттвой, идеальная модель личности которого и определяла ориентиры духовного совершенствования буддистов Махаяны [3, с. 24]. Личность бодхисаттвы совместила в себе и социальную активность Благородного мужа и интуитивизацию совершенномудрого, а миссия спасения живых существ определила ее духовно-нравственное содержание. Сотериология Махаяны стала весьма привлекательным положением буддийского учения, привлекающего обширные массы, как простого народа, так и интеллигенции, что позволило буддизму ко второй половине первого тысячелетия новой эры стать весьма значимым элементом духовной культуры Китая, в результате чего сложился традиционный синкретизм из конфуцианства, даосизма и буддизма.

В этом духовном синкретизме объединяющим моментом выступает положение о духовной сущности человека. Философия конфуцианства, даосизма и буддизма не только теоретически обосновывает данное положение, но и предлагает конкретные механизмы развития этой сущности с ориентиром на свои модели идеальных личностей Благородного мужа, совершенномудрого и бодхисаттвы. Фактически эти модели личности сконцентрировали в себе различные стороны духовности, выражением чего стали те духовные ценности, которые они демонстрируют. Диапазон этих сфер охватывает практически все сферы социальной жизни человека, предоставляя ему широкий выбор модели поведения в рамках ду-

ховного содержания, не преступая этические нормы нравственности.

Онтологический статус основания духовной сущности человека у всех этих трех учений позволяет использовать объективный критерий для духовных ценностей и обозначить их четкую иерархию. Это обуславливает устойчивость модели идеальной личности, не подверженной влиянию социально-политической и культурной конъюнктуры. В свою очередь это обусловило устойчивость духовной традиции воспроизводства определенной личности и ту жизнеспособность китайской культуры, которую она демонстрирует на протяжении двух тысячелетий. Опора на духовную сущность человека и ориентация на духовные ценности позволяет китайской культуре успешно бороться с внешними и внутренними вызовами, адаптироваться к новым условиям, не теряя при этом основные духовные традиции, залогом чего выступают механизмы воспроизводства традиционной личности, заложенные учениями конфуцианства, даосизма и китайского буддизма.

Подобный фундамент устойчивости китайской традиционной духовной культуры в XX веке пережил испытание научной формой мировоззрения в виде марксистской идеологии на основе атеистической и материалистической философии. В начале XXI века китайское общество возвращается к традиционным учениям, антагонизм научного и религиозного мировоззрения начинает нивелироваться, формируя новую форму философского мировоззрения, имеющего прочные основания в китайской культуре [4, с. 21-26]. В Китае начинает складываться новый синкретизм уже четырех учений, когда к конфуцианству, даосизму и буддизму присоединяется китайский марксизм в качестве методологии практической социальной деятельности. Вследствие этого, Китай вполне заслуженно выходит на передовые геополитические позиции в экономической, социально-политической и культурной сферах, а ориентация на духовные ценности позволяет сохранять социально-политическую устойчивость.

Примечания

1. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М. : Вост. лит., 2004. 431 с.
2. Торчинов Е. А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 309 с.
3. Введение в буддизм / ред.-сост. Рудой В. И. СПб. : Лань, 1999. 384 с.
4. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. Котенко Р. В. СПб. : Евразия, 1998. 376 с.

УДК 39(=512.31)

Болхосоев С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Bolkhosoev S. B., Ulan-Ude, Russia

**ПЕГИЙ ВОЛК – ТОТЕМНЫЙ СИМВОЛ
БУРЯТ – БУЛАГАТОВ И КОРЕННЫХ МОНГОЛОВ ОНОНА
И КЕРУЛЕНА (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСТОКАХ БУРЯТСКОГО ПЛЕМЕНИ)**

**A PIEBALD WOLF – A TOTEM SYMBOL OF THE BURYATS
BULAGATS AND THE NATIVE MONGOLS OF ONON AND
KERULEN (TO THE ISSUE OF THE HISTORICAL
ORIGIN OF THE BURYAT TRIBE)**

Актуальность настоящего исследования обусловлена проблемами происхождения бурятского племени булагатов, недостаточной изученностью его этнических истоков, неопределенностью местонахождения исторической прародины и территории сложения костяка данной группы. На основе рассмотрения тотемных символов бурят и монголов – волка – предлагается версия о восточно-монгольском, в частности, об ононо-керуленском происхождении предков булагатов.

The relevance of the research is determined by the origin problems of the Buryat Bulagat tribe, insufficient study of its ethnic routes, uncertainty of the location of the historical ancestral home and the terri-

tory of the core group formation. Based on the consideration of a wolf as the totem symbols of the Buryats and Mongols, a suggestion about the Eastern Mongolian, in particular, the Onon-Kerulen origin of the Булагат ancestors is made.

Ключевые слова: буряты, монголы, центрально-азиатский регион, этнос, племя, тотем.

Keywords: the Buryats, the Mongols, the Central Asian region, ethnic group, tribe, totem.

Цель данной статьи – определить на основе рассмотрения тотемических символов бурят и монголов исторические корни бурятского племени булагатов. Актуальность и научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые рассмотрена проблема местонахождения первоначальной родины предков булагатов.

Корни и формирование бурятского народа исторически и географически связаны с центрально-азиатским регионом, представляющим собой область вековых и тысячелетних взаимодействий этносов и этнических общностей. Эти контакты при определенных факторах способствовали перемещению целых групп от Хингана до Алтая и от Хуанхэ до Байкала и за пределы данной историко-культурной провинции. При этом движение населения в регионе продолжалось вплоть до XVIII в. Примером тому в истории бурят являются так называемые босхулы – джунгаро-монгольские группы беженцев, присоединившиеся к первым во времена бурных событий в Центральной Азии в XVII-XVIII вв. Следовательно, в прошлом одни народы (хунну, сяньби, тюрки и пр.) распались, исчезали, а из их частей складывались другие этнические образования. Можно сказать, что таким же образом сформировался бурятский этнос. Одни его компоненты представляли аборигенный, прибайкальский элемент, другие были мигрантами, которые могли быть не только беженцами, но и захватчиками. Таковыми мигрантами-интервентами, как мы полагаем, являются монгольские предки бурятского племени булагатов, причем неизвестно откуда прибывшие в Предбайкалье.

Современная наука оставляет открытой исторические корни данной группы бурят, не дает на это ответ устная традиция булагатов, за исключением повествования об их прибытии в Предбайка-

лье (Приангарье) из Тункинской долины Восточного Присяянья. При этом, как известно, эта долина издревле выступала коммуникационным коридором, соединяющим Предбайкалье с территорией современной Монголии. Значит, фольклорные свидетельства о тункинских корнях булагатских предков – не что иное, как указание на их монгольские истоки. Возможно, что одним из свидетельств монгольского происхождения булагатских предков может являться обрядовое обращение балаганских бурят, посвященное духу родоначальника Боблоя Сайхарова, при жизни унаследовавшего властные функции после смерти главного нойона Годны Аблаева, происшедшего из булагатского рода *хулмэнгэ*:

*Хамаги түрүүн хуули бариһан
Улад зони түрүүн ёһо дааһан.
Хаани хуули халамжалһан.
Эжэни хуули эбэшрэлэһэн.
Ара Хангайн араһаан ерэхэн,
Хүхэ Хангайн хүбшэхөө ерэхэн,
Арад зоноо дахуулжа ерэхэн.*

«Раньше всех ты власть держал.
Первый, кто поднял обычай.
Унаследовав ханов власть,
Удержал хозяина власть.
Пришел с хребтов ты северных
Хангая,
Пришел с чашоб Хангая голубого,
Народ свой за собой ведя»
[8, с. 248, 356].

Время жизни Боблоя Сайхарова и его долгое правление определяется XVIII в., историческим моментом образования степных контор, ведавшими родовыми делами бурят с 1740-х гг. [8, с. 356]. Но остается неизвестной родовая принадлежность этого родоначальника, в источнике сообщается только род предшественника. Предположительно, что он также имел отношение к роду *хулмэнгэ*. Поскольку в прошлой традиции бурят было характерно наследование власти представителями одного и того же рода. В таком случае Боблой Сайхаров и Годна Аблаев могут быть связаны общим родством и, судя по ритуальному тексту, принадлежали к социуму, проживавшему прежде на территории Монголии в северных предгорьях Хангайского хребта и по неизвестной причине переселившегося в Предбайкалье.

Возникает вопрос: является ли Хангай первоначальной пра-

родиной булагатов? С одной стороны, можно согласиться, учитывая прибытие булагатов в Предбайкалье из Тунки, связанной через Прихубсугулье с Хангаем. С другой, заставляют сомневаться события 1658 г., когда булагаты и другие бурятские группы, ввиду русской экспансии Предбайкалья, вынуждены были откочевать в монгольские пределы и тем самым оказаться в предгорьях северного Хангая. Но погрузившаяся через некоторое время в междоусобные войны Монголия заставила многих вернуться в Предбайкалье. В «породные земли» реэмигранты возвратились через 20-30 и более лет, и об этом, по всей видимости, сообщается в обрядовом тексте. Подтверждается это также соответствующими по содержанию преданиями многих бурятских групп.

Из сказанного следует, что в прошлом массовые передвижения населения происходили по причине, связанной в большей степени с войнами, периодически случавшимися в центрально-азиатском регионе. Поэтому рассматривать Хангай как историческую прародину булагатов нет оснований. Хотя как временное прибежище, он мог иметь место в истории предков бурятского племени. На наш взгляд, они могли оказаться в границах Хангая или на прилегающих к нему территориях, близких в то же время к Прибайкалью, предположительно в XV в., т.е. за два века до событий 1658 г., в эпоху восстановления единого монгольского государства после распада в XIV в. империи Юань на отдельные независимые уделы. В процессе централизации этих уделов предки булагатов, видимо, использовались правящей монгольской элитой в качестве военной силы, направленной для установления контроля в прибайкальский край [3, с. 190]. И самым удобным местом для проникновения с монгольской стороны в Предбайкалье явилась Тункинская долина, ставшая для интервенции булагатских предков своеобразным форпостом, основным пунктом вторжения. Последний потом отразился в устной традиции булагатов в виде отправной точки, откуда якобы началась их история.

Объясняется это тем, что Тунка разделила историю предков булагатов на «монголов» и «бурят». Вторгшись в Предбайкалье и оставшись там [3, с. 190], они дали начало уже бурятам, новому социуму, осознающему себя отличным от других монголов (монгольских этносов) и выработавшему свою историю формирования.

Другими словами, Тунка в преданиях выступает символическим началом истории булагатов как бурят. Поэтому для последних Тунка ассоциировалась с границей бурятской земли, как реальной, так и мифологической (началом и концом). Вследствие этого она воспринималась сакральным местом, пространством предков, пришедших из иного мира.

Таким образом, определив начало образования бурят-булагатов, остается выяснить историческую родину их предков, не отделявших себя от монголов. По нашему мнению, предки булагатов связаны своим происхождением с коренными монголами бассейна рек Онон и Керулен. В пользу этого указывает общий символ – тотем волка. Согласно средневековому источнику «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.), коренные монголы (борджигины, баруласы, урууты, мангуты, тайджиуты и пр.) ведут свое происхождение от легендарного предка по имени Бортэ-Чино [6, с. 12, 17]. В переводе оно означает «Пегий Волк» [4, с. 268] и подразумевает тотем ононо-керуленских монголов [5, с. 58], из которых происходил Чингис-хан. При этом монгольское слово «бортэ» – *борт* имеет также значение «пестрый», «сивый», «серый», «темносерый» [4, с. 268]. Аналогичные значения имеет бурятское *бүртэ* «серый», «сивый», «неясный», «тусклый», «неотчётливый», «тёмный», «мутный» [9, с. 165-166]. В целом все эти значения применительно к волку символизируют двуцветный, разношерстный окрас.

В связи с этим примечательно то, что под дефиницию «бортэ» подпадают значения этнонимов коренных булагатских подразделений, связанных с волчьим тотемом:

- 1) алагуй, по-другому – *ама сагаан алагы* «беломордый пегий»;
- 2) хурхуд – *хүзүү сагаан хурхүүд* «белошейный бурый»;
- 3) далхай – *боршиг далхай* «серобокий»;
- 4) бурюха – *бурюуха түргэн* «темносерый/ серобурый быстрый»;
- 5) хойго – *сагаан* [3, с. 184-189]/ *бүрэнгүүд хойго* [7, с. 159] «светло-серый/ сизый перехватчик»;
- 6) саган – *сагаанаг/ сагаалаг* «седой/ сивый» [3, с. 184-189].

Последнее обозначение (букв. «имеющий светлый или белый оттенок на темном фоне» или «обладающий частью белого

цвета») с бурятского языка также можно перевести как «пегий». Соплосудет с этим родословная традиция алагуевцев, в которой за предком-эпонимом Алагуи следует пращур с именем «Сагаанаг»/«Сагалаг» [1, с. 58, 61]. Полагаем, что это обусловлено тем, что они выступают словами, выражающие тождественные понятия, связанные ранее с обозначением тотемного предка. Позднее двойное название символа подверглось переосмыслению генеалогической традицией и проявилось в виде имен двух отдельных предков.

Кстати, тот же самый Сагаанаг/ Сагалаг, но уже как предок-эпоним предстает в генеалогии сагановцев. Примечательно, что последние, в частности батлаевцы, наряду с упомянутым родоначальником, называли своим первопредком и Алагуя, (подобно алагуевцам) говорили «наш отец» [2, с. 137]. Здесь опять же мы видим контаминацию этих имен, также и совпадение родословных традиций алагуевцев и сагановцев. Считаем это не случайным, поскольку такому соответствию способствовала равнозначность лексем *сагаанаг/ сагалаг* и *алагы*, и в то же время единство племенного происхождения и общий символ – тотем волка.

При этом заметим, что смысл всех названий булагатских групп в целом сводится одному понятию – «пегий». Как мы выяснили, это этнонимы – алагуи и саган (сагаанаг). Затем – хурхун, имеющий смешение белого и бурого цветов. Потом – далхай, указывающий на зону с серым цветом и подразумевающий еще один окрас. Следующий – бурюха, заключающий серый и бурый цвета. Далее – хойго, содержащий неоднородный цвет. Отсюда можно сделать вывод, что тотем булагатов тот же, что и у древних монголов Онона и Керулена, т.е. пегий волк.

Таким образом, можно высказать мнение, что первоначальной прародиной предков булагатов являлась северо-восточная территория современной Монголии – ононо-керуленский край. При этом они могли быть частью одного из древнемонгольских племен, фиксируемого в источнике «Сокровенное сказание монголов» и пребывать в указанном ареале до завоевательных походов Чингисхана. Вполне возможно, что предки булагатов участвовали во многих военных мероприятиях средневековых монголов времен основателя кочевой империи и его наследников, поскольку об этом говорит сохранившийся волчий символ, воплощенный в самоназва-

ниях подразделений и характерный для военного периода. Как известно, в военной традиции народов Центральной Азии образ зверя соотносился с воинами, а воинское объединение с волчьей стаей.

Такое положение дел у предков булагатов сохранялось до второй половины XV в., когда они объявились в районе, близкой к Предбайкалью. Не исключено, что это территория связана с вышеотмеченным Хангаем, а возможно, что булагатские предки, выделившись из своего племени (или общества) в отдельную группу, пришли туда ранее и проживали там. Но этот исторический период их прошлого остается неизвестным, поскольку отсутствуют какие-либо источники, подтверждающие эту мысль. Мы можем лишь говорить о второй половине XV в., когда «сыны пегого волка» оказались на южной границе Предбайкалья и вторглись в этот регион. И уже к приходу русских в нач. XVII в. контролировали территорию от Байкала до Енисея, выступая тем самым лидирующей группой среди местных племен и народов. Основой для данного положения, как мы думаем, явились не только военные успехи булагатов по завоеванию территории, но также воззрение на право доминирования, обоснованное знаком волчьего/небесного происхождения. Как известно, у многих тюрко-монгольских народов прошлого волк считался сакральным животным, имеющим связь с небом, и поэтому легитимность правящих родов основывалась на генеалогическом родстве с «небесной собакой».

Примечания

1. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / отв. ред., сост. Т. Е. Санжиева ; науч. ред. А. И. Уланов, Т. Е. Санжиева. Улан-Удэ : НоваПринт, 2019. 720 с.

2. Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. 2-е изд. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 304 с.

3. Болхосоев С. Б. К вопросу об общих истоках происхождения этнонимов «бурят» и «булагат» // Известие Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 178–197.

4. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. 1. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. 520 с.

5. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы истории монголов

и бурят. М. : Вост. лит., 2011. 278 с.

6. Монголой нюуса тобшо = Сокровенное сказание монголов / Ч.-Р. Намжиловой оршуулга ; пер. С. Козина. Улаан-Удэ : Бурядадай номой хэблэл, 1990. 318 н.

7. Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Закаменские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Известие Иркут. гос. унта. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 151–171.

8. Небесная дева-лебедь : бурятские сказки, предания и легенды / сост. : И. Е. Тугутов, А. И. Тугутов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

9. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь. Т. 1. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. 636 с.

УДК 615.89(=512.157)

Яковлева К. М., Михайлова С. М., г. Якутск, Россия

Yakovleva K. M., Mikhaylova S.M., Yakutsk, Russia

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯКУТОВ О ПРИЧИНАХ И МЕТОДАХ ЛЕЧЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

THE YAKUTS' VIEWS ON THE CAUSES AND METHODS OF TREATING EPIDEMIOLOGICAL DISEASES

В данной статье рассматриваются традиционные представления якутов о происхождении болезней, основанные на их мировоззрении. Затрагивается проблема лечения эпидемиологических болезней, представлены методы лечения инфекционных и вирусных заболеваний с помощью народной медицины. Также приведены традиционные способы лечения новой коронавирусной инфекции COVID-19, которые применялись ранее при других заболеваниях.

Работа выполнена в рамках Гранта РФФИ 19-09-00361 «Растения в традиционной медицине и в системе питания коренных народов Якутии, перспективы их использования в настоящее время: этнография, этнолингвистика и этнофармакология».

The article considers the Yakuts' traditional ideas about the origin of diseases based on their worldview. The problem of treating epidemiological diseases is touched upon, the methods of treating infectious and viral diseases by means of traditional medicine are presented. The traditional methods of treatment of the new coronavirus infection COVID-19 which have been previously used for other diseases are also described.

The work has been done within the framework of the RFFR Grant 19-09-00361 "Plants in traditional medicine and in the nutrition system of the indigenous peoples of Yakutia, perspectives of their use at present: ethnography, ethnolinguistics and ethnopharmacology".

Ключевые слова: болезни, якуты, верование, народная медицина, коронавирус, представления, фитотерапия, фармакология.

Keywords: diseases, the Yakuts, beliefs, folk medicine, coronavirus, representations, herbal medicine, pharmacology.

По верованиям якутов, мир делится на три уровня: верхний, средний и нижний, где верхний мир населяют боги – *айыылар*, нижний – злые духи и божества – *абааһы*, люди населяют средний мир, но и рядом с ними обитают различного рода духи, которые не видны им. Согласно традиционным представлениям якутов, причиной для появления болезни являются *абааһы* – злые божества и духи, населяющие нижний мир, и *үөр* – неупокоенные души людей, умерших преждевременно или не своей смертью.

О болезнях, бушевавших в Якутии, писали многие исследователи, такие как А. Е. Кулаковский [5], В. Л. Серошевский [7], Р. К. Маак [6], А. И. Гоголев [3; 4], А. М. Григорьева [1; 2]. Ими описаны не только знания якутов о способах борьбы с болезнями, но и представления о происхождении болезней, которые во многом были связаны с религиозным мировоззрением якутов.

В одном из якутских сказаний о знаменитом шамане *Аан Үһэй* говорится о происхождении болезней. У него родились 9 мальчиков и 9 девочек, и все они были уродами. Когда прошло 18 лет от роду первого ребенка, *Аан Үһэй* обнаружил, что исполнилось все то, что было предназначено свыше, и потому приступил к церемонии отправления этих уродов с земли в небесное царство. Назвал он каждого из своих детей по имени той болезни, которые они бу-

дут производить: первая пара – *Иирэр төрдө* (сводящие с ума); вторая пара – *Харах ыалдьарын төрдө* (вызывающие глазные болезни); третья пара – *Босхон төрдө* (вызывающие обессиливание и паралич); четвертая пара – *Илии бааһын төрдө* (приводящие к ранам рук); пятая пара – *Сылгыны ширдээччи төрдө* (вызывающие бешенство лошадей); шестая пара – *Сылдьар сырыы кэнтигэ, оло-рор олох кэнтигэ, булт кэнтигэ* (привлекающие полную неудачу); седьмая пара – *Тыла суох төрдө* (насылающие немоту); восьмая пара – *Ойох эр иккини араараччы* (разъединяющие супругов); девятая пара – *Сэбэ суох онорооччу, аттакы төрдө* (вызывающие мужскую импотенцию).

Приведенные выше девять болезней не были смертельными, так как их производители не касались *кут* человека. Самыми же опасными считались настоящие *абааһы*, которые вселяясь в человека, похищали его «кут» (душу).

Самыми грозными *абааһы* считаются *Хотугу Хотуттар* – четыре северные госпожи, живущие на реке Лене. Считалось, что они насылают самые серьезные болезни, забирают и прячут *кут* у себя и затем съедают.

Гораздо хуже обстоит дело с *абааһы*, которые обитают вблизи человеческого жилища (*куһаҕан абааһылар*). Эти злые духи живут в жилищах человека, причиняют разными способами вред хозяевам, но чаще всего нападают на детей и молодой скот. К этим «домашним» духам относятся мелкие духи-пакостники (*Харса Уолан Кыһа*), которые могли украсть *кут* ребенка.

Некоторые заболевания связывают с духом огня (*уот иччитэ*), который насылает разные болезни, если его чем-нибудь оби-дят или оскорбят.

Якуты считали, что несоблюдение определенных правил гигиены также может привести к различного рода заболеваниям. Эта группа болезней носит название *дьаң сүрэ*. Довольно много заболеваний связывали с различными нарушениями в питании — голод, недоедание, холодное питье, поспешность в приеме пищи, злоупотребление алкогольными напитками, несоблюдение чистоты, употребление недоброкачественной пищи и т.д.

Лечить же болезни, по мнению якутов, призваны шаманы, *алҕааччылар* – заклинатели, *ичээны* – знахари и *отонуты* – травни-

ки. Большой популярностью при лечении болезней пользовались *отолуты*, которые считали, что главной причиной болезней и недугов является неправильное питание, плохое состояние органов и слабый организм самого человека.

Особо опасными болезнями считаются различные эпидемии и пандемии. В Якутии в разное время прошли эпидемии черной оспы, лепры и кори, пандемии испанского гриппа и туберкулеза, инфекционные болезни трахома и сифилис, а ныне – новая коронавирусная инфекция COVID-19.

На фоне неблагоприятных условий и холодного климата якуты часто заболели туберкулезом (*сэллик*). Для лечения туберкулеза использовали различные методы и приемы, известные якутам на тот момент. Широко использовали медвежью желчь, при этом для лечения мужчин прибегали к желчи самки, для лечения женщин – самца. Ее разводили в малом количестве воды и давали пить больному 3-4 раза в день по 1 столовой ложке. По такой же рецептуре давали желчь рябчика. Вместе с этим больному давали легкое медведя в вареном виде, медвежье сало, мясо и печень. Особо популярен был медвежий жир, который применяли после двухразовой топки на огне [2, с. 54-55]. Данный метод лечения туберкулеза и других легочных заболеваний сохраняется и по сей день (полевой материал авторов (ПМА) Усть-Алданский, Мегино-Кангаласский, Сунтарский, Верзневилюйский улусы Республики Саха (Якутия), 2019-2020 гг.).

При лечении туберкулеза легких также использовали масло первородящей коровы. В качестве радикального средства использовали масло 7-10-летней давности [3, с. 63]. Кроме того, туберкулез легких можно было лечить «муравьиным маслом» – *кымырдаҕас хайаҕа*. Данное масло добывали из муравьиного гнезда. Это белое, прозрачное пенообразное вещество, которое представляет собой грибообразную полужидкую массу. Эту массу принимают в разведенном в виде либо с чаем, либо с водой, либо с водкой. Этот метод лечения отчасти сохранился и в наши дни, но не имеет столь широкой популярности.

В Западно-Кангаласском улусе жители лечили больного с помощью отвара волчьей ягоды и волчьего языка [3, с. 91]. Также

можно было принимать отвар из 7 растений: 7 листьев осины, ольхи, лиственницы, березы, сусака, сосны и тальника [3, с. 87].

Кроме того, для лечения больному давали небольшими кусочками рог изюбра в свежем виде, и таким же способом подается кабарговая «струя».

Существовал метод глотания живых лягушек небольшого размера, который практикуется в наше время при легочных заболеваниях. Видеозапись данного метода лечения была широко представлена в социальных сетях (полевой материал авторов (ПМА) Усть-Алданский, Мегино-Кангаласский, Сунтарский, Верзневилуйский улусы Республики Саха (Якутия), 2019-2020 гг.).

Популярным средством в Якутии при туберкулезе легких было *кумысолечение*. *Кумыс* готовили из молока старой кобылы. Он обладал особыми свойствами укрепления организма и способствовал обмену веществ, и поэтому его считали одним из эффективных средств лечения при большинстве заболеваний, в том числе и туберкулезе.

Следует отметить и еще один способ лечения туберкулеза, согласно которому было необходимо придерживаться так называемой «черной диеты», т.е. больной в течение 40 дней пьет черный чай без молока и ест мясо исключительно без жира [1, с. 23].

Но, несмотря на все усилия этномедицины и классической медицины, туберкулез в Якутии еще не побежден и является так называемой «социальной болезнью».

Одной из самых серьезных эпидемий в истории Якутии явилась натуральная (черная) оспа, которая до сих пор вызывает у якутов суеверный страх. Первые упоминания о заболевании относятся к XVII веку, с момента появления нового населения на территории Якутии. Оспу представляли в образе страшной рыжей женщины, которая скитается от одного дома к другому. Согласно легенде, эта страшная женщина увидела себя в отражении *туоһахта* (круглая нашивная пластина на традиционном головном уборе), испугалась и больше не приближалась к тем, кто носил шапку с бляхой. По другим преданиям, оспу представляли в образе быка, с которым сходились в схватке шаманы (полевой материал авторов (ПМА) Усть-Алданский, Мегино-Кангаласский, Сунтарский, Верзневилуйский улусы Республики Саха (Якутия), 2019-2020 гг.).

Особенно тяжело оспа протекала на территории северных улусов, что привело к значительному сокращению населения. По данным российского этнографа В. Иохельсона, в результате эпидемии оспы среди юкагиров в 1885 году погибло больше половины населения. Полностью вымер некогда процветавший город Зашиверск, который в свое время имел выгодное географическое расположение, находясь на пересечении сухопутных и водных маршрутов Якутско-Колымского тракта. Необходимо сказать, что гибель этого города объята различными легендами и преданиями. По версии одной из них, один из великих шаманов предсказал эпидемию и то, что в этом будет виновата человеческая жадность. Он велел выбросить в воду сундук, который должен быть набит мехами и никому не будет принадлежать. Согласно легенде, такой сундук действительно существовал. Но люди растаскали из сундука эти меха и почти все сразу заболели. Болезнь вышла из города в виде русских девушек и погубила близлежащее юкагирское население. Боролись с оспой карантинными мерами, у домов с больными ставили кресты, города и села, пораженные болезнью, обходили стороной. По преданиям, в XVIII веке в Сунтарском улусе жил легендарный лекарь *Уһунньук*, который сам создал прививку от оспы и применял ее для профилактики заболевания. Он добывал вакцину из гнойных пузырьков на коже больного оспой и внедрял ее в человека с помощью специального ножа. По рассказам старожиллов, таким образом он спас свой наслег от эпидемии [4].

Еще одной болезнью, серьезно поразившей Якутию, была проказа, и большинство из заболевших находилось в Вилюйском округе. Вопрос о создании специального лагеря для больных проказой в Якутии ставился еще в 1850 году. Приезд Кэт Марсден в Якутию ускорил решение данного вопроса, и было решено построить колонию для прокаженных. Надо отметить то, что Кэт Марсден прибыла в Якутию с целью найти чудодейственную траву *кучукта*, которая, по легенде якутов, полностью излечивала проказу, но данную траву она не нашла.

Проказу якуты лечили с помощью лекарственных трав, и как отмечено в работе А.И. Гоголева, прокаженные постоянно принимали настой травы *куустэх от*. По сведениям Н.Е. Олейникова, указанным в работе А.И. Гоголева, эта трава пользовалась большим

доверием у якутов и, по их рассказам, обладала теми лекарственными свойствами, которые полностью излечивали проказу, но сама трава не подвергалась никаким исследованиям. Якуты при проказе употребляли настой полыни обыкновенной, чернобыльника как обезболивающее, дезинфицирующее средство [3, с. 88-89]. Прокаженного также кутали в шкуру медведицы на протяжении 9 дней. Также существуют сведения, что в Средневиллюйском улусе практиковалось лечение проказы костями голени умерших от проказы людей 50-100 лет назад, и для этого кости скоблили ножом, затем получившийся порошок разводили в воде и пили данный раствор [3, с. 94].

В 2020 году, как и весь мир, Якутию охватила пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Всего на середину октября 2020 года указанной болезнью переболело более 11 000 человек. С коронавирусом борется медицина Республики Саха (Якутия), на сегодняшний день отлажена система по лечению и стабилизации ситуации ограничительными мерами, изоляцией и выявлению контактных и зараженных. В то же время местное население применяет традиционные способы лечения, в основном которые применялись ранее при других заболеваниях. К примеру, чтобы повысить иммунитет и приостановить сужение сосудов (побочный эффект коронавируса) достаточно популярным является использование настойки из сосновых шишек на водке (полевой материал авторов (ПМА) Усть-Алданский, Мегино-Кангаласский, Сунтарский, Верзневилюйский улусы Республики Саха (Якутия), 2019-2020 гг.).

Можно еще собрать подорожник и кипятить их с многозловыми тканевыми масками для их дезинфекции. Чтобы устранить последствия после поражения легких в результате коронавируса используют медвежий жир, применение которого было описано выше для лечения туберкулеза легких (полевой материал авторов (ПМА) Усть-Алданский, Мегино-Кангаласский, Сунтарский, Верзневилюйский улусы Республики Саха (Якутия), 2019-2020 гг.).

Болезни – это неотъемлемая часть мироздания, являющиеся такой же его составляющей, как жизнь и смерть. Согласно традиционным верованиям, причины заболеваний якуты видели во вредоносном воздействии, вселении в человеческий организм реально существующих злых духов, в потере человеком одного из *кут*, во-

площающего его жизненные силы. Мистическим взглядам на причины заболеваний соответствовали магические приемы их предотвращения и лечения. В традиционных нормах, обычаях и обрядах запрещается все то, что вредит здоровью, поощряется здоровый образ жизни. На сохранение здоровья направлены особые запреты и приметы, в основе которых лежит многовековой опыт предотвращения болезней.

Итак, прежде чем лечить ту или иную болезнь, якуты пытались найти причины болезней, выбрать из проверенных опытом средств и методов лечения наиболее приемлемые. В ход шли накопленные знания о целебных свойствах растений, лекарств животного происхождения, особых диетах и мерах карантина, а также сверхъестественные силы шаманов и лекарей.

Примечания

1. Григорьева А. М. Народное врачевание в Якутии (XVII-XVIII вв.). М. : ИЭА РАН, 1996. 184 с.
2. Григорьева А. М. О народной медицине якутов. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1991. 70 с.
3. Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. Якутск : изд-во Якут. гос. ун-та, 1983. 113 с.
4. Гоголев А. И. Народные знания якутов в XVII – начале XX вв.: календарь, метрология, медицина. Якутск : Издат. дом СВФУ, 2015. 104 с.
5. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1979. 482 с.
6. Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области. Ч. 1. СПб : Тип. и хромотолит. А. Граншеля, 1883. 318 с.
7. Серошевский В. Л. Якуты. М. : Букинист, 1993. 744 с.

Данилова Н. К., г. Якутск, Россия

Danilova N. K., Yakutsk, Russia

**МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА
В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
НАРОДА САХА**

**MENTAL IMAGE OF THE OPEN SPACE IN THE SYSTEM OF
WORLDVIEW REPRESENTATIONS OF THE SAKHA PEOPLE**

В данной статье рассматривается моделирование ментального образа ландшафта, которое происходит на основе соотношения реальных природно-климатических условий и его мифологической проекции в сознании носителей традиционной культуры. Основное внимание уделяется трансформации восприятия пространственных представлений. В связи с чем, интересным представляется преобразование и преображение пространственных представлений, связанных с восприятием долин, лугов и др. В якутском языке эти природные объекты объединены единым словосочетанием *ahagas sir* 'открытое пространство', в котором заключена «фигура воспоминания», связанная со степными просторами южной прародины.

The article considers modeling of the landscape mental image which is based on the ratio of real natural and climatic conditions and its mythological projection in the minds of traditional culture bearers. The main attention is paid to the perception transformation of spatial representations. In this connection, it is interesting to transform spatial representations associated with the perception of valleys, meadows, etc. In the Yakut language, these natural objects are united by a single word combination *ahagas sir* 'open space', which contains the "figure of memory" connected with steppe expanses of the southern ancestral homeland.

Ключевые слова: картина мира, мировоззрение, народ саха, пространственные представления, долина, алаас, нарративные истории, метафора Юга.

Keywords: world picture, worldview, the Sakha people, spatial representations, valley, alaas, narrative stories, metaphor of the South.

Формирование и развитие народа саха происходило на пограничье Юга и Севера с последовательным освоением таких природных ландшафтов, как долинные равнины, горно-таежные системы, арктические пустыни, бассейны речных артерий. Огромная территория и широкий спектр природных зон обусловила появление различных локальных представлений, связанных с восприятием окружающего ландшафта и адаптивной системой природопользования. В суровых климатических условиях, сохраняя привнесенное духовное и исходное религиозное сознание, сочетая традиционные и обновленные практики хозяйственной жизнедеятельности, народ саха сформировал локальные этнокультурные сообщества: центральную, вилюйскую и северную группы якутов.

Предки якутов принесли стереотипы пространственного поведения, в новое географическое пространство. Об этом ярко свидетельствуют исторические предания. Для менталитета кочевников-скотоводов, «бескрайние широкие раздолья, с необозримыми просторными долами» были наиболее притягательными местами для поселения. Так, первопредок народа саха Омогой баай «... приплыв по реке Лена, поразившись широте и красоте великой долины Гуймаада, со всей своей домашней челядью поселился именно там», а прибывший позднее Элэй Боотур, «поднявшись на сопку и увидев просторную долину, ... решил остановиться там» [1, с. 49-58].

Так каскад просторных степных долин Центрально-якутской равнины «Гуймаада», «Эркээни» и «Энсиэли» становится этнической колыбелью народа саха. Эти долины как географическое пространство, прежде всего, могли актуализировать механизм «помнящей культуры» и выступать метафорой степного ландшафта (южной прародины), при котором важными константами является их протяженность, ширина, красота и другие качества.

У степных кочевых народов существовали представления о том, что обширная равнина продлевает жизнь стариков и благоприятным образом воздействует на молодежь [2, с. 74]. Так и якуты про степные долины говорили: «... богатое, самое лучшее роскошное место ... пуп земли, где длинная благодать никогда не изменяется, широкое богатство растянуто с неизменным счастьем». Кроме того, считалось, что жители великих долин отличаются «открытым,

веселым нравом, широкой душой и большим кругозором» [3, с. 187].

Насельники Центрально-якутской равнины, где находятся три великие долины, представляют локальную группу центральных якутов, которых принято считать *дойду* (диал.: *дайды*) *дьоно* ‘людьми с прародины, с края’. Так, слово «*дойду*» соотносится с термином «*киин*» ‘центр, центральный’, в связи с чем данная локальная группа стала идентифицироваться как «центральная». Примечательно, что в монгольском языке словом *дайда*, *дайду* обозначают ‘обширную площадь, ровное место, землю’, *дунэн дайда* – ‘нетронутую степь’, *гараһан дайда* ‘родные места’ [10, стлб. 665]. Таким образом, словосочетание *дойду дьоно* буквально можно перевести как ‘степные люди’. Слово *дойду* присутствует и в самопрезентации якутов: *орто дойду дьоно* ‘люди срединного мира’ – и означает в широком значении ‘народ саха’ [4, с. 305].

Кроме долинных лугов, территория на вечной мерзлоте преподнесла предкам народа саха совершенно иной географический ландшафт, который также вошел в категорию открытого пространства. Это так называемые алаасы, термокарстовые образования, которые представляют собой плоские понижения от десятков метров до нескольких километров в диаметре, образовавшиеся за счет протаивания и просадки грунтов [5, с. 25]. Классические алаасы особенно широко распространены в равнинной части Якутии, в пределах Центрально-Якутской низменности, охватывающей бассейн средней Лены, Лено-Амгинское междуречье, бассейн Нижнего Вилюя [5, с. 21]. Отметим, что в современной науке есть разделение понятий: «алас» – географический объект как термокарстовое образование и «алаас» – как место проживания, отвечающее идеальному представлению об освоенном пространстве.

Алаасы с лесистой горою, остепненным лугом и остаточным озером представляли собой мини-копии великой долины *Туймаада*. Соотношение ландшафтных объектов «гора/лес-долина-озеро» затем становится основным критерием для создания идеального места проживания и доминантными символами в мировоззренческой картине мира. Концентрация скотоводческого населения около используемых природных ресурсов определила дисперсное расселение по *алаасам*.

Дальнейшее освоение якутами-скотоводами новых территорий и развертывание обширной сети постоянных поселений привели к усилению антропогенной нагрузки на окружающий ландшафт. Несметные богатства в виде «черных (коров) и белых (лошадей) бегунцов» требовали все большего пространства и освоения новых земель. Так, отколовшиеся от основной метрополии отдельные кланы – *ага уустара* – стали обживать таежно-луговые ландшафты Амгино-алданских речных систем. Отдельными ойкуменами для формирования локальных групп вилюйских и северных якутов стали бассейны рек Вилюй, Яна, Колыма и Индигирка. Степные очаги речных систем позволили продвинуть южную скотоводческую и коневодческую культуры далеко за пределами полярного круга.

С целью расширения кормовой базы и покосных земель якуты использовали и постоянно совершенствовали культурно-технические работы (вырубка лесов, корчевание пней, спуск озер и т. д.), в результате чего произошли трансформации обширных лесных массивов, целинных и залежных земель в окультуренные человеком земли [4, с. 63]. По мнению Л. Н. Гумилева, органично «вписываясь» в окружающий ландшафт, якуты своей производственно-хозяйственной деятельностью внесли изменения в ландшафт и биоценоз территории Якутии [6, с. 171].

Для архаичного человека, у которого было особо трепетное отношение к земле и природе, появление антропогенных долинных лугов *сыһыы* и искусственных озерно-луговых образований алаасов должно было происходить согласно сакральным стратегиям, направленным на поддержание гармоничного равновесия между природой и человеком. Для места жительства стали выбирать укромные алаасы *бютэй алаас*, в которых располагалась зимняя усадьба *кыстык*, а летом переезжали в *сайылыки* рядом с покосными и пастбищными землями.

Чрезмерное увеличение поголовья лошадей и скота воспринималось как антиэтикетное действие, требующее возмездия – *сэт*. В связи с чем, появляется новая мировоззренческая установка: на огромных долинных лугах имели право селиться лишь именитые богачи, способные оплатить дань небесным божествам *айыы* и устраивать жертвоприношение небесным божествам. Например, обряд «*Кыйдыы*» ‘погон косяка’ великие богачи устраивали, когда

количество домашнего скота достигало магической цифры. В этом случае определенное количество лошадей или скота одинаковой масти «отгонялось» в «исконные места», наверх, к создателям. Данный обряд означал, что богатый человек раскаивался о том, что он держал в неволе небесных созданий, и поэтому просит благословения жить и дальше в данной великой местности. Если же косяк возвращался обратно, то это считался большим грехом *аньыты*, а это означало, что творец не принял дар. Впоследствии богатство человека иссякало, а сам он вынуждался переехать в более глухое, малоприметное место [7, с. 14-17].

Таким образом, постепенно происходит трансформация ментального восприятия широкой долины, особенно у локальных групп вилюйских и северных якутов, чей ландшафт не располагал широкими равнинными долинами. В связи с чем, воспетые в мифопоэтике «широкие доли и поля» стали входить в категорию непригодных для жительства местностей. Появляются новые мировоззренческие представления, связанные с восприятием широких, красивых долин. По этому поводу якуты говорили: «*ааттаах сиргэ улуу баайдар эрэ олороллор*» ‘на великой долине, живут только великие богачи’, т.к. считали, что такое место «предназначено для избранных» [8, л. 208]. Кроме того говорили: «широкие долины, имея прекрасный вид сверху, приносят несчастья своим обитателям» [1, с. 49]; «широкий дол слишком виден свысока, злым духам или небожителям [9, с. 84]; «укромный алаас счастье приносит, а огромная долина счастье не уберезет, все разлетится» [7, л. 72] и т.д. Таким образом, в зависимости от окружающего ландшафта, представления, связанные с долинами стали трансформироваться и варьировать, в зависимости от локальной группы. В целом, широкие долины постепенно стали превращаться в покосно-пастбищные угодья, потеряв былую притягательность для организации жизненного пространства. Следует отметить, что новое географическое пространство и основанная на нем хозяйственно-культурная система постепенно смоделировали адаптированную под окружающие природно-климатические условия положительные характеристики «своего» пространства. Так, неотъемлемой и желательной характеристикой родной земли, родины становится статичность, стабильность и устойчивость.

Такое представление было сформировано в первую очередь оседлым образом жизни и связано с естественным желанием людей защититься, укрыться от стихии (в прямом и переносном смысле). В связи с чем, природные и культурные маркеры периферийной области, отделяющие «свое» пространство от «чужого» наделяются особой символической нагрузкой. Все, что входит в хозяйственно-освоенную территорию огораживается, появляются изгороди самых разных видов и назначений. Такое разнообразие изгородей и широкое их применение дало повод некоторым исследователям края называть Якутию «страной изгородей» [9, с. 26]. Появляется круг мировоззренческих представлений, подкрепляемых ритуальными действиями. Каждый вид изгороди обзаводится своим духом-иччи, непременно требующим особого к себе отношения. Так, путники (охотники) перед выходом в большую дорогу приносили духу-иччи изгороди жертву жирной пищей, оставляли кусок материи или свернутый конский волос, в надежде на скорое и благополучное возвращение [8, л. 130].

Тем не менее, благодаря культурной памяти народа, в языковой картине мира, сохраняются рудименты, связанные с кочевым бытом. Например, слово *хонуу* (диал. *ханьы*) ‘поля, поляна; чистое место с озером’ развивается Э.К. Пекарским из отглагольного имени *хон* – *уу*, где *хон* – глагол со значением ‘ночевать, остановится на ночевку’ + *уу* слово, употребляемое в двух значениях ‘1. сон; 2. вода’ [10, стб. 3482]. Интересно то, что в древнетюркском языке ‘место отдыха, ночевка’ переводится как «*хонау*» (*qonau*) [11, с. 455]. Так, можно сказать, что в символическом универсуме якутского слова *хонуу* заключена одна из сторон повседневного быта южных предков, для которых идеальным местом для ночевки во время кочевий является местность с водоемом.

Аккумулируя в себе идеальные представления о пригодной для проживания местности и «кормящего ландшафта», алаас становится основой национального нарратива народа саха и его территориальной идентичности.

Появляется так называемая «аласная культура», основанная на скотоводстве и коневодстве, а также социальная идентификация с пространством родного алааса. Отметим, что пространство алаас эмоционально и ментально воспринималось и воспринимается до

сих пор как особая, родная земля, родина. Действительно, у якутов ярко выражено чувство «слитности» с местом проживания: практически у каждого рода, семьи есть свой алаас, священный образ которого бережно передается из поколения в поколение.

Таким образом, новые природно-климатические особенности продиктовали свои условия для формирования пространственных представлений народа саха. Но как «фигуры воспоминания» в нарративных источниках и языковой картине мира сохранились пространственные представления и бытийный код, связанные с метафорой Юга.

Примечания

1. Предания и мифы. Новосибирск : Наука, 2003. 399 с.
2. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
3. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этногр. исслед. М. : РОССПЭН, 1993. 736 с.
4. Романова Е. Н., Игнатьева В. Б., Дьяконов В. М. Степная Арктика: «помнящая культура» номадов Севера // Геокультуры Арктики. Методология анализа и прикладные исследования. М. : Канон+, 2017. С. 295-327.
5. Босиков Н. П. Эволюция аласов Центральной Якутии. Якутск : ИМЗ СО РАН, 1991. 128 с.
6. Гумилев Л. Н. Этносфера : история людей и история природы. М. : Астрель, 2010. 578 с.
7. Саввин А. А. Угон скота в жертву духам. 1937 – 1941 гг. // Архив Якут. науч. центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 63. Л. 65.
8. Горинович В. Е. Народная медицина якутов // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 202. Оп.1. Д. 24. 280 л.
9. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в. : ист.-этногр. исслед. Новосибирск : Наука, 1986. 100 с.
10. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 3. СПб . : Наука, 2008.
11. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 677 с.

Мижддоржийн Ганжаргал, г. Улан-Батор, Монголия

Mizhiddorzhijn Ganzhargal, Ulaan-Baatar, Mongolia

**НЕКОТОРОЕ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПОГОВОРКИ
«ЕЗДОВАЯ ЛОШАДЬ – ПРИВЯЗАННЫЙ РЕБЕНОК»**

**SOME SYMBOLIC MEANING OF THE MONGOLIAN FOLK
SAYING «A RIDING HORSE -AN ATTACHED CHILD»**

Для восстановления традиций культуры детства необходимо учитывать все символические обряды в жизни человека, в том числе и детей. На каждом этапе жизни ребенка совершаются ежедневные и переходные обряды инкультурации (Arnold Van Gennep “rites de passage” : The Rites of passage L., 1960 P.10).

Автор статьи считает, что обряд привязывания ребенка является не только способом защиты детей от опасностей, но и имеет глубокое символическое значение. В статье формулируется вывод о том, что обряд привязывания ребенка представляет собой символическую комплексную систему и знак, который объясняет специфику традиционной монгольской культуры. Автор статьи надеется на дальнейшее изучение данной темы исследования в традиционной культуре других монгольских народов с целью уточнения ряда таких вопросов, как: что возможно потерять, что возможно сохранить и как передается обряд.

To restore the traditions of childhood culture it is necessary to consider all symbolic rituals in the life of a man, including children. At each stage of the life of a child daily and transitional rituals of inculturation are taking place (Arnold Van Gennep “rites de passage” : The Rites of passage L., 1960. P.10).

The author of the article considers that the ritual of attaching a child is not only the way to protect children from dangers, but also has a deep symbolic meaning. The article concludes that the ritual is a symbolic complex system and the sign that explains the specifics of the traditional Mongolian culture. The author hopes to continue to study this

theme further in the traditional cultures of other Mongolian peoples with the goal to specify some issues as what it is possible to lose and preserve and how the ritual is transmitted.

Ключевые слова: культурология детства, традиция привязывания малолетних детей, инкультурация.

Keywords: culturology of childhood, tradition of attaching small children, inculturation.

В современных быстро меняющихся социально-культурных условиях необходимо понять и осознать феномен «дети». В этом смысле традиционное общество имело мало внутренних конфликтов. В связи с существованием культурного разнообразия в современном обществе между ними возникают противоречия.

Когда человек отходит от традиционных норм, правил и образа жизни, он теряет надежду, входит в состояние психического давления. Главным выходом, чтобы не попасть в такую ситуацию, является изучение традиционного знания, которое помогает формированию у ребенка важных качеств, социальных отношений, культурных ценностей и норм.

Сегодня не только в Монголии, но и во всем мире необходимо восстанавливать традиционную культуру детства в целом и передавать ее из поколения в поколение. Это является связующим звеном обеспечения преемственности культуры.

В Монголии в достаточной степени изучена традиция воспитания и обучения детей. К примеру, исследователь Эрдэнэ-Очир Г. [1], ученый, доктор Сампилдэндэв Х. [2], Мишигдорж Д. [3], Намжил Т. [4] и др. рассматривали вопросы о том, как воспитывать детей в домашних условиях. Ученый, доктор Дулам С. [5], Ганзориг Р., Рэгэндорж Р. и др. изучали жизненный цикл ребенка и ритуалы возрастного перехода, таких как купание, стрижка, с точки зрения семантики.

Но недостаточно исследована тема данной статьи, практически отсутствуют научные труды, посвященные обряду привязывания младенца. В связи с этим мы рассмотрим традицию привязывания младенца на основе устных источников по этой теме как символ культуры.

Перед тем, как перейти к главному вопросу, хотелось бы кратко остановиться на направлении «культурология детства». Основатель исследовательского направления, так называемого «культурология детства» /название в России/, в США и в англоязычных странах «Childhood culture, Childhood anthropology» – американская исследовательница, антрополог Маргарет Мид. В Монголии данное направление получило развитие в рамках таких наук, как народная педагогика, этнография и история.

Для восстановления традиций культуры детства самым важным, что необходимо обязательно учесть, являются символические обряды на каждом этапе жизни человека, в том числе и детей. В монгольской традиционной культуре все символы детства содержат накопленный опыт поколений, ориентированные на правильный социокультурный путь развития ребенка. Например, имянаречение ребенка, «сделать лысого коричневого кролика» /поставить пятно на лбу /, обряды «мялаах», купание, привязывание веревкой ребенка, стрижка волос, обряд приветствия, закрутить волосы /сэвлэг/ и т. д.; на каждом этапе жизни ребенка совершаются ежедневные и переходные обряды инкультурации (Arnold Van Gennep “rites de passage” : The Rites of passage L., 1960 P. 10). Ритуал, связанный с рождением ребенка, не только начало жизненных обрядов, но и его многостороннее продолжение, другими словами, продолжение обрядов, в котором участвуют родители, родственники и другие люди [6, с. 1]. Все эти процессы называются инкультурацией, то есть процесс освоения индивидом норм общественной жизни и родной культуры.

Как сейчас происходит данный процесс у монгольских детей? Могут ли они быть носителями монгольской духовной культуры? Придет время, и необходимо будет ответить на эти вопросы.

Существует следующее определение инкультурации (enculturation) – продолжающийся всю жизнь процесс усвоения традиций, обычаев, ценностей и норм родной культуры [7, с. 195].

После того, как ребенок родился, происходят естественные биологические процессы, к этим добавляются искусственные, то есть совершаются обряды, определяются нормы и поведение как источник существования в культурном мире.

Человеку нужно видеть, слышать, идти и говорить; получается не биологический процесс, образующийся сам по себе в течение времени, а процесс, происходящий в результате определенного поведения, впоследствии ребенок становится носителем своей культуры.

В символике детства традиционной культуры ухаживания, воспитания ребенка важную роль играют некоторые предметы. Здесь, в первую очередь, можно назвать колыбель для новорожденного, пояс колыбели, игрушки. Кроме того, важной частью детства является устное творчество детей. Устное творчество – это особенное и многослойное явление, содержащее два основных раздела: первый – взрослые рассказывают детям /колыбельная песня, сказка, пословица, песни, загадка и др./; второй – дети придумывают сами /молва /.

В монгольской народной культуре детство – это феномен структурный, сакральный, пропитанный особенностями традиционной культуры, символическая природа которой предназначена для передачи культурных традиций и ценностей.

Одной из особенностей современной культуры считается то, что все отношения носят коммерческий характер, и это оказывает определенное влияние на культуру детства. В настоящее время символику детства и ее роль часто используют для положительной эмоции, уверенности в каком-нибудь предмете и мотивации приобретения.

Чтобы понять сущность детства современного времени, обратим внимание на мнение философа Ж. Бодрийера. Он считал, что в обществе постмодерна люди не покупают нужные вещи. А какой-то код подталкивает их покупать какую-то вещь. Любая вещь теряет функцию быть полезной, а потребительские цены становятся символическими; люди покупают вещи потому что предмет превращается в символ человеческого достоинства, богатства и власти. Вместо предоставления конкретных потребностей эти предметы-символы стали знаками отражения разных социальных групп.

Это значит, что исчезает традиционная культура, которая содержит народные знания и ценности, и образуется культура детства, притворная, отдаленная от народной культуры. В

современной культуре никто не ждет «взрослую жизнь», хотя быть как дети и подражать детям. Изменились ценности детства. Постфигуративная культура стала префигуративной. Современная культура детства определяется поверхностью, внешним видом и главное – потеряла традиции. Тем не менее, некоторые традиционные элементы воспитания детей имеют место в культуре нашего времени, но они поверхностны и утратили свое символическое значение. К примеру, в наше время совершается обряд стрижки волос, который имеет социальный характер, но утратил свое культурное значение.

Данные обряды уже перестали быть составляющей частью этического и поведенческого взаимодействия. Можно сказать, что преемственность потеряна. Обряд имеет самостоятельный смысл только в свое время.

Если объяснять прагматические цели привязывания веревкой младенца на уровне простого сознания, то есть со стороны формы, то этот обряд предохраняет ребенка от трех опасностей, в числе которых:

1. Угроза меча;
2. Пожароопасность;
3. Защита от копыт животных.

Привязывание – это не только способ защиты ребенка от опасностей, но и имеет глубокое символическое значение. Например, есть сказка о том, что непривязанный ребенок станет ребенком волка, то есть привязать младенца – это значит показать подготовку к жизни, и это дает первое понятие быть «человеком». В другой сказке рассказывается о действиях вороны и сороки. Они увели ребенка далеко от дома, и он заблудился. Таким образом, через сказки и мифы дается понимание преимущества и необходимости обычая привязывания детей.

Обратимся к материалу наших информантов о значении привязывания веревкой ребенка:

Гомбосурэн Д. /возраст 81, м., сомон Эрдэнэ аймака Дорноговь/: *«У нас 9 детей. Привязать ребенка – это защита от разных домашних опасностей. Завязка обычно делается из шерсти животных, бывает с петлей, завязывается монгольским народным способом «тооно туших». Благодаря завязке дети избегают*

несчастливого случая. Вообще, когда ребенок ползает, тогда начинаем привязывать. Когда ребенку исполняется 3 года, перестаем завязывать. Когда я был маленьким, говорили «Ездовая лошадь – привязанный ребенок».

Цагаанмаа Э. /возраст 78, ж., сомон Эрдэнэ аймак Дорноговь/ : «У меня большая семья, много детей. Мы скотоводы и не можем быть всегда рядом с детьми. Поэтому, можно сказать, роль родителей играет завязка, она полноценная защита малыша. Привязанный ребенок становится сдержанным и осторожным. Ээ, мои внуки, внучки, с ними труднее. Молодежь почти перестала привязывать младенца, просто сажают в китайские ходунки. В древние времена самый старший из семьи заплетал шерсть для того, чтобы начать этот обряд в день тигра, и ребенок быстро приспособился к завязке. Я приготовила для своих детей завязку, длина которой больше двух метров. Ту завязку мы передаем из поколения в поколение. Завязка ребенка очень почитаема. Считалось, что в ней всегда есть энергетика детей. Для нас завязка ребенка как узда лошади. Мы строго запрещаем наступать на завязку детей».

Днем начала привязки ребенка выбирается день тигра. И если ребенок родится именно в цикл, в год, в месяц, в день, в час тигра, то считается, что он будет «королем» пяти временных тигров. В первый день «Цагаан сар» проводится обряд почитания образа тигра в силу того, что считается, что он добавит старшим возраст, младшим – сладость. С помощью пяти тигров человек станет смелым, талантливым и справедливым [8].

Эрдэнэцоо Л. /возраст 57, ж., сомон Эрдэнэ аймак Дорноговь/ : «У нас шесть детей. Мы скотоводы, жили издавна так. Всех детей привязывали. Ребенок начинал ползать, одновременно начинали завязывать и продолжали привязывать до трех-четырех лет. Говорят, что если делать завязку из шерсти трех верблюдов-самцов, то это хорошо для ребенка».

Монголы соблюдают правила народной педагогической системы в воспитании детей. Например, дома их учат правильному движению. Поэтому их и привязывают. Считается, что привязанный ребенок защищен в любом случае.

Нельзя не упомянуть и о том, что обряд привязывания ребенка различается в регионах страны. Например, в Западной Монголии делают завязку кусочком кожи оленя. Говорят, что это очень хорошо для детей, символизирует долголетие [9].

Тангад Д. /этнограф/ : *«Обряд привязывания детей прямо связан со скотоводством. Как я понимаю, если будешь привязывать ребенка, он будет сильным, талантливым и стремительным. В горных зонах делают завязку из кусочка кожи оленя, желая долгой жизни, а в Гоби обращают внимание на прочность завязки, и потому используют шерсть верблюда-самца. Считается, что шерсть верблюда-самца отгоняет плохое».*

Значение привязывания детей часто связывают с его физическим развитием. Например, монгольские дети начинают ходить раньше всех, они крепкие и шустры, и в этом большую роль играет рассматриваемая нами традиция [9].

Более того, когда монголы привязывают ребенка, его благословляют быть крепким, смелым, добрым, как сама завязка. Таким образом, обряд привязывания является основным элементом в жизни ребенка и его обучения.

Выводы:

Резюмируя, можно отметить следующие особенности рассматриваемого обряда:

1. Монгольский традиционный обряд привязывания малолетнего ребенка имеет прагматические цели: защитить от опасности меча и ножа, пожароопасности и животных. Кроме того, данный обряд имеет символическое значение, то есть обряд, содержащий духовную традицию монголов, – «дети высшее богатство».

2. Поговорка «Ездая лошадь – привязанный ребенок» имеет несколько символических значений в традиционной культуре монголов. Культура – это нормы и важный инструмент для человека, чтобы быть гуманным, поэтому монгольский обряд привязывания малолетнего ребенка с точки зрения прагматики важен, но на самом деле является символической системой, которая научит ребенка к нормам, запретам общества.

3. День начала привязывания выбирается специально, в большинстве случаев в день тигра, поскольку тигр – это символ смелости, хорошей памяти и справедливости.

4. Материал завязки сохраняет особенности регионов страны. К примеру, в аймаках Гоби используется шерсть верблюда-самца, а в северных аймаках – кожа оленя. Шерсть верблюда-самца символизирует долговечную жизнь, энергичность и смелость, а кожа оленя – долгую как у оленя жизнь.

5. Завязка ребенка имеет сакральный смысл и потому связывали ее с душой ребенка.

6. Привязывать ребенка было важно для того, чтобы он рос смелым, физически хорошо развитым, соответствующим к жестким условиям кочевой жизни.

7. С точки зрения «эволюции» известного английского антрополога В. Тернера, со времени ползания ребенка до совершения сознательных поступков, обряд привязывания можно считать решающим циклом и процессом эволюции.

8. Обряд привязывания ребенка необходимо восстановить и сделать одним из основных способов воспитания детей в современной семье. Таким образом, возможно обеспечить преемственность традиций и культуры.

Можно сделать вывод о том, что обряд привязания ребенка – это символическая комплексная система и знак, который объясняет особенности традиционной культуры. В дальнейшем нам хотелось бы расширить данную тему исследования среди других монгольских народов с целью уточнения ряда вопросов по обряду привязывания ребенка: как передается, что можем потерять и что можем сохранить.

Примечания

1. Эрдэнэ-Очир Г. Хүнээр хүн хийх ухааны сурвалж. УБ., 1991.

2. Сампилдэндэв Х. Монгол ардын сурган хүмүүжүүлэх зүйн туршлага. УБ., 1995.

3. Мишигдорж Д. Ардын аман зохиол сурган хүмүүжүүлэх зүйн шүтэлцээ. УБ., 1992.

4. Намжил Т. Монголчуудын гэр бүлийн хүмүүжлийн уламжлал. УБ., 1996.
5. Дулам С.Тооны бэлгэдэл зүй. УБ., 2011.
6. Минститова М. В. Традиции и инновации в отечественной культуре детства // Общество. 2011. № 3(20). С. 76-80.
7. Кравченко А. И. Культурология : словарь. М., 2001, с. 195.
8. Данзанноровын хүү Таван барын үлгэр. УБ., 1997. Х. 1.
9. Намжил Уламжлалт. Монгол гэр бүл дэх бага насны хүүхдийн хүмүүжил. УБ., 2006. Х. 36.

Список информантов:

1. Гомбосүрэн Д., 81 год, муж., пастух, был главой села, представитель сомона Эрдэнэ аймака Дорноговь (2018.07.15, 16).
2. Цагаанмаа Э., 78 лет, жен., представительница сомона Эрдэнэ аймака Дорноговь (2018).
3. Эрдэнэцоо Л., 57 лет, жен., скотовод, представительница сомона Эрдэнэ аймака Дорноговь (2018).
4. Тангад Д., этнограф, старший преподаватель Института культуры Монгольского государственного университета культуры и искусства (2018.03.18.).

УДК 786/789(091)(=512.157)

Прокопьева А. Н., г. Якутск, Россия

Prokopyeva A. N., Yakutsk, Russia

ЯКУТСКИЙ КОСТЯНОЙ ВАРГАН

THE YAKUT BONE JEW'S HARP

Статья посвящена пластинчатому костяному варгану, известному в литературе только по фольклорным материалам. Рассмотрено костяное изделие невыясненного назначения, обнаруженное в якутском поселении XVIII в. в 1980-х гг. Сравнение предмета с известными пластинчатыми варганами народов Сибири показало, что изделие вероятно являлось костяным варганом «унуох хомус».

The article is devoted to the lamellar bone jew's harp, known in literature only from the folklore materials. The article considers the bone item of unclear purpose discovered in the settlement of the XVIII century in the 1980s. The comparison of the object with the well-known lamellar jew's harps of the peoples of Siberia showed that the object was probably a bone jew's harp «унуох хомус».

Ключевые слова: якуты, варган, хомус, виды варгана, музыкальный инструмент, музыкальная традиция, археологический памятник, кость, дерево.

Keywords: the Yakuts, jew's harp, khomus, types of jew's harps, musical instrument, musical tradition, archaeological monument, bone, tree.

В 1970-1980-е годы Якутский государственный университет проводил систематическое изучение поселений XIV-XVIII вв. под руководством А.И. Гоголева. Благодаря этим исследованиям была открыта кулун-атахская археологическая культура XIV-XVI вв., дана характеристика якутских поселений XVII-XVIII вв. [1; 2; 3]. Кроме большого количества керамических изделий, на якутских поселениях XVIII в. было обнаружено множество костяных предметов. Большая часть этих изделий – черешковые наконечники стрел. Встречаются бытовые изделия: застежки, наструги, лопаточки, обломки гребней. Среди массы костяных изделий встречаются предметы, назначение которых остается неясным в силу их фрагментированности или уникальности. Один из таких предметов привлекает особое внимание, и на гипотезе об его назначении построена данная работа.

Поселение Уорай расположено в 3,5 км к юго-востоку от с. Бетюнцы Амгинского района РС(Я). Поселение занимало площадь около 40-46 кв. м. и состояло из пяти жилищ [1, с. 70-71]. По керамическому комплексу памятник был датирован XVIII – началом XIX вв. В заполнении жилища №2 был обнаружен обломок костяной пластики. Высота сохранившейся части – 5,4 см, ширина – 2 см. Ниже 1 см от верхней кромки пластина расщеплена на три части, причем центральная часть толще двух боковых (в среднем 1 см и 0,5 см соответственно). Место начала расщепления обозначено маленькими круглыми отверстиями. Внешний вид и принцип рас-

щепления данной пластины аналогичен пластинчатым варганам народов Западной Сибири и арктической зоны Северо-Восточной Сибири, особенно близок селькупскому пластинчатому варгану «Панкыр» [4, с. 221, фото 15].

Судя по сохранившемуся фрагменту, якутский костяной варган во многом был схож с деревянным пластинчатым. Один из таких варганов сохранился в коллекции Берлинского этнологического музея (Инв. № I А 720). Это вырезанная из дерева продолговатая пластина с вырезанным посередине язычком. К основанию язычка веревкой из конского волоса привязана палочка для зашпигования [5, с. 360]. Его внешний вид соответствует приведенному в труде А.Ф. Миддендорфа [6, с. 808]. Так как нижняя часть изделия из поселения Уорай отсутствует, остается открытым вопрос формы язычка: был он ступенчатым или клиновидным. Требуется уточнения и материал изготовления. Костяные варганы народов Сибири могли быть изготовлены из ребер и кости домашних и диких животных, рога и бивня мамонта.

О существовании пластинчатого варгана в якутской культуре долгое время было известно только по фольклорным материалам [7, с. 6-7] и письменным источникам [6, с. 808; 8, с. 369]. Было высказано мнение, что в своем труде А. Ф. Миддендорф мог перепутать с эвенским варганом или застать последние годы бытования пластинчатого варгана у якутов [9, с. 43]. Тем не менее, исследователи варгана согласны в своих взглядах на то, что в ранние времена у якутов существовали следующие разновидности варгана: «кулуһун хомус» (камышовый), «мас хомус» (деревянный), «уңуох хомус» (костяной). В.Е. Дьяконова в типологии якутского варгана выделяет наиболее раннюю архаичную подгруппу, состоящую из пластинчатых деревянных и костяных/роговых варганов [10]. Если ко времени посещения Якутии А. Ф. Миддендорфом, А. И. Худяковым деревянные варганы еще встречались, то костяные уже тогда были известны лишь по устным сведениям. Видимо, ко времени становления музейного дела в Якутии, и деревянный тип варганов вышел из массового употребления, т.к. в музейных собраниях Якутии пластинчатые варганы не фиксируются. Единичные случаи бытования подобных варганов продолжалось в вилюйской группе улусов вплоть до начала XX в. Известно, что знаток якутской му-

зыкальной культуры, народный певец С. А. Зверев (1900 г.р.) застал в своем детстве деревянный пластинчатый хомус. В своих воспоминаниях он говорил, что подобные варганы женщины изготавливали для своих детей что бы отвлечь и успокоить их и он сам, будучи ребенком, изготавливал такие игрушки из расщепленного дерева [7, с. 7].

Многие специалисты в области якутских музыкальных инструментов отмечали, что варган являлся преимущественно женским инструментом и был связан с традицией любовных признаний [11, с. 23; 12, с. 71; 13, с. 65-66]. Возможно, в пользу гендерной окраски варгана говорит единственный известный на данный момент факт обнаружения варгана в женском погребении [14]. Кроме этого, использование варгана в женской шаманской практике зафиксировано у А. И. Худякова. Он записал легенду о молодой шаманке Дьэрэлийэр, у которой за шелковым кушаком на поясе были воткнуты семь или восемь железных посеребренных варганов. Шаманка раздавала варганы своим спутникам, они начинали игру, а Дьэрэлийэр присоединялась к ним [8, с. 362]. В целом, варгановеды и музыковеды не раз отмечали связь варганной игры с женской сферой. Часть специалистов склонна видеть в игре на варгане способ обхода системы запретов по отношению к невесткам, в частности табу на произношение названий тотемных птиц и животных, имен отдельных представителей рода мужа [15, с. 14-15].

Специалисты сходятся во мнении, что металлический дуговой варган стал популярен только в XIX в., постепенно приобрел преобладающее значение и вытеснил другие виды, а путешественники и исследователи Сибири XIX в. застали последние образцы пластинчатых варганов. Бытование до середины XIX в. пластинчатого костяного или деревянного варгана со своеобразным звучанием объясняют тем, что в ранние времена варган носил личный, интимно-камерный характер звучания и использовался в культовых обрядах [11], а металлический звучный варган стал популярен благодаря изменению музыкальных традиций – появились коллективные исполнения и исполнения при стечении народа. История металлического дугового варгана в контексте якутской культуры все еще остается предметом обсуждения. Самый ранний металлический варган на территории Якутии был обнаружен в Алазейском

остроге (основан в 1642 г. на правом притоке р. Алазея) [16, с. 40]. А. Н. Алексеев видит в этом взаимовлияние культур и считает, что русское население острога переняло этот инструмент у якутов [16, с. 59]. Но и обратное здесь не следует полностью исключать.

Таким образом, вероятно костяное изделие из поселения Уорай является единственным известным якутским костяным варганом. Его крайняя редкость может быть связана с его архаичностью, т.к. в XIX в. этот вид варгана перестал бытовать, а концу века пластинчатый тип варганов в целом был большой редкостью. Не менее важным вопросом остается параллельное существование пластинчатых и дуговых типов варгана в якутской культуре, было ли это связано с разделением на «ритуальную» и «светскую» сферу функционирования, с расселением отдельных родов или влиянием других культур.

Примечания

1. Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV-XVIII вв. Иркутск, 1990. 192 с.

2. Гоголев А. И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск : Якут. ун-т, 1993. 136 с.

3. Гоголев А. И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. Якутск : Издат. дом СВФУ, 2018. 256 с.

4. Губайдуллин Ф. Ф. Музыкальные инструменты традиционной исполнительской культуры селькупов: этноорганологический аспект : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. Москва, 2017. 331 с.

5. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). Т. 2, кн. 1 : Музеи Германии : каталог. Якутск : Салама, 2018. 784 с.

6. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Ч. 2, Отд. 6 : Коренные жители Сибири. СПб : Тип. Имп. акад. наук, 1878. С. 619-833.

7. Чахов А. И. Саха былгыры музыкальной инструменнара [Якутские старинные музыкальные инструменты]. Якутск : Бичик, 1993. 74 с. (на якут. яз.)

8. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 437 с.

9. Никифорова В. С. Некоторые особенности фольклорных наигрышей на якутском хомусе // Варган (хомус) и его музыка : материалы I всесоюз. конф., 1988 г. Якутск, 1991. С. 43-51.

10. Дьяконова В. Г. Типология якутского хомуса // Хомус (варган): историко-культурные традиции и музыкально-терапевтические практики : сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф. Якутск : Музей и Центр хомуса народов мира, 2019. С. 72-79.

11. Алексеева Г. Г. Якутская хомусная музыка // Варган (хомус) и его музыка : материалы I всесоюз. конф., 1988 г. Якутск, 1991. С. 23-28.

12. Жирков М. Н. Якутская народная музыка. Якутск : Кн. изд-во, 1981. 118 с.

13. Ларионова А. С. Хомусное исполнительство: традиции и новации // Хомус (варган): историко-культурные традиции и музыкально-терапевтические практики : сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф. Якутск : Музей и Центр хомуса народов мира, 2019. С. 64-71.

14. Национальный архив Республики Саха (Якутия) Ф. 1407. Оп. 1. Д. 43.

15. Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. О чем говорит "говорящий варган": варган и личная песня как основание темброво-ориентированных музыкальных систем // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1 (37). С. 5-32.

16. Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII-XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 152 с.

Шойбонова С. В., г. Улан-Удэ, Россия

Shoybonova S. V., Ulan-Ude, Russia

**ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА
И ПРИРОДЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

**REFLECTION OF HUMAN-NATURE INTERACTION
IN THE ONOMASTIC WORLD PICTURE**

Статья посвящена рассмотрению особенностей взаимодействия человека и природы на материале ономастики, в частности художественной ономастики, определению этнокультурной значимости ономастического материала в отражении национальной картины мира.

The article considers the features of human-nature interaction on the material of onomastics, literary onomastics in particular, determines its ethnocultural significance in reflecting the national world picture.

Ключевые слова: ономастика, литературная ономастика, человек, природа, взаимодействие, картина мира.

Keywords: onomastics, literary onomastics, human, nature, relationship, world picture.

Известен тезис о том, что окружающая действительность может быть представлена в сознании человека сквозь призму определенной картины мира. «Язык выражает и эксплицирует национальную картину мира. Картина мира связывает язык и сознание, возникая в процессе репрезентации человеком окружающей действительности, она выражает специфику его бытия, его взаимоотношений с миром. Картина мира, эксплицированная средствами языка и отраженная в языковом сознании его носителей – это языковая картина мира» [6, с. 26].

На сегодняшний день в этом смысле одним из перспективных научных направлений признается когнитивная лингвистика. Известно, что когнитивный подход позволяет подробно рассмотреть познавательный опыт людей в разных сферах жизнедеятельно-

сти. В сознании человека формируются знания и представления об окружающей природе и в целом о мире. Общеизвестно, что менталитет народа представляется определенными концептами. Вне сомнений, язык как значимая часть культуры выражает национальную специфику восприятия окружающего мира, и потому изучение содержания концептов позволяет выявить особенности этнической культуры.

Особая актуальность изучения проприальной лексики в рамках когнитивного подхода видится и в изучении имен собственных, функционирующих в сюжетной ткани художественных произведений. И потому предлагаем обратиться к рассмотрению ономастического материала, зафиксированного в прозаических произведениях монгольских писателей.

В своей книге «Монгол хүний нэр, хоч нэрийн сан» Жанцангийн Бат-Ирээдүй приводит прозвища персонажей монгольских прозаических произведений, среди которых имеются именованья, ярко отражающие особенности взаимодействия человека и природы. Обратимся к данным примерам. Прозвище *Шумуул Жамц* 'Комар Жамц' из произведения С. Эрдэнэ «*Өвгөн шувуу*» («*Старая птица*»): «*Жав гуайн багын түнш бөгөөд гээгэт Найдан хэмээх хүдэр хар өвгөн нутгийн их хүндтэй хүн, олон жил Жав гуайтай хамт баг сумын элдэв алба хааж явсан боргоцой Дорлиг, үеэл болох шумуул Жамц гэгч жонгиносон нарийхан дуутай өвгөн үхэлд тулсан нөхрийгөө ингэж наргиж наадаж байх юм гэж санасангүй*» – «Найдан, крепкий старик, имеющий почет у себя на родине; он в одной команде с уважаемым Жав. Двоюродный брат Комар Жамц с тонким голосом и не подумал, что будет так весело» [1, с. 108]. Или другой пример из произведения Д. Маам «*Газар шороо*» («*Земля*»): «*Базар уулын Ду ноёны руу галгиулан явлаа. Зүүн гар адуучны Дугар ноёны адууны бэлчээр даган голуу уул овоотой нутаг хэсэж нутаглах тул чингээж уулын Ду ноён нэр зүүжээ*» – «Базар бросился в сторону хозяина горы Ду. По левую сторону, вдоль пастбища господина Дугара, расположена гористая местность, ради присвоения которого он поменял свое имя на Хозяин горы Ду» [1, с. 96].

Примечательными являются такие антропонимы, как *Хөх Чоно* («Синий волк»), *Мөнхтэнгэр* («Вечное Небо»), *Сарлаг толгой*

Сэнгэд («Сэнгэд с головой вола»), *Мэлхий хамар Сэнгэд* («Сэнгэд с носом черепахи»), *Баавгай* («Медведь»), *Далай* («Море»), *Загас* («Рыба»), *Халиунаа* («Выдра»), *Хулганаа* («Мышь»), *Хулан* («Кулан»), *Бух Дагдан* («Бык Дагдан»), которые также представляют национальную картину мира, взаимоотношение человека с флорой и фауной.

Известно, что антропоцентрическая ориентация в пространстве у монголоязычных народов является основополагающей. «Один из архаичных пластов в топонимии, и вероятно, в культуре гор – способ обозначать отдельные части горы по аналогии с частями человеческого тела, осуществлявший тем самым антропоморфизацию главной точки ландшафта и ее духа-хозяина одновременно» [2, с. 29].

В произведениях монгольских мастеров слова можно обнаружить имена собственные, наглядно отражающие данное утверждение. К примеру, в рассказе Д. Оюунчимэг *«Уулын нүд»* («Глаза горы»): *«Гэтэл хаанаас ч юм “Яг одоо би нүднийх нь хажууд сууж байна” гэсэн уянгалаг санаа гялсхийн харвахуй манай жаахан залуу харайч босчээ. “Уулын нүд! Уулын нүд! Тийм ээ, энэ Хонхорын Гилэн чинь Цагаан уулын нүд нь юм байна шуу дээ!” Болд баярласандаа Гилэн хадыг бүтэн тойрон гүйв»* – «Вдруг промелькнула мысль: “А я-то сейчас сижу рядом с его глазами”, и наш паренек подскочил с места. “Глаза горы! Глаза горы! Да, да! Гора Хонхорын Гилэн является глазами большой Цагаан горы!”. От радости Болд начал бегать вокруг горы Гилэн» [5, с. 187].

Монголоязычные народы с незапамятных времен считали, что окружающие их горы имеют своего духа, хозяина. И потому широко известна традиция «брызгать» хозяевам гор с целью проявления особого уважения. Фрагмент, описывающий подобное действие, зафиксирован в романе *«Тунгалаг Тамир»* («Прозрачный Тамир»): *«Босож шууд явсаар галын дэргэд ирээд овлзон буцалж байгаа цайнаас жижиг төмөр шанагаар хутгаж «Тайшир хан минь» гэж шивгэнэн баруун зүг өргөснөө дахин хутгаж «Хангай дэлхий минь» гээд өмнөх түнтгэр ногоон уул өөд өргөв»* – «Подскочив и быстро подойдя к огню, он зачерпнул маленькой поварешкой чай и брызнул на запад, шепча:

«Моему Тайшир хану». Затем зачерпнул еще раз и брызнул на юг, пробормотав: «Моему Хангаю» [3, с. 9].

В повести С. Пүрэв *«Азийн цэнхэр уул»* («Синие горы Азии») также описывается народный обычай по задабриванию хозяев гор, местностей: *«Ёс төрийг бодож Алтайдаа цайны дээж өргөн аав ээж маань ч сайхан заншилтай улс байж дээ. Нутгаа хайрласнаас л ийм заншил гарсан байх даа гэж санан түүхий сүүний тос даасан бяслаг, зүсэм өрөм, хэдэн ааруул овоон дээр тавилаа. Үүнийг Алтай зооглохуй. Алтай минь нэг амьд амьтан үнэг туулай ч юм уу, жигүүртэн үгүй дээ чоно ч бол аваад идчихэг гэж бодов»* – «Чтя обычай предков, первым делом Чулун брызнула чаем в сторону Алтая, положила на обо сыр, кусок урэма и немного сушеного творога. Мой Алтай не будет есть принесенную ему еду, зато ею полакомятся звери и птицы, будь то лиса, заяц, малая птаха или даже волк» [7, с. 67]. Необычно название горы *Хурмаст-Тэнгэр*, где Хурмаст является именем мифического персонажа – Верховного из всемирных духов; монг. Тэнгэр – «небо».

Справедливо считается, что языковая картина мира монгольских народов тесно связана с конкретно-чувственным типом ориентации в пространстве. В романе Д. Намдага *«Цаг төрийн үймээн»* («Смутное время») находим следующее: *«Уг газрын байдал Хангай говийн зааг, нам дор газар бөгөөд тэр дунд Дулаан хайрхан хэмээх гурван хэсэг огцом оргилтой уул... нам тайвнаар ширтэх мэт бараагнан сүндэрлэнэ. Уг нь энэ уул төдий том биш боловч өвөл, хаврын цагийн хатууд адуу малыг нөмөрдүүлэн бараадуулахад таатай байдаг тул «Дулаан» гэж нэрлээд зогсонгүй «Хайрхан» гэдэг хүндэт цол өргөн алдаршуулсан ажээ»* – «На границе с гобийским Хангаем величественно возвышаются три вершины горы Дулаан Хайрхан. Здесь очень удобно укрывать стадо в зимнюю стужу, и весенние холода. Поэтому эта гора получила название Дулаан («Теплый»). И спустя некоторое время гора Дулаан прославилась как «Хайрхан» («милостивая, любезная»)» [4, с. 542].

При выборе места для стойбища монголы обращали особое внимание и на качество воды, что и доказывает наш топонимиче-

ский материал: *Сайн усны гол* – «Река с хорошей водой», *Амны Ус* – «питьевая вода», *Наранбулаг* – «солнце+родник».

Резюмируя, следует сказать, что анализ концептуального содержания ономастического материала монгольской прозы свидетельствует о том, что литературная ономастика наглядно отражает национальную картину мира, специфику особого отношения монгольского народа к окружающей природе и этнические особенности освоения пространства.

Примечания

1. Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хүний нэр, хоч нэрийн сан. Улаанбаатар, 2009. 120 х.
2. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика. М. : Вост. лит., 2002. 274 с.
3. Лодойдамба Ч. Тунгалаг Тамир. Улаанбаатар, 2005. 659 х.
4. Намдаг Д. Цаг төрийн үймээн. Улаанбаатар, 1988. 741 х.
5. Оюунчимэг Д. Уулын нүд // Тэнгэрийн цаг болоогүй. Улаанбаатар, 2019. Х. 165-190.
6. Позднякова Е. Ю. Языковая картина мира и языковое пространство во взаимосвязи «язык-культура» // Филология и человек. 2010. № 1. С. 20-28.
7. Пүрэв С. Азийн цэнхэр уул // Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 2007. Х. 60-71.

УДК 398.9(=512.31)

Гымпилова С. Д., г. Улан-Удэ, Россия

Gympilova S. D., Ulan-Ude, Russia

МАЛЫЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

SMALL GENRES OF FOLKLORE IN THE BURYATS' TRADITIONAL CULTURE

В статье предпринята попытка представить «традиционное мировоззрение» монгольских народов, в частности бурят, через

призму фольклорных текстов, поскольку в них отражается практически весь уклад их хозяйственной и культурной деятельности. Актуальность исследования определяется тем, что фольклорная картина мира, являющаяся важнейшей частью языковой картины мира монгольских народов, остается до сих пор недостаточно изученной темой в рассмотрении их традиционного мировоззрения. Кроме того, современный период развития монгольской этнической общности характеризуется заметными переменами в отражении фольклорной картины мира. Отметим, что специфика бытования малых жанров фольклора бурят отражается в некоторой трансформации отдельных фольклорных текстов.

The article attempts to present "the traditional worldview" of the Mongolian peoples through the prism of folklore texts as they reflect practically the entire order of their economic and cultural activity. The research relevance is determined by the fact that the folklore world picture being the most important part of the language world of the Mongolian peoples, remains an insufficiently explored subject in studying their traditional worldview. Besides, the modern period of the Mongolian ethnic community development is characterized by noticeable changes in the reflection of the folklore world picture. It should be noted that the specifics of the small genres of the Buryats' folklore is reflected in the transformation of some folklore texts.

Ключевые слова: традиционная культура, монгольские народы, малые жанры фольклора, пословицы, поговорки.

Keywords: traditional culture, the Mongolian peoples, small genres of folklore, proverbs, sayings.

Традиционная культура в разных ее проявлениях (фольклор, искусство, одежда и т.д.) является ценностью любого народа, общества. Поэтому основными условиями ее существования являются не только сохранение и развитие традиций, но и популяризация как в рамках одной общности, так и за ее пределами.

Культурная ценность произведений устной народной поэзии в современном обществе все более возрастает в связи с актуализацией изучения традиционной духовной культуры, содержащей особенности мышления, мировоззрения и мироощущения народа. Осо-

бенно ярко процесс актуализации отражается в малых жанрах фольклорной системы – пословицах, поговорках.

Афористическая поэзия бурят как один из развитых и подвижных жанров устного народного творчества является важной составной частью духовной культуры и речевого богатства этноса. Воспитательное воздействие мудрых изречений имело большую ценность и в развитии духовной культуры народа. Обращение к ним способствовало тому, что положительные качества характера, отраженные в пословицах и поговорках, становились внутренней потребностью человека.

Семантический анализ паремий позволяет выявить традиционные ценностно-значимые представления этноса о человеке в совокупности определенных свойств, качеств, видов деятельности, его отношения к миру, а также его восприятия основных категорий картины мира на основе накопленной информации культурно-исторического характера.

Отметим, что в центре языковой картины мира находится человек, то есть его духовный потенциал, метафорически воспринимаемый с помощью образов, связанных с культурной и хозяйственной деятельностью людей и окружающей средой (животным и растительным миром).

В семантическом аспекте емкие и употребляющиеся в разных речевых ситуациях, с различными целями образцы афористической поэзии бурят – паремии обладают целостной содержательно-смысловой, экспрессивно-образной структурами. Пословицы как устойчивые в языке и воспроизводимые в речи обобщающие полифункциональные высказывания являются вторичными языковыми знаками (замкнутыми устойчивыми фразами), некоторые элементы которых наделены переносным значением и могут использоваться в дидактических целях. Они зачастую выступают в качестве маркеров ситуаций или отношений между реалиями.

Сравнительный анализ образцов малых жанров позволил выделить основные значимые концепты социума («Человек», «Семья, род», «Морально-этические ценности»), воплощение которых актуализирует целый ряд общечеловеческих ценностей и дидактических установок.

Человек в пословицах и поговорках зачастую представлен как центральное действующее лицо. Поскольку человек оценивает факты своей жизни по их значимости, реализует свое отношение к миру, ценностью является всё, что имеет для него важнейшее значение, личностный или общественный смысл.

Исследование концепта «Человек» в пословичном фонде бурят выявило следующие основные группы: «Место человека в коллективе»; «Семья. Родственные отношения»; «Мужчина и женщина»; «Молодость и старость»; «Наружность-суть», «Людские пороки».

1 группа «Место человека в коллективе». В паремийном фонде бурят широко представлены пословицы и поговорки, в которых отражено место человека в обществе, содержится оценка человека:

Агтын яһан арада хосорхо, Кости скакуна на южной стороне истлеют,
Эрын яһан үбэртэ хосорхо. Кости мужчины на севере истлеют¹.
[1, с. 146]

Хүнэй һайнише үбгэд мэдэхэ, Хорошее в человеке старики знают,
Түмэрэй һайнише дархан мэдэхэ. Хорошее железо кузнец знает.
[3, с. 219]
[перевод наш]

Для человека огромное значение имеет окружающая среда, круг общения, в процессе коммуникации происходит передача информации, взаимное обогащение знаний. Образованный человек всегда ассоциировался со светлым, ярким образом, он является примером подражания:

һураагүй гэмшэлтэй, Необразованный – темный.
һураһан гэрэлтэй. Образованный – освещенный
[3, с. 303]

һургуулитай хүн толон соо ябаха, Образованный человек озарен светом,
һургуулигүй хүн манан соо ябаха. Неграмотный человек словно в тумане.
[3, с. 304]

---

¹ Перевод бурятских пословиц выполнен автором статьи.

*Хүнхөө жэшээ абадаг,
Хүдэлмэрихөө дүршэл абадаг.*

С человека пример берут,
В работе навыки обретают.

[1, с. 37]

2 группа «Семья. Родственные отношения» содержит сведения о разных уровнях социальных связей. Исключительно важное место занимали представления об обществе – роде, племени. Известно, что у монголоязычных народов издавна принято было при знакомстве спрашивать человека о его принадлежности к какому-либо роду, племени. В обществе сквозь призму фольклорных текстов, в частности пословиц, поговорок можно определить отношение человека к родословной отдельных личностей. Например, у бурят Монголии и Внутренней Монголии КНР в настоящий период бытуют такие родовые пословицы:

Шарайдай байгаагүй нутаг угы, Нет места, где бы не были шарайты,

Шаазгайн хуугаагүй модон угы. Нет дерева, где бы не сидела сорока.

[Материалы автора]

Схожей по содержанию является паремия, бытующая у эхиритцев:

Алаг шаазгайн хуугаагүй газар угы, Нет места, где бы ни сидела сорока,

Шарайдай ябаагүй газар угы. Нет места, где бы ни были шарайты.

[Материалы автора]

Лексически разные пословицы об одном и том же роде шарайт свидетельствуют о его многочисленности, поскольку этот род распространен не только среди бурят России, но и в Монголии, Внутренней Монголии КНР.

Значение рода в бурятской среде особенно наглядно проявлялось на фоне важнейших событий в жизни семьи / родового сообщества – свадеб, рождений детей, похорон. В прошлом высказывание «породниться» несло в себе более глубокий смысл – установление близких отношений не с конкретным человеком, а с определенным родом. Поэтому при выборе невесты более ценными представлялись сведения о роде (хорошая родословная) и личные качества невесты. Например:

*hүхэ абаха хүн үнгыень шэлэхэ,
Хүгшэ абаха хүн удхыень шэлэхэ.*

Үүдэ муутайн хойморто бү һуу,

Эхэ муутайн үхи бү аба.

Выбирают топор по качеству,
А жену – по происхождению.
[3, с. 265]

Не садись в хоймор юрты
с плохой дверью
Не бери в жены девушку
с плохой матерью.

[3, с. 258]

Зафиксированы и другие изречения, отражающие значимость рода в жизни каждого человека:

Хүн муудахадаа түрэлээрөө тэмсэдэг,

Шубуун муудахадаа уургайтаяа тэмсэдэг.

*Хүн удхаараа,
Уһан эрьеэрээ.*

Человеку плохо –
стремится к родне,

Птице плохо – к гнезду.

Человека держит род,
Воду – берег.

[1, с. 134]

[3, с. 263]

В отдельных пословицах конкретизируется, что если человек пренебрегает родственными связями, то это приводит к бедности, беспомощности и беззащитности:

*Уһаа голоһон адаһан муудаха,
Урагаа голоһон хүн үгырхэ.*

Брезгующий водой табун худеет,
Брезгующий родными человек
обеднеет.

[1, с. 125]

В отдельных афористических выражениях ярко выражен традиционный обычай почитания старших, необходимость которого сводится к тому, что в их жизненной практике, накопленных знаниях есть много полезного и нужного для молодого поколения. Например:

*Болоһонһоо ама хүрэ,
Бууралһаа үгэ дуула.*

Сваренную [еду] отведай,
Седовласового [человека] послушай.

[2, с. 33]

*Үхэр мал –
Үбһэ тэжээлээр,
Үри хүбүүд –
Үбгэдэй һургаалаар.*

Скот [хорош]
от сена, корма зависит,
Дети [хороши],
от воспитания старших зависит

[3, с. 260]

3 группа «Мужчина и женщина». В эту группу входят паремии, в которых отражены качественные характеристики мужчины и женщины:

хайн эрэ

сэрэг дайнда яһаа хаяха,

Муу эрэ

гэрэй хойно яһаа хаяха.

Хороший мужчина

на войне умирает.

Плохой мужчина

позади дома умирает.

[1, с. 148]

Эрэ муушые һаа,

Эмынгээ хоолой тэжээдэг,

Эмэ муушые һаа,

Үрынгөө хоолой тэжээдэг.

Хоть и плохой мужчина,

но кормит жену,

Хоть и плохая женщина,

но детей кормит.

[3, с. 266]

хайн гэргэн гэрэй гоёлто,

Муу гэргэн гэрэй бог.

Хорошая жена украшение дома,

Плохая жена обуза дома.

[1, с. 136]

Данный пример показывает, что есть пословицы, в которых позитивные и негативные образы мужчины и женщины в контексте их традиционных социальных ролей зачастую осмысляются посредством паремий, передающих идею бинарной оппозиции – хороший / плохой.

В пословицах **4 группы «Молодость и старость»** отражены взаимоотношения членов семьи, которые характеризовались особенностями древних традиций, детерминирующие право и место в семье каждого ее члена. В силу традиционного обычая почитания старших в семье определялись соответственно отношения между остальными членами семьи:

Уһанай эхин – булаг,

Уладай эхин – нагаса.

Начало воды – источник,

Начало рода – брат по матери.

[2, с. 136]

Аха дүүнэрэй эбтэй һаа,

Абдар алтан хэрэггүй.

Если братья дружны,

То и сундук золота не нужен.

[2, с. 128]

Ахань захирдаг,

Дүүнь дүүргэдэг.

Старший приказывает,

Младший исполняет.

[3, с. 249]

Так в данных паремиях наглядно показаны особенности взаимоотношений старших и младших в социуме.

5 группа «Наружность / суть». В данную группу включены изречения, заключающие качественные характеристики человека, его отношения с окружающим миром.

Загaнaтaй нуур сабуун олонтой. В озере полною рыбой водоросли много.

Зан хайтай хүн нүхэр олонтой. У доброго человека друзей много [3, с. 224]

Даг дорохоо баатар, Из-под дохи – богатырь
Даахи дорохоо хүлэг. Из невзрачного жеребенка – иноходец. [3, с. 215]

В данной группе фиксируются пословицы, отражающие как положительные, так и отрицательные стороны человека, его слабости.

6 группа «Людские пороки». В традиционной культуре монгольских народов обществом всегда осуждались такие людские пороки, как жадность, зависть, воровство, лень, трусость, глупость, лживость, пьянство. Такого типа изречения были и остаются эффективным средством борьбы с ними и достигают всегда своей цели.

Хүнэй гараар могой барюулха, Чужими руками змею ловить,
Өөрынгөө гараар үрмэ бариха. Своими руками пенку снимать. [2, с. 192]

Түргэн горхон далайда хүрэхэгуй, Быстрый ручей до озера не
дойдет,
Түргэдэһэн хүн түүхэдэ хүрэхэгуй. Торопливый человек до истории не дойдет.

За краткими и лаконичными изречениями, характеризующими отдельные недостатки людей, скрывается чрезвычайно важный стимул для человека осознать свои недостатки и преодолеть их. Благодаря ярким образам, представленным в пословицах, человек получает первичные понятия о различных пороках жизни.

Анализируемые типы бурятских паремий характеризуются своими типологическими особенностями, которые различаются как формальным выражением, так и семантикой образов.

Таким образом, можно отметить, что «пословичные образы народ черпает из окружающей их действительности, поэтому эти мудрые изречения глубоко национальны. В них нашли отражение факты истории, развития бурятского этноса, отголоски общественных отношений, обычаев и обрядов, особенности их хозяйственной жизни и правовых норм. Словом, в образном строе пословиц и поговорок отражается своеобразие материальной и духовной культуры народа на разных этапах исторического развития» [4, с. 207].

Образцы малых жанров фольклора, в частности пословицы, поговорки, представляя собой лаконичное обобщение жизненного опыта многих поколений, квинтэссенцию народной мудрости, «являются ценным источником для глубокого исследования традиций, быта, истории бурят, их духовной и материальной культуры» [5, с. 22].

Примечания

1. Мадасон И. Н. Буряад арадай оньһон, хошоо угэнууд. Улан-Удэ : Буряад номой хэблэл, 1960. 401 с.
2. Оньһон угэ оностой. Улаан-Үдэ : Буряадай номой хэблэл, 1970.
3. Памятники фольклора монгольских народов. Т. 8 : Пословицы и поговорки на калмыцком, бурятском и монгольском языках. М. : ИМЛИ РАН, 2018. 628 с.
4. Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 238 с.
5. Гымпилова С. Д. Пословицы в системе жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО ОАН, 2005. 144 с.

Белоносова И. В., г. Красноярск, Россия

Belonosova I. V., Krasnoyarsk, Russia

**ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА ЭВЕНКОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**THE EVENKS' INSTRUMENTAL MUSIC:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF STUDY**

В статье речь идет об инструментальном творчестве музыкальной культуры эвенков. На территории Красноярского края располагается Эвенкийский муниципальный район, ставший средоточием культуры эвенков. В настоящее время наиболее исследован песенный пласт народной культуры и в меньшей мере известно об инструментальной музыке, которая требует пристального внимания со стороны специалистов.

The article deals with instrumental creativity in the Evenk musical culture. The Evenk municipal district is located on the territory of the Krasnoyarsk region, which has become the center of the Evenk culture. At present, the songs of folk culture are studied mostly and instrumental music, known to a lesser extent, requires close specialists' attention.

Ключевые слова: эвенки, история изучения, инструментальная музыка, классификация, интонирование, звукоизвлечение.

Keywords: the Evenks, history of study, instrumental music, classification, intonation, sound production.

Музыкальная культура народов Северной Азии, в частности эвенков, привлекала внимание еще в дореволюционное время. Но это были лишь обзоры, в которых встречались утверждения об отсутствии фольклора у коренных народов Севера, к которым относили тунгусов (в настоящее время это эвенки). Лишь во второй половине XX в. в монографии А. М. Айзенштадта [1] исследуется одна из сторон музыкального фольклора эвенков – песенная. Но богат и разнообразен также инструментарий этого народа, к сожалению, сохранившийся лишь в виде инструментов, используемых на охоте, в праздничных гуляниях, в некоторых обрядах и ритуалах.

В XVIII в. натуралист и этнограф И. Георги, участник русской академической экспедиции под руководством П. Паласа, оставил некоторые наблюдения о музыкальных инструментах: «У тунгусов, которых я видел, нет никаких инструментов, кроме особого рода дощатой, обтянутой кожей трехструнной скрипки, называемой ими «Кур» [1, с. 5]. В исследовании Г. М. Василевича «Эвенки» [2] в разделе о фольклоре цитируется замечание З. Эвальда о музыкальных инструментах, бытовавших у эвенков: деревянный варган, металлический варган, костяной варган, а также два инструмента, бытовавшие у илимпийских эвенков: билгау – высушенное птичье горлышко и лук с туго натянутой тетивой [2, с. 200-208]. Общие сведения о народных инструментах содержатся в «Атласе музыкальных инструментов народов СССР» (1963), где упоминается пять инструментов эвенков [3]. Интерес представляет также единственная работа, изданная эвенкийским окружным этнопедагогическим центром повышения квалификации и предназначенная для работников домов культуры. Это небольшая брошюра В. Вторушина «Эвенкийские музыкальные инструменты» [4]. Автор уделяет внимание методике обучения игре на народных инструментах, дает начальные знания музыкальной грамоты. В некоторых исследованиях эвенкийская музыкальная культура рассматривается в ряду других. Так, обзор эвенкийской культуры дан С. П. Галицкой в книге «Музыкальная культура Сибири» в разделе «Эвенки» [5]. Обобщающий труд о культуре народов Сибири создан Ю. И. Шейкиным [6].

В настоящее время в Эвенкии интенсивно развивается песенный пласт фольклора. Об этом свидетельствуют имена композиторов-мелодистов, творчество которых пользуется широкой известностью не только в Эвенкии. Среди них Евгения Курейская (1937-2019) и ее сын Владимир Хоменко [7], Олег Чапогир (1937-2010), Августина Оюн (1938-2011), Валерий Мукто (1942-2000). Интерес к песенному творчеству эвенков поддерживается деятельностью эвенкийского народного ансамбля песни и танца «Осиктакан», созданного в 1966 г.

Инструментарий эвенков представляет не меньший интерес для исследователей и исполнителей. Традиционное разделение музыкальных инструментов на четыре группы: аэрофоны, хордофоны,

идиофоны и мембранофоны можно использовать и для эвенкийских народных инструментов.

Таблица 1. Эвенкийские инструменты. Классификационная таблица

Аэрофоны	Хордофоны	Идиофоны (варганы)	Мембрано- фоны
<p>Кэнгуктэ, Кэбуктэ – сухая дудка, для имитации урчания медведя. Пичавун – пищалка. Билгау – свисток из высушенного горлышка птицы, с помощью которого извлекали свистящие звуки, имитирующие пение птицы. Перпукоун – духовой звукоподражательный инструмент из бересты. Оревун – берестяная труба. Различные манки, которые различаются по высоте и имитируют пение птиц: Интылгун – сова Чичакун – трясогоузка Гёкчан – сокол лигирий – синица хинукуй – рябчик</p>	<p>Аланга или беркен – музыкальный лук, на котором играли, ударяя пальцем по тетиве и интонируя ртом. Лыжи с натянутой тетивой на лыжу – из собственных наблюдений и рассказов. Кур – трехструнная смычковая лютя. Севдепчу («Веселый») – трехструнный щипковый инструмент Инемур («Улыбка») – двухструнный щипковый инстру-</p>	<p>В. имеют разные названия, у эвенков – кордавун, у якутов – хомус, у башкир – кубыз, кумыз, у хакасов тимир-хомус и т.д. В. делятся на три типа: деревянные: «пангар, пургивкевун, террилбака-нун»; костяные: «кондывгон»; металлические: «кэмнгэпкавун». В. бывают двух видов: пластинчатые и дуговые. Пластинчатые в. сделаны из цельного ма-</p>	<p>Шаманский бубен – унтувун, нимнганки колотушка для бубна – гис, гусун, гухун металлический крепёж для оленя – гугара. Копыта оленьи, маленькое копытце оленя, погремушка. подвешиваемая к колыбели – бугдингни Колокольчики, трещетки, бубенцы. Маут (аркан).</p>

олоптыки – кулик хёлаки – куропат- ка мудыги – утка чуллидиями – ще- бетать	мент Сэризде («Будящий») – струнный щипковый инструмент, звук извлека- ется плек- тром. Эрин («Ды- хание») – двухструн- ный щипко- вый инстру- мент, кото- рый изготов- ливается из бересты, подражает звукам при- роды и птиц.	териала (мо- нолита) – из дерева, кости, металла. Деревянные в. изготавлива- ются из самой крепкой дре- весины – сердцевины лиственницы, примерно 30- летнего воз- раста. Лист- венница счи- тается у эвен- ков священ- ным деревом.	
--	---	---	--

Интересно, что на *оревуне* можно исполнять попевки, которые состоят из двух и более звуков. Интонируются мелодические интервалы прима, секунда, терция и кварта. В наигрышах на *оревуне* может быть и квинта, а октава же выступает как своего рода отзвук, «эхо»; вершина ее фиксируется приблизительно. Кварта типична как в восходящем, так и особенно в нисходящем движении – главным образом, как результат «соскальзывания» нижнего упора. Секунда имеет подчиненное назначение (в напевах она вообще отсутствует). Подобный способ звукоизвлечения применим и к другим манкам, но в зависимости от размера манка, диапазон будет разным.

Рис. 1. Оревун

Одним из самых распространенных среди всех народностей мира является древнейший инструмент *варган*. Сведения об эвенкийских *варганах* можно почерпнуть в работе кандидата педагогических наук Н. С. Каплина, автора диссертации «Сохранение хореографической культуры эвенкийского народа в социально-педагогической деятельности» [8]. При игре на любом виде *варгана* резонатором является полость рта, а также весь голосовой аппарат человека. Звукоизвлечение щипковое – либо посредством дергания веревочки, привязанной к язычку, либо пальцем руки. Часто язычок крючкообразный, издает основной звук, а палец является организатором звука. В редких случаях звук извлекается просто при помощи дыхания – за счет втягиваемой струи воздуха. Помимо игры на *варгане*, исполнитель может издавать звук голосом, который может звучать ниже или выше основного тона. Создается своеобразное двухголосие с бурдоном в основе.

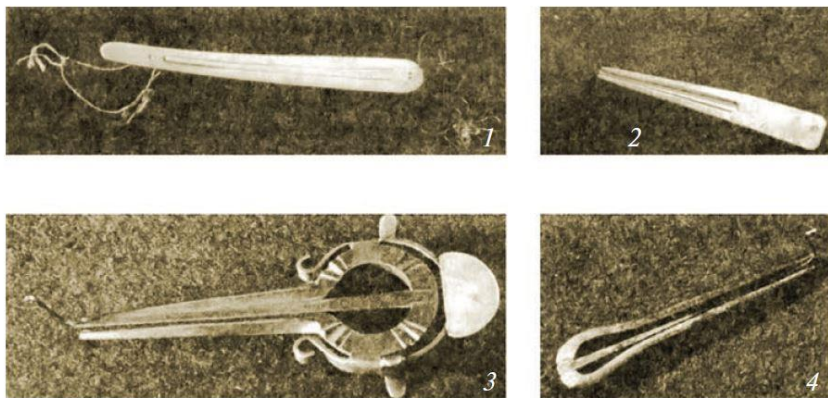

Рис. 2. Примеры пластинчатых и дуговых варганов

Среди мембранофонов *бубен* «Унтувун, Нимнгангаки» является главным шаманским атрибутом, ему придавалось особое значение в камланиях, ритуалах и обрядах, считалось, что он является живым существом, наделенным душой. Шаманский *бубен* имеет овальную или яйцевидную форму, служит символом Вселенной.

Таким образом, уникальность звукообразов инструментальной музыки эвенков, проживающих в Северной Азии, заключается в сохранении до наших дней в их инструментальных наигрышах древнейших звуковысотных кодов. Используя возможности такого духового инструмента, как альт-саксофон музыкант из Эвенкии Е. Мохов (саксофон) [9 ; 10] смог воспроизвести на нем не только звуки, соответствующие звучанию аэрофонов (в том числе орёвуна – манка для охоты на оленя), но и звуки, приближенные к выкрикам тотемных животных (оленя – орон, медведя – амака, волка – иргичи) и анимистических птиц (чайки – умнэты, кукушки – кукты). Особенности конструкции саксофона позволили музыканту усилить через его каркас звучание характерного для тюркских народов (в том числе проживающих в Сибири) горлового пения, что привело к возникновению оригинальной тембровой окраски звука (с металлическим призвуком и сонорными эффектами).

Примечания

1. Айзенштадт А. М. Песенная культура эвенков. Красноярск, 1995. 288 с.
2. Василевич Г. М. Эвенки : ист.-этногр. очерки (XVI – начало XX в.). Л., 1969. 304 с.
3. Вертков К., Благовидов Г., Язовицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М. : Музгиз, 1955. 276 с.
4. Вторушин В. Эвенкийские музыкальные инструменты. Тура, 2003. 28 с.
5. Галицкая С. П. Эвенки // Музыкальная культура Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 1, Кн. 1. С. 154–184.
6. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири : сравнительно-историческое исслед. М., 2002. 718 с.
7. Интервью. В студии Афонтово эвенкийский певец и композитор Владимир Хоменко. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HC72O_HZHK0 (дата обращения: 04.10.2020).
8. Каплин Н. С. Сохранение хореографической культуры эвенкийского народа в социально–педагогической деятельности : дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М., 2000. 192 с.
9. Мохов Е., Еловская Н. Особенности музыки эвенков: к постановке проблемы // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска) : материалы Сибир. ист. форума. Красноярск, 23-25 окт. 2019 г. Красноярск : Лаб. развития, 2019. С. 110-113.
10. Саксофонист от Бога в тайге! Горловое пение под саксофон. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pFv7sjt6SJo&t=693s> (дата обращения: 03.08.2020).

Ляпкина Т. Ф., Стрекаловская З. А., г. Якутск, Россия

Lyapkina T. F., Strekalovskaya Z. A., Yakutsk, Russia

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ФОРМАХ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

NEOTRADITIONALISM IN THE FORMS OF FOLK ART CULTURE

В статье кратко анализируются общие процессы неотрадиционализма, который проявляется в разных формах. Неотрадиционализм рассматривается как процесс инкорпорации элементов традиционной культуры в контекст современности. Отмечается, что типичной российской формой неотрадиционализма является фольклорно-этнографическая, в основе которой – популяризация и вписывание в актуальную культуру традиционного фольклора, а вместе с ним и ценностей традиционной культуры. На примере современной культуры саха рассматривается развитие процесса трансляции и популяризации эпического наследия – олонхо.

The article briefly analyzes general processes of neotraditionalism which manifests itself in various forms. Neotraditionalism is considered as the process of incorporating elements of traditional culture into the context of modernity. The typical Russian form of neotraditionalism is noted to be folklore ethnographic, the basis of which is popularization and integration of traditional folklore and values of traditional culture alongside into the actual culture. The process development of translation and popularization of the epic heritage olonkho is considered on the example of modern Sakha culture.

Ключевые слова: традиционализм, наследие, традиционная культура саха, эпос олонхо, ревитализация наследия.

Keywords: traditionalism, heritage, traditional Sakha culture, olonkho epic, heritage revitalization.

Вызовы глобализации и модернизации породили в обществе XX века процессы архаизации, традиционализации и неотрадиционализма. Они стали центром научного интереса в междисципли-

нарных исследованиях. Неотрадиционализм в культуре XX века стал своего рода подтверждением постоянного, но циклического обращения общества к истокам своей культуры: являются ли они духовными, этнонациональными, религиозными или еще какими-либо, например, политическими? Лапшин В.А., комплексно анализируя проявления неотрадиционализма в социокультурной жизни россиян Центральной России, выделил три его формы: фольклорно-этнографическую, военно-этнографическую и неоязыческую [1, с. 102-108]. Отметим, что региональной особенностью Центральной России является военно-этнографическая форма неотрадиционализма, суть которого организовать деятельность по возрождению русских воинских традиций. Эта форма может ярко проявиться не во всех регионах Арктики и Сибири, тогда как две другие имеют свое основание для развития.

В недавно вышедшей коллективной монографии «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» представлена аналитика нескольких научных подходов к самому явлению неотрадиционализма [2]. В частности называются несколько ключевых: социально-политологический, социально-антропологический, политико-экономический, религиоведческий, искусствоведческий, литературоведческий и др. [2, с. 6], видимо, другие – научно-дисциплинарные, среди которых, безусловно, находится и собственно культурологический. Хотя, на наш взгляд, культурологический подход вполне мог объединить все вышеназванные, поскольку они сводятся к неким культурным кодам образа жизни традиционного общества. Эти коды находятся в сути, содержании культуры, они формируют смыслы всех специальных видов деятельности, акценты на которые и формируют дисциплинарные границы подходов.

Такая междисциплинарность вполне четко характеризует сложность явления – неотрадиционализма. Это создает определенную многослойную палитру новых терминов и категориального аппарата, но и сложность дискуссий ученых, которые еще «на берегу» должны договориться, о чем они будут размышлять, что обсуждать и какие проблемы внутри самого явления неотрадиционализма являются ключевыми. Попытаемся и мы в данной статье

представить логику культурологической парадигмы в анализе неотрадиционализма как социально-культурного феномена.

Сначала дадим несколько установок, в русле которых мы попытаемся разобраться с неотрадиционализмом в контексте культурологической парадигмы. И начнем не собственно с традиции, а с традиционной культуры. «Традиционная культура» как научное понятие сегодня находится в достаточно сложном положении, поскольку для нее трудно определить атрибутивные границы, и она именно в этом смысле является сложным объектом для изучения. Чаще всего это понятие употребляется в общем публицистическом контексте и в обыденном языке, для наименования отдельных культур, не прошедших модернизацию или те культуры, где этот процесс имеет замедленный характер. Строго говоря, это культуры, сохраняющие позднепервобытное развитие или все еще сохраняющие аграрное производство как ведущий способ организации общества. Но это совсем не означает, что традиционная культура никак не проявляет себя в современных цивилизованных обществах. Она проявляется в ментальности, нравах, обычаях, языке и религии. Именно эти основания и формируют «недвижимую», цементирующую структуру в современных национальных культурах. Здесь закодированы культурные смыслы того, что мы связываем с желанием инкорпорировать традиционную социальность в реальную. И это позволяет неотрадиционализм рассматривать как социокультурный феномен переходного общества.

Интерес к традиционной культуре можно обнаружить на разных этапах развития общества. Например, интерес к фольклору и всему народному как реакция на большой социальный разрыв в структуре российского общества XIX века между аристократией и народом. Собственно отношение к народной культуре как культуре маргинальной, занимающей уничижительное положение, и соответствующее к ней отношение как недостойной. Демократизация народной культуры – тренд второй половины XX века, который сегодня дает нам возможность говорить и анализировать неотрадиционализм. Все это дает нам возможность понять, что периодическое обращение к традиционной культуре, в разных её проявлениях есть естественный процесс. Его можно представить в виде процесса

«отрезвления» общества от агрессивной массовой и элитарной культур.

В буквальном смысле традиция по-новому представляет собой желание общества не уйти в мистификацию, виртуализацию, а попытаться заземлить общество в его неотрадиционных культурных, социальных и политических институтах. Познание сущности феномена неотрадиционализма, закономерностей его столкновения, функционирования и развития необходимо и для осмысления архаического синдрома, действующего на социально-политические и экономические отношения.

Наиболее репрезентативными в неотрадиционализме были художественные практики в контексте этнорегиональной культуры. Неотрадиционализм как совокупность художественных практик в массовой культуре сформировался на основе возвращения исторических традиций народного искусства. Это художественные практики, которые и сегодня по-разному оцениваются и называются специалистами в области художественной культуры. Их называют движением, и стилем, и форматом, и жанром или поджанром. Главным остается стремление к аутентичности художественных традиционных практик.

Как мы уже обращали внимание в начале статьи на развитие неотрадиционализма в России, он в основном развился в двух формах: фольклорно-этнографической, которая связана с воспроизводством фольклорных традиций этнической культуры и неоязыческой, которая формирует движения возрождения, реконструкции религиозно-духовных практик предков. Мы называли и еще одну – военно-этнографическую, которая, на наш взгляд, не всегда может ярко проявиться в региональном контексте, а существует только там, где исторически сформирована пограничная культура, связанная с охранной функцией границ Российской империи. В данной статье мы ограничимся исключительно фольклорно-этнографической формой неотрадиционализма, в частности на примере опыта саха (якутов) в сохранении эпического наследия Олонхо, которое признано в 2005 году шедевром нематериального наследия мира [3; 4].

Сегодня уже известно, что наибольший интерес к фольклору начинается там, где особый интерес к нему проявляют ученые.

Так получилось и с якутским героическим эпосом, который стал объектом пристального внимания в первом научно-исследовательском институте языка и культуры при Совнаркомех ЯАССР в 1935 году [5]. Сотрудниками института были организованы экспедиции по сбору фольклорных текстов и в частности олонхо. Объявлялись конкурсы на запись и оформление текста [6, с. 27]. В результате трудных экспедиций и детальной работы было собрано 126 полных текстов. Научно-исследовательский институт языка и культуры стал первым, кто проявил профессиональный научный интерес к эпическому наследию саха. Эти начинания способствовали введению фольклорных текстов в систему образования в республике. Изучая родной язык и литературу, учащиеся приобщались к наследию национальной культуры. Сегодня уже дети и внуки этих детей защищают дипломы и диссертации, тем самым подтверждая неисчерпаемое богатство текста и смысла олонхо. Кроме того, сегодня популяризируются переводы и издание текстов олонхо на английском, французском, корейском, киргизском языках.

В 2011 году Институтом Олонхо была разработана и введена в систему сети Интернет научно-образовательная информационная система «Олонхо» [7]. Цель разработанной и введенной информационной системы – сбор, обработка, структурирование, хранение, распространение, отображение и использование информации по олонхо в интересах ее пользователей. Информация на сайте Олонхо доступна на якутском, русском и других языках народов России и мира.

Кроме научных организаций популяризацией эпического наследия саха сегодня занимаются и общественные организации, такие как «Ассоциация Олонхо» (1999) [8, с. 29] и Республиканский Центр Олонхо при Республиканском центре культуры им. А.Е. Кулаковского (2008), который в 2015 году был реорганизован в Центр нематериального культурного наследия народов Республики Саха (Якутия). Эти организации проводят крупные республиканские фестивали исполнителей эпоса олонхо среди дошкольного и школьного возраста «Я – дитя земли олонхо» и для молодежи «Мунха олонхото», а также ежегодную Декаду Олонхо, Ысыах Олонхо. По инициативе «Ассоциации Олонхо» учреждены ежегодные премии: «Лучший олонхосут», «Лучший филиал Ассоциации Олонхо»,

«Меценат Олонхо», «Педагог-мастер по обучению сказительскому искусству». Все эти звания и награды ежегодно вручаются в День Олонхо – 25 ноября.

В результате реализации Целевой программы в республике появились Дома олонхо. Такие дома были построены в Сунтарском, Усть-Алданском, Горном, Мирнинском, Нюрбинском, Мегино-Кангаласском, Хангаласском, Чурапчинском, Верхоянском и Вилюйском районах (Архив Ассоциации олонхо. Отчет Ассоциации олонхо за 2019 г.). Деятельность Домов Олонхо направлена на сохранение, возрождение, распространение традиционной культуры и фольклора саха.

Наконец, в хронологии событий, связанных с развитием и популяризацией олонхо, центральное место занимает театр олонхо (2008), появление которого открыло большое пространство визуализации образов, сюжетов, героев олонхо. Героический эпос превратился не только в народную драму, но и в профессиональное национальное театральное искусство, транслирующее и ревитализирующее большие смыслы традиционной культуры саха и протягивающее нить поколений.

Примечания

1. Лапшин В. А. Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 102-108.

2. Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. СПб. : Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.

3. Руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия. Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры / Центр Всемирного наследия. М., 2005. 75 с.

4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 27.08.2016).

5. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований и проблем малочис-

ленных народов Севера. Сибирское отделение Российской академии наук. URL: <http://igi.ysn.ru/index.php?page=istoriya> (дата обращения: 03.03.2020).

6. Олонхо и общество : тезаурус современных и этнокультурных представлений о героическом эпосе народа саха / Игнатьева В. Б., Романова Е. Н., Осипова О. В. [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Жамбалова. Якутск, 2013.

7. Портал информационной системы «Олонхо». URL: <http://www.olonkho.info> (дата обращения: 12.04.2018).

8. Васильев Н. Ассоциация тустэннэ // Учуутал аргыа. 1999. Муус устар. 29 к.

УДК 37.035.6(470+571)

Дандарон М. Б., Цыденова А. Д., г. Улан-Удэ, Россия

Dandaron M. B., Tsydenova A. D., Ulan-Ude, Russia

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**ETHNOCULTURAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF
GLOBALIZATION**

В статье рассматриваются перспективы и стратегии этнокультурного образования в условиях современной культуры глобализирующегося мира. Подчеркнуто, что этнокультурное образование остается актуальным в сохранении традиционной народной культуры, а также в воспитании поликультурной и толерантной личности.

The article examines the perspectives and strategies of ethnocultural education in the context of modern culture of the globalized world. Ethnocultural education is emphasized to remain actual in preserving traditional folk culture as well as in educating a multicultural and tolerant personality.

Ключевые слова: этнокультурное образование, традиционная культура, этнохудожественное образование, поликультурность, толерантность, глобализация, духовные ценности.

Keywords: ethnocultural education, traditional culture, ethno art education, multiculturalism, tolerance, globalization, spiritual values.

На сегодняшний день этнокультурное образование является межпредметной дисциплиной, в становление которой внесли свою лепту практически все науки социально-гуманитарного спектра: культурология, педагогика, история, этнология, социология и др. Актуальность этнокультурного образования не вызывает сомнений, так как значение культуры каждого народа в духовно-нравственном воспитании личности определяется сохранением, трансляцией, знанием и изучением традиционных ценностей и традиционной культуры.

Впервые в 2014 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Непрерывное этнохудожественное образование: методология, проблемы, технологии» была озвучена «Концепция этнокультурного образования в Российской Федерации», авторами которой являются Т. Я. Шпикалова, Т. И. Бакланова, Л. В. Ершова [6, с. 424]. Актуальность этнокультурного образования в Российской Федерации следует рассматривать в свете глобализационных процессов. «Глобализационные тенденции проявляются в стирании языковых и национальных границ, приближают человечество к тому, чтобы в реальном, а не в метафорическом смысле стать единым мыслящим субъектом» [3, с. 3].

В концепции этнокультурного образования в Российской Федерации подчеркивается, что «Этнокультурное образование – это целенаправленный непрерывный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации».

Этническая культура включает в себя совокупность духовных и материальных ценностей того или иного народа (этноса). В нее входят не только национальные образы мира, менталитет народа, его празднично-обрядовые и семейно-бытовые традиции, этнические стереотипы поведения в природной среде и в социуме, но и народная художественная культура (художественные ценности того

или иного народа, а также этнические формы их бытования, сохранения и трансляции).

Этнокультурное образование обладает огромным педагогическим потенциалом в формировании у учащихся этнической идентичности, толерантности, культуры межнационального общения, в профилактике межнациональных конфликтов. Такое образование формирует у учащихся понимание духовных ценностей других народов через ценностную систему своего народа. Оно обеспечивает, с одной стороны, взаимодействие между людьми с разными культурными традициями, с другой – сохранение культурной идентичности собственного народа.

Содержание этнокультурного образования, предложенное В. В. Краевским, автором многочисленных исследований в области педагогики, представляет собой многоуровневую систему, опирающуюся на структуру этнической культуры:

- этнофилологическую (этноязык, словесный фольклор);
- этнохудожественную (все виды фольклора и народного искусства, образующие подсистему этнокультуры – народную художественную культуру);
- поведенческую (проявляющуюся в традиционной хозяйственно-экономической и бытовой деятельности, обычаях, обрядах, праздниках, нормах этноэтикета, этнопсихологических и педагогических стереотипах);
- мировоззренческую (наиболее полно проявляющуюся в религии, мифологии, эмпирическом представлении народа об отношении человека к природе, мирозданию, к человеку, социуму, к основам воспитания, морали)» [4, с. 53].

На позитивные сдвиги в сфере этнокультурного образования в современной России оказали влияние первые попытки создания региональных проектов сохранения и развития национальной культуры, которые предпринимались еще 90-е годы XX века в Российской Федерации. Обычно тексты этих программ ограничивались перечнем организационных мер, рекомендованных учреждениям культуры (подготовка и проведение фестивалей, конкурсов, семинаров и др.). Эти мероприятия имели однозначное положительное значение в сохранении культуры. Но они имели такие недостатки, как акцент на культуру доминирующего этноса в регионе по наци-

ональному составу, как правило, полиэтничном. В них часто не учитывались традиции культуры других этносов, представленных в меньшинстве. Причиной таких недоработок можно назвать локальность региональных проектов, отсутствие общих теоретико-методологических обоснований. Принятие «Концепции этнокультурного образования в Российской Федерации» было тем необходимым моментом в выработке общегосударственного подхода к проблеме этнокультурного образования в теоретико-методологическом аспекте.

Таким образом, в задачи этнокультурного образования, наряду с сохранением и трансляцией традиционной культуры преобладающего по численности этноса, входит и презентация традиционной культуры других народов, входящих в данный культурный ландшафт. Такая постановка задачи этнокультурного образования подводит к решению проблемы поликультурного воспитания и межкультурных взаимодействий и интеграции культур и традиций. Что весьма актуально в современном глобальном социуме.

В организации социальной и культурной деятельности человека глобализация вносит принципиально новый момент в процессе формирования культурной идентичности. Глобализацию рассматривают как движущую силу социально-культурных трансформаций, но при этом нужно понимать, что первичные формирующие факторы заключены в особенностях развития конкретных обществ. Поэтому, несмотря на кажущуюся тотальность глобализации мирового сообщества, тем не менее, развитие конкретных небольших этнических сообществ вносит свой вклад, свою изюминку в общий процесс развития современного общества. В этом плане отношение к этнокультурному образованию в сочетании с поликультурным воспитанием становится весьма важным и актуальным.

Сегодня на смену процессов аккультурации приходят процессы транскультурации. Под аккультурацией понимались явления, возникающие в процессе взаимодействия групп с различными культурными традициями в течение продолжительного времени и тесном контакте. В результате менялись культурные нормы одной или обеих групп. Аккультурация – это процесс культурного взаимодействия в границах определенной территории. В настоящее время речь идет о транскультурации, феномене, претендующем на

«схватывание» в гетерогенном поле культуры мира множества межкультурных взаимодействий, коммуникаций, диалогов. Пространство культуры становится коммуникативным. Транскультурация в отличие от аккультурации подчеркивает факт взаимодействия культур «через» территориально-государственные пространства и границы, вопреки им [5, с. 327].

Каждая культура формирует уникальную систему ценностей, приоритетов, моделей поведения и поэтому ее описание, интерпретация и оценка должны осуществляться с позиций культурного релятивизма, где первоначально важным становится изучение теоретических вопросов локальных культур [2, с. 410].

Современному миру присущи транскультурные процессы вследствие усиливающихся процессов культурного взаимодействия в глобальном мировом информационном обществе. В рамках такой парадигмы любая культура имеет равное положение в общей мировой культуре. Поэтому политика поддержки этнокультурного образования становится двигателем, методологией процесса транскультурации в современном глобальном мире.

На рубеже веков современная культура переживает процесс глубинных трансформаций. Исторически меняется тип культуры, следствием чего являются принципиальные сдвиги в системе образования, которая стремится к развитию человека в рамках, задаваемых не только общечеловеческих, но национальных традиций. Характер системы образования – её идеалы, цели, набор учебных дисциплин, организация педагогического процесса – определяется соответствующим типом культуры и несёт на себе те или иные национальные черты.

Эта мысль прослеживается в ряде исследований, выявляющих социальную роль образования, ориентированного на этническую культуру. Например, исследователь межэтнической интеграции И. Г. Балханов отмечал, что образование в современном обществе должно учитывать этнокультурный фактор. Унификация культуры, ее упрощение отрицательно сказывается на гармоничном развитии полиэтнических обществ. Следовательно, формирование цели образования связано с выявлением нормативного идеала образованного человека в обществе, в котором отражается его этническая и общечеловеческая перспектива [1, с. 189].

Осмысление социальных ролей образования создает возможность определения стратегии этнокультурного образования, выявления влияния этнической культуры на его развитие, методологические и организационные основы. Эти стратегии направлены на конструирование нового типа личности, которая соединяла бы в себе черты современной транскультурной личности, приобщенной к общим мировым стандартам культуры, и в то же время включенной в собственный национальный конкретный тип культуры, несущей этнокультурные особенности.

В целом этнокультурное образование и воспитание следует рассматривать как важную часть воспитания духовной культуры. Духовность немыслима вне связи со своими корнями. Любой человек дорожит возможностью быть приобщенным к родной культуре, что, в целом, определяет его как носителя мировоззрения своего этноса, знающего культуру, обычаи и традиции, которые должны быть вплетены в ментальную карту сознания человека.

Глобализация имеет множество последствий, которые оказывают крупномасштабные влияния на среду обитания и на все сферы деятельности человека. Это обусловлено грандиозным расширением и интенсивностью общения и связей между людьми разных культур, общностей и цивилизаций благодаря Интернету, спутниковому телевидению и др. Все эти факторы ведут к формированию общества, не разделенного этническими и культурными границами, происходит сближение культур, общих ценностных ориентаций. «Но при этом не происходит угасание локальных этнических культур, а вторая половина XX века в мировом масштабе была ознаменована процессами, которые можно охарактеризовать как всплеск осознания своей этнической идентичности – принадлежности к определенной этнической общности» [7, с. 23].

Каждый народ, так или иначе, направляет большие усилия на сохранение своей культуры, поэтому в общей системе образования должен быть предусмотрен компонент, который был бы направлен на удовлетворение этих запросов, с сохранением национальной идентичности. При этом должны быть в поле внимания такие важные вопросы как воспитание толерантности, уважения к культурам, религиям, традициям других, особенно соседних народов.

Таким образом, осознание своей этнической идентичности никуда не исчезает и не растворяется в условиях глобализирующегося мира, более того, в некоторых случаях исследователи констатируют ее всплеск. Осознание этнической идентичности современным человеком должно быть основано на знании своего языка, духовной культуры, на религиозных верованиях. Человек, знающий основы и истоки происхождения своего народа, его историю, фольклор, традиции, основы исповедуемой религии, имеет устойчивую идентичность, что позволяет ему чувствовать себя уверенно в гомогенной культуре современного мира. Более того, у него есть знания и духовные силы для того, чтобы внести свой вклад в глобальную культуру.

Примечания

1. Балханов И. Г. Двухязычие и социализация. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000. 222 с.

2. Дандарон М. Б., Бату-Цыренова И. Д., Цыденова А. Д. Роль и значение этнокультурного образования в развитии личности // Культурное пространство России и Монголии: опыт и перспективы сотрудничества в трансграничных регионах : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2019. С. 408-413.

3. Кисилева Т. Г. Глобализация общества и культуры мира : лекция. М. : МГУКИ, 2002. С. 3.

4. Краевский В. В. Общие основы педагогики. М. : Академия, 2009. 234 с.

5. Лескова И. В. Проблема культурной идентичности в процессе глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6. С. 324-337.

6. Ултургашева Н. Д., Турамуратова И. Г., Новиков Д. В. Этнокультурное образование в контексте глобализационных процессов начала XXI века // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии : Традиции и инновации межкультурного взаимодействия : материалы VI междунар. науч.-практ. конф., 07-08 окт. 2015 г. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2015. С. 418-427.

7. Хоц А. Ю. Информационная революция и этнические аспекты культуры современного общества : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2001. 189 с.

УДК 008+378.6(571.54-25)

Назаров В. К., г. Улан-Удэ, Россия

Nazarov V. K., Ulan-Ude, Russia

РОЛЬ ВСГИК В РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ESSIC ROLE IN IMPLEMENTING THE CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены основные документы по культурной политике РФ. Показаны цели и задачи культурной политики РФ в области высшего образования. Автор анализирует место и роль ВСГИК в реализации культурной политики РФ.

The article considers the main documents in the cultural policy of the Russian Federation. The goals and objectives of this policy in the field of higher education are shown. The author analyzes the place and role of ESSIC in implementing the cultural policy of the Russian Federation.

Ключевые слова: культурная политика РФ, ВСГИК, реализация культурной политики во ВСГИК.

Keywords: cultural policy of the Russian Federation, ESSIC, implementation of cultural policy in ESSIC.

В Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики» закреплено следующее: «Культурная политика определяется как действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование лично-

сти на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [1].

Это определение культурной политики взято из государственного документа, который вышел не столь давно. В самом же деле, начиная с середины XX века, в нашей стране и в мире опубликовано достаточное количество книг, посвящённых этому феномену. В них можно обнаружить десятки определений культурной политики.

В Российской Федерации вышел целый пакет документов, посвящённых культурной политике. К ним относятся: «Конституция Российской Федерации» (1993-2020 гг.), «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (1997 г.), «Об утверждении Основ государственной культурной политики Российской Федерации» (2014 г.), «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов России (2014-2020)» (2015), «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016 г.), «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (2018 г.), «Национальный проект «Культура» (2019 г.).

Во всех документах делается акцент на том, что развитие культуры является такой же приоритетной целью государства, как и развитие социальной и экономической сфер. Однако, впервые наиболее четко это прозвучало в Основах государственной культурной политики РФ: «Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны [1].

Далее во «Введении» к Основам написано следующее: «Культура России – такое же её достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значительным ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире» [1]. Возможно, впервые, за сто лет была перевернута с «головы на ноги» марксистская установка о базовом характере экономики и вторичности культуры как надстройки. Именно, культура призвана обеспечить процветание и уверенное движение России в будущее. Для этого необ-

ходимо качественно изменить отношение к культуре в нашей стране. Кардинально реформировать финансирование этой сферы жизни общества. Необходимо, прямо отметить, что в сознании чиновников, отвечающих за развитие той или иной сферы в государстве, конечно, не у всех, всё ещё живёт «остаточный принцип» в отношении культуры. Поэтому, не только на словах, но и на деле, культура в российском обществе должна занимать равное положение, а по некоторым аспектам, должна быть доминирующей по отношению к экономике и социальной сфере.

«На протяжении всей отечественной истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивала единства многонационального народа России, воспитывала чувства патриотизма и национальной гордости, укрепляла авторитет страны на международной арене.

Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить более высокое качество общества, его способность к гражданскому единству, к определению и достижению общих целей развития. Главным условием их реализации является формирование нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности» [1].

Основным субъектом культурной политики в Российской Федерации выступает государство, в котором функционируют соответствующие структуры, отвечающие за развитие культуры. Наряду с государственными субъектами культурной политики, к ним относятся и негосударственные структуры (различного рода частные фонды, сообщества, организации и др.). Объектом культурной политики выступает всё население России, которое стратифицируется по возрастным, половым, образовательным и другим параметрам. Также объектами культурной политики РФ выступает русскоязычное население зарубежных стран. В рамках соответствующих договоренностей, непосредственно, и жители этих стран.

Соответствующий тип культурной политики определяется той или иной её моделью, которая лежит в основе развития культуры государства. Для Российской Федерации характерна государственно-либеральная модель культурной политики. В первую очередь, это относится к финансированию, которое осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом

государственные учреждения культуры могут зарабатывать деньги, так называемым, некоммерческим способом, а также в рамках спонсорской помощи различных источников финансирования (меценаты, фонды некоммерческие организации и т.д.). Соответственно, негосударственные организации, относящиеся к сфере культуры, зарабатывают деньги сами, хотя и им государство может оказывать материальную помощь.

Культурная политика в РФ базируется на следующих принципах:

- принцип сохранения традиций и развитие инноваций;
- принцип приоритетного начала духовной культуры в обществе;
- принцип взаимовыгодных отношений в сфере культуры со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Цель культурной политики определяется необходимостью создания условий для формирования и самореализации граждан Российской Федерации, которые готовы к учебе, труду, защите родного Отечества.

Реализация означенной цели осуществляется через решение следующих задач:

- сохранение и развитие культурного многообразия;
- создание условий для производства и потребления материальных и духовных артефактов в сфере культуры для всего населения РФ;
- организация эффективного взаимодействия, как среди российских регионов, так и с другими странами.

Ресурсы реализации культурной политики, в первую очередь, обеспечиваются государством. Это кадры, финансы, материально-техническая база. Также ресурсами могут обеспечивать негосударственные организации, добровольные общества, отдельные граждане, при условии, что их деятельность не вступает в противоречие с законодательством Российской Федерации.

Как отметила в своем выступлении на заседании Ученого Совета ВСГИК заместитель Министерства культуры РФ О.С. Ярилова: «Среди главных особенностей современных моделей культурной политики это, безусловно, внимание к регионам, поддержка юных талантов в системе художественного образования, создания

многоканальной системы финансирования и вовлечение всех граждан в культурный процесс» [2].

Существенная роль в реализации культурной политики РФ отводится искусству, науке и образованию. «Единение науки, образования и искусства закладывает основу для понимания общественной миссии культуре как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности» [1].

Понятно, что одно из ведущих мест в подготовке кадров для культуры и искусства принадлежит образовательным учреждениям, в первую очередь, вузам. В «Основах государственной культурной политики» поставлены такие задачи:

«Развитие государственной системы подготовки творческих кадров с использованием уникальных отечественных традиций.

Повышение качества подготовки профессиональных кадров для всех видов культурной деятельности.

Формирование базовых навыков восприятия и создания произведений искусства в процессе общего образования, повышение доступности дополнительного образования в сфере искусств» [1].

Об этом же пишется в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Здесь указывается, что Правительству РФ необходимо приложить особые усилия в деле «подготовки кадров для организации культуры» [6].

Фактически, здесь подразумеваются высшие учебные заведения, относящиеся к Министерству культуры Российской Федерации, к которым относятся и институты культуры. Одним из старейших вузов культуры в России является Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Он был третьим вузом, который открылся на территории РСФСР после ленинградского и московского институтов. ВСГИК был создан в 1960 году и обслуживал территорию от Урала до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до, фактически, Китая, так как в институте каждый год набирались группы монгольских студентов. В сентябре 2020 года

Восточно-Сибирский государственный институт культуры отметил 60-летний юбилей со дня своего основания.

«За 60 лет у вуза сложились свои традиции, а самое главное, накоплен ценный опыт обучения, сотрудничества и продвижения студентов в сфере культуры. Выпускники вуза трудятся в детских школах искусств, театрах, ансамблях песни и танца, в филармонии, на телевидении и радио, приумножает творческие коллективы писателей, театральных деятелей, художников, работают в библиотеках, учебных заведениях, музеях, домах культуры и творчества, организациях комплексного туристического обслуживания, в разнообразных секторах туристской индустрии не только различных регионов России (Забайкальский край, Республика Тыва, Иркутская область, Красноярский край, Республика Саха-Якутия, Амурская область, Республика Алтай, Республика Хакасия), но и за рубежом (Монголия, Китай, Южная Корея и др.).

Всего за 60 лет вузом подготовлено свыше 35 тыс. специалистов. И, что самое главное, большинство выпускников остаётся в профессии» [3].

Анализируя место и роль ВСГИК в реализации культурной политики РФ, необходимо назвать ранее вышедшие документы по означенной проблеме. Многие положения этих документов актуальны и поныне. К ним относятся:

Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ (ред. от 08.06.2015) «О библиотечном деле», Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Федеральный закон от 06.06.1997 № 115-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О народных художественных промыслах», Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2008 № 1244-р (ред. от 08.09.2000) «О Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг.», Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1019-р «О Концепции развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020

г.», Постановление Правительства РФ от 03.03.2012 № 186 (ред. от 20.01.2016) «О федеральной целевой программе «Культура России 2012-2018 гг.», Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2567-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 гг.».

Реализация целей и задач в области культурной политики, которые вытекают из документов, приведенных в статье, требует целого комплекса решений и действий со стороны руководства и структурных подразделений ВСГИК. В первую очередь, предлагается начать с анализа ситуации, связанной с перечнем направлений и специальностей, по которым работает вуз. Анализ начинается с изучения обстановки в подготовке по существующим направлениям и специальностям в сфере художественной культуры и искусства. Существует ряд подходов к классификации видов искусства. Например, градация видов искусства с точки зрения пространственно-временных особенностей. В нашем случае берется за основу классификация видов искусства, в своё время предложенная известным российским учёным М. С. Каганом [5, 44].

Художественная культура, соответственно, искусство, у него располагается между материальным и духовным началами. Поэтому логика классификации видов искусства определяется движением от материальной доминанты к духовной. Конечно, всё это носит достаточно условный характер.

1. Доминанта материального начала:

- архитектура;
- декоративно-прикладное искусство;
- дизайн;
- изобразительное искусство;
- фотография;
- скульптура;
- хореографическое искусство.

2. Синкретические виды искусства:

- представления и праздники;
- цирк;
- театр;
- кино;
- телевидение;

- интернет.

3. Доминанта духовного начала:

- музыкальное искусство (хоровое пение (а капелла), сольное пение (а капелла), инструментальное исполнительство, пение в сопровождении инструментального исполнительства);
- литература (поэзия, проза, публицистика);
- ораторское мастерство (выступление без сопровождения, выступление в сопровождении звуков, изображений).

Во ВСГИКе достаточно широко представлена подготовка кадров по направлениям и специальностям по многим видам искусства, однако, для реализации культурной политики РФ необходима их подготовка и по другим видам. Может быть, на начальном этапе необходимо осуществлять набор студентов по синкретическим видам искусства. Во ВСГИК длительное время идёт подготовка профессионалов в данном направлении. Это актерское мастерство и театральная режиссура, а также режиссура эстрады и театрализованных представлений. Как это не проблематично, особенно с финансовой точки зрения, стоит вопрос о подготовке специалистов в области фотографии и кино. ВСГИК имеет опыт подготовки специалистов кино-, фотоискусства. Скорее всего, значительно проще начать с искусства фотографии. Это направление, для начала можно открыть при кафедре дизайна или же кафедре РЭиТП. В любом случае, для движения института вперед, необходимо решение этого вопроса.

Также учитывая специфику вуза культуры, необходимо сбалансировать объемы подготовки выпускников и для самодеятельного и профессионального искусства. Есть виды искусства, где возможна только подготовка профессионалов, например, композиторское искусство. Однако, там, где это возможно, необходимо соблюдать баланс, как для самодеятельного, так и для профессионального искусства. ВСГИК должен готовить специалистов и для сельских домов культуры, для развития самодеятельного искусства, так и для профессиональных коллективов. Это дает возможности, как для увеличения набора студентов, так и для выполнения социального заказа государства.

Следующий важный аспект, который определяется реализацией культурной политики во ВСГИК, связан с музеями и библиотеками.

Известно, что музеи, архивы и библиотеки, относятся к социально-культурным институтам сбора, хранения, использования артефактов материального и духовного производства. Следует отметить, что различного рода учреждений и организаций, где хранятся самые различные артефакты, великое множество. Однако, самыми «главными» из них являются музеи, архивы и библиотеки. Во ВСГИК готовят специалистов в области как музейного, так и библиотечного дела. Более того, именно с подготовки библиотечных работников, начал свою деятельность ВСГИК в 1960 году. Впрочем, как и петербургский, так и московский институт культуры. Тем более странным является проект приказа ВАК об устранении из номенклатуры научной специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение». Устранение этой специальности приведет к полному развалу в этой области подготовки профессиональных работников. Будет включена цепочка самоликвидации этого направления. Логика здесь понятна. Устранение из номенклатуры научной специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» приведет к ликвидации докторов и кандидатов наук в этой области. Соответственно, без докторов и кандидатов наук по специальности 05.25.03 нельзя осуществлять прием в вузы культуры аспирантов и магистрантов. Без аспирантуры и магистратуры «зависает в воздухе» бакалавриат. Таким образом, будет полностью уничтожена подготовка специалистов данного профиля. Без этих специалистов не могут работать библиотеки, они начнут исчезать, в первую очередь на селе, в райцентрах, малых городах и т.д. Интернет, на которую возлагает по всей вероятности надежды авторы этого предложения, никогда не сможет заменить «живую» библиотеку.

Поэтому принятие этого решения прямо противоречит реализации культурной политики РФ, расходится на деле с призывом Президента РФ В. В. Путина о значении роли культуры в стране.

Более того, наряду с подготовкой специалистов в области музейного и библиотечного дела, необходимо добавить к ним и специалистов в области архивного дела. Как указывалось выше,

ведущими социокультурными институтами сбора, хранения и ознакомление с материальными и духовными артефактами является музей, архивы и библиотеки. Архив как специфическое учреждение занимает как бы промежуточное место между музеем и библиотекой.

Таким образом, одним из путей реализации культурной политики РФ во ВСГИКе, является проработка вопроса и открытие, наряду с музееведением и библиотековедением, такого направления как архивоведение.

Анализируя проблему сбора, хранения и выдачи информации, невозможно обойти стороной роль и место Интернета в этом процессе. Наряду, с музеями, архивами, библиотеками и другими хранилищами достижений человеческой культуры, здесь всё более заметным становится Интернет. Фактически, Интернет является самым большим хранилищем всего, что накоплено человечеством, правда, в форме визуальной информации.

В своё время, во ВСГИКе готовились специалисты в этой сфере, но, к сожалению, это направление было закрыто. Однако, учитывая, что именно институты культуры готовят специалистов по сбору, хранению и выдаче материальных и духовных артефактов, необходимо заново открыть направления и специальности, где учат собирать, хранить и выдавать визуальную информацию об этих же самых артефактах. Поэтому, с целью эффективной реализации культурной политики РФ, во ВСГИК, наряду с музеями, архивариусами и библиотекарями, необходима подготовка сотрудников в области ИТ в этой сфере.

Социально-культурная деятельность, бывшая культурно-просветительная работа, после библиотечного дела – вторая специальность, которая была открыта во ВСГИК в 60-х годах прошлого века. В течение десятилетий институт выпустил тысячи специалистов в этой области, которые работают как в России, так и за рубежом. Однако по аналогии с библиотечным делом, ВАК также издал проект приказа об устранении из номенклатуры научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности». Ликвидация этой научной специальности явилась полной неожиданностью. С исчезновением данной научной специальности выстраивается цепочка по самоликвидации

старейший профессии в культуре, раньше это был культпросветработник, теперь специалист СКД. Кто же тогда будет работать в клубных учреждениях, особенно на селе? Причём, Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно указывал на необходимость развития клубной сети в сельской местности. Он отмечал, что это является одним из условий для нормальной жизни сельчан, особенно, молодёжи. Возникла противоречивая ситуация, когда, с одной стороны, Президент требует восстановления досуговой деятельности. С другой, прекращается подготовка специалистов для этой сферы.

Устранение из номенклатуры научной специальности «13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» является неприемлемой. Необходимо решать сложившуюся ситуацию на самых различных уровнях и направлениях. Одним из таких направлений является научное переосмысление теории СКД, приведение этой теории в соответствии с реалиями современного российского общества начала XXI века.

Понятие «социально-культурная деятельность» пришло на смену «культурно-просветительской работе» в конце XX века. Инициаторами разработки нового термина явилась группа ученых-преподавателей МГИК и СПБГИК (М.А. Ариарский, Д.М. Генкин, А.Д. Жарков, Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников и др.). В первую очередь, здесь необходимо отметить МГИК. В 1991 г. в нём была открыта кафедра социально-культурной деятельности. В 1994 году была утверждена специальность «Социально-культурная деятельность». В 1995 г. во МГИКе вышло учебное пособие по социально-культурной деятельности, его авторами явились Т.Г. Киселёва и Ю.Д. Красильников [4].

Следует отметить, что до определенного времени понятие социально-культурная деятельность устраивало всех в большей или меньшей степени. Однако, движение российского государства по пути капитализма, создание новой, во многом противоречивой реальности, в том числе и в сфере свободного времени, поставило под вопрос понятие «социально-культурная деятельность». И действительно, это понятие, и тем более название профессии носят несколько оторванный от реальной практики, от конкретной жизни, смысл. По большому счёту, это философское понятие. Все люди

занимаются социально-культурной деятельностью, этим они отличаются от животных. Оно очень близко стоит к определению понятия «культура» в интерпретации Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана и других представителей деятельностного подхода к культуре.

Для работников Министерства культуры и Министерства науки и высшего образования, для ученых, философов, социологов, педагогов и др. эта «тавтология» вызвала большие сомнения, что явилось одной из причин означенных последствий.

Название не всегда определяет суть профессии. Поэтому нужно не отказываться от научной специальности 13.00.05 «Теория, методология и организация социально-культурной деятельности», а переосмыслить концептуальные основы этой специальности, а далее, этого вида профессиональной деятельности бакалавров, магистров и аспирантов. Вплоть до смены название этой профессии.

Если в Советском Союзе главным было воспитание строителя коммунизма, в том числе и посредством культурно-просветительской работы, и это было понятно всем – и простым людям, и «ученым мужам», то «социально-культурная деятельность» как понятие, выражаясь фигурально, непонятна как широкому населению, так и ученым. Поэтому стоит вопрос не о ликвидации научной специальности как таковой, а об изменении названия этой специальности, соответствующей профессии, соответствующих теорий.

В современной России, где сформировано капиталистическое общество, если анализировать свободное время, на первый план выходит организация культурного досуга для населения (отдых, развлечения, просвещение, самодеятельное творчество, праздники). Поэтому вместо абстрактного понятия «социально-культурная деятельность» предлагается более конкретное понятие «культурно-досуговая работа». Была «культурно-просветительная работа» стала «культурно-досуговая работа». Предлагается не ликвидировать научную специальность как таковую, а изменить название этой специальности. Соответственно изменить название профессии. Это будет «культурно-досуговой работник». А главное, полностью изменить концепцию СКД на концепцию КДР. Отразить новое содержание в учебниках и научно-методических изданиях.

Наступило время трансформации старого в новое, а не ликвидации старого полностью.

Одним из путей реализации культурной политики РФ во ВСГИК является тесное взаимодействие института с учебными заведениями, начального и среднего звена, относящихся как к Министерству культуры РБ, так и к Министерству образования и науки РБ.

Это детские музыкальные школы, школы искусств, колледжи. Также сюда можно отнести кружки самодеятельности в школах, и даже детские сады. Со временем сюда должны присоединяться другие регионы ДВО и СО. В конце 1990-х – начале 2000-х годов в вузе существовала подобная система взаимодействия с учебными заведениями соответствующего профиля, но, к сожалению, она почти развалилась. Наступило время восстановить это взаимодействие с соответствующими учреждениями в Республике Бурятия, Дальневосточном и Сибирском административных округах.

Для решения вышеозначенных целей и задач, необходим соответствующий профессорско-преподавательский состав. Именно, высокий профессиональный уровень профессоров и преподавателей ВСГИК позволит эффективно реализовать установки культурной политики РФ. Поэтому, необходимо активизировать работу по повышению квалификации ППС. В первую очередь, надо увеличить количество командировок, установить дистанционное обучение с учеными ведущих вузов страны (а не только МГИК и СПбГИК), обеспечить выезд в страны ближнего и дальнего зарубежья для учебы, участия в различных художественных и научных мероприятиях. Также необходимо наращивать количество педагогов, которые должны обучаться в ассистентуре, магистратуре, аспирантуре, докторантуре в ведущих вузах страны и за рубежом. Только, при условии постоянного повышения педагогической и научной квалификации профессорско-преподавательского состава ВСГИК возможна реализация культурной политики РФ в вузе.

В данной статье предложено три направления работы во ВСГИКе, способствующих реализации культурной политики РФ. Следует отметить, что принципиально нового ничего не предлагается. Во ВСГИКе всегда расширялся набор по новым направлениям

и специальностям. Институт постоянно осуществлял профессиональную и научную подготовку профессорско-преподавательского состава. В Восточной Сибири, в свое время, существовала разветвленная система начальных и средних учебных заведений соответствующего профиля, под руководством института (академии). Шла целенаправленная подготовка будущих кадров культуры и искусства. В настоящее время, по ряду причин, в основном, объективного характера, некоторые позиции утеряны. Перед ВСГИК стоит очень важная цель восстановить то, что было наработано в свое время. Активное движение по этому вектору будет способствовать повышению эффективной работы Восточно-Сибирского государственного института культуры по реализации целей и задач культурной политики Российской Федерации.

Примечания

1. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24 дек. 2014 г. № 808. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706 (дата обращения: 12.11.2010).

2. Состоялось расширенное заседание Учёного совета, посвящённое 60-летию ВСГИК. Ярилова О. С. Речь на расширенном заседании Ученого Совета ВСГИК посвящ. 60-летию института 02.10.2020. URL: <https://www.vsgaki.ru/news/detail-12882> (дата обращения: 12.11.2010).

3. Гордеева М. 60 лет ВСГИК: сохраняя традиции, создаем будущее! // Новая Бурятия. 2020. № 37 (535).

4. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности : учеб. пособие. М. : Изд-во МГИК, 1995. 136 с.

5. Художественная культура в докапиталистических формациях : структурно-типологическое исследование / под. ред. М. С. Кагана. Л., Изд-во ЛГУ, 1984. 44 с.

6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 12.11.2010).

Жамбаева Т. И., г. Улан-Удэ, Россия

Zhambaeva T. I., Ulan-Ude, Russia

ЭТНОСТИЛЬ В БУРЯТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ETHNOSTYLE IN BURYATIA AT THE MODERN STAGE

В данной статье рассматривается понятие «этностиль» как одно из проявлений эпохи постмодернизма, его социально-культурные аспекты, приемы и средства художественного языка. Соотношение народного искусства и художественной традиции, этнофутуризма и этностиля в процессе взаимодействия. Приводятся примеры интерпретации этнических мотивов в различных сферах художественной жизни Бурятии.

The article considers the concept "ethno style" as one of the manifestations of the postmodern era, its socio-cultural aspects, techniques and means of artistic language. The ratio of folk art and artistic tradition, ethnofuturism and ethnostyle is given. The examples of the ethnic motives interpretation in various spheres of the artistic life of Buryatia are given.

Ключевые слова: Бурятия, декор, интерпретация, стилизация, традиция, художественное произведение, этнический мотив.

Keywords: Buryatia, decor, interpretation, stylization, tradition, artwork, ethnic motive.

Этностиль – художественное явление, появившееся в мировой культуре и искусстве в 1970-х гг., в эпоху постмодернизма, хронологические рамки которого приходятся на 70-80-е гг. XX в. по сегодняшний день. Постмодернизм ознаменовал собой эпоху перемен постиндустриального общества. В мировом общественном движении это время характеризуется постановкой острых социальных вопросов, сфера искусства входит в эпицентр событий, выражая с помощью художественных свойств, динамику социальных процессов. Одним из ярких демонстраций этностиля считается движение хиппи в 1970-х гг. и их увлечение странами Востока, Азии и Африки. «Фрагментарно этностиль появлялся в творчестве

передовых модельеров Европы еще в начале XX в., заимствуя из культурных слоев прошлого не свойственный европейской цивилизации подход к жизни, ...» [1, с. 116]. Именно одежда, аксессуары, яркие цвета, нестандартность, асимметрия – стали наглядным средством, провозглашающим свободу и независимость. Они использовались молодежью хиппи как некий протест против существующей социально-политической системы. Одежда и внешний облик стали неким лозунгом равенства, отсутствием предрассудков цвета кожи, социального статуса, возраста и других особенностей. За внешним увлечением экзотикой цвета, формами одежды и аксессуарами, стояло рождение философской концепции развития человеческого общества, связанного с вопросами культурной антропологии о формировании психологии, моральных качеств, основанных на гармоничных взаимоотношениях человека и природы, новом мироощущении человека в окружающем мире, решении проблем в области экологии, отрицание бессмысленного потребления природных ресурсов, стремление к безграничному материальному обогащению.

Можно отметить, что если в 1970-х гг. этнические мотивы в основном заимствовались у народов Африки, Азии, Центральной Америки, то в последующие годы с таким же вниманием охватываются этнические мотивы других народов. Сегодня, в многообразной современной картине этносов мы видим, что проявлений этностиля столько, сколько и народов, носителей традиционных культур. Среди применяемых художественных средств лежит принцип единства в многообразии. Прежде всего использование натуральных природных материалов, затем, изобразительной основой являются такие художественные средства как: цвет, орнамент, этнический мотив, символ, образ, характерные для определенного народа. Художественный язык постмодернизма отличается неограниченной свободой художника в творческом пространстве. Диапазон произведений, выполняемых в этностиле, разноплановый как по назначению, так и по качеству и уровню художественного исполнения. Можно выделить такие критерии художественной составляющей произведений, выполненных в этностиле: авторский замысел, индивидуальное видение формы и содержания, выполнение ручным способом, использование натуральных, экологических материалов.

Здесь необходимо отметить, что произведение искусства, выполненное в русле художественной традиции, будет отличаться более углубленным уровнем интерпретации, в данном случае творческий процесс связан с погружением в традицию, неким проникновением в сложившееся веками мировоззрение, мироощущение, связь поколений. Более углубленный подход словно синтезирует фольклор, этнографию, религию. В то время как в пространстве этностиля распространено более свободное прочтение этнических мотивов, зачастую они могут быть вырваны из естественного контекста и перемещены в новое пространство, форму, материал. То есть, этно-стиль прежде всего отличает: универсальность, демократичность, коммуникативность.

Важно иметь в виду, что в российском культурном пространстве этностиль основывается на богатом поле исследовательского материала по этнографии и народному искусству. Научно-исследовательские достижения вносят свой вклад в различные аспекты продвижения этностиля, например, в разработку концепции этнофестивалей, конкурсов, в оформлении интерьера, в выборе этнических мотивов в рекламной деятельности. Следует отметить, что в 60-х гг. XX в. начинаются обширные исследования материальной культуры, фольклора и народного искусства этносов Сибири, интенсивно проходят археологические, этнографические экспедиции, полевой сбор материалов о художественных традициях народов автономных республик; огромное поле для исследований представлено фольклорным и художественным наследием коренных народов Сибири, Севера, Дальнего Востока. Выходят в свет фундаментальные труды по этнографии: Ю.В. Бромляя, Н.А. Томилова, труды, посвященные народному искусству тувинцев, якутов, эвенков, бурят, народов Приамурья, таких известных ученых как: С.И. Ванштейн, Н.В. Кочешков, Н.И. Каплан и др. Концепцию значения народного в искусстве разрабатывает искусствовед М.А. Некрасова, среди ее работ: «Народное искусство как часть культуры» (1983 г.), «Формирование новой парадигмы теории народного искусства. Ключевые понятия» (2003 г.) и др., где автор выводит фундаментальные выводы о значении народного как носителя художественной традиции, проверенной и отточенной самим временем.

Обращаясь к области народного искусства – основы происхождения этнических мотивов, сюжетов, образов и символики, следует уточнить его соотношение с понятием этностиль. В статье «Феномен этники в контексте современной культуры» авторы уточняют, что с «этником» связано применение этнических мотивов в современной и праздничной культуре, а также, что можно соотносить понятие «этника» с весьма распространенным понятием – «этностиль», при этом необходимо разделять «этностиль» и понятие «народного искусства», иначе границы второго будут размыты [2, с. 234]. В то же время понятия «этнофутуризм» и «этносимволизм» связываются исследователями непосредственно с процессами изобразительного искусства, например, живописи; так Н.В. Рябов, исследователь народного и декоративно-прикладного искусства Мордвы, пишет об этнофутуризме как новом художественном языке, например, в живописи, как форме художественного мышления в контексте осмысления этнической самоидентификации [3].

В данной статье хотелось бы остановиться на проявлениях этностиля в Бурятии. Художественные традиции бурятского искусства являются богатым источником для творчества. Область этномоды сегодня удивляет продуманностью, согласованностью деталей, цвета, одновременно подчеркиваются современные ритмы жизни: индивидуальность, креативность, энергичное настроение. Еще 1970-х гг. модельер Зоя Дамбиева начала применять национальные мотивы в одежде, положив начало развитию этномоды в республике. Сегодня многие модельеры республики – участники и победители всероссийских и международных конкурсов: Баярма Митупова, Улзыма Ванзатова, Антонина Сизых, Александра Пузакова и др.

В 2017 г. в п. Агинское состоялся международный фестиваль-конкурс национальных костюмов «Золотая нить наших предков», где участвовали мастера по шитью традиционной национальной одежды и модельеры-дизайнеры современной стилизованной одежды. При этом, интересны требования к работам конкурсантов: «...жюри конкурса будут оцениваться использование традиционных технологий исполнения изделий, мастерство, использование разных по фактуре материалов (тканей, кожи, меха, в качестве дополнений к костюму – украшений), сочетание цветовой гаммы ма-

териалов и фурнитуры, символика деталей и дополнений костюмов. Также будет оцениваться следование традиционным технологиям в костюме, новаторство и фантазия. Главным условием конкурса является уникальность представленных работ» [4].

В рамках Республиканского фестиваля «Алтаргана» нередко проводятся конкурсы на звание лучший модельер бурятского костюма в контексте «Бурятский костюм: традиции и современность»; конкурсы этномоды периодически проводятся в рамках фестиваля «Торгон Зам», в 2011 г. в Москве состоялся Международный конкурс высокой моды национального костюма «ЭТНО-ЭРАТО». Интересны номинации данного конкурса «Лучший славянский костюм», «Лучший костюм народов Кавказа», «Лучший восточный костюм», «Лучший костюм народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Лучший костюм финноугорских народов», «Этнические мотивы в современном костюме», а также цель конкурса – «содействие глубокому изучению национальных традиций в одежде и быту, формирование интереса к культуре и искусству разных народов, взаимопроникновение культур и развитие межкультурного диалога культуры мира. Конкурс дает возможности продемонстрировать уникальные традиции национального костюма, его самобытность и многообразие, сочетающиеся с тенденциями современной высокой моды» [5].

Мебель ручной работы, особенно с элементами, выполненными в этностиле, гармонично входит в пространство современного интерьера. Сочетание дерева со стеклом, металлом, пластиком и другими современными материалами лишь подчеркивают его выразительность. Интересным примером может послужить мебель мастеровской Чингиза и Виктории Дугарон. Авторы закладывают в декор бурятские орнаментальные мотивы, буддийскую благожелательную символику, при этом новаторским приемом можно считать сочетание этнических мотивов с современной гаммой цветовых оттенков, а также, более изящными пропорциями и формами сундуков, шкапулов, шкафов, лаконичной фурнитурой. Крупным представителем в области ювелирного искусства и этнической модельной одежды является торговая марка «Серебрянная мода», здесь широко представлен российский бренд Socolov и применение элементов этнических традиционных украшений.

Ярким представителем этностиля в республике является продукция арт-мастерской Dombo. Как пишут авторы страницы сайта Artdombo – это национальный бренд изделий из керамики и фарфоровой посуды с уникальными авторскими принтами. «У нашей мастерской несколько направлений деятельности: создание собственных коллекций фарфоровой посуды, изготовление дизайнерской посуды совместно с именитыми художниками республики, лепка керамических изделий, дизайн интерьерной керамической плитки, изготовление штучных подарков ручной работы, проведение мастер-классов. Индивидуальный подход к каждому изделию, необычный дизайн в этническом стиле, высокое качество обжига – принципы, на которых была рождена наша мастерская» [6].

Этнический подход активно используется при оформлении общественных интерьеров города Улан-Удэ, в частности предприятий общественного питания, позиционирующих себя как заведения бурятской национальной кухни. «При этом методы могут быть разными, и одним из них является метод частичной или полной реконструкции практически идентичного традиционного интерьера» [7]. Авторами статьи приводится в качестве примера интерьерное решение кафе бурятской кухни туристического юрточного комплекса «Баатарай Ургоо» (г. Улан-Удэ).

Сегодня этностиль становится все более распространённым, его демократичность расширяет области применения, его проявления можно встретить практически во всех областях повседневной жизни: мебель, украшения, предметы интерьера, музыка, одежда, макияж, одежда. Характерный облик этих предметов отличается самобытностью за счет применения этнических мотивов и их стилизации декоративных компонентов: растений, животных, орнаментальных мотивов, образов, тяге к лаконичности форм, традиционной цветовой гамме. Сегодня этностиль выполняет актуальные социально-культурные функции: укрепление толерантности, социальной коммуникации, обращение к этническим традициям, вопросам их сохранения, а также, выражение индивидуальности в век урбанизации и глобализации.

В настоящее время этностиль набирает популярность практически во всех сферах повседневной жизни: реклама, интерьер, одежда, украшения и аксессуары. Развитие данного направления

играет однозначно не только художественную функцию, но и функцию сохранения и укрепления связей между поколениями, через передачу знаний традиционной культуры, понимание вопросов самоиндефикации и толерантности в многообразии народов и культур, коммуникативную роль в контексте интересов мировой ответственности к своеобразию этнических культур.

Примечания

1. Рузайкина Г. П. Использование элементов этностиля при проектировании коллекции верхних трикотажных изделий // Вестн. Амур. гос. ун-та. Вып. 74. 2016. С. 116-123 с.

2. Беломоева О. Г., Ялышева А. А. Феномен «этники» в контексте современной культуры // Огаревские чтения XLVIII : материалы науч. конф. : в 3-х ч. Ч. 3. 2020. С. 233-238.

3. Рябов Н. В. Этнические особенности в современных художественных направлениях изобразительного искусства // Центр и периферия. 2019. № 2. С. 80-83.

4. Модельеры Бурятии поучаствуют в фестивале моды в Агинском // Baikal-daily : [сайт]. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/277397/> (дата обращения: 27.08.2020).

5. Баярма Митупова победитель Международного конкурса высокой моды национального костюма «ЭТНО-ЭРАТО» // UUMODA : модный портал Улан-Удэ. URL: <http://www.uumoda.ru/firms/102145/news/102146/> (дата обращения: 23.09.2020).

6. Открытие салона-магазина «ДОМБО» в ТРЦ "FORUM" // UUMODA : модный портал Улан-Удэ . URL: <http://www.uumoda.ru/news/2667/175813/> (дата обращения: 27.09.2020).

7. Юрасова М. А., Бекетова Т. С. Этностиль в дизайне интерьера помещения общественного питания на примере кафе-юрты «баатарай ургоо» (город Улан-Удэ) // Творчество молодых: дизайн, реклама, информационные технологии : сб. трудов XVI национальной науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. 2017. С. 58-59.

Гомбоева А. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Gomboyeva A. B., Ulan-Ude, Russia

**ТРАДИЦИИ БУРЯТСКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ВАСИЛЬЕВА**

**TRADITIONS OF THE BURYAT WOODEN SCULPTURE
IN GENNADY VASILYEV'S CREATIVITY**

Данная тема обращена к закреплению знаний об истоках традиционной бурятской деревянной скульптуры на примере произведений скульптора Геннадия Васильева. Рассматриваются авторские произведения, представленные на выставке «С любовью к жизни», посвященной 80-летию со дня рождения скульптора. Формируется постановка актуального вопроса о сохранении традиции в условиях современности.

The topic is aimed at reinforcing knowledge about the origin of the traditional Buryat wooden sculpture based on the works of the sculptor Gennady Vasilyev. The author's works presented at the exhibition "With love to life", devoted to the 80th anniversary of the sculptor, are considered. The actual issue of preserving traditions in modern conditions is raised.

Ключевые слова: резьба по дереву, Геннадий Васильев, дерево, произведения, скульптура.

Keywords: wood carving, Gennady Vasilyev, wood, works, sculpture.

Бурятская деревянная скульптура – один из традиционных видов бурятского искусства, наряду с художественной обработкой металла, созданием национального костюма, плетением из конского волоса. Дерево, особенно кедр, излюбленный материал для резьбы: мягкий, податливый, с плотной текстурой и розоватым оттенком. Также в работу шла сосна, береза, древесные корни. В быту бурят окружали предметы, выполненные из дерева, начиная от деталей и каркаса юрты до мебели: кроватей, сундуков, шкафчиков, посуды, буддийских алтарей.

«Кочевые племена создавали духовную и материальную систему выживания в природном и социальном окружении, используя все доступные ему средства. Специфика хозяйства и весь образ жизни кочевников-скотоводов и охотников способствовали развитию линии творчества всех народов Азии, в том числе бурят» [3, с. 34].

«К области мелкой пластики относится вырезание игрушек, шахмат с фигурками в виде коня, льва, старика и др. Также большое значение для развития бурятской деревянной скульптуры имела традиция «Табан хушуун мал». По своему функциональному происхождению и назначению публикуемые изображения домашних животных относятся к группе так называемого «ганзая» – жертвоприношений божествам, покровительствующим человеку в его семейной и хозяйственной жизни. Эти фигурки можно было встретить раньше у верующих на божнице почти в каждом бурятском доме, они являются как бы условными жертвами, замещающими реальных животных. Эта традиция уходит глубокими корнями в прошлое, когда родовому, а затем территориальному духу – покровителю населения данной местности, посвящались лучшие экземпляры домашнего скота. Обряд посвящения (онголхо) сопровождался восхвалением достоинств животных и украшением их ленточками из ткани. Затем эти животные отпускались в стадо. Предполагалась, что они должны содействовать благополучию скотоводческого хозяйства. Группа «табан хушуун мал» в своей наивной конкретности символизирует хозяйственное благополучие скотовода, его полное довольство жизнью» [2, с. 7].

С распространением буддизма в Забайкалье все бурятские дацаны оформлялись художественной резьбой и росписью, а также бурятские мастера прославились созданием буддийской деревянной скульптуры. Прежде всего, здесь необходимо упомянуть Оронгойскую школу мастеров во главе с ламой, художником и скульптором Санжи-Цыбик Цыбиковым.

В творчестве Геннадия Васильева мы видим продолжение этих традиций, его жизненный опыт показывает удачное соприкосновение с опытом прошлых лет. Прежде всего, это реставрационные работы, выполненные из камня, дерева, папье-маше, а также изучение и создание скульптур буддийских божеств. Ему близка

народность, дух простоты, юмора, понимание радостей незатейливого быта бурят охотников и кочевников.

Своеобразие бурятской деревянной скульптуры определено народным мировосприятием, эмоциональным строем, которые отражают повседневную жизнь бурят. В современной бурятской резьбе прослеживаются две взаимодействующие традиции. Одна является сильным влиянием творческого наследия, идущего из глубины веков, другая связана с традицией академической профессиональной школы скульптуры. Развитие двух тенденций проходит во взаимном проникновении и обогащении средствами выражения. В творчестве Геннадия Васильева мы видим гармоничное сочетание видов, сюжетов, художественных приемов, объединенных авторским почерком.

С 17 июля по 11 сентября 2020 года в Художественном музее Ц. С. Сампилова проходила выставка, посвященная 80-летию со дня рождения скульптора Геннадия Васильева «С любовью к жизни». На юбилейной выставке было представлено более 30-ти скульптурных работ, выполненных из дерева и несколько работ из кости раннего периода творчества. Основная часть произведений представлена из фондов музея, многие работы предоставила семья скульптора, а также друзья Геннадия Георгиевича. В экспозиционном зале транслировался фильм и презентация о жизни и творчестве мастера. Его скульптуры подобно ему самому, такие же добродушные. На экспозиции предоставлены ранние работы, когда Геннадий Васильев только приехал с учебы из Архангельской области. Небольшие скульптуры, шкатулки, украшения из бивней мамонта, зуба кашалота, древесной породы – эбонита. В экспозиции представлены бусы, которые мастер изготовил для своей матери, в дальнейшем они были отданы супруге Геннадия Георгиевича.

Его характерной особенностью как мастера, являются крупные пластические формы без детализации, тем самым он выражал свое душевное состояние. Можно ознакомиться с фильмом о мастере, который называется: «Художественный мир скульптора Васильева». Там говорится о том, каким человеком он был, и как тепло отзываются о нём его друзья, ученики и семья. Ученики рассказывали, что он помогал им развиваться и придерживаться правильного пути по жизни, а его дочери о том, каким хорошим отцом он

был. Одна из его дочерей также владеет навыками резьбы по дереву и заканчивает работы отца, которые тот не успел завершить. Супруга скульптора рассказывает истории некоторых произведений, о тех моментах, которые его вдохновили на творчество. Отмечены его скульптуры «Олени» на Селенгинском мосту, маски, находящиеся в Бурятском драматическом театре. Жизнь Геннадия Васильева связана с его родной землей, где он вырос и стал знаменитым. Его путь начался с 1960-х годов. Сюжеты для работ он определял национальными истоками, народным творчеством, этнографией, фольклором и на основе подобных культурных ценностей создавал свои работы. Геннадий Васильев родился в 1940 году в селе Додо-Ильинка Заиграевского района Бурятской АССР, умер 30.12.2011.

«Его предки были кузнецами. Также на его творчество повлиял Мэрдугеев Роман Сидорович, который был замечательным живописцем и народным художником. Он приходился родственником Геннадию Васильеву и в свое время помог ему советами, поддерживая его влечение к искусству. Г. Васильев учился мастерству у народного чеканщика Д. Бадмаева. В 1962 году окончил Архангельское художественное училище (учился у костореза П. П. Штанка). После окончания Геннадий Васильев возвращается в Улан-Удэ и выполняет небольшие произведения искусства «Борцы», «Стрельба из лука», «Рыбаки Байкала» и «Арканшик». У Геннадия Васильева в Бурятии возникла проблема: мамонтовой и моржовой кости не было, и он занялся чеканкой по металлу и резьбой по дереву. В этом ему помог Ж. Жабон, он был главным хранителем музея и высокообразованным в своей области специалистом. Совместно они занимались реставрацией старинных вещей. Данное сотрудничество было решающим для Геннадия Васильева в плане обращения его к дереву как материалу для скульптурных произведений» [2, с. 4].

В ранних работах чувствуется связь художественных образов с традициями бурятской народной пластики. Его первые произведения отражают народные эпосы, сказочные предания старины. Речь идёт о старинных масках, выполненных в начале 1960-х годов. Образы созданы в крупных пластических формах и без детализации, мелкой проработки. В скульптурах чувствуется стремление мастера подводить образы к символу.

В маске «*Улыбающаяся*» как бы заключен материнский взгляд. Созданный образ женщины, привлекателен добротой и теплом. Расстановка надбровных дуг и глаз, легкая улыбка, помогают зрителям прочувствовать её эмоциональное спокойствие. Обыгранные формы создают своеобразную игру света на поверхности. В ней отражен безмятежный лик, который заставляет задуматься о том, какие же мысли были у скульптора при создании маски. А также, что же вдохновило все-таки его на создание данного произведения искусства. У каждого останутся свои предпосылки к данному размышлению. Также мистически предстает перед нами образ, воплощенный в маске «*Поющий*». В данном произведении за счет необычной текстуры и пластики самого дерева Геннадий Васильев создал ассиметричное, искаженное лицо, которое выражает загадочную мимику и тайную песню. Обыгранный материал лиственницы, делает маску необычайно привлекательной, заставляя зрителей прочувствовать её загадочный дух и смысл. Создается впечатление, что она защищает своим пением от недобрых сил, возможно, убаюкивает их, ведь дерево даёт теплое ощущение и защищает от холодов, дарит уют и испокон веков помогает человеку в быту. Художник импровизирует за счёт форм, невысоких рельефов, а улыбки в некоторых работах, озаряют образы чистотой, загадочностью и ясностью. В работах скульптора нет анатомической правильности и образы приближенны к условной стилизации. Он чувствует жизнь человека с природой, создав такую композицию как «*Танцующий охотник*» (1968).

В работе «*Маленький богатырь*» (1969) – обнаженный крепыш тянет молоко из рожка. В спокойных округлых формах передана красота детского тела, ощущается его растущая сила. Данная композиция выражает значение физического здоровья, а через питье молока – укрепление духа. Собственно тут и знаковая символика, поиска силы и то, как она важна. Младенец вкушает молоко, что может быть теплее данного действия, когда оно замерло в одном мгновении.

«*Охотник*» (1969) – это пожилой бурят, который держит перед собой двух лисиц. Чувство восторженного упоения от удачной охоты выражено в мимике лица и фигуре, в жесте высоко вскинутых рук. Лицо охотника несколько преувеличено в размере, внима-

ние зрителя сосредотачивается на нем. Такой прием дает возможность, усилить портретную характеристику, передать чувство радости, переполнившее ловкого и удачливого зверобоя. Композиция решена строго фронтально и симметрично. Обобщенно передана фигура человека и его добыча» [1, с. 6].

В данных работах сформировался пластический стиль художника. Крепкие и монументальные фигуры без детальной проработки с широкими поверхностями и округлыми формами. Он начал резьбу без предварительных рисунков, намечая общую массу на материале по ходу, решая основные телодвижения и массы. Следует отметить работу *«Утро»*, где обрисовывается здоровая и полноценная женщина, которая лениво просыпается, как медленное солнце по утрам без спешки. В этой скульптуре чувствуется гармоничное действо духовного состояния и пробуждения, медленно сосредотачивающееся на возможные будничные дела. Данная скульптура предстает в изящных, крупных формах, которые говорят о некой мягкости данной скульптуры. Гладкая поверхность материала, фактура и цвет являются дополняющими, замершей в ленивом движении утра.

Дерево используется автором умело и подчиняется ему. Дерево – это природа, а узоры древесины и формы придают внутреннюю теплоту и игру фантазии скульптора. Он работал с лиственницей, сосной, но часто предпочтение отдавал кедру. В работе *«Танцующие лошади»* чувствуется ритм, энергичные движения, грациозно исполняющие танец, а также выражающие язык тела и общую массу двух лошадей. Фигуры следуют по правильному круговороту часов, и они замерли, чтобы зрители задумались о возможном философском настроении и душевном состоянии скульптора. *«Два упрянца»* – сюжетная композиция, представляющая козлёнка и мальчика, которые не уступают друг другу и выясняют: кто же сильнее? Создается впечатление, будто таким образом Геннадий Васильев, возможно, показал внутренние противоречия в каждом из нас.

В заключение хочется отметить, что работы Геннадия Васильева оригинальны и разнообразны по размерам, смыслам, движениям. Он нашёл свой стиль, который замечательно передает теплоту образов, а также национальный колорит родной земли. Стиль

читаемый и хорошо проработанный. Работы скульптора несут душевное состояние жизни и разнообразные смыслы, которые образуются у каждого индивидуально при виде скульптурных изваяний.

Примечания

1. Геннадий Васильев. Скульптура и декоративно-прикладное искусство : каталог / сост.: Васильев Г. Г. Алексеева Т. Е. Улан-Удэ, 2010. 84 с.

2. Соктоева И. И., Герасимова К. М. Бурятская деревянная скульптура. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. 106 с.

3. Традиции в современной культуре бурят / под общ. ред. Л. В. Санжеевой. СПб., 2012. 86 с.

УДК 76(571.54)+7.048(=512.31)

Нимаева Б. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Nimaeva B. B., Ulan-Ude, Russia

БУРЯТСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В СОЗДАНИИ ФИРМЕННОГО ЛОГОТИПА

THE BURYAT NATIONAL MOTIVES IN CREATING A CORPORATE LOGO

В статье рассматриваются понятие фирменного логотипа и принятая классификация логотипов по структуре; рассматриваются примеры применения национальных мотивов в логотипах компаний Республики Бурятия.

The article considers the corporate logo notion and accepted classification of logos by structure as well as the examples of the national motives use in the logos of the companies in the Republic of Buryatia.

Ключевые слова: бурятские мотивы, знак, логотип, орнамент, шрифт.

Keywords: the Buryat motives, sign, logo, ornament, font.

Логотип является главным атрибутом фирменного стиля компании. Его разработка необходима для привлечения внимания к фирме и её товару. Разработка логотипа – это визуальное выражение концепта и идеи торговой марки. Процесс создания логотипа заключается в разработке знака или символа посредством приемов векторных программ Adobe Illustrator или CorelDraw. В итоге, уже в процессе работы, логотип должен отвечать следующим критериям: простота и лаконичность форм, гармония композиции и ассоциативный ряд, который закладывает в подсознании потребителя положительный образ продукта. На данный момент существуют четыре правила, которых следует придерживаться при разработке логотипа: индивидуальность, оригинальность, функциональность, ассоциативность. Все эти требования тесно взаимосвязаны между собой. Так, индивидуальность позволяет выделиться на фоне других и быть уникальным. Индивидуальность обеспечивает возможность регистрации логотипа и в дальнейшем использовать его без нарушения авторских прав (ст. 1255 ГК РФ ч. 4. Авторские права; ст. 1259 ГК РФ ч. 4. Объекты авторских прав) [3]. В случае необходимости подтверждения авторских прав на логотип владелец должен зарегистрировать торговый знак в Роспатенте. При этом выполняется проверка на уникальность в реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации. Оригинальность – это результат креативного подхода, привлечение общественного внимания на фоне других компаний; он должен остаться в памяти человека, запомниться ярким впечатлением. Функциональность – логотип может легко размещаться на фирменном сайте, на полиграфической продукции, в оформлении меню, вывески, буклета и т.п. При этом он может иметь несколько версий визуального исполнения как черно-белый вариант и цветной вариант, а также по формату размещения в пространстве, например, горизонтальное, вертикальное, выравнивание по центру и краю. Ассоциативность – обозначает присутствие связей, визуальных ассоциаций между брендом и его продукцией, которую он представляет. Этот критерий должен вызывать положительные эмоции у потенциальных потребителей данного товара.

По качественному логотипу можно определить идею бренда, миссию компании, ее отношение к потребителю и позиционирование на рынке. Логотип не может существовать сам по себе, он должен гармонично вписываться в рекламную концепцию. Для потребителей логотип – это начальное знакомство с компанией, продуктом или услугой.

В создании фирменного логотипа необходимо определиться с классификацией типов. Редактор и журналист Хильда Моронес провела исследование и выявила семь типов логотипа, такие как: аббревиатура, слова, знаки и символы, абстрактность, логотип-персонаж, текстово-графические, эмблема [2]. Аббревиатура и слова относятся к текстовому логотипу, знаки и символы, абстрактность, логотип-персонаж – к графическому логотипу, а текстово-графические, эмблема – к комбинированному виду логотипа.

На примере Республики Бурятия нами проанализированы логотипы местных компаний и брендов, которые использовали бурятские национальные мотивы в создании своего фирменного стиля. В данном исследовании нами выделены логотипы нескольких видов, такие как текстовый, графический и комбинированный. Кроме того, в нижеперечисленных примерах присутствуют орнаментальные бурятские мотивы и их можно разделить на следующие виды: геометрические (точки, линии, круги, ромбы, кресты и пр.), растительные (листья, цветы, побеги, деревья и т.д.), природные/космогонические (солнце, луна, вода, огонь и пр.), анималистические/зооморфные (бараний рог, орёл, птицы, рыбы и т.д.), культовые: буддийские (восемь благоприятных символов, четверо сильных), предметные (шоу, хорло, монетовидные) [1, с. 76].

Текстовый вид представляет логотип ресторана «Орда»; в данном случае разработан фирменный шрифт в виде старомонгольской письменности и каллиграфии. Черный цвет на белом фоне словно имитирует эффект туши, классического каллиграфического письма на свитке. Пример графического логотипа можно увидеть в оформлении этнокомплекса «Алтан Бургэд»; через знаковое изображение орла несет смысловую ассоциацию с периодом кочевой культуры.

Довольно широко представлен тип логотипа – комбинированный. Музыкальный фестиваль «Голос кочевников» имеет подобный логотип (текстово-графический). В этом логотипе сочетается название фестиваля с изображением дракона, олицетворяющего силу и мудрость; как известно, это общепризнанный, распространенный символ у народов Востока. Логотип ювелирного магазина «Серебряная мода» в виде текстово-графического знака *шоу* (от кит. «долголетие») в круге, несущего символику мудрости и вечности. Выбор серо-серебристого цвета подчеркивает направление ювелирного салона, представляющего изделия из серебра. Текстово-графический логотип отеля «Мэргэн Батор» (от бур. «меткий стрелок») в форме стрелы символизирует движение и стремление вперед к успехам и новым достижениям. К данному виду также относятся логотипы следующих организаций: кафе «Бууза room», студия керамики «ArtDombo», магазин приданого невесты «Баян Бэри», магазин одежды «BayanBrand», этно-маркет «ZAM», Бурятский национальный театр песни и танца «Байкал», ресторан «Мэргэн», «Тэнгис», «Чингисхан», агрохолдинг «Молоко Бурятии», АО «Бурятхлебпром», ООО «БМПК».

Проанализировав логотипы компаний в Бурятии, мы определили, что текстовый логотип включает себя только название организации. Для такого логотипа нужно тщательно выбирать шрифт, так как им можно передать характер и ценности компании. Это самый простой и быстрый способ создания логотипа. Отметим, что в текстовом логотипе достаточно сложно отобразить бурятские национальные мотивы. Одним из вариантов будет применение каллиграфического шрифта, к примеру, старомонгольская письменность и каллиграфия. Графический логотип превращает название компании в знак, символ или образ. Элемент подобного логотипа должен отображать идею и суть бренда, напрямую ассоциироваться с названием компании. Такому логотипу очень сложно быть запоминаемым для потребителей. Зато ему достаточно просто и легко передать национальные мотивы путем использования геометрического, растительного, природного, анималистического, культового и предметного орнаментов.

В итоге, заметим, что большее количество компаний в Бурятии используют третий вид логотипа – комбинированный. Ком-

бинированный логотип сочетает в себе два вида: текстовый и графический. Он более функциональный, мобильный на разных продукциях (баннер, визитка, флайер, этикетка и т.п.) и платформах (веб-сайт, мобильные приложения и т.п.). Комбинированный логотип делает название компании более запоминаемым, благодаря ассоциативному ряду с графическим элементом логотипа. Именно такой вид логотипа наиболее широко используется и наглядно отражает символику бурятских национальных мотивов.

Примечания

1. Бурятский народный орнамент / сост. Ф. И. Балдаев. Улан-Удэ, 2016. 80 с.

2. Виды логотипов: перечень основных типов, которые встречаются на рынке. URL: <http://turbologo.ru/blog/vidy-logotipov> (дата обращения: 28.09.2020).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 24.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 (дата обращения: 24.10.2020).

СЕКЦИЯ II. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 008

Астахов О. Ю., Ртищев С. М., г. Кемерово, Россия

Astakhov O. Yu., Rtischev S. M., Kemerovo, Russia

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ Д. С. ЛИХАЧЕВА

ECOLOGICAL PROBLEMS OF CULTURE IN D. S. LIKHACHEV'S WORKS

В статье рассматривается содержание экологической проблематики осуществления культуры в исследованиях Д. С. Лихачева. В работах академика внимание акцентируется на преодолении так называемого средового подхода к рассмотрению экологии в аспекте охраны среды и на развитии гомосферы, связанной с рассмотрением мира в отношении к человеку. Целостность мира определяется сквозь призму его толкования как дома, в котором живет человек, что способствует обращению к культурологической проблематике, связанной с актуализацией ценностного содержания культуры. Исследователь обращается к нравственной проблематике, без которой невозможно установление гармоничных отношений и связей в культуре, в которых человек выступает как главный субъект их организации.

The article considers the content of ecological problems of culture in the research works of D. S. Likhachev. In the academician's works the attention is focused on overcoming the so-called environmental approach to ecology consideration in the aspect of the environment protection and development of homosphere connected with considering the world in relation to a man. The world integrity is defined through its interpretation as the home where a man lives that contributes to addressing cultural issues related to actualizing the value content of culture. The researcher addresses moral problems without which it is impossible to establish harmonious relations and connections in culture, in which a man acts as the main subject of their organization.

Ключевые слова: природа и культура, человек и культура, экология культуры, ценность, нравственность.

Keywords: nature and culture, man and culture, ecology of culture, value, morality.

Сегодня появляются исследования, связанные с обоснованием необходимости разработки новой дисциплины «Экология культуры», ориентированной на постановку экологической проблематики в культуре. Однако еще в 1980-е годы эта область знания была обозначена в работах Д. С. Лихачева, в которых фактически были определены границы новой культурологической парадигмы в содержаниях вопросов экологии. По мнению А.С. Запесоцкого и А.П. Маркова, эти границы «можно обозначить несколькими смысловыми линиями, конструирующими его научный метод, а именно: *целостность, онтологизм и проектный характер культурологической мысли, экзистенциальность и нравственная напряженность слова о культуре, гуманистическая направленность культурологического метода, проблемная ориентированность культурологических исследований*» [2, с. 164]. В этих характеристиках отчетливо прослеживается идея, связанная с рассмотрением вопросов экологии культуры в работах Д. С. Лихачева сквозь призму понимания культурной реальности, с одной стороны, как самостоятельного, целостного, бытийного образования, с другой стороны, как конструируемого, создаваемого, актуализируемого объекта, являющегося продолжением самой человеческой жизни. Эта совокупность полярных установок, ориентированных на содержательно-ценностное понимание культуры, способствует переосмыслению, по выражению Е. Н. Устюговой, средового подхода к рассмотрению экологии в аспекте охраны среды обитания, в которой реализуется стремление к достижению функционального баланса между человеком, обществом и природой [4].

Обращаясь к постановке экологической проблематики, Д. С. Лихачев в работе «Экология культуры» отмечает: «В чем состоят задачи экологии как науки? Экология изучает мир как целое. Цель такого изучения – возможность помощи миру, его "лечения" и выяснения безопасности вносимых человеком изменений в мир» [3, с. 91]. В определении цели экологии исследователь преодолевает ас-

пектное рассмотрение связей между живыми существами и окружающей средой в контексте рационального природопользования и охраны живых организмов. Фактически речь идет, по выражению Д. С. Лихачева, о «гомосфере», связанной с рассмотрением мира в отношении к человеку, при этом суждения о целостности мира определяются пониманием его ценностного содержания, что позволяет его трактовать как дом: «Я говорю "мир", ибо речь может идти и о природе, и о человеке. Понятие цельности и целесообразности мира воплощено в слове – *"oikos"* (греч.) дом. Домом может служить как природа – живая и "мертвая", так и та часть мира, которой человек окружает себя. Понятие последнего требует пояснений. Человек строит свой дом – культуру» [3, с. 91].

Рассмотрение отношений человека и мира, представляемого в качестве дома, приводит исследователя к мысли о понимании культуры как центральной категории в понимании экологической проблематики: «Поэтому заботы экологов должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре» [3, с. 92]. При этом, по мнению автора, следует осознавать, что в экологии культуры важным является все культурное наследие человечества, которое в совокупности представляет собой дом, в котором живет человек. Его утрата оборачивается непоправимыми последствиями, связанными с невозможностью абсолютного восстановления своего пространства. До известных пределов утраты в природе восстановимы, так как природа сама помогает человеку восстановить свое равновесие, в ней есть способности к самоочищению, а утраты в культуре восстановимы исключительно человеком, что требует особого ответственного отношения к себе и окружающему миру.

В связи с этим Д. С. Лихачев отмечает, что ответственность человека в экологии культуры связана с нравственной проблематикой, без которой невозможно установление гармоничных отношений и связей в культуре, в которых человек выступает как главный субъект их организации: «Человек не только нравственно отвечает за всех живых и за все мертвое, лишенное осмысленной, "умной" речи (не только эмоциональных возгласов), но и морально обязан за них говорить, защищать их права, их интересы» [3, с. 97]. Таким

образом, регуляция связей в культуре во многом определяется нравственной позицией самого человека, его совестью, формирующей внутреннее ответственное отношение к миру. В связи с этим автор пишет: «Совесть противостоит всем корыстным, эгоистическим внешним воздействиям, нивелирующим индивидуальность человека, уничтожающим человека как личность, разрушающим его гармоничность» [3, с. 7]. Совесть представляется ученому в качестве главного регулятора в решении вопросов экологии культуры, связанных с установлением гармоничных связей в культуре и отношения человека к себе.

Эти идеи в рассуждениях академика определили понимание истории взаимодействия культуры и природы: «В истории существуют три этапа подхода к проблеме природы и культуры. Первый этап, который мы прошли, – насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого. Второй этап, к которому мы переходим, – разумного изъятия, изъятия с "оглядкой", но также насильственного, и третий этап – может быть, отдаленного будущего, – полного прекращения насилия над природой и культурой и сосуществования общего, союзного» [3, с. 98]. Целеполагание в определении логики развития культуры и природы Д. С. Лихачев связывает с формированием целостного мировосприятия, что перекликается с философией всеединства В. С. Соловьева, который в работе «Оправдание добра» отмечал значимость служения земле, формирующей в деле подвижничества полноту восприятия бытия. В связи с этим важной является нравственная организация материальной жизни, в которой человек играет роль главного субъекта в одухотворении природного окружения, что выступает условием его адекватного ценностного принятия, в котором преодолевается насилие над природой.

В условиях современности, когда функциональное отношение к решению вопросов экологии начинает доминировать, мы сталкиваемся с деконструкцией традиционных ценностей, что нарушает понимание культуры как дома. Появляются способы толкования культуры как территории, где происходит осуществление человеческой жизни, при этом утрачивается ее сакральное понимание, что в результате способствует формированию нейтрального отношения к культуре, в котором утрачивается ее субъектное тол-

кование [1]. В этих условиях актуальность экологической проблематики культуры в определении Д. С. Лихачева не вызывает сомнения, когда сохранение своего дома становится условием поддержания генетического культурного кода человечества и обозначения культурно-ценностных вертикалей его развития.

Примечания

1. Астахов О. Ю. Субъектное содержание культурологического знания // Человек в мире культуры: проблемы науки и образования : материалы Междунар. науч. конф. XIV Колосницынские чтения (26-27 апреля 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 9-11.

2. Запесоцкий А. С., Марков А. П. Д. С. Лихачев: у истоков культурологической парадигмы // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 163-176.

3. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

4. Устюгова Е. Н. Экология культуры: грани проблемы // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 17. 2013. № 3. С. 64-69

УДК 791.66(=512.31)

Смирнягина Т. Ю., г. Москва, Россия

Smirnyagina T. Yu., Moscow, Russia

МИФОЛОГЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РЕЖИССЕРА ТЕАТРАЛЬНО-ЗРЕЛИЩНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПРАЗДНИКОВ

MYTHOLOGEMES IN THE CREATIVITY OF THE DIRECTOR OF THEATRICAL SPECTACULAR PERFORMANCES AND HOLIDAYS

Рассматриваются технологические аспекты режиссерского творчества при создании театрализованного представления мифопоэтического типа, где единство символов человека и природы (микро- и макрокосмос) становится ведущим постановочным решением в построении визуальных художественных образов. Ракурс

заявленной темы и междисциплинарный подход определяют перспективу дальнейших изысканий в области современных сценарно-режиссерских технологий на основе авторских мифологем как интерпретации семиотических оснований праздника.

The article considers the technological aspects of directing creativity when staging a theatrical performance of a mythopoetic type, where the unity of symbols of a man and nature (micro- and macrocosm) becomes the leading staging solution in constructing visual artistic images. The stated theme perspective and interdisciplinary approach determine the prospect of further research in the field of modern scenario-directing technologies based on the author's mythologemes as interpretation of the holiday semiotic foundations.

Ключевые слова: мифопоэтика, мифологема, праздник, постановка театрално-зрелищных представлений, монтаж, сценарно-режиссерские технологии.

Keywords: mythopoetics, mythologeme, holiday, staging theatrical spectacular performances, editing, scenario-directing technologies.

Истоком творчества режиссера театрализованных представлений и праздников всегда являлось художественное осмысление социально значимого события. В предыдущем сборнике статей «Байкальские встречи – X» мы начали разговор об организационно-творческих возможностях и технологических аспектах театрализации при формировании социально значимого событийного проекта и его творческого управления, востребованного обществом для преобразования социальной среды и культурно-исторической территории [1].

В данной статье хотелось бы затронуть редкостную, но крайне важную тему в режиссерской деятельности при создании мифопоэтического типа театрализованного представления, практически не разработанную в научных изысканиях. Речь идет о сценарно-режиссерском подходе к разработке темы праздника, где единство символов человека и природы (микро- и макрокосмос) становится ведущим постановочным конструктом в построении визуальных художественных образов. Где через зримые мифологеми сценарно-постановочного решения, насыщенные природными знаками, стихиями и архетипами постановщик обращается к чув-

ственному опыту зрительского восприятия, формирует новый взгляд на известное, привычное, наполняя его гуманистическими смыслами.

Ассоциативно-монтажный принцип театрализации способствует погружению в режиссерскую мифопоэтику, в которой Прошлое, Настоящее и Будущее существуют одновременно, где человеческая жизнь, развиваясь по спирали, уподобляется цикличности природного мира. Ассоциативно-монтажный принцип построения образа человека, соотносимого с миром природы, определяет особый вид связей между элементами театрализации и самим типом театрализованного представления – мифопоэтическим, в котором сценарист-режиссер выстраивает собственную космогонию в поэтической условности через символические образы и систему метафор.

Бытующие в этнических культурах природные образы становятся своеобразным символическим ритуалом, передающим узнаваемые эстетические ценности от поколения к поколению, через которые зритель получает опыт художественного восприятия конкретной культуры, национальной картины мира, имеющей глубокое эмоциональное воздействие.

Для уточнения этого положения обратимся к характерному примеру из постановочной практики автора статьи, заодно проследившая технологию режиссерского подхода к мифопоэтическому типу построения театрализованного пролога.

Речь идет о праздновании наступления нового года по монгольскому лунному календарю – Сагаалган или Сагаан хара (Белый месяц), широко отмечаемого бурятами-буддистами в Республике Бурятия и ее московским землячеством «Урчал» в конце января или начале февраля. Это всеобщее празднование годового «дня рождения» с угощениями белой пищей из молочных продуктов и чаем с молоком, шитьем праздничных нарядов, демонстрацией традиционных украшений, встречами уважаемых гостей с хадáками и благопожеланиями. Массовое празднование не обходится без кругового народного танца ёхор.

Данному традиционному празднику бурят, его типологии и генезису посвящено, пожалуй, единственное в своем роде монографическое исследование Н.Б. Дашиевой [2], в котором автор выво-

дит семантическую природу названия праздника сагаалган «...от лексемы сагаа в значении свет с суффиксом деятельности ган, посредством которого в бурятском языке из существительного образуются глагольные формы. В данном контексте название праздника лежит в семантическом поле понятия «творить свет», т. е. моделировать, создавать новый мир. Типологически сагаалган – универсальное празднество нового года со всеми присущими ему идеями о новом мире, новом свете, новой жизни, которые отражены в его структуре и обычаях» [2, с. 157].

Мифопоэтический пролог театрализованного концерта «празднования «Белый месяц – Сагаалган – 2019» (Центральный Академический театр Российской армии) призван обеспечить символический переход к обновлению мира, заряжая одновременно тему и ее режиссерское решение, которое определяет круг используемых символических знаков, и их смысловых интерпретаций, связанных с представлениями о традиционном праздновании наступления нового года по лунному календарю.

В сопровождении соответствующего видеоконтента на большом экране и ритмически выстроенного медитативного музыкального ряда звучит «персонифицированный» голос времени:

«Вселенная, хранительница тайн,

С отчетом время подгоняя,

Ведет свой лунный календарь,

Восточный ветер поджидая.

И Ночь прохладным поцелуем

Зажгла звезду-свечу над колыбелью звездной,

Где сладко спит младенец – Белый месяц...

Еще чуть-чуть...

И белым молоком прольется Млечный путь,

Дорогу светлых помыслов потомкам указуя,

И новые костры любви вновь разожжет народ,

Дым очага отправит ввысь с попутными ветрами,

И Ёхор звездный, вечной жизни круг, свершит кругово-

рот!..

И праздником Сагаалган наполнится земля священных предков!..».

По сути, в прологе слагается мифологема праздника как конкретная интерпретация мифических смыслов. К. Юнг и К. Кереньи разъясняют суть данного термина для обозначения повествований, содержащих мифический материал: «...эти повествования хорошо известны, но далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества, <...> которые становятся полноценным объективным произведением со своим собственным голосом» [цит. по: 3, с. 13].

Исследователь А.Н. Круталевич отмечает широкий ряд функций мифологемы, в том числе: ретроспективность, ориентированную на опыт предшествующих поколений, а также региональную и этническую специфику мифологемы, которая «...при ее конкретном воплощении испытывает влияние национальной картины мира» [3, с. 14].

Применение параллельного принципа монтажа в организации партитуры пролога позволяет одновременно транслировать видео-контент упоминаемых символических образов на экране и параллельно разворачивать праздничное действо на сцене. Таким образом, экранное действо выступает как макрокосм, а сценическое действо отражает состояние микрокосма.

В условном приеме *slow motion* (замедленная съёмка) из глубины сцены, словно из глубины веков, торжественно шествует к зрителю большая хореографическая группа. Решенная в условной пластической графике (в контровом свете), с праздничными хадаками на расprostертых руках, группа символически соединяет Прошлое (пращур) с Настоящим (потомки): сцена оживает с появлением большой хоровой группы артистов и детей в праздничной традиционной одежде, радостно приветствующих друг друга. Словно передавая праздничную эстафету поколений – от пращуров к потомкам, хадаки вручаются старейшинам хоровой группы. Пролог завершается массовым ёхором. На экранах, в такт ёхора, кружат национальные бурятские орнаменты, из которых праздничным салютом слагается традиционное приветствие «Сагаан хараар, Сагалганаар!»).

Принцип монтажного мышления режиссера представлений и праздников является неотъемлемой сутью профессии, влияет на структуру образного, композиционного построения театрализован-

ного представления. Становится средством выявления глубинных связей между миром реальным, метафизическим и миром горным, мифологическим. Обращение к мифологемам открывает путь к преемственности, передаче духовных ценностей. Эмоционально-образное считывание мифологем поддерживает национальное самосознание, способствует сохранению стабильности человеческого духа в быстро меняющемся мире.

Примечания

1. Смирнягина Т. Ю. Событийный проект как механизм репрезентации культурно-исторического наследия территории // Байкальские встречи – X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., 20-22 сентября 2018 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2018. С. 403-411.

2. Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят : история и типологии / отв. ред. вып. 3. П. Соколова. М. : Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2012. 211 с. (Сибирь : этносы и культуры ; вып. 12).

3. Круталевич А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 10-21.

УДК 008+81

Ртищева О. В., Прокудина Е. С., г. Кемерово, Россия

Rtischeva O. V., Prokudina Ye. S., Kemerovo, Russia

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

LANGUAGE ECOLOGY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF CULTURE

В статье рассматриваются вопросы экологии языка в контексте развития культуры как целостного образования. Подобно тому, что биологический организм содержит геном самопроизводства, культура имеет также наследственный код, способствующий

ее самосохранению. В качестве такого кода можно рассматривать язык, сохраняющий геном народа. Язык выступает в качестве одного из главных способов не только сохранения, но и актуализации памяти народа, способствующей его самоидентификации в формировании миропонимания и мироощущения, основ смысла жизни.

The article considers the issues of language ecology in development of culture as an integral unity. Just as a biological organism contains the genome of self-production, culture also has an inherited code encouraging its self-preservation. The authors note that language can be considered as such a code preserving the genome of a nation. Language acts as one of the main ways not only to preserve, but also to actualize the memory of the nation, promoting its self-identification in forming the worldview and the basics of life meaning.

Ключевые слова: человек и культура, экология языка, ценность, геном культуры.

Keywords: man and culture, language ecology, value, culture genome.

Изучение экологии языка можно рассматривать в качестве одного из направлений экологии культуры. Наряду с традициями, обычаями, обрядами и другими знаковыми образованиями, формирующими национально-культурный код, язык также играет особую роль в сохранении целостности и этнокультурной уникальности общества. Рассмотрение вопросов экологической составляющей в развитии языка требует его толкования как семиосферы, выступающей в качестве объекта лингвокультурологических исследований. Языковая семиосфера может быть рассмотрена в двух аспектах, с одной стороны, как ценностное образование подобное культуре в целом, с другой стороны, как речевое пространство практического функционирования языка. Взаимосвязь этих аспектов порождает лингвокультурологическую проблематику в рассмотрении вопросов экологии культуры.

Согласование понятий экологии и языка впервые было осуществлено в работах американского лингвиста Э. Хауген. Его статья «Экология языка» была опубликована в 1966 году. Однако, в связи с рассмотрением ценностного содержания языка как явления культуры, одним из первых, кто попытался определить содержа-

тельное поле этой проблемы, стал Й. Л. Вайсгербер. В своей работе «Родной язык и формирование духа» (1929) автор рассуждает: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу, он изучает свой родной язык, то есть он вращается в это языковое сообщество» [2, с. 81]. Автор рассматривает язык как самостоятельное пространство культурного достояния и оценивает возможность его понимания как освоение внутреннего содержания культуры. В этом ключе можно провести параллель сферы языкового культурного пространства и семиосферы.

Понятие семиосферы рассматривается Ю. М. Лотманом. В своей работе «Внутри мыслящих миров» автор пишет: «Если по аналогии с биосферой (В. И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними. В этом отношении язык есть функция, сгусток семиотического пространства, и границы между ними, столь четкие в грамматическом самоописании языка, в семиотической реальности представляются размытыми и полными переходных форм. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [3, с. 250]. Подвижность семиосферы не лишает ее самостоятельного статуса. Тогда в этом ключе экология языка определяется проблемой установления равновесного состояния в развитии семиосферы, чтобы ее созидательные возможности преодолевали деструктивные механизмы языковых практик.

В условиях современности к числу таких языковых деструкций, по наблюдению И. Х. Таутиевой, Э. М. Рамоновой, могут быть отнесены следующие процессы: объединение лексики и фразеологических ресурсов, произвольное или спекулятивное использование лексики (ярлыки, отрицательная оценочность, речевая агрессия и др.), нецензурная, бранная лексика в недопустимых контекстах, нарушение логики заимствования лексики (в основном англоязычная лексика), жаргонизация и вульгаризация речи, безграмотность [4]. Во многом этот перечень языковых нарушений дик-

туется игнорированием культуры как ценностной доминанты, в качестве которой выступает частный субъект коммуникационного процесса, что приводит к утверждению значимости субъектных ценностей, порождающих игру интерпретационных значений вне всякого отношения к норме [1]. Таким образом, в контексте экологии языка становится очевидной проблема загрязнения языковой среды, болезни языка, его лексической эрозии и др., что позволяет говорить о лингвоциде, по аналогии с экоцидом.

Возможность решения этих вопросов можно рассмотреть в ключе соотношения биосферы и семиосферы. Подобно тому, что биологический организм содержит геном самопроизводства, культура имеет также наследственный код, способствующий ее самосохранению. В качестве такого кода можно рассматривать язык, сохраняющий геном народа. Язык выступает в качестве одного из главных способов не только сохранения, но и актуализации эволюционной памяти народа, способствующей его самоидентификации в формировании миропонимания и мироощущения, основ смысла жизни.

Таким образом, экология языка ориентирована на сохранение вербального генома народа и человека как главной ценности культурного бытия. Заклучая в себе концентрированную социокультурную, историческую, ландшафтно-географическую, духовно-ценностную, нравственную память народа, язык способствует формированию цельного пространства гармоничного развития человека в отношении к себе и внешнему миру. Поэтому обесценивание языка может привести к необратимым последствиям деформации культурно-исторической памяти, что нарушает преемственность поколений и, соответственно, сфера культуры становится деструктивной, не способной давать ответы на сакральные вопросы, волнующие каждого человека.

Примечания

1. Астахов О. Ю., Ртищева О. В. Субъектное содержание коммуникационных процессов в условиях современной культуры // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 2 (27). С. 20-26.

2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М. : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб : Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

4. Таутиева И. Х., Рамонова Э. М. Экология языка как актуальная проблема современного российского общества в СМИ // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие : межвуз. сб. науч. тр. Владикавказ, 2018. С. 199-204.

УДК 930.85(517.3)+069.15(485)(=512.36)

Sundeviyñ Enkhñaran, Ulaan-Baatar, Mongolia

Сүндэвийн Энхнаран, Улан-Батор, Монголиа

**MONGOLIAN ART WORKS IN SWEDEN:
SHARING KNOWLEDGE AND RETURNING ISSUES**

**МОНГОЛЬСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВ В ШВЕЦИИ:
ОБМЕН ЗНАНИЯМИ И ВОПРОСЫ ВОЗВРАТА**

The article considers the digital returning issues that are connected with the implemented research project (2018) “Putting Ancient Mongolian Folk Music in the Swedish Museum into Art”. The author writes that thanks to the Museum of Ethnography in Stockholm in 2016 the researchers of the Mongolian State University Arts and Culture innovated 66 old songs recordings offered. This vividly shows that the Mongols are interested in returning home their cultural heritage objects taken out from the country by the Sino-Swedish expedition in the first decades of the XX century.

В статье рассматриваются вопросы возврата записей в оцифрованном виде в рамках исследовательского проекта «Воплощение старинной монгольской музыки в искусство в Шведском Музее» (2018). Автор пишет, что исследователи Монгольского государственного университета искусств и культуры сделали запись 66 старых песен, которые были представлены Музеем Этнографии в Стокгольме в 2016 г. Это наглядно демонстрирует, что монголы заинтересованы в возврате объектов культурного наследия на ро-

дину, вывезенных из страны в первые десятилетия XX века китайско-шведской экспедицией.

Keywords: returning issues, the Museum of Ethnography in Stockholm, the Ethnographical Museum of Gothenburg, the Sino-Swedish expedition, relics, song, recording, Mongolian lyrics, cultural heritage.

Ключевые слова: вопросы возврата, Музей Этнографии в Стокгольме, Этнографический музей в Гетеборге, китайско-шведская экспедиция, реликвии, песня, запись, тексты монгольских песен, культурное наследие.

1. The acquisition brief history of the objects related to the Mongolians in Sweden

In 2010, my master's thesis research was «Material Culture of Mongolia: In case of museums in Sweden». I emphasized that Mongolian material culture belongs to the cultural heritage of humanity. To repatriate ethnographic objects to the home countries, my strong recommendation is that Museum of Ethnography and World Culture Museum should increase sharing knowledge and communication to the spiritual ownership and manufacturing right people. Within that international community of museums and cultural heritage institutions should cooperate more closely, integrate, and perceive the international legal standards and rules within the frameworks of their governing cultural sectors.

The Swedish missionaries and researchers acquired many Mongolian relics while travelling in Asia during the last two centuries. One of the biggest acquisition parts of the material culture of Mongolia was acquired by the Sino-Swedish Expedition in the first decades of the 20th century. The Sino-Swedish Expedition headed by Sven Hedin investigated the meteorological, topographic and prehistoric situation in Mongolia. It was funded by the Swedish government, firms, societies, private people and the British-American Tobacco Co. The geologists, archaeologists, paleontologists and meteorologists who took part in the expedition came from Sweden, China, Germany, Denmark and Russia. In this Sino-Swedish expedition, the Mongolian participants were car drivers and servants [1, p. 19]. Sven Hedin launched those several expeditions to travel in Central Asia before the start of a series of waving of communism, industrialization, war, hunger, and cultural invasion and

so on. In doing so, it was to collect from the treasuries of the people's heritage, which were destined to be destroyed or evolved by those many changes in societies.

However, the Sino-Swedish expedition's ethnographical department headed by Dr. Gösta Montell and Sven Hedin himself made several journeys to Mongolia, the Gobi and North China. Mr. Georg Soderbom worked as his assistant. They collected the large ethnographical collections which now belong to the Swedish museums. The objects in the collections were collected from the territories of Inner Mongolia of China, along the ancient Silk Road and in modern Mongolia.

Montell described the Mongolian objects which had been sent to Chicago, to the Ethnographical Museum of Gothenburg (now the MWC), Gothenburg, to the Museum of Ethnography (ME), Stockholm in the 1930s [2]. Numerous artifacts including folk music recordings of the Mongols collected during the expeditions are now housed in the ME, Royal Library, MWC and so on in Sweden. The expedition members purchased the Mongolian collection by Mexican silver dollars that, according to Dr. Montell, the Mongols usually preferred as 'raw material' for their beautiful silversmith works and as a gift [3]. To mention the silversmith's works for the Mongols, the ethno style, traditional technology and consumption of works still existed over centuries. As the consumption, dedications and designs changed, their silver objects reused and sometimes melted down. During the socialist era, they officially regarded the married woman's headdresses and accessories to be "feudalist remains" and banned decorating. In the 1930s, they melted them to make silver bowls, simple bracelets, saddles, whip's decorations and horse bridles. From the 1990s, these silver works melted (*hailuulah*) again and transformed into female and male accessories such like belts, earrings, and necklaces mostly.

Sven Hedin, Henning Haslund-Christensen, Johannes Georg Gmelin [4], Englishman J.S. Stallybrass, the Russian scholar A.D.Rudnev, Pater.P.Joseph van Oost, K.Gronbech, Ernst Emsheimer were pioneering on Mongolian music. Henning Haslund-Christensen and Håkan Wahlquist had outlined the Mongolian music recordings acquisition history of the Swedish involvement in the study. Gösta Montell and Henning Haslund-Christensen recorded music of the Mongols on

the wax cylinders and Edison phonograph and brought to Sweden and Denmark. Later, Hakan Wahlquist evaluated the current recordings that

“[t]he two collections from the Hedin-expedition, 1928- and 1930, which are kept in Sweden, would then fall on our country to finance the analysis and publishing of. Quite some work has been done already, but the mechanical difficulties presented by the wax cylinders pose special problems, technically and financially. That the treasure of Mongolian culture preserved in these collections demand and require that we take our responsibility in making them available to the world, is unquestionable” (Håkan Wahlquist. 15-16, September 1998. The Study of Mongolian Music in Sweden, Preliminary Remarks on Research in Progress. Presented paper in Ulanbator).

In the history of collecting the Mongolian music “... in Hsingan-Mongolia H. Haslund-Christensen had the texts of many of them dictated by the singers immediately after the recording to a Mongol who was able to write them down. In this way a fine and very valuable collection of song-texts was brought together, that it would have been very desirable to use in the present publication...” [5].

In 2016, the Museum of Ethnography presented 66 songs in digital recordings to the researchers at the Mongolian State University of Arts and Culture under the project “Putting Ancient Mongolian Folk Music in the Swedish Museum into Art”. As part of the project, 66 old songs noted down by Soronzonbold S. who had the project leaders Tugsjargal J., Tuvshintur G. and published the book “*Swediin ugfaatni muzeigees duurisah ernii mongol duu*”. The lyrics of the 66 old songs heard and explained by the *Khalkhas* and people from all counties of Inner Mongolia of China, as well as the *Tsahasr*, *Khorchins*, *Durvuds*, *Buryast*, *Xinjians* and *Uighurs*. While listening, the people said that in many parts of the songs, words were old dialects, vague and incomprehensible. The researchers recognized some songs “*Magnag usegtei tug*”, “*Mongol khuu*” and “*Arvan hoyor jil*” by melodies. Singers and musicians revived and sang these songs, recorded them on double CDs and performed concerts to the Mongols in 2018.

2. The Interpretation and Presentation of the Mongolian Music Recordings

About Mongolian musics and songs, that they are evoked the moods of Sven Hedin over 80 years ago “the orchestra of the Mongols, comprising a flute, a stringed instrument and a singer, sometimes entertained us with quite melodies, full of Asiatic atmosphere”[1], and Henning Haslund-Christensen wrote

“... I have often been entranced, and which has always been able to banish the feeling of emptiness that a European may experience during a prolonged stay among a foreign people in a remote country. These songs have helped me to an understanding of the aesthetic values in the often bleak landscapes of their origin. It was the singing milk-maids and the melancholy tones of the caravan-folk in the deadstillness of the evening when I have sat at the warming tent-fire while the souhing wind from the steppe evoked the very atmosphere of what had been sung, it was the songs and epics of the old men that helped me to glimpse the contours of the mighty pictures that make up the great and richly changing history of the nomads” [4 , P. 22-23].

Let's compare one of the 66 old songs recordings from the Swedish Museum of Ethnography with the popular song called *Ulaan tug* among the Mongols. This two songs have quite the same melody, some words and meanings are different in the texts, and two versions of the same song. In the song recording of the Ethnographic Museum¹, the singer sings seven verses, most of which are clearly understood in verses 3th, 4th, and 5th, and the dialects of many words are not understood in verses 1th, 2th, 6th, 7th. The content of the song calls for the strengthening of the state, the army, the nobility, the power of religion, and fight against the “*Gamin soldiers*”². There are an English translation of the 3th, 4th, and 5th verses.

.....

Let's raise the red flag
Let's strengthen the State
There are many *gamin* soldiers

---

¹ Registration number is ZS_V78-0453, Digital collection, the Museum of Ethnography,

² call name the National Revolutionary army troop China between 1925- 1947.

Let's press their chest to go away

Let's raise the green flag
Encouraging the nobilities
Let's fight against
Gamin soldiers who tortured us

Raising the gray flag
Encouraging our religion
Let's fight against
... *gamin* soldiers
.....

According to Mongolian music study, “*Ulaan tug* song was composed in 1921-1924, at the beginning of the foundations of socialism,... [It emphasizes] the importance of inculcating the idea of a new revolutionary change in the minds of the people” [6, X. 93-94]. There are popular versions of the English translation among Mongols.

Ulaan tug (Red Flag) [7, X. 106.].

Raising the red flag
Encouraging the state
Betrayed theft Naidan Wang
Hurray and attacked

Blowing a majestic flag
Let's go on a grand parade
The latest bourgeoisie
Let's destroy it

Hurray hurray hurray
Let's strengthen the state
Many poor people
Unite more and more

Established People's Government
Take a firm oath

It has a western face
Let's fight and resist

Hurray Hurray Hurray
Let's strengthen the State
Many poor people
Unite more and more

General Sukhbaatar
Let's strengthen the last courage
Against greedy and cruel people
Let's fight desperately

While I had writing this paper my feeling was that the Mongolian tangible and intangible heritage is still unique cultural heritage for the Mongols today which mainly partly was acquired about 90 years ago in Sweden. However they could not represent modern Mongols in museums.

Furthermore, as a Eilean Hooper-Greenhill states that it is now generally recognized that people learn in a variety of ways ... in many museums, therefore, a mix of types of learning opportunity is offered: looking, thinking; object handling; interactive exhibits; demonstration; reconstructions; drama; films. Many non-art museums are developing ways to enable people to enter an active process of exploration and discovery that has the potential of becoming personally meaningful to them, recognizing that it is only when experiences are personally meaningful that they are truly valued (Eilean Hooper-Greenhill. 1995. p. 155). In case of song recording that is meditated the memory of the Mongols and might also permit us to look beyond the conditions in which the melodies were captured and turned into heritage in the past to include in our analysis the conditions under which they are discussed and appropriated by different actors in the present.

3. A Knowledge Access, Sharing and Ownership Right at the Museum of Ethnography (ME)

Sebastian Chan pointed out that museums are increasingly experimenting with and implementing more interactive services on their

own Web sites, and also decentralizing their on-line 'brand' into a multiplicity of social networking sites and services, as well as virtual worlds [8]. Dierking and Falk pointed out that the Museum field must get better at understanding the role that media plays in interpreting objects and ideas for people. Much audience research takes the form of focused evolution stud-assessing the effectiveness of particular screens or directions in a computer interactive [9].

As Simpson writes, 'in the past, the relationship that museums had with indigenous peoples was highly inequitable, serving little or no benefit to the indigenous peoples, but that balance has changed so that there is now developing a more equal partnership in which indigenous communities are able to use museum collections and archives, and indeed the knowledge of anthropologists, to serve their own objectives. From these new relationships are developing new roles for museums and museum anthropologists in which they can play a more central role in dealing with matters of social relevance" [10, p. 253]. This attempts to become more inclusive the ME and cultural institutions of Mongolia should seek to attract new audiences and develop greater relevance to those communities which previously have been the subject of research but have been benefited little from that process.

For doing so, the ME should try to increase its accessibility to exhibitions, reserve collections and archives, and create opportunities for the Mongols to undertake research of their own cultural heritage. As it has been pointed out by Borysewicz, [an] European museum exists only on a website, its 'collection' constructed exclusively of the content contributed by web site visitors. The content relating to one topic is requested; text, sound, and images are all accepted. To whom does this museum belong: the users, the makers, the curators [11, p. 115]? The rise of social media demonstrates that social outcomes on the Web are clearly valued. Objects can play a fundamental role in these experiences by facilitating social interactions – museum objects as “social objects” (Roberto. 2008).

The Carlotta data is dedicated for the museums and their museum collections¹ networks. I had inquired about the prior information of the temple-tent and the headdress in the ME among five academic staff

---

¹ About Carlotta Webpage ME.

(averagely ten years experienced by museum field) at the National Museum of Mongolia (NMM) which is recognized as the leading museum of Mongolia in 2010. For instance, there is no access to the Carlotta in English.

During the Cold War, researchers from the Swedish institutions including Ethnographic Museum and National Institute of Economic Research participated in the 2nd and 3rd International Conferences of Mongolian Studies and donated books including reports about the SI-NO, Swedish expedition to the Mongolian Academy of Science. According to the archival documents, these books and publications, with a list of titles, handed over to the National Library in Ulaanbaatar but their whereabouts are still unknown. To share information and knowledge about the Mongolian material culture in Sweden, I introduced my research at the Mongolian National Museum (2011), the National University of Mongolia (2011-2012), the University of Culture and Arts (2013), and the Capital City Police (2015). It was even more effective to present a report and publish an article in the Museum's Information journal by Mongolia in 2015. That time, the audience was grateful to hear new information about the Mongolian material culture in Sweden, and expressed their keen interest in learning, studying, as well as their previous lack of knowledge and information about it. The result of sharing knowledge, one of the research projects was developed "Putting Ancient Mongolian Folk Music in the Swedish Museum into Art". Musicologist Soronzonbold said that "in the last century we have studied Mongolian musicology only from the perspective of the Russian researchers. I am glad to know and study that Mongolian musicology was developing in Sweden, and a rich collection had been amassed and saved".

1. According to Carducci states the definition of repatriation to include all cultural material that has been removed illegally from its country or place of origin [12, p. 128]. An addition, as a Simpson states the significance attached to objects also changes within a culture, particularly during times of cultural upheaval. Central to the debate concerning the repatriation of cultural material is the question of ownership, a multifarious and sensitive issue [10, p. 191]. However for the past decade alongside the rise and diversified uses of new technologies "the return of digitalized museum objects and vusual collections to communi-

ties that have historically been ethnographized has become a growing phenomenon in certain regions of the world engaging a range of actors and has turned into a topic of recent scholarship” [13]. This phenomenon implies “a growing of digitalized archive and museum materials transiting outside their traditional storage institutions, reverting in some way the unidirectional and colonial circuits by which emblematic images and objects of alterity were historically extracted from ethnographic sites and taken to museums and other European or American academic institutions” (Anne Gustavsson. Revisiting and reframing ethnographic praxis. The return of archive images from Gothenburg to Chaco, *Ethnographic Returns (online) Conference. June 30, 2020*). However the Mongolian music recording and material culture including the temple-tent, crown, tanka is legal acquisition in Sweden, but still rise issues of return might be discussed because it is still unique objects in the Mongolian contexts.

About repatriation the International Council of Museums (ICOM) states the necessity to initiate dialogues for the return of cultural property to a country or people of origin. This should be undertaken in an impartial manner, based on scientific, professional and humanitarian principles as well as applicable local, national and international legislation, in preference to action at a governmental or political level.

When a country or people of origin seeks the restitution of an object or specimen that can be demonstrated to have been exported or otherwise transferred in violation of the principles of international and national conventions, and shown to be part of that country’s or people’s cultural or natural heritage, the museum concerned should, if legally free to do so, take prompt and responsible steps to co-operate in its return [14].

Against the repatriation the universal museums’ declaration notices on the importance and value ‘over time, objects acquired - whether by purchase, gift, or portage - have become part of the museums that have cared for them, and by extension part of the heritage of the nations which house them. ... we should not lose sight of the fact that museums too provide a valid and valuable context for objects that were long ago displaced from their original source’ and ‘calls to repatriate objects that have belonged to museum collections for many years have become an important issue for museums. Although each case has to be judged indi-

vidually, we should acknowledge that museums serve not just the citizens of one nation but the people of every nation [15]. Ana Vrdoljak pointed out that non-Europeans were no longer viewed as differently civilized but as ‘uncivilized’. Ignoring centuries of contact between European and non-European peoples, the positivists sought to expel the non-European world from the realm of international law by applying the distinction between civilized and non-civilized states [16, p. 50]. Henry Wheaton noted that the international law’s application was «limited to the civilized and Christian peoples of Europe or those of European origin» (Wheaton. Elements. 2006. p. 15).

The resultant society of nations was derived from the shared values of European (and Christian) culture. From this flowed the theory of recognition that evolved to vet the entry of other States into this society of nations [16, p. 50]. Hall quoted in Vrdoljak ‘[S]tates outside European civilization must formally enter into the circle of law-governed countries. They must do something with the acquiescence of the latter ... which amount to an acceptance of the law in it’s entirety» [16, p. 42-43]. With European norms being universalized as the standard of civilization, they proceeded to re-admit non-European states into the society of nations, on terms beneficial to European colonial powers [16]. Shepard emphasized digital “return of ethnographic knowledge can therefore be part of a process in which indigenous peoples themselves assume the leading role in the production of knowledge about their cultural heritage”[17].

The 66 songs recordings donated by the Swedish Museum of Ethnography to the Mongolian University of Culture and Arts are type of cultural heritage returning issues to the indigenous people. This shows that the Mongols are recognizing their native art and enriching their heritage after many social changes. The Mongols and scholars are enjoying and appreciating how the melody and lyrics of the song have evolved and revived in their original form. Similarly, the Mongols have a great ability and interest to study and disseminate in their material culture and heritage that widely spread in the world.

Conclusion

This is the topic related to other studies with questioning, criticizing and rethinking encounters between scholars and local communi-

ties as well as concepts like power, collaboration, ownership, access and others. Thanks of the acquisition of the Sino-Swedish expedition in the Asia, the unique material cultures (the temple-tent, tankas and headdress etc.) and valuable song recordings of humanity survived from the different processing of human civilization such as Cultural Revolution, communism, industrialization, and social massive poverty etc. in the Asia.

The Museum of Ethnography and World Culture Museum have responsibility for digital returning issues by choosing modern technology, possible methodology and share knowledge. For instance, if they translated Mongolian material culture through the digital system with various contents, languages including Mongolian, Swedish, English, and good designs to the public such as Swedish, the Mongols and international audience, except of the museum networks, should be provided an opportunity for learning, attracting, or recognizing their familiarity from the distance. An addition, they have responsibility to work respectfully with term of humanity except of 'the other' cultures and spread out this vision to the public well. Therefore, they will demand highest standards, ethics, international communication and studies from the museum professionals. Also, they can provide research methodology resources and collaborate.

Bibliography

1. Hedin Sven. History of the Expedition in Asia 1927-1935 : Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition : Publication 23. 1943. Vol. 1, part I : (1927-1928).
2. Montell Gösta. Sven Hedin as Artist. Stockholm : Statens Ethnography Museum, 1964. 193 p.
3. Montell Gösta. The Torguts of Etsin-Gol // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London, 1940. P. 77-92.
4. Henning Haslund-Christensen. On the Trail of Ancient Mongol Tunes / Henning Haslund-Christensen // The Music of the Mongols : Reports from the Scientific expedition to the North-Western provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish expedition. Publication 21. 1943. Vol. 4, VIII : Ethnography .

5. Ernst Emsheimer. Preliminary Remarks on Mongolian Music and Instruments. // The Music of the Mongols. : Reports from the Scientific expedition to the North-Western provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish expedition. Publication 21. 1943. Vol. 4, VIII : Ethnography.
6. Оюунбат Р. Хүрээ дуу хөгжмийн үүсэл хөгжил, Улаанбаатар. 2005.
7. Дугаржав Түвдэндорж. Монгол дуунууд аялгуу нотын хамт. Улаанбаатар, 1935. С. 1999.
8. Sebastian Chan. Towards New Metrics Of Success For Online Museum Projects // Museums and the Web : Proceedings (CD-ROM) / J. Trant and D. Bearman (eds.). Toronto : Archives & Museum Informatics. Published March 31, 2008. URL: www.archimuse.com/mw2008/papers/chan-metrics.html __(дата обращения: 12.10.2009).
9. Deirking D., Falk J. Audience and Accessibility // The Virtual and the Real media in the museum / (ed) Thomas. S and Mintz, A. ; American Association of Museums. Washington DC, 2005. Chap. 4
10. Moira G. Simpson. Making representations Museums in the Post-Colonial Era. London : Routledge, 1996. 352 p.
11. Borysewicz Stephen. «Networked Media. The experience is closer than You Think». Chap. 7 // The Virtual and the Real media in the museum / (ed) Thomas. S and Mintz. A. ; American Association of Museums. Washington DC, 2005.
12. Carducci G. «Repatriation», «Restitution» and «Return» of «Cultural Property»: International Law and Practice // UTIMUT : Past Heritage – Future Partnerships Discussions on Repatriation in the 21st Century / Mille Gabriel & Jens Dahl (eds), 2007. P. 122-130.
13. Sbriccoli T. Between the archive and village: the lives of photographs in time and space // Visual Studies. 2016. № 31(4). P. 295-309.
14. Code of Ethics for Museums / International Council of Museum : ICOM. 2006.
15. Declaration on the Importance and Value of Universal Museums // ICOM News : International Community of Museum. 2004. № 1. URL: [http : // network .icom.museum /fileadmin/ user_upload/](http://network.icom.museum/fileadmin/user_upload/)

pdf/ICOM_News/2004-1/ENG/p4_2004-1.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

16. Ana Filipa Vrdoljak. International law, museums and the return cultural objects. Cambridge : Cambridge University press, 2006. 342 p.

17. Objeto, Sujeito, Inimigo, Vovô: Um Estudo Em Etnomuseologia Comparada Entre Os Mebêngôkre Kayapó e Baniwa Do Brasil / Shepard Jr., Glenn H., Claudia Leonor López Garcés, Pascal de Robert, Eduardo Carlos Chaves // Boletim Do Museu Paraense Emilio Goeldi. Ciências Humanas. 2017. № 12(3). P. 765-787.

УДК [502.7+008](410)

Забанова Л. Е., г. Улан-Удэ, Россия

Zabanova L. Ye., Ulan-Ude, Russia

**ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА: ИЗ ОПЫТА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ**

**NATURE, A MAN AND CULTURE: THE EXPERIENCE OF
INTERACTION IN THE UNITED KINGDOM**

В статье рассматривается опыт Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в вопросах сохранения гармоничных отношений между человеком, природой и культурой, а именно создание широкой сети активно работающих в этой сфере организаций; развитие волонтерства; строительство протяженных пеших маршрутов. Вместе с тем отмечаются и серьезные проблемы в этой сфере, которые британское общество пытается решить.

The article considers rich experience of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in maintaining harmonious relations between a man, nature and culture, namely a wide network of organizations working in this field effectively, development of volunteer movement, and building long distance footpaths. At the same time, some serious problems in this area are noted which the British society tries to solve.

Ключевые слова: природа, культура, человек, наследие, гармония, взаимодействие, Соединенное Королевство, Национальный фонд, волонтерское движение, протяженные пешие маршруты.

Keywords: nature, culture, a man, heritage, harmony, interaction, the United Kingdom, National Trust, volunteerism, long distance footpaths.

Преподавание английского языка предполагает не только обучение его языковому содержанию и формирование речевых навыков, но и погружение в различные аспекты жизни англоязычных стран и их народов. Вопросы изучения и сохранения природного и культурного наследия, взаимодействия человека, природы и культуры не раз становились объектом и предметом исследования в рамках подготовки докладов и проектов на ежегодные научно-практические конференции студентов ВСГИК, международный конкурс на лучший студенческий научный проект на иностранном языке, а также республиканские олимпиады по английскому языку. Накоплен полезный материал по данной проблематике, требующий обобщения. Следует отметить, что сегодня не каждая страна имеет отлаженную систему организаций, видов деятельности, направленных на гармоничное сосуществование человека и окружающего мира. Одним из общепризнанных лидеров в этом направлении является Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Цель данной работы – проанализировать некоторые аспекты многолетнего опыта этой страны по сохранению природного и культурного наследия, его возрождению.

Великобритания, особенно Англия, ассоциируется у многих людей с зелеными лугами, лужайками, многочисленными огромными парками, многовековыми деревьями, разнообразной палитрой цветов, прекрасными ландшафтами и ухоженной сельской местностью. Но так было не всегда. Природный мир Британии подвергался разным испытаниям, иногда буквально на выживание. Так, по данным Д. Эванса к 1086 году леса занимали 15% территории Англии. В среднем около 7 га лесов вырубалось в угоду пахотному земледелию, таким образом, снизив эту цифру до 10% к 1350 году. Ландшафт принимал сельскохозяйственный характер [1]. Показатели особо не изменились и в наши дни, что подтверждается данными

Forest Research, исследовательского агентства Комиссии по лесному хозяйству Великобритании: на 31 марта 2020 года леса занимают 3,21 миллиона га, что составляет 13% от общей площади Соединенного Королевства: 10% в Англии, 15% в Уэльсе, 19% в Шотландии и 9% в Северной Ирландии [2].

Не менее остро в Британии стоял вопрос сохранения диких животных и птиц. В своей книге «История сохранения природы в Британии» Д. Эванс отмечает, что создание при Вильгельме Завоевателе королевских лесов, занимавших огромные территории, сыграло свою положительную роль, так как, с одной стороны, они были местом охоты для знати, но, с другой стороны, служили убежищем для диких животных в силу ограниченного доступа в эти владения. По мнению автора, к концу Средневековья охотничьи заповедники, например, стали признанным инструментом сохранения дичи [1].

По данным официальных источников, сегодня мир дикой природы Британии сталкивается с 5 основными угрозами, такими как интенсивное развитие сельского хозяйства, отходы из пластика, изменение климата, загрязнение водоемов и пестициды [3]. А список видов, находящихся под угрозой исчезновения, к сожалению, не становится меньше. Совершенно очевидно, что перечень проблем, стоящих перед защитниками природы и официальными структурами рассматриваемой страны, можно продолжить.

Однако, наша задача – акцентировать внимание на усилиях, предпринимаемых Соединенным Королевством, начиная еще с викторианских времен, для сохранения экологического баланса не только в местах исключительной природной красоты, но и в типичной среде обитания животных, птиц, насекомых, растений и проживания людей. Общественный интерес к вопросам сохранения природы наблюдался в Британии уже в начале XIX века, но организованный характер эти усилия стали принимать лишь во второй половине столетия, что подтверждается принятием Законов о защите диких птиц (1872 г.) и древних памятников (1882 г.). В 1895 году был создан Национальный фонд (National Trust), провозгласивший своей целью постоянное содействие сохранению в естественном виде земель и домов (зданий), имеющих эстетическую и историческую значимость. Национальные парки появились в Королевстве

лишь после II Мировой войны по Акту 1949 года [4]. Кстати, в отличие от других стран, они (а их 15) не принадлежат государству. При этом ежегодно их посещают около 110 миллионов человек. Славится Соединенное Королевство и своими ботаническими садами, история которых насчитывает более 350 лет.

За более чем вековую историю движения за сохранение природы и культурных объектов накоплен большой опыт, разработаны и внедрены эффективные технологии решения проблем. Что позволяет Британии быть одним из лидеров движения за сохранение природного и культурного наследия? Анализ материалов позволяет выделить следующие факторы:

1) широкая сеть активно работающих организаций, в основном, негосударственных и некоммерческих, представляющих все четыре части страны, главная задача которых – формирование экологического сознания, бережного и уважительного отношения к истории и культуре своей страны;

2) вовлечение людей всех возрастов в волонтерское движение по сохранению и возрождению объектов природного и культурного наследия, как результат, в изучение истории своей страны;

3) разработанная, оборудованная и пользующаяся спросом сеть пеших маршрутов, охватывающих практически всю страну вдоль и поперек с учетом исторических, природных и культурных объектов. Вкратце остановимся на каждом из них.

Изучение только перечня организаций в этой сфере позволяет сделать вывод о том, что затронуты практически все области, например: English Nature/ Английская природа, National Trust/ Национальный фонд (удивительно, что слово trust может переводиться как «вера, надежда, долг, ответственность, опека», и все они отражают суть деятельности этой организации), Scottish Natural Heritage/ Природное наследие Шотландии, Council for the Protection of Rural England/ Совет по защите сельской Англии, British Trust for Conservation Volunteers/ Британский фонд для волонтеров-защитников природы, Royal Society for the Protection of Birds/ Королевское общество по защите птиц, Joint Committee for the Conservation of British Insects/ Объединенная комиссия по сохранению британских насекомых, Butterfly Conservation/ Сохранение бабочек и т. д. Разработана целая система обозначений (Designations),

в том числе: Area of Great Landscape Value / Территория особой ландшафтной ценности; Area of Outstanding Natural Beauty/ Территория выдающейся природной красоты; Area/Site of Special Scientific Interest/ Территория/Объект особого научного интереса, Environmentally Sensitive Area/ Экологически уязвимая территория, National Nature Reserve / Национальный природный заповедник, Special Protection Area / Особо охраняемая территория.

Особый интерес вызывают структура и деятельность таких организаций. Рассмотрим некоторые из этих особенностей на примере старейшей из них, а именно National Trust, благотворительного фонда, который отмечает 125-летие в 2020 году. Под опекой фонда находится почти 618 тысяч акров сельхозугодий, 775 миль береговой линии, 76 заповедников, 500 исторических зданий, памятников, садов и парков, 60 пабов и гостиниц, 400 фабрик и рудников, в том числе два золотых. Постоянные и сезонные сотрудники фонда, а их около 11 тысяч, принимают около 22,5 миллионов посетителей каждый год. На какие средства он существует? Дело в том, что National Trust управляет огромной розничной сетью, бизнесом по производству продуктов питания и напитков стоимостью в несколько миллионов фунтов стерлингов и многим другим. Кроме того, фонд гордится более чем 5 миллионной армией членов всех возрастов и сословий с их взносами и 61 тысячей волонтеров. Анализ сайта организации показывает отлаженный механизм управления, привлечения новых членов не только в качестве волонтеров, но и в штат фонда с возможностями карьерного роста [5].

Еще одним эффективным решением обсуждаемых проблем в Соединенном Королевстве являются многочисленные (не менее 200) пешие тропы (trails, footpaths), организованное создание которых началось в 60-е годы прошлого века. Следует отметить, что пешие прогулки, пикники были и остаются популярной формой досуга среди британцев. Но британцам пришлось бороться за свое право заниматься пешим туризмом, поскольку многие тропы пролегали по территории частных земель. Требовалась помощь государства, и в 1949 году был принят Закон о национальных парках и доступе в сельскую местность. Целенаправленное строительство таких маршрутов, при юридической и частично финансовой поддержке государства, позволяет решать несколько задач: во-первых,

формирование здорового образа жизни; во-вторых, экологическое воспитание; в-третьих, погружение в историю и культуру страны, что непосредственно связано с вопросами национальной идентичности и патриотизма; в-четвертых, вовлечение в и развитие волонтерства; наконец, развитие инфраструктуры (особенно в сельской местности), вопросы занятости населения. В этой связи особое внимание привлекают протяженные (дальние) пешие маршруты (long distance footpaths), имеющие статус национальных троп (national trails). Они отмечены на картах и на всем протяжении маршрута обозначены символом – желудем. Самым первым таким маршрутом стала Пеннинская тропа (the Pennine Way) протяженностью 429 км (270 миль) вдоль центральных гор Англии [6]. Очевидно, что прохождение столь длительных маршрутов предполагает посещение исторических и культурных памятников, например, замков. Как известно, массовое строительство замков в Британии восходит к нормандской эпохе. В период с XI-XIII вв. построено свыше двух с половиной тысяч замков по всей Англии. Степень сохранности английских замков разная. Но в стране в течение уже довольно длительного времени существует и эффективно работает отлаженная система защиты и сохранения исторического и культурного наследия. Так, большинство замков находятся под опекой Английского Наследия (English Heritage Trust), благотворительной организации, которая заботится о более чем 400 исторических объектах, включая около 100 замков, делая их открытыми для посещения, организуя в них музеи, развивая волонтерское движение и вовлекая в него все большее число соотечественников. Самой ранней каменной башней считается Белая башня Лондонского Тауэра (1078 г.). А вот самым большим по занимаемой территории в Англии является замок Дувр, расположенный на берегу пролива Паде-Кале, самой узкой части Ла-Манша, всего в 34 км от Франции. Его посещение позволяет узнать интересный факт из истории этого сооружения в годы II мировой войны, когда замок с сетью подземных туннелей являлся важным стратегическим оборонительным объектом, «ключом к Англии». С 26 мая по 4 июня 1940 года адмирал Бертрам Рамси управлял эвакуацией 338,226 британских и французских военнослужащих на 933 судах из-под Дюнкерка (операция «Динамо») именно из подземных тоннелей замка в Дувре.

Совершенно очевидно, что три вышеназванных фактора взаимосвязаны и дополняют друг друга, являясь фундаментом, на основе которого разрабатываются новые технологии гармоничного взаимодействия природы, человека и культуры. Таким образом, даже небольшой экскурс в историю развития этих отношений в Соединенном Королевстве показывает, что страна добилась определенных успехов в этой области благодаря совместным целенаправленным усилиям общества и государства.

Примечания

1. Evans D. A History of Nature Conservation in Britain. Second Edition. London : Routledge, 1997.
2. Woodland Statistics . URL: <http://www.forestresearch.gov.uk> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Five Threats to UK Wildlife . URL: <http://www.wwf.org.uk> (дата обращения: 05.11.2020).
4. The Origins of Nature Conservation. URL: <http://www.eh-resources.org.uk> (дата обращения: 05.11.2020).
5. National Trust. URL: <http://www.nationaltrust.org.uk> (дата обращения: 05.11.2020).
6. Zabanova L. Ye., Parpieva D. M. Long-Distance footpaths in the UK and Baikal region // Contemporary issues in the field of natural and humanitarian sciences : materials of the international Best students' scientific project. Ulan-Ude : Buryat state university publishing department, 2016. P. 208-213.

Минайленко М. А., г. Самара, Россия

Minilenko M. A., Samara, Russia

«ПРИРОДА МУЗЫКИ»

НА ЛЮЦЕРНСКОМ ФЕСТИВАЛЕ 2009

«NATURE OF MUSIC» AT THE LUCERNE FESTIVAL OF 2009

Статья посвящена международному музыкальному фестивалю в Люцерне в 2009 году, когда темой фестиваля стала природа. На примере репертуара летнего проекта автор исследует тесную взаимосвязь музыки, природы и человека. Для анализа были выбраны два исполненных сочинения – это «Альпийская симфония» Рихарда Штрауса и «В летнем ветре» Антона фон Веберна. Оба художника вдохновились природой Швейцарии и использовали схожие средства музыкальной выразительности и философские концепции при создании разных произведений. Фестиваль 2009 года стал не единственным обращением к теме природы и человека в истории Люцерна, а также наложил отпечаток на его дальнейшее развитие.

The article is devoted to the international musical festival in Lucerne in 2009, when nature became the theme of the festival. Using the repertoire of the summer project as an example, the author explores the close relationship between music, nature and a man. "An Alpine Symphony" by Richard Strauss and "In the Summer Wind" by Anton von Webern as two performed works have been selected for the analysis. Both composers were inspired by the nature of Switzerland and used similar means of musical expression and philosophical conceptions to create different works. The festival of 2009 was not the only appeal to the theme of nature and man in the history of Lucerne, but also left an imprint on its further development.

Ключевые слова: природа, музыка, Люцернский фестиваль, концерт, исполнительское искусство, музыкальный фестиваль, программная музыка.

Key words: nature, music, the Lucerne festival, concert, performing art, musical festival, program music.

Природа – одна из главных тем для разных видов искусств и вдохновительница многих художников, как современных, так и прошлых эпох. Чтобы просто перечислить все произведения мировой культуры, которые связаны с природой и рассказывают о ее красоте, скорее всего не хватит и огромной библиотеки. Наиболее ярко взаимодействие человека и природы отразилось в поэзии, прозе, изобразительных искусствах и музыке. Музыка, как особый язык, с давних времен старалась имитировать звуки природы, передавать пение птиц, журчание воды, шелест листвы и многое другое. Неслучайно, одна из теорий зарождения музыки как искусства связана именно с природой, а первые музыкальные инструменты (как впрочем, и многие современные) были сделаны из природных материалов. Краткий исторический обзор влияния природы на музыку разных эпох можно найти в одной из работ Т.Н. Басмановой [1]. Огромный пласт музыкального материала разных веков позволяет сегодня, в XXI веке, посвящать теме «Природа» целые концерты и фестивали, которые проходят по всему миру.

Среди музыкальных фестивалей нескольких последних десятилетий появилась новая тенденция – обязательная «тема» фестиваля. Тема подразумевает под собой глобальную концепцию, в соответствии с которой составляется программа для каждого отдельного концерта внутри фестиваля. По мнению А.Е. Ловковой, «фестиваль XXI века характеризует специфику артефактов современного искусства и культурных ценностей» [2, с. 24]. Из большого количества европейских фестивалей хотелось бы отдельно выделить международный музыкальный фестиваль в Люцерне, где вот уже около 50 лет формируется совершенно особый подход к фестивальной тематике. Ежегодно выбирается одно из фундаментальных понятий в жизни человека: природа, радость, сила, детство, идентичность. После этого, на трех фестивалях в течение года (летний, фортепианный и пасхальный) музыканты посредством своего искусства рассказывают о своем видении темы, «говоря» на языке музыки. Выбранная тема становится объединяющим фактором для всех проектов внутри фестиваля, затрагивает важные социальные проблемы, реагирует на события современности, определяет репертуар и участников фестиваля.

Современные экологические катастрофы, истощение ресурсов планеты, невероятная урбанизация и постоянно возрастающий ритм жизни – все это заставляет человека уделять природе больше внимания, ценить каждое мгновение единения с ней. Так, темой международного музыкального фестиваля в Люцерне в 2009 году стала «Природа». Репертуарная политика Люцернского фестиваля всегда поражает тем, как на одной сцене «уживаются» сочинения современных композиторов, образцы старинной музыки и знаменитые классические произведения. Разумеется, программа летнего фестиваля, который длится почти месяц, крайне разнообразна. Она включает в себя как симфонические, так и камерные оркестровые сочинения, камерно-вокальную музыку, музыку молодых композиторов, концертные исполнения ораторий и многое другое.

В рамках одной исследовательской статьи не представляется возможным рассмотреть подробно каждый прошедший концерт, поэтому наше внимание будет сосредоточено на наиболее знаковых для темы «Природа» произведениях. Таким образом, цель данной работы – проследить взаимосвязь человека и природы в музыке Люцернского фестиваля, на примере программы 2009 года. Задачами в работе стали: анализ фестивального репертуара в целом; отбор сочинений, тесно связанных с темой природы и нашедших наибольший отклик у слушателей и в среде профессиональной музыкальной критики; выявление особенностей исполнения выбранных произведений фестивальным оркестром Люцерна; формирование выводов о связи конкретных сочинений с природой и человеком.

Тема «Природа» на Люцернском фестивале родилась среди живописных ландшафтов средневекового города на берегу озера. Ежегодно больше ста тысяч любителей музыки спешат в культурный конгресс-центр Люцерна (далее ККЛ), удивительным образом «встроенный» в гармонию окружающей природы. ККЛ соединен с озером несколькими каналами, а верхний этаж представляет собой террасу с видом на фонтан и горные пейзажи Швейцарии. В стенах ККЛ в 2009 году прозвучали такие сочинения как: симфонические эскизы «Море» Клода Дебюсси, «Альпийская симфония» Рихарда Штрауса, оратория «Рай и Пери» Роберта Шумана, идиллия «В летнем ветре» Антона Веберна, первая и четвертая симфонии Гу-

става Малера, третий концерт Сергея Прокофьева, симфониетта Леоша Яначека. Для анализа нами были отобраны два сочинения – «Альпийская симфония» Штрауса и идиллия Веберна. Будучи современниками, Штраус и Веберн писали в совершенно разных композиционных техниках и считаются представителями разных направлений в искусстве.

Рихард Штраус как представитель позднего романтизма испытал на себе влияние творчества Рихарда Вагнера и философии Фридриха Ницше. Примечательно, что и Вагнер, и Штраус рассматривали город Люцерн как место для проведения музыкального фестиваля. «Альпийская симфония» Штрауса долгое время была с названием «Антихрист. Альпийская симфония», что связывает ее с одноименным трудом Ницше. При первом прочтении может показаться, что это рассказ или небольшая новелла о покорении горной вершины, так как композитор жил у самого подножия Альп. Крауклис Г.В. считает, что в этой симфонии «Штраус предстает перед нами в образе путешественника-альпиниста» [4, с. 103]. Однако, в репертуар Люцернского фестиваля и к маэстро Клаудио Аббадо «Альпийская симфония» попала не просто в качестве «природной иллюстрации».

Симфония Штрауса с точки зрения формы почти архитектурно совершенна, если посмотреть на ее «части строения»: ночь у подножия горы, восход солнца, подъем, достижение вершины, отдых, обратный спуск, заход солнца, вновь наступление ночи. Это путешествие длиной в одни сутки содержит 22 программных комментария автора и исполняется увеличенным составом оркестра (110-130 музыкантов). Кроме классических инструментов симфонического оркестра еще должны быть: ветряная машина, машина для звуков грома, приспособление для звона бубенчиков, гекельфон и 16 дополнительных медных духовых за сценой. Масштабы поражают – к чему столько тембров для одного единственного дня и одного путешественника? В противовес подобной мощи звука, при исполнении и на репетициях с люцернским фестивальным оркестром, Аббадо старался достичь противоположного эффекта. Внимательность музыкантов к звуку, авторскому тексту и что важнее всего, чуткость по отношению друг к другу, позволили грандиозной по

объему поэме Штрауса «звучать как большой камерный ансамбль» [9].

«Внутри» симфония полна самых разных картин-зарисовок природных явлений, встречающихся путнику. Это то, на что он обращает внимание по пути своего восхождения, о чем размышляет и задумывается – лес, ручей, заливные луга, туман в низине, ледник на горном хребте, заросли кустарников, стада животных в долине. И самое главное – чувство одиночества на вершине. Совершив подъем, герой остается, наконец, с самим собой, без суеты и посторонних забот, которые мешают нам в повседневной жизни разглядеть нас самих. Только в единении с природой возможно постижение внутреннего «я» и собственной личности. Именно с этим связано «камерное» звучание огромного симфонического оркестра.

Исследователь творчества Штрауса Э. Краузе характеризует период написания «Альпийской симфонии» (1911-1915 гг.) следующим образом: «Никогда более он не выражал с такой ясностью свое стремление найти синтез психологической, описательной и самобытной музыки с классической простотой» [3, с. 282]. Трактовка этого сочинения на Люцернском фестивале явно дает понять слушателю, что за «историей» восхождения, совершенно очевидно, находится история человеческой жизни или личности художника. Мы выделяем несколько этапов развития человека, сходных с этапами в работе С.К. Павлючик. Это рост и развитие человека, его выход из «тьмы» и ночи, преодоление препятствий в процессе движения (восхождения) и последующее достижение успеха (вершины), далее обретение мудрости и постепенное угасание, погружение во мрак (ночь) [5, с. 101].

Наряду с «Альпийской симфонией» в рамках фестиваля прозвучало сочинение Антона фон Веберна «В летнем ветре». Выбор необычного жанра идиллии связан с литературной основой произведения – стихотворной поэмой Бруно Вилле. Поэзия Вилле, в свою очередь, вдохновлена альпийскими пейзажами летнего, но ветреного дня. Ветер описывается как мягкий летний воздух и буквально льется по зеленым цветущим лугам, затем это несущийся и ревущий ветер сродни морским волнам, а после – легкий и тихий шепот, на фоне которого расцветает песнь соловья. Обращение к

такому возвышенному тексту у юного Веберна состоялось во время его пребывания в семейном поместье в живописной Кантини.

Антон Веберна весь мир знает в первую очередь как ученика Шенберга и творца нового атонального музыкального языка. Однако Люцернский фестиваль смог открыть его всему миру как романтика, мечтательного юношу, продолжателя творческих традиций Рихарда Штрауса. Здесь нельзя не отметить несколько совпадений и контрастов между двумя исполненными работами. «Альпийская симфония» Штрауса – его последнее симфоническое сочинение, монументальность которого отразилась как на продолжительности (50 минут), так и на увеличенном составе оркестра. «В летнем ветре» Веберна – одно из первых его симфонических произведений, весьма краткое по объему (менее 20 минут), но также требует огромного количества музыкантов в оркестре.

Музыка идиллии «В летнем ветре» буквально иллюстрирует текст поэмы, состоящей из семи частей. Развитие происходит следующим образом: в первой части ветра почти нет, во второй легкий ветер, дальше по нарастающей до ураганного и порывистого ветра, а последние две части приводят к умиротворению в природе и душе человека. Философская концепция сочинения Веберна близка «Альпийской симфонии», но погружает нас не во тьму и ночь, а идиллически возносит дух к радости. По мнению Холоповой В.Н. и Холопова Ю.Н., композитор из средств музыкальной выразительности «отбирает только пейзажные, красочные и созерцательные» [6, с. 31]. Оркестр Люцернского фестиваля целиком и полностью отвечал подобным «требованиям» Веберна. Вновь, несмотря на большой состав, звучание было лишено тяжести и идиллия предстала настоящим, живым дуновением ветра благодаря исключительному вниманию к деталям авторского текста.

И Штрауса, и Веберна, музыкантов с такой разной философией, побудила к созданию их работ природа Австрии и Швейцарии. А каждому слушателю из разных уголков планеты подарила необычайное путешествие и позволило не только представить красоту природы, но и проникнуть в философию человеческого духа, пройти путь внутрь самого себя.

Музыкальный критик Джим Каннингем по окончании фестиваля написал: «Летний музыкальный фестиваль в Люцерне, по-

священный природе, уже стал историей» [7]. И это действительно так, ведь в дальнейшем фестиваль 2009 года побудил музыкантов

Люцерна к поиску новых форм концертов и созданию новой «музыки природы». В 2019 году швейцарский композитор Кристиан Гарсиа Гоше написал «Лесную симфонию» для камерного ансамбля и...звуков природы. Чтобы попасть на вечер под названием «Overture dans la nuit» и услышать симфонию Гоше, зрителям пришлось отправиться в настоящий лес в окрестностях Люцерна, а неотъемлемой частью музыкальной фактуры стали шелест листьев, треск костра, дуновения ветра, пение птиц и все звуки леса в момент исполнения. Это уникальный пример единения музыки, человека и природы, которые сливаются в одно целое. Лес стал концертным залом с особой акустикой, вся природа в целом – участником ансамбля. Музыканты Люцернского фестивального оркестра заняли свои места в полукруге поляны и в темноте, играя лишь с небольшой подсветкой пультов. Возможно, что музыка помогла обратить внимание на такие вещи, которые мы не ценим в повседневности – наступление сумерек, узор зеленого листа, запах коры или мягкость земли. А может наоборот, звездное небо позволило услышать особую красоту в виолончельной мелодии симфонии? По словам организаторов фестиваля, программа «Overture dans la nuit» это «уникальная игра чувств, которая создает необычную связь между музыкантами, зрителями и природой» [8]. Таким образом, тема взаимодействия природы и человека на Люцернском фестивале не только стала концепцией 2009 года, но и наложила отпечаток на его дальнейшие пути развития.

Следует признать печальный факт, что мы теряем не только богатства природы, но и высокохудожественные выразительные средства для ее описания. Из всех искусств музыка наиболее точно может сохранить и передать природное многообразие, и дело не только в ее способности имитировать конкретные звуки. Именно музыкальный язык может постоянно изменяться и пополняться новыми средствами выразительности, сохраняя как свою интонационную природу, так и силу воздействия на слушателей. Неоднократное обращение к теме природы такого значительного для мировой культуры проекта как Люцернский фестиваль, это большой шаг на пути единения музыки, человека и природы.

Примечания

1. Басманова Т. Н. Музыка и природа // Вестник ландшафтной архитектуры. 2014. № 4. С. 11-15.
2. Ловкова А. Е. Музыкальный фестиваль в контексте современной культуры // Научные дискуссии: тенденции и перспективы развития современного общества. 2015. Т. 3. С. 23-30.
3. Краузе Э. Рихард Штраус. М. : Гос. музыкальное изд-во, 1961. 611 с.
4. Крауклис Г. В. Симфонические поэмы Рихарда Штрауса. М. : Музыка, 1970. 107 с.
5. Павлючик С. К. Альпийская симфония Рихарда Штрауса: к 100-летию создания // Вестник музыкальной науки. 2015. № 3. С. 100-114.
6. Холопова В. Н., Холопов Ю. Н. Антон Веберн. Жизнь и творчество. М. : Сов. композитор, 1984. 330 с.
7. Jim Cunningham Lucerne festival triumph. URL: <https://www.wqed.org/wp/psotours/?p=360> (дата обращения: 19.10.2020).
8. Overture dans la nuit. URL: <https://www.lucernefestival.ch/en/program/ouverture-dans-la-nuit/1220> (дата обращения: 19.10.2020).
9. Овчинников И. Интервью с Дэниелом Доддсом. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/daniel-dodds-2014> (дата обращения: 19.10.2020).

Шаренда О. Г., г. Улан-Удэ, Россия

Sharenda O. G., Ulan-Ude, Russia

РОЛЬ ПРИРОДЫ В СОЗДАНИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

THE ROLE OF NATURE IN CREATING MUSICAL INSTRUMENTS

В данной статье определена роль природы в создании музыкального инструментария. Рассмотрены особенности использования музыкальных инструментов древним человеком. А также влияние технического прогресса на процесс изготовления, использования, а главное предназначения музыкального инструментария.

The article considers the role of nature in creating musical instruments. The peculiarities of using musical instruments by an ancient person as well as the influence of the technological progress on the process of their making, using and assigning have been considered.

Ключевые слова: музыкальный инструмент, природа, музыкальная деятельность, природные материалы, музыкальная функция.

Keywords: musical instrument, nature, musical activity, natural materials, musical function.

Испокон века человечество выражало свои мысли, чаяния, душевные переживания посредством музыки, и помогали в этом человеку разнообразные музыкальные инструменты. Их возникновение ученые связывают с подражанием звукам природы, окружавшим человека: пение птиц, раскаты грома, шум ветра и волн, звуки дождя и т.д. Вслушиваясь в этот природный звуковой мир, человек пытался ему подражать. В поисках возможной передачи природных звуков и происходило создание первых музыкальных инструментов. Таким образом, именно природа своим звуковым разнообразием подталкивала человека к созданию инструментов, выступая к тому же в качестве поставщика материала для их изготовления.

Вся деятельность древнего человека была тесно связана с природой, ведь он развивался в условиях непосредственного контакта с нею. Само физическое существование человека зависело от природных условий и умений человека, пусть и на инстинктивном уровне, интегрироваться в природную экосистему. Поэтому первые музыкальные инструменты либо являлись непосредственной частью природы, как, например, морские раковины или стволы зонтичных растений, либо подражали природным формам, как дудки и свирели.

Для изготовления древних музыкальных инструментов использовались только природные материалы: различные породы деревьев, береста, кости, рога, кожа животных, глина, растительные материалы, а в Китае – даже золото и шёлк. С появлением у человека религиозных представлений некоторые инструменты наполнялись магическим смыслом и представляли в роли посредников при общении человека с силами природы. Считалось, что они могут воздействовать на природу и окружающий мир. Большое количество инструментов, которым приписывались данные свойства, дошли и до нас. Магические свойства приписываются таким инструментам, как рейнстик, танбур, конх, окарина, варган, диджериду и многим другим.

Простейшие музыкальные инструменты немногим отличались от обычных предметов быта, создаваемых человеком. Нередко именно предметы быта включались в музыкальную деятельность древнего человека, выступая в качестве инструментария. По мнению известного ученого Э. Тейлора, «нам неизвестно, в чем была заключена разница между музыкальным искусством и предметами хозяйственного обихода древнего человека» [цит. по: 2, с. 43]. Исходя из анализа конструктивных особенностей некоторых инструментов, Э. Тейлор отмечал, что «если в полую трубчатую кость когда-то стали вдвигать струю воздуха, чтобы получить звук, то с течением времени в руках первобытного музыканта вполне могло оказаться и две, три трубки, что в итоге привело к созданию многоствольной флейты» [цит. по: 1, с. 44].

Длительная история музыкальных инструментов включала этапы создания, совершенствования, реконструкции, в результате чего они приобретали новые черты и свойства. Изменялись не

только конструктивные особенности инструментов, но и их предназначение: одни использовались лишь в качестве аккомпанирующих, вбирая в себя особенности ладового строя народного песенного творчества, другие же проявляли свои качества в сольной и коллективной игре.

Функциональное их поле включало в себя различные сферы: лечебную, воспитательную, релаксационную, досуговую, гедонистическую. Многие музыкальные инструменты имели самое прямое отношение к религии, так как были непременными участниками религиозных обрядов. Музыкальные инструменты нашли применение и в ратном деле.

Об исключительной роли музыкальных инструментов в Древнем мире повествует Библия и мифология. Отечественная литература также богата сказками о музыкантах. Византийский историк VI-VII веков Феофилакт Симокатта пишет о взятии в плен во Фракии в 591 году трех славян. При пленных вместо оружия были обнаружены музыкальные инструменты рода кифары или более привычной для Феофилакта лиры. Пленники же, акцентируя свой миролюбивый настрой, отвечали, что «играют на гусях, поскольку не привыкли обращаться с оружием и играть на трубах» [2, с. 62]. Это событие в дальнейшем неоднократно описывалось в летописях. Инструменты славян назывались то «лирой», то «кифарой», но большинство историков древнерусского искусства сходятся во мнении, что это были гусли.

На ранних этапах истории человечества музыкальная деятельность не выделялась в качестве самостоятельной, а была одним из компонентов синкретических действий – магических, культовых, трудовых, военных, бытовых, содержание и форма которых, как известно, были обусловлены природными условиями. Один из родоначальников российской фольклористической школы Изалий Иосифович Земцовский подчёркивал, что музыка в древние времена не была отдельной формой проявления активности человека, а была лишь частью «синкретичных форм, в недрах которых и складывалось музыкальное интонирование» [цит. по: 1, с. 46].

Однако И. И. Земцовский относит к ранним формам музицирования «тип синкретизма нерасчлененных сигнально-магически-плясово-трудовых комплексов. Сюда же относятся ин-

струменты-обереги (защитная роль шума), инструменты врачевательные (исцеляющая роль музыки, музыкальная терапия) и другие, применявшиеся в составе полиэлементных действий» [цит. по: 1, с. 46]. С такой полифункциональностью действий древних людей трудно согласиться, ведь даже в Библии функциональное наполнение военных, магических, трудовых и праздничных действий дифференцировано. Такая полифункциональность может быть отнесена лишь к допотопным временам.

Развитие инструментария было тесно связано с хозяйственным бытом, предметы которого постепенно включались или приспособлялись для исполнения музыки. Этот переход от бытовых нужд к музыке происходил в одностороннем порядке «от хозяйства к музыке, от повседневных насущных жизненных потребностей – к искусству» [1, с. 44]. Развитие музыкальных инструментов привело к тому, что за рядом предметов быта закрепились музыкальная функция.

Ещё одним доказательством тесной связи музыкальных инструментов и природы является то обстоятельство, что и процесс их изготовления, и временные условия применения связаны с определенными календарными периодами. На качество инструмента влияли время и место заготовки древесины, различное для разных инструментов, срок и технологический процесс его изготовления, а также лунные фазы. Все важные начинания, в том числе и изготовление инструментов, стремились приурочить к растущей луне, так как это могло сказаться на улучшении благосостояния семьи. Традиции использования музыкальных инструментов на праздниках и в обрядово-ритуальной деятельности также обуславливались календарём. Даже материал, из которого изготавливались инструменты, должен был отвечать определённым требованиям: так, у некоторых народов, населявших территорию современной России, считалось, что дуб, береза, ясень – деревья, несущие Божью благодать. Они, по представлениям древних музыкантов, подпитывают окружающий мир светлой энергией.

Технический прогресс человечества, приобретенные знания в области физики, химии, астрономии и других точных наук, объясняющих то или иное природное явление, не позволяют относиться современному человеку к процессу изготовления, а главное, к

использованию музыкальных инструментов с той серьезностью и трепетом, как к этим действиям относился древний человек. Мы уже не верим в воспитательное значение музыкального искусства, большинство ищет в музыке лишь развлечения.

Сегодня для изготовления музыкальных инструментов музыкальными фабриками всё реже используются природные материалы. А говорить о том, в какой фазе Луны было заготовлено сырьё для изготовления инструментов, вообще не приходится. Однако искусственные материалы, используемые сейчас в производстве музыкальных инструментов, играют и положительную роль, так как полимерные материалы позволяют добиться стабильного и точного строя. Такие инструменты не подвержены перепадам температур, просты в ремонте и доступны в цене. Однако не будем забывать, что это ведёт к потере уникальности звучания некоторых инструментов. Такая дилемма ни в коем случае не должна отрицательно влиять на развитие музыкального исполнительства, а главное, на доступность музыкального образования. Конечно, в первую очередь такая постановка вопроса затрагивает народные инструменты фольклорной традиции, которые очень близки к природным условиям бытования. Но и эти инструменты имеют право выйти из ареала своего традиционного пребывания и получить широкое распространение.

Изготовление народного инструмента является актом, схожим с созданием народной сказки, песни, наигрыша. Как и инструмент, фольклорное произведение «не создавалось исключительно кем-то одним, без опоры на творчество других. В любом случае фольклорное творчество индивидуального автора, его работа – часть коллективного труда» [3, с. 54]. Так и музыкальные мастера сегодня изготавливают инструменты, опираясь на опыт предыдущих поколений и рекомендации исполнителей.

В современной системе музыкального образования России, благодаря усилиям поборников народного искусства, сохранились традиции исполнения на народных инструментах как фольклорной, так и академической музыки. На протяжении многих лет эти два направления развиваются параллельно, заимствуя друг у друга всё самое лучшее. Обращая внимание на все положительные стороны совместного существования двух направлений, ещё остаются во-

просы, связанные со знанием исторического прошлого инструментария и его развития. Более глубокое изучение и анализ исторического прошлого инструментария принесёт большую пользу и исполнителям, и любителям народного музыкального творчества.

Для достижения новых вершин необходимо опереться на опыт предыдущих поколений, что позволит добиться высоких результатов. Природные материалы в тандеме с современными полимерными соединениями и новые технологии обработки материалов – это тот сплав, который может привести к новым открытиям. Государственная поддержка народных мастеров, которые, в отличие от массового производства, не утратили связь с традициями и природой, могут исправить положение с недостаточным обеспечением музыкантов качественными музыкальными инструментами.

Музыкальные инструменты, источником создания которых была природа, должны быть максимально приближены к ней. Это касается не только материалов изготовления, но и манеры игры. Но не следует отказываться и от усовершенствования этих инструментов при условии, что эти нововведения не повлекут кардинального изменения их звучания.

Примечания

1. Вольфович В. Русские национальные музыкальные инструменты: устные и письменные традиции. Челябинск, 1997. 183 с.

2. Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах : учеб. пособие для муз. вузов и училищ. М. : Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2002. 351 с.

3. Солодухин В. И. Развитие творческой активности младших школьников средствами инструментального фольклора. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. 181 с.

Герасимова О. А., г. Улан-Удэ, Россия

Gerasimova O. A., Ulan-Ude, Russia

**ВОССОЗДАНИЕ ЯКУТСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «ТЫГЫН ДАРХАН»**

**THE YAKUT MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE
RECONSTRUCTION OF THE END OF THE XVI-BEGINNING
OF THE XVII CENTURIES IN THE FEATURE FILM
«TYGYN DARKHAN»**

Фильм «Тыгын Дархан» создан на основе романа знаменитого писателя Василия Семеновича Яковлева-Далана. Жанр: историческая драма; режиссер: Никита Аржаков; автор сценария: Владимир Кузьмин, Никита Аржаков. Краткий сюжет: Якутия на рубеже XVI-XVII веков страдает от междоусобных войн. Тыгын Дархан, глава Кангаласского рода якутов, следует завету отца Мунньан Дархана: объединить все якутские племена и создать единый союз на века. Однако предводители не согласны с Дарханом. Они не хотят делить с ним власть. В результате интриг и провокаций в долине Туймаады просыпается дух войны.

The film "Tygyn Darkhan" is based on the novel of the famous writer Vasily Semenovich Yakovlev-Dalan. Genre: historical drama; director: Nikita Arzhakov; scriptwriter: Vladimir Kuzmin, Nikita Arzhakov. Short plot: Yakutia at the turn of the XVI-XVII centuries suffers from internecine wars. Tygyn Darkhan, a head of the Kangalass clan of the Yakuts, follows the behest of his father Munnyan Darkhan - to unite all Yakut tribes and create a united union for centuries. However, the leaders do not agree with Darkhan. They don't want to share power with him. As a result of intrigues and provocations, the spirit of war awakens in the Tuymaada valley.

Ключевые слова: история, культура, искусство, литература, национальная драма, этнос, самосознание, якутский, фильм, «Тыгын Дархан», роман, историческая драма, историческая реконструкция.

Keywords: history, culture, art, literature, national drama, ethnos, self-awareness, Yakut, film, “Тыгын Дархан», novel, historical drama, historical reconstruction.

Фильм «Тыгын Дархан» является исторической реконструкцией якутской культуры, жизни и быта конца XVI – начала XVII вв. Главный герой Тыгын Дархан является одним из прародителей народа саха, про него существуют многочисленные легенды. Кто такой Тыгын Дархан, каким он был, если сейчас, четыре века спустя, его не забыли и не без трепета произносят его имя? Он – кангаласец, потомок народа, чье имя гремело в Великой степи, плоть от плоти большой цивилизации. Тыгын Дархан мечтал о том, чтобы ширились торговые пути, пути развития международных отношений, и все дороги были открыты якутам. К этому он вел свой народ. Личности такого масштаба есть у каждого народа. Ими гордятся, к их памяти обращаются в тяжелые минуты, они служат нравственным ориентиром, а значит, и после смерти продолжают оберегать и защищать своих потомков, как делали это при жизни. Тыгын Дархан был всегда с народом в пору испытаний.

В фильме Тыгын – романтический герой, режиссер Аржаков воссоздает образ вождя и человека, ответственного за свой народ. Он понимает: взять ответственность за свой народ трудно, но важно, особенно важно, чтобы твой народ развивался, верил в себя, в свои силы. Его жизнь посвящена этому. Этот фильм воздает должное нашему великому предку и укрепляет дух растерявшихся потомков, напоминает нам, что предки якутов пережили века и сохранили свою культуру, свой язык. А это значит, что этот образ мифологический в какой-то степени, однако в большинстве мнения сходятся в том, что это историческая личность. Главное, этот образ народу саха нужен, чтобы сохранить свою национальную идентичность. На протяжении столетий постоянно звучал актуальный вопрос: поиск идентичности.

Кто мы? Откуда? Эти вопросы волновали не одно поколение. Вечный поиск истины и желание ответить всем, кому не безразлична судьба твоей родины. Творческая интеллигенция – писатели, художники, режиссеры – должны найти ответы и реализовать идеи в образной, художественной форме. Для писателя В. С. Яко-

влева-Далана очень важны тема, национальная идея, поиск своей идентичности в национальной культуре и процесс возрождения. Они прекрасно отражены в романе и в фильме. Ученые в исследовании часто употребляют с образом всемогущего Тыгына слова: символ, национальная идея, героизация. В. Костырко, считает его имя: «из важнейших символов якутской государственности» [3]. О. Сидоров подтверждает: «В. С. Яковлев-Далан исследует зарождение якутской нации на Средней Лене и появление протогосударственного образования якутов (саха), обосновывает силой художественного слова выпестованную веками идею якутской интеллигенции о праве иметь свою государственность. Героизация имени Тыгына стала одним из важнейших символов якутской государственности и национальной идеи» [10, с. 13-14].

Высокую оценку вклада Далана в литературу дает доктор филологических наук Д. Васильева: «Велики заслуги народного писателя В. С. Яковлева-Далана в становлении жанра исторической прозы в якутской литературе, а также весьма заметен его вклад в многонациональную российскую культуру» [2, с. 1-4].

«Далан подарил родному народу не только частицу его древней и загадочной во многом истории, превратив ее в осязаемые образы своих романов. Он дал уверенность якутским писателям, собратям по перу, что носители языка и культуры должны постичь свою историю, дать ей художественную интерпретацию, не ожидая, что это сделает кто-то другой. Далан своим романом «Тыгын Дархан» выразил идею: народ без истории – не народ. Национальная ментальность народа саха вобрала в себя мир северных народов, мир русской культуры, свои тюркские корни и еще более древние, возможно, еще не осознанные, дремлющие в глубинах подсознания. Эта синтетическая сила, заложенная в языке, народном творчестве, фольклоре, религиозных воззрениях, создает не только литературу, но и влияет на все проявления искусства и культуры, общественной мысли» [11, с. 103].

В фильме был взят именно один отрезок времени – получение власти Тыгына Дархана после смерти отца, пора становления Тыгына Дархана как вождя. Он проходит тяжелые испытания, встречает на своем пути предательство тех, кого считал своими, Тыгына Дархана, боотурами. Роль Тыгына Дархана сыграл Гаврил

Неустроев. Он по профессии не актер, но красив, голос, стать – все при нем. На Ысыахах он часто представлял героя из олонхо Ньургун Боотура. И Тыгына Дархана сыграл хорошо. Гаврил Неустроев по окончании съемок внутренне изменился, и вдруг неожиданно для всех принял решение изменить фамилию – Ньургун Бэчигэн. И это большинство жителей встретили с пониманием. «Дух предков его не оставляет», – говорили старики. «Мистика», – шутила молодежь. Но при этом замечали, как лица становились другими, когда надевали костюмы прошедшей эпохи. Смех прекращался, взгляд человека сосредоточен и погружен в прошлое. Жители непривольно посмотрели вверх... А в небе орлы летают... Символ Кангаласского рода, якутского народа. Орлы постоянно сопровождали группу во время съемок. И суровая природа края словно помогала съемочной группе: снег и ветер прекращались. Мистика? И наконец, солнце – оно светило ярче обычного...

Празднование Ысыаха в фильме было одним из самых масштабных съемок. С этого эпизода начинается фильм, как и роман народного писателя Василия Яковлева-Далана. Родоначальник народа саха приглашает на Ысыах представителей десяти крупных родов, устраивает состязания среди боотуров и объявляет, что победитель станет его зятем. «На кумысных пиршествах бывают и танцы, хотя они у якутов далеко не играют такой роли, как у многих народов... Танцы начинаются женщинами в то время, когда мужчины заняты еще единоборством, скачками и прочим, и только впоследствии мужчины присоединяются к женщинам. Все участвующие составляют круг, мужчины берут женщин под руки, начинают тихо и с важностью двигаться, следуя с востока на запад, т.е. по направлению движения солнца. Двигаясь таким образом, они по временам торжественно кланяются, приподнимают то правую, то левую ногу, отбивая ими по земле мерный такт, и поют однообразным протяжным носовым тоном «эгэй, эгэй, эгэй». Якутские танцы никогда не сопровождаются музыкой, и вообще вилюйские якуты музыки не знают» [5, с. 115].

Особенно большое количество массовки требовалось в первый день съемок, об этом организаторы сообщили заранее. Благодаря «силе интернет-мессенджеров» народ откликнулся и прибыл на площадь, где всех ждали автобусы. На месте съемок разверну-

лись «полевые» костюмерные, гримерные. Все было организовано очень слаженно, разве что в первый день создалась очередь из-за массового наплыва «актеров». Для каждого нашлись костюмы по размеру. И если на поляну заехали люди с современными одеждами, то через некоторое время все разом стали жителями XVII века, особенно после умелой работы костюмеров и гримеров. В первый день съемок приняло участие около двух тысяч человек, в последующие дни людей было не меньше. Народ приезжал, появились постоянные участники, которые каждый день с увлечением снимались. Еще не выйдя на большие экраны, фильм начинал спланировать людей духовно.

Впечатления участников

Далан: «Мы приняли участие в четвертый день, когда снимали крупным планом. Поэтому костюмеры, гримеры тщательно осматривали нас, чтобы ничего не выбивалось из костюмов, никаких воротников, рубашек. Заставили снять сережки, часы. Убрать челки, предоставили даже невидимки. Нам с подругами достались костюмы тунгусских женщин. В этот день мы снимались в сценах приветствия Тыгына. Научили, как надо приветствовать тойонов: люди того времени склоняли головы, не смея взглянуть в глаза. Семь потов сошло, в конце все на автомате вскакивали с мест и склоняли головы. С облегчением вздохнули, когда услышали, что все снято. И все радостно заплодировали!».

Дягилев Артур: «Я – студент режиссерского отделения колледжа культуры, работали всем курсом здесь. Для всех нас это огромный опыт. Нелегко руководить таким количеством людей, каждому надо по несколько раз объяснять, что нельзя смотреть на камеру, нельзя показывать пальцем на квадрокоптер, нельзя снимать на мобильный телефон, когда идут съемки. Вот из-за таких мелочей несколько раз останавливали съемки, делались дубли. Вроде бы все понимают, но все равно находятся такие, которые думают: «А ничего, пройдет... Народу же много». За эти дни много нового узнал. Оказывается, наши предки во время состязаний не махали руками, не кричали: «Кытаат!» – совсем по-другому выражались эмоции».

«Этот фильм считается масштабным якутским фильмом, и съемки шли два года на территории Республики Саха (Якутия).

Участвовали 10 тысяч человек, в том числе и мы, студенты ВСГИК отделения режиссуры эстрады и театрализованных представлений», – вспоминает Христофорова Татьяна.

Сивцев Сарыал: «В 2018 году в г. Якутск, в местности «Үсхатын (дословно переводится как «Три березы»), проводились съёмки Ысыаха того времени. Были построены ураса (это старинное летнее жилище из бересты якутских народов). Мы, будучи студентами Якутского колледжа культуры и искусств, со всей группой работали ассистентами второго режиссера Александра Лукина. В первый день Александр показал нам всю съёмочную площадку, проводил экскурсию и инструкцию, ознакомил с работой. Мы были в восторге от всей этой конструкции, воодушевлены и готовы были начать работать прямо сейчас. Мы разобрали и подготовили несколько тысяч костюмов для завтрашней съёмки. Готовились морально и физически».

Пахомов Андриан: «Наконец, этот день настал, с утра несколько тысяч человек понемногу приезжали, чтобы оставить свой след в этом историческом событии. Мы для всех подготовили костюмы по размеру, одевали, создавали образы прошедшей эпохи и гримировали всех, начиная от детей, заканчивая пожилыми. Вся эта атмосфера заставляет нас забыть о буднях и погрузиться в ту эпоху нашей якутской истории. Все наши студенты группы, которые обучаются на заочном отделении кафедры режиссуры эстрады и театрализованных представлений ВСГИК – Христофорова Татьяна, Николаев Иннокентий, Дягилев Артур, Сивцев Сарыал, Пахомов Андриан – очень гордятся тем, что мы участвовали в этом масштабном проекте и оставили свой след».

Сцена осуохай. Съёмки проходили и ночью. Последний день съёмок в местности «Үсхатын». Многие ученые исследовали осуохай. Профессор Н. Е. Петров утверждает: «Осуохай возник как магический ритуальный круговой хоровод солнцепоклонников... Вероятно, с возникновением религии, связывающей земную жизнь с космической, он стал обрядовым и массовым хороводом грандиозных тенгрианских (от тенгри – тангара) религиозных праздников типа якутского ысыаха у народов Азии, особенно скотоводов-кочевников» [8, с. 8]. Н. Е. Петров утверждает: «Божественное происхождение осуохая доказывается тем, что он возник как развитие

хоровода солнцепоклонников, культивировался как ритуальный танец тенгрианской религии, содержание и формы его поэзии в целом сохраняет черты алгысов благодарения, прославления и испрашивания, посвященных солнцу и другим небесным светилам, верхним божествам айыы, представляющим образы энергетического воздействия солнца и планет его системы на земную жизнь» [9, с. 16].

«Известно, как тюркские племена поклонялись солнцу, и якуты также во время своего степного проживания», – писал профессор Н. К. Антонов [1, с. 125]. В словаре Э. К. Пекарского мы встречаем: «Солнце как божество (Күн Тойон); оно считается старшим братом, а месяц его младшим братом» [7].

Этнограф Г. В. Ксенофонов утверждает: «В якутском героическом эпосе – олонхо и священных гимнах шаманов, якуты всегда именуются народом Солнца – күндьоно. Также он предполагал, что отсюда могло произойти и племенное название саха – дети Солнца и верные его почитатели, что отражается в якутском круговом танце – соуохай».

Лукина подтверждает: «Юрюнг Айыы Тойон является персонализацией творческих сил летнего Солнца, это – религиозно-поэтическое название Солнца. Эпитет үрүҥ – белый – отражает солнечную природу этого бога» [4, с. 279].

Ольга Парфенова, кандидат исторических наук, автор работы «Лидер в потестарно-политическом сознании саха» считает, что Тыгын – историческая личность. В свое время А. П. Окладников отмечал: «Тыгын был для своего времени носителем определенной тенденции к объединению якутских родов и своего рода собиранию их земель в одно целое. Такое объединение, если бы оно оказалось реальным, было бы для своего времени крупным шагом вперед и прогрессивным явлением, так как оно содействовало бы, прежде всего, ограничению кровавых междоусобий, некоторому обузданию особо яростных грабителей – тойонов, а затем и консолидации сил народа в целом, осознанию общенародных интересов и межплеменных связей. Но для этого объединения тогда у якутских племен не было объективных условий. Трагедия Тыгына была фактически трагедией всего ушедшего в прошлое якутского патриархально-родового общества» [6, с. 207-208].

Доктор исторических наук Андриан Борисов – консультант фильма «Тыгын Дархан», делится впечатлениями. Его потрясли возможности современного кино. Ему пришлось еще раз пересмотреть кадры, которые его интересовали, чтобы лучше увидеть детали в том или ином кадре. Ему как зрителю понравились вид якутских поселений, одежда выше всяких похвал – материал, фактура, цвета. Аутентичные костюмы, один в один, и отметил, как блестяще смотрятся они на актёрах, и как они хорошо вписаны в природу. Праздничная культура, повседневный быт хорошо отражены в фильме, и, что важно, в нем отражены моменты истории и этнографии.

Оператор Юрий Бережнев: «Сложно было снимать, поскольку даже в Якутии найти такие места непросто. Мы искали для съемок места дикие, глухие. Но, к сожалению, на родине Тыгына в Кангаласском районе исторические места все уже застроены. Поиски локаций отнимали много времени. Несмотря на все трудности, уникальная возможность была у всей постановочной группы – соприкоснуться с историей своего народа».

Необходимо отметить оригинальное звучание саундтрека – традиционные песни таналай, якутская скрипка, хомус, кырымпа звучали в сопровождении симфонического оркестра композитора Константина Шевелёва. Он сумел, как никто другой, донести до зрителя атмосферу сцен. Благодаря удачному техническому саундтреку сцены приобрели характер аутентичности. Якутское кино в поисках своей ниши, своего почерка, много экспериментирует, ищет и находит путь идентичности.

Для съемок фильма целая деревня Тыгына была построена в Амгинском районе. Художник-постановщик Петр Бояркин: «Консультанты фильма относились к нашим идеям очень осторожно. Это доктора исторических наук Розалия Бравина и Андриан Борисов. Для ученых главное – факты, историческая достоверность, они оперировали документами истории. Но ведь фильм, который мы сегодня ставим – это художественное произведение. В кино главное создать «картинку», заполнить пространство. Но ученые стояли на своем – историческая достоверность. И мы старались прислушаться к замечаниям: создавали декорации, и, конечно, старались сохранить те детали, которые находили археологи в раскопках, силуэты,

исторические формы. Для батальных сцен за основу взят оригинал тюркского доспеха, который тоже нашли в наших местах археологи. В местности Ус Хатын декорации строили около 1,5 месяцев, более 200 декораций: юрты, урасы, балаганы. И все это для съемок было построено якутскими строителями».

Художник по костюмам Дария Дмитриева: «Было изготовлено около 3,5 тысяч костюмов из меха. Мне пришлось заново перечитать роман, материалы этнографов, историков, археологов и сделать записи и эскизы костюмов, чтобы проникнуться духом времени, пришлось изучить все экспонаты XVI-XVII века. Мне нужно для фильма создать атмосферу прошедшей эпохи. Огромную помощь оказал Эдуард Жирков, хранитель Музея археологии и этнографии СВФУ. В XVII веке одежда выглядела иначе. Украшения – шейные гривны, перстни, печатки наборные пояса, налобники, косо плетки, бусиные серьги, браслеты – предпочитали носить только состоятельные люди. Изучая материал, я пришла к выводу: мужчины и женщины носили короткие до колен камзолы. В состав костюма входили головные уборы, камзол-сон, обувь, шуба и ногвицы из кожи и меха, а одежду декорировали аппликациями, металлическими подвесками, бляшками бисером и вышивкой». Консультант проекта – искусствовед, профессор АГИКИ Зинаида Иванова-Унарова: «Удивительно и прекрасно, что художники выбрали свой путь, они нашли решение. Они создали уникальный визуальный мир прошедшей эпохи через одежду и украшения. И у них все получилось. Эпоха четырехлетней давности!».

Якутский фильм «Тыгын Дархан» признан победителем в трех номинациях XIV Всероссийского фестиваля исторических фильмов «Вече» в Великом Новгороде. Президентом кинофестиваля является народная артистка РФ, кинорежиссер Светлана Дружинина. После просмотра якутского фильма Дружинина отметила, что это уникальный эпос. «Безумно красивый и эстетически выдержанный, потрясающе красивый главный герой. Это такой сумасшедший объем, такой тяжелейший труд! Картину надо пересматривать и пересматривать». Фильм удостоен главной номинации – «Приз президента фестиваля», Юрий Бережнев завоевал приз «Лучший оператор», исполнитель главной роли Ньургун Бэчигэн признан «Лучшим актером».

Знаменательно и символично, что на родине состоялась премьера фильма в День народного единства. В этом заслуга всей постановочной группы, и, конечно, гениального режиссера нашего времени Никиты Аржакова. Основная задача режиссерской работы в этом фильме – выявление истоков национального самосознания в творчестве В. С. Яковлева-Далана, обращение к характерным чертам якутского национального характера выполнена. Этот фильм создан народом Саха, и его будут с трепетом и волнением смотреть еще очень долго не одно поколение не только якутского народа, но вся Россия.

Путь формирования национальной идентичности продолжается. Режиссёр фильма Никита Аржаков планирует через два года выпустить сериал «Тыгын Дархан». Будем с нетерпением ждать этой незабываемой встречи с удивительным миром кинематографа. Никита Аржаков: «Мы уверены, что фильм «ТЫГЫН ДАРХАН» поможет укрепить дух наших потомков».

Примечания

1. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск : Кн. изд-во, 1971. С. 125.
2. Васильева Д. Летописец народной жизни // Илин. 2003. № 1. С. 1-4.
3. Костырко В. Тыгын Дархан: идеологические процессы в современной Якутии и история // Неприкосновенный запас. 2002. № 2.
4. Лукина А. Г. Традиционные танцы саха. Новосибирск : Наука, 2005. С. 279.
5. Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области. СПб., 1887. С. 115.
6. Окладников А. П. Открытие Сибири. М. : Молодая гвардия, 1979. С. 207-208.
7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1958-1959. 3 т.
8. Петров Н. Е. Хороводные танцы осуохай как жанр якутского фольклора // Сов. тюркология. 1990. № 3. С. 8.

9. Петров Н. Е. Осуохай – древний хоровод солнцепоклонников // Якутские хороводные песни: теория и практика. Якутск : Изд-во ЯГУ, 2005. С. 16.

10. Сидоров О. Г. Воплощение национальной идеи национальной идентичности в якутской литературе. Истоки и эволюция : дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2019. С. 20.

11. Сидоров О. Г., Бурцев А. А. «Великая традиция» якутской литературы и идея национальной идентичности // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та. 2017. № 3 (59). С. 103.

УДК 811.111-11

Хобракова Л. М., г. Улан-Удэ, Россия

Khobrakova L. M., Ulan-Ude, Russia

**БИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ У. МАТУРАНЫ
В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА**

**U. MATURANA'S BIOLOGICAL CONCEPTION IN STUDYING
ENGLISH INSTITUTIONAL BUSINESS DISCOURSE**

В статье рассматривается биологическая концепция чилийского исследователя У. Матураны в изучении стратегий и тактик институционального делового взаимодействия. На примере ситуации с неопределенностью в возврате инвестиций автор рассуждает о стремлении адресанта представить свое уникальное преимущество на основе описания возможного мира, используя пропозиции со значением уверенности в рамках подразумеваемой критической дискуссии.

The article considers the biological conception of the Chilean researcher U. Maturana in studying the strategies and tactics of the institutional business discourse. On the basis of the uncertainty situation in returning investments the author argues over the addressee's striving to present his/her unique advantage describing the possible world with the

use of the propositions with the meaning of certainty within the implied critical discussion.

Ключевые слова: биологическая концепция, У. Матурана, институциональный деловой дискурс, гомеостаз, ситуация неопределённости, консенсус, возможный мир.

Keywords: biological conception, U. Maturana, institutional business discourse, homeostasis, situation of uncertainty, consensus, possible world.

Происходящие в глобальном мире процессы значительно расширяют поле бизнеса, вовлекая все новые субъекты и являясь движущей силой развития любого общества. Становится очевидным необходимость исследования как внешних, так и внутренних объективных и субъективных детерминирующих факторов при анализе специфики делового взаимодействия. Это приводит к необходимости поиска новых ориентиров в изучении стратегий и тактик, используемых бизнесменами и предпринимателями для реализации своих речевых целей.

Бизнес как поле взаимодействия агентов, использующих аргументативные и манипулятивные ходы, подчиняется институциональным установкам и правилам. Способы языкового конструирования мира возможных сущностей нацелены на убеждение инвестора (кредитора) в возврате инвестиций, максимизации прибыли, получении выигрыша, в терминах игры. Речевое поведение иницирующего общения субъекта определяется жесткими условиями конкуренции. Замысел реализуется в соответствии с ценностными установками и с учетом возможных сценариев развития событий. Адресант вынужден продумывать соответствующие стратегии построения речевого воздействия, базирующиеся на знании реальной картины мира и когнитивной модели мира адресата. Большинство текстов бизнес-предложений содержат прямые призывы изменить существующее положение дел и рассчитаны на перлокутивный эффект – побудить к действию. Очевидно, что участники делового дискурса обязаны прийти к Дискурсу Согласования (термин А. М. Каплуненко), в котором должны максимально сблизиться интенциональные горизонты иницирующего общения бизнесменов и потенциальных инвесторов и кредиторов. По мнению А.М. Каплуне-

нко, именно согласование точек зрения определяет совокупную иллюкативную цель дискурса [1].

В этой связи интересной представляется биологическая концепция чилийского исследователя Умберто Матураны, представителя биокогнитивного направления в когнитивной лингвистике. Он использует понятие «ориентирующая функция», считая, что создание общей консенсуальной области взаимодействия между организмами и составляет суть коммуникации [2]. Кратко интерпретируем некоторые постулаты его теории:

1. Живые организмы, взаимодействуя, живут в разном окружении. Нельзя понять их независимо от среды обитания (ниши, по У. Матуране), также как и нишу – вне зависимости от живой системы. Эта гомеостатическая система, характеризуемая круговой организацией, поддерживается и развивается благодаря своим составным компонентам.

2. Один организм ориентирует другого внутри когнитивных областей друг друга, что и составляет суть коммуникации.

3. Существует два способа изменения поведения ориентруемого организма:

а) поведение одного организма зависит от поведения другого, определяя взаимосвязь последующих поведенческих реакций;

б) совпадение области взаимодействий порождает ориентацию ориентирующего организма [3].

Если объяснять ход развертывания подразумеваемой критической дискуссии [4], в которую вступают коммуниканты, то, по У. Матуране, адресат сам создает информацию, уменьшая неопределенность путем взаимодействий в собственной когнитивной области. Это связано со способностью субъектов взаимодействия к адаптации к среде посредством контроля информации. Применительно к бизнесу данное положение можно объяснить, например, с точки зрения ситуации неопределенности в деле возврата инвестиций. Еще Дж. Кейнс подчеркивал непредсказуемость, в условиях которой принимаются инвестиционные решения. Он утверждал, что "...мы должны признать, что наши знания относительно дохода, приносимого через 10 лет железной дорогой, шахтой, текстильной фабрикой, репутацией запатентованного лекарства ... стоят немного, а иногда не стоят ничего..." [5, с. 149-150]. В конце кон-

цов есть независимые аудиторские организации, составляющие Экспертное Сообщество, заключение которых о венчурном проекте может стать решающим при принятии решения о предоставлении финансового ресурса. Принятие ситуации неопределенности означает готовность к риску, определяющуюся прагматическим, активистским характером деловых взаимоотношений. В таких условиях естественна высокая направленность на коммуникацию как двунаправленный процесс согласования позиций коммуникантов, имеющих своей целью достижение согласия по венчурным предложениям. Задача иницилирующей диалог стороны – убедить противоположную сторону в уникальности своего предложения путем достижения максимального сближения на основе демонстрации схожести интересов и предпочтений с помощью пропозиций со значением уверенности. Возникающий консенсус на основе кооперативного взаимодействия может лишь способствовать поддержанию гомеостаза.

Прибегая к условностям реального мира, авторы Б-П разрабатывают благоприятную перспективу проекта, создавая тем самым возможный мир, т.е. такой непротиворечивый мир, который задан определенным описанием состояния. Мир, в котором действуют жесткие параметры: должно пройти время, по истечению которого можно рассчитывать на получение прибыли. Время становится универсальным катализатором экономической рентабельности проекта. Соотношение сроков его реализации и возврата инвестиций – весьма убедительное тому доказательство.

Таким образом, биологическая концепция Умберто Матураны позволяет осмыслить подходы к изучению собственно деловой коммуникации, а также интерпретировать используемые речевые стратегии и тактики на основе изучения текстов институционального делового дискурса.

Примечания

1. Каплуненко А. М. Концепт-понятие-термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : сб. науч. документов междунар. конф. (20-31 января 2007 г.) / сост. О. М. Готлиб. Иркутск : ИГЛУ, 2007. С. 115-120.

2. Maturana H. R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and biology of language and thought. N.-Y. : Academic Press, 1978. Pp. 28-62.

3. Матурана У. Биология познания / пер. с англ. Ю. М. Мешенина // Язык и интеллект / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1996. 416 с.

4. Eemeren F. X. van. Fundamentals of Argumentation Theory / F. X. van Eemeren, R. Grootendorst, S. Jackson, S. Jacobs. Tuscaloosa, L.: The University of Alabama Press, 1993. 197 p.

5. Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. Pp.149-150.

УДК 821.512-31.09

Серебрякова З. А., г. Улан-Удэ, Россия

Serebryakova Z. A., Ulan-Ude, Russia

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПОВЕСТИ
М. ЖИГЖИТОВА «МОЯ МАЛЮТКА-МАРИКАН»
THE ECOLOGICAL PROBLEM IN THE STORY OF
M. ZHIGZHITOV'S «MY BABY MARIKAN»**

Статья посвящена рассмотрению экологической проблемы в повести бурятского писателя Михаила Жигжитова «Моя Малютка-Марикан», в которой рассказывается о начале работы Баргузинского заповедника. Образы природы созданы глубоким ее знатоком. Одна из идей повести: без знания и понимания природы невозможна подлинная экология. Всем персонажам свойственна выносливость, стойкость и мужество. За человечность, силу духа, энтузиазм директора заповедника Сватоша ценят и единомышленники, и недруги. Показано его влияние на развитие Бимбы и Хабеля. Образами работников заповедника автор утверждает идею неразрывности нравственной и экологической культуры.

The article is devoted to the ecological problem consideration in the story of the Buryat writer Mikhail Zhigzhitov "My baby Marikan", which tells about the beginning of the Barguzin reserve's work. The im-

ages of nature were created by its deep connoisseur. One of the ideas of the story is true ecology that is impossible without knowledge and understanding of nature. All characters are characterized by courage, hard work and resilience. The director of the reserve Svatosh is appreciated by the associates and enemies for his humanity, fortitude and enthusiasm. His influence on Bimba and Khabel's development is shown. The author asserts the idea of continuity of moral and ecological culture through the images of the reserve's workers.

Ключевые слова: природа, экологическая проблема, экологическая культура, нравственная культура, заповедник, повесть, персонаж, идея.

Keywords: nature, ecological problem, ecological culture, moral culture, reserve, story, character, idea.

В современном мире экологическая проблема относится к числу важнейших, вызывающих наибольшую обеспокоенность человечества, т.к. связана с перспективами его дальнейшего существования.

Отношения человека и природы издавна были предметом художественного осмысления отечественной литературы. Достаточно вспомнить творчество С. Аксакова, И. Тургенева, М. Пришвина. Особую актуальность экологическая проблематика приобрела в произведениях Л. Леонова, В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева, С. Залыгина и других писателей прошлого столетия.

Одним из ярких представителей этого направления в бурятской литературе был Михаил Жигжитов, который, в отличие от многих коллег по литературному делу, сам был охотником и рыбаком и прекрасно знал реалии, которые описывал в своих произведениях, психологию своих персонажей.

Зрелый период творчества писателя ознаменован появлением своеобразной трилогии, состоящей из трех повестей, объединенных образом эвенка Остяка: «Моя Малютка-Марикан» (1967), «Тропа Самагира» (1969) и «За ущельем Семи волков» (1970).

Время действия в повести «Моя Малютка-Марикан» – начало становления охраны природы в Бурятии, организация и первые годы работы Баргузинского заповедника под руководством его первого директора Зенона Францевича Сватоша. Сам писатель в автор-

ском тексте отсылает читателя к январю 1926 г., когда был принят декрет СНК РСФСР об учреждении Баргузинского заповедника. Благодаря этому была предотвращено исчезновение популяции соболя.

Полноправным героем этой повести выступает природа Подлеморья. Доминирующей тональностью ее авторского описания является восхищение ее суровой и величественной красотой. Не случайно писатель часто использует пейзажи общего вида, воспроизводящие предельно далекую перспективу.

Предваряет повествование и тем самым вызывает соответствующий настрой читателя картина, с огромной высоты показывающая панораму будущих драматических событий. «Темными косматыми копнами неслись с Байкала тучи и липли к гольцам. Сквозь просветы, далеко-далеко внизу чернел кедровник...» [3, с. 3].

Усиливает впечатление вечности и величественности природы сравнение покрытого многометровой толщей снега гольца с «огромным яйцом диковинной гигантской птицы» [3, с. 4].

Гораздо реже такие пейзажи приобретают мягкие оттенки. «Далеко-далеко на востоке, за благодатной долиной Баргузина, где небо подперли своими исполинскими плечами Иккат и его братья, кто-то завесил часть неба розовым шелком. От этого макушки могучих деревьев и белозубый голец Орлиное гнездо окрасились бледно-розовым светом, а предрассветная серая муть, словно растворяясь в молоке, поспешно исчезла» [3, с. 7]. В данном фрагменте автор дополняет привычный для него суровый, сдержанный колорит байкальского пейзажа нюансами нежного цвета.

Иногда впечатление суровости природы дополняют и украшают эпитеты и метафоры: «... над темным горизонтом неба начало чуть-чуть отбеливать, а утренняя звезда, весело подмигивая, сообщила о близком конце холодной, бесконечно долгой ночи...» [3, с. 18].

Как неотъемлемая часть природы показан ее животный мир, в особенности гордость этих краев – баргузинский соболь, красота которого вызывает удивление и восторг людей. Так, начинающий лесник, или, по терминологии начала XX в., стражник Бимба подолгу любуется ловкостью, изяществом и красотой соболей. В гла-

зах охотника Хабеля чудесный мех искрится солнечной радугой, вызывает улыбку и воспоминание о безмятежных днях молодости.

Как видим, образ природы в повести создан глубоким ее знатоком. Одна из идей повести такова: без знания и понимания природы невозможна подлинная экология и полноценное экологическое сознание.

Персонажи произведения представляют собой очень разные типы характеров, но всех их объединяют выносливость, стойкость и мужество, необходимые для выживания в суровых условиях Подлесья. Эти качества свойственны и непривычному к местному климату Сватошу, это вызывает уважение даже у его противников, которые, считая заботу о природе чудачеством, признают его упорство, то, что он пользуется авторитетом среди всех знающих его людей. Зенон Францевич неизменно верит в силу и ловкость байкальского человека.

Однако у Сватоша и его сторонников принципиально иное отношение к природе, чем у браконьеров. Если первые самоотверженно сохраняют и увеличивают популяцию соболя, чтобы расселить его, как мечтает Сватош, по всей Сибири, то его противники озабочены лишь добычей ценного меха.

Зенон Сватош показан как человек высокой экологической культуры. Даже ради спасения содержащихся в питомнике соболей он не разрешает отстреливать дичь в тайге, предпринимая вместо этого рискованную экспедицию с целью отобрать у стаи волков часть их добычи. Он внушает своим подчиненным и собеседникам подлинный смысл слова «заповедник». На замечание о том, что, сохранив множество соболей, он сделал своей жене воротник из кошки, Зенон Францевич отвечает: «Нельзя, батенька мой, заповедник! Понимаешь... лучше дам отрубить себе руку, чем позволю убить соболя» [3, с. 13-14]. Сватош верит в сознательность людей будущего, от которых не потребуется охранять природу.

Энтузиазм, сила характера, человечность Сватоша привлекают к нему единомышленников. Он сумел поддержать в горе Валентину, вдову погибшего от пули браконьера лесника Виктора, поручил ей ответственную работу. Под влиянием общения со Сватошем в ряды его сторонников и помощников приходит молодой степняк Бимба из Барагхана, быстро овладевающий профессио-

нальными навыками защитника природы. Добросовестно трудится в заповеднике окрыленный признанием его мастерства следопыта и доверием директора эвенк Бойчен. Даже браконьер Хабель признает авторитет Сватоша и не раз спасает того от верной гибели, называя его своим братом, таежником и давая возможность спастись, оставляя поблизости пищу и длительное время прокладывая дальнейший путь. Хабель с облегчением узнает о неудаче покушения на Сватоша.

Лаконично, но верно оценил образ Сватоша Э.А. Бальбуров, назвав его «несогибаемо-мужественным и человечным» [2, с. 86].

Зенона Францевича и его единомышленников отличают гуманизм, высокие нравственные качества. Для сотрудников заповедника немислимо покушение на жизнь человека. Все лесники сутками терпеливо и самоотверженно, по крепкому морозу выслеживают браконьеров, в любой момент, ожидая их нападения. Они с гордостью видят, что их труд приносит плоды, что все больше становится в тайге соболевых следов. Тем самым автор утверждает мысль о неразрывности нравственной и экологической культуры.

При характеристике Сватоша и его сотрудников персонажи повести чаще всего используются такие эпитеты, как «золото-человек», «добродушный, хороший человек», «всегда добродушное лицо». «Мог неделями ночевать на снегу, быть голодным, а браконьера скараулит, изловит», – так думает о своем погибшем товарище Викторе Бимба [3, с. 21].

Образ Бимбы развивается в динамике. Автор убедительно показывает, какое впечатление производит на него при первых встречах личность Сватоша, как постепенно Бимба становится единомышленником Сватоша, самоотверженным защитником природы. Немалую роль в этом процессе сыграла гибель Виктора от браконьерского выстрела. Опыт степняка и таежника помогает Бимбе установить убийцу.

Лишь некоторыми точными штрихами намечен эпизодический образ Бойчена, по мельчайшим следам восстанавливающего жизнь тайги. «На божий свет Бойчен появился на снегу, под вечно-зелеными кронами деревьев, злая выюга убаюкивала его в холодном чуме. Как только научился он ходить, матушка природа без устали развивала его зрение, слух, наблюдательность. Спасибо ей», – пи-

шет Жигжитов, искусно вплетая внутренний монолог героя в повествование [3, с. 25]. Мастерство следопыта автор сравнивает с тем, как «тихо-тихо крадется свирепая рысь к пугливой кабарге» [3, с. 24].

Наиболее рельефно обрисованным представителем противников Сватоша является умный, хитрый, отважный, лучший лыжник и по-своему обаятельный Петр Молчанов по прозвищу Хабель. Он ускользает от любой погони, и о его удали и бесстрашии ходят легенды. За время наблюдения за Сватошем и более близкого общения с ним Хабель проникается уважением к Зенону Францевичу. Это становится предпосылкой коренной перемены в его мировоззрении. Правда, непосредственным толчком к ней стал эпизод внезапной болезни Хабеля в тайге, когда Сватош отдал ему свою одежду и лекарство, выходял его. Во время их долгих бесед Сватош ответил на многие вопросы Хабеля, объяснил цели заповедника. После недолгого раздумья Хабель решил стать лесником. «В нем сидели два Петра... – объясняет Сватош, – Один – храбрый, великодушный русский мужик. Второй – злой хищник. Вот второго я и мечтал выжить из него» [3, с. 53].

Побудительные мотивы к браконьерству эвенка Остяка связаны с тем, что заповедник был создан на родовых землях Самаги-ров, возле речки Малютка-Марикан, и запрет на охоту там Остяк считает несправедливым. В Сватоше он видит чужака, подобного многим пришлым, хищнически промышленным в подлёморской тайге. Постепенное понимание им общественных интересов описывается М. Жигжитовым в повестях-продолжениях «Моей Малютки-Марикан».

Единственным однозначно негативным образом повести является браконьер Омелька Зараза, убивший Виктора, несмотря на уговоры единственного своего приятеля, эвенка Джоуля, напомнимшего, что у стражника есть семья. Грубый Омелька злобен, постоянно сквернословит, становится изгоем среди земляков.

Создавая образы обитателей баргузинской тайги, писатель проявил глубокое знание человеческой психологии, многообразия характеров людей, умение достоверно воспроизводить малейшие движения души, убедительно и увлекательно воплощать их средствами художественного слова.

Такими создал образы природы и человека в своей повести «Моя Малютки-Марикан» М. Жигжитов, прекрасный знаток Подлеморья, его первооткрыватель в литературе, певец, летописец и патриот. «Михаил Жигжитов научился свободно и непринужденно передавать нам все то огромное богатство наблюдений, которое у него бесспорно во всем, что касается тайги, Байкала, людей, Подлеморья, и которое у него подлинно», – справедливо отмечает Э. А. Бальбуров [1, с. 239].

Примечания

1. Бальбуров Э. А. Михаил Жигжитов // Литература советской Бурятии. Творческие портреты современных писателей. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. С. 227-239.
2. Бальбуров Э. А. Новаторство времени // Байкал. 1971. № 4. С. 80-88.
3. Жигжитов М. И. Повести. М. : Сов. Россия. 1986. 320 с.

УДК 821.512-2.09

Исаков А. В., Серебрякова З. А., г. Улан-Удэ, Россия

Isakov A. V., Serebryakova Z. A., Ulan-Ude, Russia

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ПЬЕСЕ М. БАТОИНА «МАТЬ-ЛЕБЕДИЦА»

A MAN AND NATURE IN THE PLAY OF M. BATOIN "MOTHER SWAN"

В статье рассматривается авторская концепция отношений человека и природы, выраженная в пьесе бурятского драматурга М. Батоина «Мать-лебедица». В сюжете пьесы выявляется основной конфликт – конфликт главного героя Хоридоя с миром природы. Показана роль, отведённая в пьесе символическим образам из мира природы. Делается вывод, что в пьесе выражена идея о неразрывной связи человека с миром природы.

The article considers the author's conception of the relationship between a man and nature expressed in the play of the Buryat play-

wright M. Batoin "Mother Swan". The plot of the play reveals the main conflict – that of the main character Khoridoy with the world of nature. The role assigned to its symbolic images in the play is shown. The conclusion that the play expresses the idea of inextricable connection between a man and the world of nature is made.

Ключевые слова: бурятская детская литература, генеалогическое предание, экология, тотем, миф.

Keywords: the Buryat children's literature, genealogical legend, ecology, totem, myth.

Экологическая проблематика является одной из основных в творчестве современного бурятского драматурга Михаила Батоина. В его пьесах для детей постоянно присутствует идея гармоничного существования человека в мире, которое невозможно без уважительного и бережного отношения к природе [4, с. 9]. В данной статье мы рассмотрим, как тема отношений человека и природы воплощена в пьесе М. Батоина «Мать-лебедица» («Хун шубуун эхэ»).

Эта пьеса создана на основе генеалогического предания хоринских бурят об их прародителе Хоридое, который взял в жёны девушку-лебедицу. М. Батоин, взяв за основу фольклорный сюжет, выразил в пьесе собственный взгляд на проблему отношений человека и природы. Основным конфликтом, движущим сюжет пьесы, стал сложный и неоднозначный конфликт главного героя Хоридоя с миром природы.

В начале пьесы мы узнаём, что Хоридой – охотник, который *«Жил таёжными дарами, // Добывая на охоте // Соболей себе и белок»* [2, с. 152]. Когда в ловушку Хоридоя попадает волчонок, охотившийся со своей Матерью-волчицей, Хоридой, не обращая внимания на страдания животных, вынимает лук и стрелы со словами: *«Ну, разбойники таёжные! Получите, что положено!»* [2, с. 153]. Можно сделать вывод, что Хоридой рассматривает отношения человека и дикой природы как вражду, и потому считает естественным видеть в диких зверях своих врагов. Эта особенность мировоззрения героя имеет свою мотивировку: Хоридой с детства помнит, как волки украли жеребёнка у кобылицы. Мать-волчица пытается примириться с Хоридоем, но он отказывается вступать с ней в переговоры. Он решает забрать волчонка к себе и сделать из него до-

машнее животное. В словах Хоридоя: *«Человек изворотлив, народ говорит, // И кого он захочет – того приручит»* [2, с. 154], – звучит идея превосходства человека над природой. Но Хоридой одинок и никак не может найти себе жену. Этим решает воспользоваться Мать-волчица и предлагает Хоридою помощь в женитьбе на девушке-лебеди, дочери тэнгрия Эсэгэ-Малана, в обмен на свободу волчонка. Хоридой не хочет верить волчице, она же пытается его переубедить. Мать-волчица говорит Хоридою, что он, вопреки своему мнению, вовсе не господствует над природой: *«Не думай, что сможешь добыть // Ты всё, что мир нам даёт!»* [2, с. 155]. В итоге Хоридой, даже увидев прекрасных девушек-лебедиц, продолжает сомневаться в совете волчицы: *«Если я в жёны лебедицу возьму, разве люди не станут смеяться надо мной...»* [2, с. 156]. Прирученный волчонок Тэжэмэл сам крадёт лебединую одежду девушки. Так у Хоридоя появляется жена, а Тэжэмэл возвращается к матери. Напоследок волки наказывают Хоридою никогда не отдавать жене лебединую одежду, чтобы не упустить своё счастье. Заполучив в жёны девушку-лебедицу, Хоридой воспринимает её как очередной добытый им дар природы: *«Было много деревьев в тайге – // Среди них я берёзовый ствол отыскал. // Лебедицы плескались в воде – // Я девичью красу среди них увидел»* [2, с. 157].

В следующем действии мы видим семью Хоридоя спустя шесть лет. Жена родила ему шестерых сыновей. Она любит их и просит у оставшихся на небе родственников покровительства для своих земных детей. Хоридой всё так же проводит время на охоте и учит своих сыновей быть добытчиками, ведь *«природа богата дарами»* [2, с. 158]. Возвращаясь с охоты домой, он вновь и вновь радуется своей удаче: *«Я не знаю, кто ещё // Был так счастлив из людей – // С лебедицею-женой // И берёзою-сэргэ»* [2, с. 161]. Однажды жена всё-таки добивается того, что Хоридой отдаёт ей её лебединую одежду. Она оборачивается птицей и улетает на небо, завещая потомкам Хоридоя жить дружно с другими племенами бурятского народа и помнить о своей прародительнице. Хоридой остаётся растерянным – он потерял чудом добытую жену, но зато исполнил своё высшее предназначение – стать прародителем племени хори-бурят. В финале природа всё-таки оказалась сильнее Хоридоя и подчинила его своей воле. Из слов рассказчика-

Улигершина мы узнаём, что с тех пор бурятский народ из поколения в поколение стал «*Сохранять благоговенье // Перед небом и землёю // За их милость и щедроты*» [2, с. 157-158], помня «*О сэргэ своём – берёзе // И о предке – лебедице*» [2, с. 164]. М. Батоин ведёт своего героя и зрителей к тому, чтобы они осознали неразрывную связь человека и природы, причём человек в мире драматурга – лишь частица большого мира, подчинённая его высшим законам. В то же время человеку свойственно особенное самосознание, из-за чего становится возможным конфликт человека с природой, и принятие своей принадлежности к природе становится тогда для героя настоящей драмой – такая драма и лежит в основе авторской интерпретации легенды о Хоридое М. Батоина.

Художественный мир пьесы богат символическими образами из мира природы. В самом начале пьесы называются два сакральных локуса бурятской культуры – озеро Байкал и остров Ольхон, где происходит всё действие пьесы. Байкал вошёл в историческую память бурят как колыбель бурятского народа, а Ольхон – это сакральный центр священного озера и географический центр территории проживания бурят [3, с. 188, 198]. Поэтому и события пьесы, повествующей о том, «*Как пошло родов начало, // Как народ наш появился*» [2, с. 151], происходят именно на Ольхоне: история бурятского народа для М. Батоина неразрывно связана с природной средой. Так как в основе пьесы лежит тотемический миф, мы встречаем в ней образы животных-тотемов разных бурятских племён. Помимо лебедицы – тотема племени хори, в пьесе встречаются пёстрый налим – тотем эхиритов и сивый пороз – тотем булагатов. Волчонок, прирученный Хоридоем, оказывается тотемом эхиритского рода Шоно. Неоднократно в пьесе упоминается символическая пара «лебедица и берёза», отсылающая к выражению «*Хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэтэй*» – «*С прародительницей-лебедью, с коновязью-берёзой*». Смысл этой фразы в том, что берёза была у хори-бурят сакральным деревом, из которого изготавливали коновязь, и почиталась наряду с тотемным животным – лебедью [1, с. 60]. Интересно, что именно в персонажах из мира природы воплощено материнское начало – это образы Матери-лебедицы (Хун шубуун эхэ) и Матери-волчицы (Эхэ Шоно). Природа для автора – не просто источник жизни, но и исток национального бытия: бурят-

ский народ, согласно сюжету пьесы, обязан своим происхождением лебедице, родившей сыновей Хоридою, и волчице, без которой они бы не поженились. Можно сделать вывод, что и сюжет, и образы пьесы М. Батоина выражают одну общую идею, которую хочет донести до зрителя драматург. Это идея о том, что на самом деле нет никаких границ между миром людей и миром природы и человек – неотъемлемая часть природы, связанная с ней узами родства и взаимозависимости.

Примечания

1. Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004. 228 с.
2. Батоин М. Ж. Мать-лебедица / пер. с бурят. А. Исакова // Байкал. 2020. № 4. С. 150-164.
3. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск : Наука, 2000. 400 с.
4. Серебрякова З. А., Исаков А. В. Бурятская детская драматургия 1990-2010-х гг. // Современное искусствоведение: теоретические концепции и художественные практики : материалы всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., 10 июня 2020 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2020. С. 7-12.

УДК 75-051(438)+94(571.5)(=162.1)

Покацкий В. А., г. Улан-Удэ, Россия

Pokatskiy V. A., Ulan-Ude, Russia

ПРИРОДА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОПОЛЬДА НЕМИРОВСКОГО

NATURE OF THE BAIKAL REGION IN THE CREATIVITY OF LEOPOLD NEMIROVSKY

В статье раскрывается художественная деятельность Леопольда Немировского на территории Байкальского региона. Приводятся подробные сведения о его пребывании, и какие места на Байкале были им написаны на своих полотнах. Статья поднимает во-

прос, был ли Немировский первым художником, запечатлевшим Байкал на своих полотнах, или он изображался ранее на картинах и зарисовках исследователей, путешественников, декабристов. Итогом статьи является описание художественного наследия, посвященного берегам озера Байкал, оставленное Леопольдом Немировским.

The article reveals the artistic activity of Leopold Nemirovsky on the territory of the Baikal region. The detailed information about his staying and places at Lake Baikal that were painted by him on his canvases are given. The article raises the question whether Nemirovsky was the first to portray Lake Baikal on his canvases, or whether it was depicted earlier in the paintings and sketches of the researchers, travelers and Decembrists. Finally, the article is the artistic heritage description dedicated to the shores of Lake Baikal left by Leopold Nemirovsky.

Ключевые слова: ссылка, художественная деятельность, Немировский Леопольд, Байкал, экспедиции, польское восстание, декабристы.

Keywords: exile, artistic activity, Nemirovsky Leopold, the Baikal, expeditions, the Polish uprising, the Decembrists.

В настоящее время озеро Байкал является неисчерпаемым источником вдохновения для художников. Мастера рисуют его природу, обитателей, жителей его берегов, на полотнах изображаются их быт, а также суровость и непредсказуемость его стихии. Байкальские сюжеты давно являются широко распространенными не только среди сибирских художников, но и среди художников всероссийского масштаба. Но давно ли величайшее озеро нашей страны так активно стало запечатлеваться на полотнах?

Первые упоминания о «северном море» встречается в китайских летописях в I в. до н.э. Согласно сохранившимся сведениям на берегах Байкала некоторое время проживали ханьские послы в качестве пленников у хуннских вождей. В частности, об этом упоминает китайский историк Сыма Цянь. Однако помимо письменных свидетельств, каких-либо зарисовок или миниатюр, иллюстрирующих пребывание подданных ханьского императора на территории Байкала не зафиксировано. Также как и не зафиксированы иллюстрирующие материалы периода Монгольской империи. Пред-

положительные сведения о Байкале того периода встречаются у Марко Поло, также не сопровождающиеся изображениями. Таким образом, художественных изображений Байкала с периода ханьского Китая до Монгольской империи не имеется, встречаются лишь письменные описания «Северного моря» [2, с. 3].

Следующий этап, когда озеру Байкал вновь стало уделяться повышенное внимание датируется XVII-XVIII в., когда озеро было открыто русскими отрядами казаков. В 1644-1648 гг. казаками К. Ивановым и Колесниковым были составлены первые чертежи и карты озера, обогатившие географические данные. Но опять же, художественным изображением это не было, т.к. художников в казачьих отрядах не было. Зато были картографы, которые и составляли чертежи и карты озера. В это же время дается первое литературное описание Байкала в «Житие протоппа Аввакума» [1, с. 112]. Изображения же самого Байкала в этот период носят сугубо картографический характер.

Осваивать и изучать сибирские территории в XVIII-XIX вв. отправлялись академические экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1720-1727), Г.Ф. Миллера (1732-1743), И.Г. Гмелина, П. Палласа и др. Сопровождавшие экспедиции художники фиксировали остроги и города, занимались составлением карт, делали зарисовки флоры и фауны, а также запечатлевали быт коренных народов. В составе академических экспедиций находились многие известные художники, среди них Люрсениус, Беркан, М. Махаев, Н. Дмитриев, Е. Корнеев, В. Петров. В результате проведенных экспедиций ими было оставлено множество работ, выполненных акварелью, тушью и пером, гравюр. Но, что интересно, невзирая, что на их картинах изображены многие города Байкальского региона – Нижнеудинск, Кяхта, Иркутск, видов самого Байкала на их полотнах не встречаются, при том, что некоторые из перечисленных художников (Е. Корнеев, В. Петров) были известными пейзажистами [4, с. 137].

В конце 20-х гг. XIX в. жители городов Байкальского региона впервые увидели работы в жанре светского изобразительного искусства (портрет, пейзаж, анималистический и бытовой жанр) выполненные декабристами, отбывавшими каторгу в Усольском солеваренном заводе, нерчинских горных рудниках, Петровском железоделательном заводе и т.д. Многие декабристы являлись лю-

бителями-художниками, такие как: Я.М. Андреевич-второй, И.А. Анненков, Н.А. Бестужев, П.И. Борисов, Д.И. Завалишин, В.П. Ивашев, И.В. Киреев, М.С. Лунин, А.М. Муравьев, Н.П. Репин, П.И. Фаленберг, А.И. Якубович. Очень была известна акварель и пейзажи Н.А. Бестужева, картины П.И. Борисова. Их творчество оказывало значительное влияние на работы местной интеллигенции и купечества. Декабристами выполнено значительное количество работ в жанре портретной, анималистической, пейзажной живописи. П.И. Борисов совместно с Леопольдом Немировским принимал участие в иллюстрировании альбома «Путешествие по Восточной Сибири». П.И. Борисовым был также составлен обширный альбом, посвященный флоре и фауне Забайкалья. Среди ссыльных декабристов-художников встречается немало работ, посвященных пейзажам Забайкалья, особое место также занимает портретная живопись, при этом живопись декабристов все также обходит Байкал.

Первые художественные изображения Байкала датируются началом XIX в. По всей вероятности, первыми художниками, на полотнах запечатлевшими Байкал являются два пейзажиста-путешественника, направляющихся в Китай в качестве сопровождающих посольств и экспедиций. Таким пейзажистом является художник А.Е. Мартынов, черпавший вдохновение в видах природы. В 1806-1810 гг. он выполнил работы «Байкал», «Сибирский вид на реке Селенге», «Вид на Никольский монастырь на Байкале» и др. В результате поездки в Китай он издал альбом «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы», в альбоме запечатлены берега Байкала и панорамы Иркутска [9, с. 49]. Следующий художник Васильев Т.А., в составе экспедиции графа Ю.А. Головкина посетил Китай в 1805 г. и также оставил ряд работ, особенно примечательные из них «Вид на Байкальском озере», «Вид Никольской пристани у истока Ангары» и др. Картина «Вид на Байкальское озеро» принесла в 1815 г. Васильеву Т.А. звание советника Академии художеств по пейзажной живописи. А.Е. Мартынов и Т.А. Васильев, оба носили звание академиков Императорской Академии художеств [8, с. 453].

В целом XIX в. значительно обогатил в художественном плане описание Сибири и Байкала. Такой факт связан с прибытием в эти места декабристов. Среди них встречалось немало талантли-

вых художников. Особенно художественным даром отличался Н.А. Бестужев, написавший большое количество акварелей с зарисовками видов и пейзажей Сибири: «Чита. Сад. При комендантской квартире», «Река Чита – место купания декабристов», «Бурятские юрты по дороге из Читы в Петровский завод», «Общий вид Петровского завода» и др. Переезжая из Петровского завода в Селенгинск братья Бестужевы посетили Байкал и находящиеся рядом с ним поселения. Сам М. Бестужев описывает это следующим образом: «...Мы прибыли в Чертовкину деревню, на устье Селенги, в самый разгар ловли омулей. Тут мы пробыли две недели, пока наши товарищи отправлялись за море (Байкал) в Иркутск» [8, с. 255]. Данное письмо указывает на то, что виды Байкала художником не остались незамеченными. В 1841-1842 гг. Н.А. Бестужев проживал в Иркутске, где писал портреты городской знати. При этом, писались ли Н.А. Бестужевым виды Байкала, на сегодня остается неизвестным, за неимением подобных работ [3, с. 452].

Байкал в 30-40-е гг. XIX в. восхищал своей природой также и живописцев с дальнего зарубежья. Путешествовавший по Сибири и Забайкалью в 40-50 гг. XIX в. англичанин Т.У. Аткинсон, также запечатлел Байкал в своих альбомах [5, с. 70].

Известно, что в XIX столетии Байкал нередко встречался на картинах польских художников, отбывавших ссылку в Байкальском регионе [7]. Одним из таких художников был Леопольд Немировский, запечатлевший Байкал во время экспедиции по Восточной Сибири. Работы были написаны им в 40-50 гг. XIX в.

Л. Немировский являлся участником польского освободительного восстания 1830-х гг. Был приговорен по делу Ш. Конарского в 1839 г. к смертной казни, которую сменили на каторжные работы, сроком на 20 лет [13, с. 26].

Свой художественный талант он проявил уже по пути следования по этапу в Сибирь. Им были нарисованы портреты поручика Киреева – начальника этапа в Таре и его жены [11, с. 289].

Отбывал каторгу на солеваренном заводе в Усолье с 1839 по 1843 гг. Первоначально отбывал каторжные работы в Тельме, по свидетельству Ю. Сабиньского «каторгу, то есть тяжелые работы, они отбывают легко. ... Но начальство и надзиратели ничего им делать не велят, довольствуясь тем, чтобы их видели в назначенных

местах ...» [11, с. 379]. Позднее был переведен на каторжные работы в Усольский солеваренный завод, куда прибыл 27 января 1840 г. [11, с. 421].

Формально находясь на каторжных работах, фактически обладал значительной свободой. Находясь в Усолье, Л. Немировский получил приглашение давать уроки рисунка детям майора Ю.А. Мевюса три раза в неделю [11, с. 443]. Для Л. Немировского Ю.А. Мевюс специально заказывал краски из Петербурга [10, с. 449]. Владея иностранными языками, Л. Немировский также давал уроки французского языка чиновникам местной администрации [11, с. 452-453].

В 1843 г. закончился срок каторжных работ Леопольда Немировского, и он был переведен на поселение. Продолжая жить в Иркутске, он также писал портреты своих соотечественников, сосланных из родного края, а также пейзажи сибирского края [13, с. 26].

В 1844 г. принял участие в составе группы сенаторской проверки аппарата управления Восточной Сибири и Камчатки, в качестве художника [12, с. 167]. Во время поездки Л. Немировский преодолел значительные расстояния северо-восточной Сибири и достиг побережья Охотского моря. Результатом его творческой деятельности явился ряд рисунков и акварелей, представляющих пейзажи и этнографические зарисовки. Позднее его рисунки были опубликованы в альбоме руководителя камчатской группы И.Д. Булычева, получившего название «Путешествие по Восточной Сибири» [11]. Кроме рисунков Л. Немировский оставил дневник своего путешествия, который до нашего времени не сохранился [12, с. 347].

В конце мая 1846 г. Л. Немировский получил разрешение выехать в Забайкалье для того, чтобы заняться там рисованием пейзажей по заказу И. Булычева [12, с. 379-380]. Из Иркутска он отправился вместе с Валерианом Коссаковским 13 июня 1846 г. Путь в Забайкалье проходил вдоль южного побережья Байкала. Во время этой поездки художник посетил как польских ссыльных, находившихся на каторге и в ссылке на территории Забайкалья, так и декабристов М. и Н. Бестужевых, проживавших на поселении в Се-

ленгинске. Там же им был нарисован пейзаж долины Селенги. В Иркутск художник вернулся в начале октября 1846 г.

Летом 1848 г. Л. Немировский сопровождал в поездке по Тофаларии Ю.И. Штубендорфа, который пригласил его в качестве художника в свою экспедицию [12, с. 572]. Во время этой поездки Л. Немировский продолжал делать рисунки и для И. Булычева.

Внимание художника привлекли интересные виды побережья Байкала. К числу наиболее примечательных мест Байкала, запечатленных на рисунках Л. Немировского, следует отнести: мыс Дыроватый; мыс Белый (написанный с разных ракурсов); проливы Малое море и Ольхонские ворота; острова на Байкале; мыс Шаманский, Слюдянка; хребет Хамар Дабан, протянувшийся вдоль южного побережья озера. Самой известной же картиной Немировского с видом Байкала можно считать «Скала Малая Колокольня в Бухте Песчаной». Большое количество пейзажей Байкала были выполнены акварелью и карандашом. Работы Немировского уникальны тем, что являются немногими сохранившимися, большая часть его работ был утрачена во время пожара в его доме в Польше. Также в XIX в. только на его рисунках были изображены Восточная Сибирь и Байкал [14, с. 10].

Описание пейзажа, представляющего Байкальские ворота, сохранилось в работе А. Гиллера «Описание Забайкальского края в Сибири»: «Я видел пейзаж Леопольда Немировского, выполненный масляными красками и изображающий местность под названием Байкальские ворота. Скала торчит среди озера как колонна и соединяется с берегом естественным мостом. Эта скала действительно похожа на ворота, под которыми можно проплыть. Пейзаж Немировского изображает ночь, свет луны отражается в озере и тусклым мерцанием покрывает скалы, лодка с людьми подплывает к воротам» [15, с. 110].

Озеро Байкал уже многие столетия является непрерывным источником вдохновения. О нем слагали легенды, рассказывали в древних летописях, считая крайней точкой мира на севере. Но как мы видим, все описания Байкала древнего периода носят сугубо летописный характер. Начиная с XVII в. начинают встречаться картографические изображения Байкала, а также описание его флоры и фауны, народностей, населяющих его берега. Столь значимое озеро

вызывало неподдельный интерес у казаков-первопроходцев, академиков, путешественников, а также невольных поселенцев – ссыльных декабристов и поляков.

При изучении рисунков Байкала Леопольда Немировского обращает на себя внимание география его картин: по большей части пейзажи на них с западного побережья озера. Такой факт объясняется тем, что большую часть времени сибирской ссылки Леопольд Немировский провел сначала в качестве каторжного работника на Усольских заводах, переведенного затем на должность учителя рисования для детей управляющего завода – Мевиуса. Затем в Иркутске, где Леопольд Немировский обучал рисованию уже детей генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта [6, с. 272].

Художественные работы Л. Немировского, запечатлевшие Байкал сейчас хранятся в музеях Польши, России, имеются его работы в музеях Забайкалья. Сейчас сложно выяснить, какая работа Леопольда Немировского, запечатлевшая Байкал, является первой [14, с. 16]. Но известно то, что первыми художниками, написавшими Байкал, были академики Императорской Академии художеств и первые художественные изображения Байкала появились более чем за 30 лет до появления в этих краях Немировского. Леопольд Немировский выполняя поручение губернатора «снял виды» Байкала, берегов, горных теснин и круч. По описаниям исследователей его творчества, искусствоведов, музейных работников в его работах прослеживается классицизм и реализм. Особая ценность работ Немировского еще и в том, что Бурятия первой половины XIX в. сохранилась только в этих рисунках. Леопольд Немировский является первым польским политическим ссыльным художником, написавшим Байкал, а также одним из первых художников, запечатлевшим его на своих картинах.

Примечания

1. Аввакум. Житие протопopa Аввакума // Житие протопopa Аввакума, инока Епифания, боярыни Морозовой. СПб. : Глаголь , 1994. С. 2-71.

2. Аганесов А. Байкальской тропой. М. : Мысль, 1971. 144 с.

3. Ангара : худож.-публицист. сб. М. : Современник, 1977. 383 с.

4. Байкал. Этнографические зарисовки. Иркутск, 2008. 199 с.
5. Босев К. Славное море, священный Байкал // Сибирь глазами зарубежных гостей. Иркутск : Вост.-Сиб. изд-во, 1968. С. 66-75.
6. Гапоненко В. В., Семенов Е. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX века. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2006. 240 с.
7. Голубев Е. Польские бунтари в Бурятии // Отчий край. Улан-Удэ : Соел, 1993. С. 53-65.
8. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий. 3-е изд., испр. и доп. Иркутск : Изд-во БГУ, 2010. 552 с.
9. Мартынов А. Е. Живописное путешествие от Москвы до китайской границы. СПб. : Тип. Александра Плюшара, 1819. С. 47-51.
10. Путешествие по Восточной Сибири Леопольда Немировского : рисунки, литографии, акварели. Иркутск : Артиздат, 2010. 148 с.
11. Сабиньский Ю. Сибирский дневник. В 2 т. Т. 1. Иркутск : Иркутский музей декабристов : Артиздат, 2014. 812 с.
12. Сабиньский Ю. Сибирский дневник. В 2 т. Т. 2. Иркутск : Иркутский музей декабристов : Артиздат, 2015. 840 с.
13. Семенов Е. В. Художественное наследие польских художников в XIX в. в Забайкалье: проблемы выявления, изучения, сохранения и презентации // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., 18 апр. 2019 г. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2019. Т. 1. С. 25-28.
14. Шостакович Б. С. Леопольд Немировский – выдающийся представитель польской политической ссылки эпохи декабризма в Восточной Сибири (к 125-летию со дня смерти) // Современные тенденции развития полонийного движения в России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 сент. 2008 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. С. 4-16.

15. Giller Agaton. Opisanie Zabajkalskij krainy w Syberyi. T 3. Lipsk : F. A. Brockhaus, 1867. 339 s.

УДК 821.512.31-31.09

Сангадиева Э. Г., Доржиева Э. С., г. Улан-Удэ, Россия

Sangadieva E. G., Dorzhieva E. S., Ulan-Ude, Russia

**КОНЦЕПТ «ЗЕМЛЯ» В РОМАНЕ В. МИТЫПОВА
«ДОЛИНА БЕССМЕРТНИКОВ»**

**THE CONCEPT «LAND» IN V. MITYPOV'S NOVEL
«THE VALLEY OF THE IMMORTELLES»**

Статья посвящена проблеме художественной реализации концепта «земля» в романе В. Митыпова. Рассматривается семантика понятия в контексте традиционного миропонимания кочевых народов, влияние на сюжет, художественную форму романа, концепцию развития героя. Анализируются возможные интерпретации в философско-художественном осмыслении концепта.

The article is devoted to the problem of artistic realization of the concept «land» in V. Mitypov's novel. The semantics of the concept in the context of traditional world outlook of the nomadic peoples, influence on the plot, artistic form of the novel, conception of the character's development are considered. Possible interpretations in philosophical and artistic comprehending of the concept are analyzed.

Ключевые слова: концепт, хунну, художественная форма, сюжет, природные стихии, история, роман, кочевые народы, земля, традиция.

Keywords: concept, the Xiongnu, artistic form, plot, natural hazards, history, novel, nomadic peoples, land, tradition.

Проза 1970-х годов в бурятской литературе характеризуется поисками писателей в области художественной формы, для выражения все более усложняющихся современных проблем, касающихся различных аспектов социальной жизни. Это было обусловлено изменениями, происходящими в целом в советском литера-

турном процессе. Желание писателей обратиться к истории, к внутреннему миру человека вне идеологического контекста привело к усложнению художественных приемов для показа сопряженности времени, пространства, памяти и т.д.

В бурятской литературе особое место занимает творчество Владимира Митыпова, в котором мы и наблюдаем вышеназванные тенденции. Роман «Долина бессмертников» (1975 г.) можно назвать одним из лучших произведений этого периода. Это роман о проблемах современного человека, который в поисках смысла жизни приходит к философскому пониманию сути человеческого бытия через многовековую историю, через жизнь древних хунну.

Художественная форма романа – роман-бихронизм, в котором действие разворачивается в двух временных пространствах. Современные реалии связаны с образом главного героя Олега Аюшеева, жизнь которого, волею случая, сопрягается с историческими событиями империи Модэ конца III века до н.э. Художественная форма произведения усложняется еще и тем, что герой-поэт пишет роман о хунну, так появляется роман в романе (известная форма в мировой и русской классической литературе).

Повествование о хунну сосредоточено на образе шаньюня Модэ – становление его личности, связано с изменением характера, превращением в жестокого, властного, уверенного в своей правоте правителя. Основу его мира составляют понятия «земля» и «родина». Все, что окружает кочевника, обожествляется и становится неотъемлемой частью его мироздания.

Принцип тождественности этического и природного начал составляют первооснову в жизненном пространстве кочевых цивилизаций, поэтому номады поклонялись природным стихиям: земле, небу, огню, воде. Таким образом, понимание концепта «земля» в романе происходит сквозь призму кочевой стихии:

«Земля – основа государства» – это главная политическая и нравственно-этическая установка власти шаньюня Модэ. «Именно с этой формулировки берет начало экологический подтекст этико-политической традиции центральноазиатского суперэтноса» [3, с. 23].

Это подтверждается в романе монологом Модэ: «...Земля есть начало начал. Все живое рождается на земле и, умерев, уходит

в нее же. Но земля хоть и вскармливает живое, сама мертва, ибо она не размножается и не растет. Потерю стада можно восполнить приплодом оставшихся. Земли же, отданные врагу, не восполнить ничем. Земля есть основа всей державы, и земля есть основа каждого отдельного человека. Потеряв землю, человек теряет все: могилы предков, что есть одна треть его силы, кочевье, где живет он сам, что есть вторая треть его силы, юрту, где он взрастит свое потомство, что есть остальная треть его силы» [1, с. 244-245].

В культе предков у кочевых народов особо чтили и «землю предков». Автор, сопрягая в романе жизнь древних кочевников хунну и современников, художественно реализует концепт «земля» в двух сюжетных линиях. Основа поэтики романа также строится на историческом и философском осмыслении этого концепта. Отметим, что данный концепт очень часто осмысливается как понятие родины в произведениях различных авторов, но в бурятской литературе в контексте многовекового хронотопа он представлен впервые.

Как уже отмечалось, в осуществлении своего замысла автор прибегает к приему создания романа в романе. Аюшеев под впечатлением от соприкосновения с древней цивилизацией хунну, начинает писать роман о Модэ. Художественно осмысляя жизнь шаньюня, он начинает понимать, что сформировало характер его героя. Но в художественной форме романа Владимира Митьпова хотелось бы отметить и восточную художественную традицию – рамочное повествование.

Этот вид повествования восходит к индо-тибетской традиции, и в бурятском литературоведении рассмотрен А. Б. Соктоевым. Связано это с тем, что религиозные тексты были сложными для понимания обывателя, и желание донести догматические постулаты до сознания обыкновенного человека породило прием художественного обрамления. Так, буддийский сюжет обрамлялся сюжетом бытовым, содержащим вполне земные, понятные картины жизни [2]. На наш взгляд, именно этот прием, позволяет в романе актуализировать, реализовать в сюжете мысль В. Митьпова о том, что земля вечна, священна во все времена.

Олег, современный герой романа Митьпова, принимает участие в раскопках хуннских захоронений. Жизненные обстоя-

тельства, вследствие которых он оказывается на раскопках, очень сложны. Герой переживает кризис. Это отражается в личных взаимоотношениях, в творчестве, в жизненных ориентирах. Здесь, соприкасаясь с многовековой историей, вникая в суть жизни Модэ, он многое проясняет и для себя. Жизнь поэта меняется, он встречает новую любовь, которая заполняет его душевное одиночество, дает ему творческий импульс.

Но, к сожалению, жизнь Олега Аюшеева трагически обрывается. Интерпретация финала романа Митыпова логически связана с рассматриваемым концептом «земля». Раскопки проводятся на могильных захоронениях хунну – территорией сакральной, связанной с культом предков, а это большой грех в традициях кочевых народов. Герой погибает, спасая дочь возлюбленной: «Спасти девочку могло только чудо, и поэт совершил его... Ларисе показалось, что по лицу поэта скользнула улыбка: бессмертья, быть может, последний залог... Лариса не думала о прошлом. Сидя в пронизанной ревушим сквозняком, оглохшей от гула мотора кабине и обнимая бесчувственное тело Олега, она иступленно верила, что огромный этот мир, полный древней печали и сегодняшних тревог, не может, не должен так легко и просто отпустить в мир теней еще одного своего беспокойного сказителя...» [1, с. 265].

Конечно, поступок Олега – это поступок настоящего мужчины, свидетельствующий о нравственной зрелости, о его «выздоровлении» после переоценки собственной жизни. Но в контексте семантического наполнения концепта «земля» в традиционной культуре, финал трагичен. Герой нарушает множество табу: находясь на святой земле предков без разрешения местных эжинов (хозяев местности), раскапывал захоронения, беспокоя мертвых.

Земля – это начало всех начал в культуре любого народа. Это понятие связало в романе В. Митыпова два разных сюжета, время, отделенное друг от друга веками, доказывая, что нравственно-этические основы жизни неизменны.

Художественное воплощение в романе В. Митыпова «Долина бессмертников» концепта «земля» наполняет сюжет философским содержанием, углубляет национальное и духовно-нравственное начало.

Примечания

1. Митыпов В. Г. Долина бессмертников. Инспектор Золотой тайги : [роман, рассказы]. М. : Сов. писатель, 1980. 575 с.
2. Соктоев А. Б. Становление художественной литературы дооктябрьского периода. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 492 с.
3. Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 287 с.

УДК 821.512.31'255.2=161.1

Нимаева И. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Nimaeva I. B., Ulan-Ude, Russia

ПРОБЛЕМЫ БУРЯТСКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

THE PROBLEMS OF THE BURYAT-RUSSIAN TRANSLATION OF FICTION

В данной статье говорится об особенностях бурятско-русского перевода произведений художественной литературы. Автор говорит о том, что в процессе перевода необходимо обратить внимание на лексический состав текста оригинала, осложненного наличием разнообразных художественных средств, свидетельствующих о традиционной языковой культуре бурят.

The article considers the peculiarities of the Buryat-Russian translation of the fiction works. The author tells that it is important to pay attention to the lexis of the original text complicated by various figures of speech witnessing the Buryats' traditional language culture.

Ключевые слова: перевод, бурятский язык, русский язык, художественные средства, языковая культура, художественные тропы, стилистические фигуры.

Keywords: translation, the Buryat language, the Russian language, figures of speech, language culture, tropes, stylistic figures.

В современном обществе международные культурологические связи приобретают огромную значимость. В этом смысле ли-

тературные взаимосвязи имеют свою нишу. Переводческая работа как одна из форм литературных взаимосвязей представляет собой наиболее важную сферу, что подтверждается в многочисленных трудах, посвященных проблемам переводоведения, в частности, Г.Р. Гачечиладзе и др. [1]. Переводная литература играет далеко не последнюю роль в межкультурной коммуникации. По словам М.В. Черкезовой, «межкультурная коммуникация – это общение между представителями различных культур...» [3]. В этом процессе переводная литература рассматривается как фактор традиционной национальной языковой культуры какого-либо народа.

Анализ проблем бурятско-русского перевода художественной литературы, с нашей точки зрения, кажется весьма важной и своевременной. В этом отношении особый интерес представляют стилистические особенности текстов художественных произведений бурятских писателей. В процессе перевода с бурятского на русский язык текстов этих произведений большое значение приобретает наличие в них художественных тропов, стилистических фигур, языковых элементов фольклорных жанров и других. Это важный момент, потому что иноязычный читатель оценивает переводную литературу как феномен традиционной национальной языковой культуры народа, о чем было сказано выше. Такой подход накладывает особую ответственность на переводчика. Так, например, произведения бурятского писателя Александра Лыгденова [2], с точки зрения стилистики, представляют собой уникальные литературные творения, позволяющие считать автора мастером художественного слога. В частности, в рассказе «Хэрмэч» («Белкач») полно диалектных слов, художественных тропов, стилистических фигур, фразеологизмов, пословиц и поговорок, аллитерированных предложений, что весьма сложно сохранить их форму при переводе. Приводим примеры аллитерированных предложений. «Амин голтой» амитад бүхэн аярхажа дулаанаар нойрсоно ха» (амин-амитад-аярхажа); «агнуури гээшэ амгалан ажал бэшэ даа, аймшагтай ушарнууд тохёолдохо даа» (агнуури-амгалан-ажал-аймшагтай). «Хаана нэгэ тээ холоһоо хүхы шубуунай донгодохонь...» (хаана-холоһоо-хүхын...), «Сарьдагай оройдохи саһа үльһэн дээгүүр собхорһоор...» (сарьдагай-саһа-собхорһоор) и так далее. Такого рода

предложений полно в этом рассказе. Они создают отличную ритмику, красоту звучания текста, его внутреннюю гармонию.

Из художественных тропов видим в тексте данного рассказа А. Лыгденова метафоры, эпитеты, сравнения и другие. Метафора: «Хангайн эзэн гээшэ хэрэгтэй сагтаа ангуушадтаа ангаа табиха, үгышые наа... хайса шоглоод, хэһээгээд абахадаашье болохо...» «Дух-хозяин Хангая, когда сочтет нужным, может отпустить зверей для охотников..., а если нет, то изрядно поиздевается над ними, а может даже и накажет их... (т.е. охотников)». Надо отметить, что весь рассказ построен на метафоре. Им создан живой, оригинальный образ охотничьей собаки по кличке *Хэрмэч*, с её внутренними монологами, с ней главный герой делит все тяготы охотничьей жизни, ведёт диалоги, делаясь своими впечатлениями со своим верным другом – собакой. Кроме художественных тропов, есть в языке и стилистические фигуры (градации, антитезы, инверсии и др.).

Своеобразную антитезу видим в следующем фразеологизме, коих так же много в рассказе. «Сэсэн зонуудынь наһан соогоо мүргэжэ, тэнэг зонуудынь үхэхэ болоходоо мүргэхэ...» («Мудрые люди всю жизнь молятся Богу, а глупые люди только перед самой смертью молятся...»). Антитезы: сэсэн-мудрые – тэнэг-глупые; наһан-жизнь – үхэхэ болоходоо – перед смертью. Также нельзя не отметить наличие в тексте старинных бурятских пословиц и поговорок типа «Нютагай шорой алтан даа» – «Родная земля как золото», «түрэхэн нютагай тэнгэри үндэр» – «на родной земле и небо высоко» и так далее.

Далее, актуализируем в данной статье для примера еще одно произведение, автором которого является бурятский писатель Даша-Даваа Мункуев. Это своеобразная проза в стихах, которую при переводе на русский язык предлагается сохранить форму «Нойргуй хүнинүүдэйтнай түлөө, ханаа үнөөн боложо үнгэрхэн залуу наһанайтнай түлөө, эхэнүүд, манай мүнхэ дуран, ажабайдалаймнай гэрэлтэхэн хайра...» «За ваши бессонные ночи, за молодость вашу, прошедшую в вечной заботе, за вас всех, матери наши, вечная к вам любовь, и вечный свет нашей жизни сияет для вас с благоговением...». В этом тексте мы находим оригинальные эпитеты: «Замбуулиной нюуса» – вселенская тайна, «үншэрхэн дуран» – осиротевшая любовь, «мүнгэн дуһалнууд» – серебряные капли,

«галзуу зэрлиг хүгжэм» – дикая, бешеная музыка и другие. Есть перифразы «Эжымни даа – алтамни даа» (Мать моя – золото моё); парные слова – он жэлнүүд, үе мүсэ, түмэр түжэ, эндэ тэндэ и др. Кроме всего, упомянутые собственные имена (Гоголь, Уитмен, Банзаров, Чехов, Хемингуэй) придают также ёмкость, весомость, оригинальность тексту.

Небольшой рассказ «Галуунууд» («Гуси») вышеназванного автора отличается метафоричностью, о чем говорит приведенный ниже отрывок из перевода: «Крики улетающих гусей, то словно рыдающие, то будто зовущие за собой, ветер уносил далеко на своих незримых крыльях, над качающимися деревьями, туда, где простиралась степная ширь, и он уносил их, уносил в неведомую даль ещё долгое время...». Такую же великолепную метафору, переданную в переводе, видим и здесь: «Поддавшись дикой силе этой музыки ветра, столетние величественные сосны и совсем еще молодые лесные деревья, гибкие, как девушки, а также стройные березки, с небрежно покачивающимися шелковистыми верхушками, отталкивающимися друг от друга, – все закружились в вихре ёхорного танца...».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс перевода художественных произведений с бурятского языка на русский предполагает учёт стилистических особенностей языка переводимых текстов как фактора традиционной языковой культуры бурятского народа.

Примечания

1. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М. : Сов. писатель, 1972. 262 с.
2. Лыгденов А. Хэрмэч // Отцовская коновязь. Улан-Удэ : Буряад унэн, 2005. С. 59-68.
3. Черкезова М. В. Формирование межкультурной коммуникации в процессе преподавания русской литературы в школах с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 153-156.

Амгаланова М. В., г. Улан-Удэ, Россия

Amgalanova M. V., Ulan-Ude, Russia

**ТВОРЧЕСТВО О.Б. И Л.М. СУЛЬТИМОВЫХ
В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ТЕАТРА «БАЙКАЛ»**

**THE CREATIVITY OF O. B. AND L. M. SULTIMOV'S IN THE
HISTORY OF THE STATE NATIONAL THEATRE «BAIKAL»**

Жизненный и творческий путь артиста отражает уникальность и специфику деятельности театра. Национальный театр «Байкал» способствует сохранению и трансляции многовекового культурного наследия, формированию культурной памяти. В статье рассматривается творчество пары Олега и Людмилы Сультимовых, внесших неоценимый вклад в деятельность «Байкала». Это были профессионалы своего дела, полностью вкладывавшие свою душу в танец.

The artist's life and creative path reflect the uniqueness and specificity of the theater's activities. The national theater «Baikal» contributes to preserving and translating centuries-old cultural heritage, forming cultural memory. The article examines the creative work of a couple Oleg and Lyudmila Sultimovs, who made an invaluable contribution to the activities of «Baikal». They were professionals in their field, putting fully their souls into dancing.

Ключевые слова: бурятская культура, бурятское хореографическое искусство, национальный театр, театр «Байкал», творчество, личность.

Keyword: Buryat culture, Buryat choreographic art, national theater, «Baikal» theater, creativity, personality.

Театр является одним из древнейших и уникальных социокультурных институтов, который «всегда занимал значительное место в духовной жизни общества, выполнял незаменимую роль в воспитательной работе... особый вид художественной образно выраженной педагогики и психологии, поучающих, воспитывающих,

уточающих грубые нравы человека» [1, с. 28-29]. Понимая особую его роль в социокультурной жизни общества и человека, театральные деятели прилагают немалые усилия в его развитии, приобщении к театральному действию, популяризации театра среди широкого круга зрителей разных возрастов и интересов. Нам видится, что значительный вклад вносят и ученые, анализирующие как глобальные проблемы развития театров в современных условиях, так и фиксирующие вклад отдельных личностей в театральный процесс.

История Государственного национального театра «Байкал» восходит к Декаде бурят-монгольского искусства в Москве (1940), а его многолетний славный путь связан со слаженной работой большого творческого коллектива: директора, художественного руководителя, композиторов, хореографов, костюмеров, гримеров, осветителей, звукорежиссеров и других. Неоценимый вклад, конечно, вносят артисты. Вся творческая жизнь Олега и Людмилы Сульtimiновых прошла в ансамбле «Байкал», который стал для них вторым домом, а коллеги (нынешние ветераны театра) – второй семьей, разделившей все радости и горести, трудные и счастливые годы.

Профессионалы танцевального искусства, простые зрители отмечали, что эту пару отличали прекрасные внешние данные, музыкальность, сценическая выразительность, великолепное владение техникой танца. Мастерское исполнение трюков и сложных номеров, сильный и высокий прыжок Олега, артистизм, гибкость и подвижность Людмилы позволили им стать ведущими артистами и солистами балета. Помимо великолепных профессиональных умений и навыков, они очень бережно относились к традициям народов, чьи танцы исполняли: «Башкирский», «Западно-монгольский», «Узбекский», «Калмыцкий». Олег сумел создать и показать великолепный образ воина в танцах, посвященных Великой Отечественной войне «Встреча в родном улусе», «Портрет». Артисты театра отмечали, что на гастролях, особенно в Белоруссии, на Украине, зрители после этих танцев плакали. Особой красотой, вдохновением наполнен неувядаемый «Цветок Байкала», в котором солировала Людмила, вошедший в золотой фонд бурятского хореографического искусства. 1983 году Людмила стала участницей Дней литературы и искусства Бурятии в Москве, которые для ансамбля стали четвертыми (1940, 1959, 1973). На ведущих сценических площадках

Москвы артисты «Байкала» продемонстрировали все богатство национальной культуры.

Многовековая бурятская культура многогранна, она насквозь пропитана духом природы, сакральностью и символизмом. Исконные национальные компоненты, выражающие эстетические и нравственные ценности бурятского народа, использовались в танцевальных постановках. Балетмейстерами в танцевальные традиции бурят вносились новые элементы, сюжеты и темы. В танцах «Озорная наездница», «Наадан» и многих других артисты сумели не только сохранить национальный колорит, но и показать свой характер.

В большей степени публика запомнила Олега и Людмилу как дуэт семейной пары, впечатляющий своей любовью, страстью, бережным и трепетным отношением друг к другу. Некоторые танцы специально ставились в расчете, что исполнять их будет именно пара Сультимовых. Таким танцем был «Баяр», который в их исполнении показывал нескрываемое чувство любви, счастье и радость. Башкирский танец «Дружба» был наполнен благородством и обаянием, а танец «У родника» в исполнении Людмилы и Олега дышал теплотой и красотой линий.

За профессионализмом артистов всегда стоит очень тяжелый изнуряющий труд, много зависит от их умений, таланта, дисциплинированности и трудолюбия. Именно такими качествами обладали Людмила и Олег Сультимовы. С ними с удовольствием работали многие известные и выдающиеся балетмейстеры-постановщики: Михаил Заславский, Борис Ляпаев, Альберт Татаркулов, Булат Аюханов (Казахстан), Сухэ-Батори Цывжид (Монголия), Татьяна Гергесова, Алла Батубаева и другие.

Однако они всегда оставались частью ансамбля «Байкал», исполняя яркие роли из репертуара театра. На концертных программах в составе балетной труппы Олег и Людмила исполняли живописный и любимый бурятский народный танец «Ёхор», игривый и жизнерадостный танец «Глухари», плавный и душевный русский танец «Забайкальский лирический», нежный и грациозный танец «Наши девушки», старинный обрядовый танец бурятских охотников «Мэндээшэн», где на сцене изображались одновременно суровые и торжественные картины удачной охоты.

Гастрольная карта Олега и Людмилы Сультимовых богата. Их хорошо знали во всех районах нашей республики, всегда они с удовольствием и большой радостью участвовали в шефских концертах, выступали на маленьких сценах сельских клубов, перед чабанами и комбайнёрами в поле. Вместе с коллективом «Байкал» они выступали во многих городах Советского Союза – в Закавказье и Средней Азии, на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике и Молдавии. Гастрольные маршруты артистов пролегали по всей территории Советского Союза – от Сахалина до Калининграда. В 1985 году ансамбль «Байкал» был удостоен чести участвовать в культурной программе XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. В составе ансамбля «Байкал» выезжали на гастроли в Чехословакию (1976), МНР (1983, 1990), Японию (1984), Китай (1990). Так, в 1976 год более чем в 20 городах Чехословакии было дано 24 концерта, посетили которые около 90 тысяч человек. В 1983 году были даны концерты в Монголии, а в 1990 годах уже в Китае.

Большим событием для ансамбля «Байкал» стало приглашение в 1984 году коллектива на гастроли в Японию. Не только для «Байкала», но и для всей Бурятии это стало достижением огромных масштабов. Ансамблю предстояло посетить и выступить в 12 крупных городах Японии. В каждом городе проходил торжественный прием артистов, по завершению каждого концерта зрители Токио, Саппоро, Киото, Вакканая и других японских городов стоя аплодировали бурятским исполнителям, дарили букеты и корзины с цветами, возгласы «Браво» не затихали в зале. Успех «Байкала» был поистине грандиозным.

Первой из жизни ушла в расцвете своих сил Людмила, ей было 34 года. Рано умер и Олег – в 43 года. Однако память об этих талантливых и светлых людях живёт до сих пор: в апреле 2017 года в филармонии состоялся вечер памяти Олега и Людмилы Сультимовых «Моя душа – в танце». Его открыла солистка образцового хореографического ансамбля «Овация» Александра Дашидоржиева исполнением «Бурятского приветственного танца». Этим танцем начинал свою концертную программу ансамбль песни и танца «Байкал». И не раз это прекрасное музыкально-хореографическое приветствие зрителям поручалось Людмиле Сультимовой.

На концерте выступали хореографические ансамбли: «Саран туяа», «Уян бэлиг» и многие артисты: Заслуженный артист Республики Бурятия, Заслуженный артист Российской Федерации Леонид Бабалаев, Заслуженная артистка Республики Бурятия Галина Бадлуева, Народная артистка Республики Бурятия Сэдэб Банчинова, Заслуженная артистка Российской Федерации, Народная артистка Республики Бурятия Дарима Дугданова, Заслуженный артист Российской Федерации Батор Будаев, Народная артистка Республики Бурятия Цыпилма Аюшеева.

Примечания

1. Назаров В. В. Театр в контексте анализа государственных документов Российской Федерации о культуре: проблемы и перспективы // Современное искусствоведение: теоретические концепции и художественные практики. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2020. С. 27-31.

УДК 792.071.1(091)(571.54)

Цибудеева Н. Ц., г. Улан-Удэ, Россия

Tsybudeeva N. Ts., Ulan-Ude, Russia

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ / РОДНОВЕДЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕАТРА ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ» В РАМКАХ ЛОКАЛЬНО ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

ETHNIC-PEDAGOGICAL / NATIVE STUDY CONTEXT OF THE CREATIVE ACTIVITY OF THE THEATRE OF SONG AND DANCE «BAIKAL» ON THE LOCAL FOLKLORE MATERIAL

В статье рассматривается ряд аспектов творческой деятельности театра песни и танца «Байкал» с точки зрения его познавательно-воспитательной пользы для знания зрителем собственной истории через культуру, обычаи, традиции бурятского народа. В работе анализируются отдельные фрагменты из репертуарных

спектаклей коллектива, направленных на возрождение генетической памяти нынешних поколений.

The article considers some aspects of creative activity of the theatre of song and dance «Baikal» from the view point of its cognitive and educational benefit for a spectator's knowledge of his/her own history through culture, customs and traditions of the Buryat people. Separate fragments from its repertoire of the performances are analyzed which are directed at the revival of genetic memory of present generations.

Ключевые слова: этнический коллектив, шоу, ревю, феерия, стихия, мистерия, фольклорно-этнографический материал, космогонический миф, предание, сказание, шаманизм, этнопедагогика, родноведение.

Keywords: ethnic collective, show, review, extravaganza, mystery, folklore ethnographic material, cosmogonical myth, legend, tradition, shamanism, ethno-pedagogy, native study.

Согласно фундаментальным исследованиям учёных историков и краеведов, в родоплеменной состав бурятского народа входят три основные группы бурят: хоринские, селенгинские и баргузинские со своими корнями, историей происхождения, с ареалом обитания и расселения в обширном регионе вокруг Байкал [3]. Каждая из них состоит из малочисленных родоплеменных объединений.

Западные районы Республики Бурятия и отдельные территории Иркутской области населяют, главным образом, эхириты, булагаты и хонгодоры. Как и любые этносы и их родоплеменные объединения, они веками создавали песенные образцы с высоким строем поэзии, требовавшие незаурядного певческого мастерства. Их песенная культура, как и разных других народов, обладает жанровой, структурной спецификой, а также интонационной, ладогармонической, ритмической организацией.

Вышеперечисленные свойства западно-бурятской (прибайкальской) песенности стали предметом повышенного внимания со стороны Государственного национального театра песни и танца «Байкал» во главе с руководителем, заслуженным деятелем искусств РФ и РБ Д.Ж. Бадлуевым. Сегодня этот коллектив занимает особое место в социокультурном пространстве Республики Бурятия, являясь её гордостью и визитной карточкой. Он является ис-

тинным полпредом музыкально-исполнительского искусства бурят и расширяет представление о прошлом народа, его традициях, культуре далеко за пределами республики. В 2017 году «Байкал» завоевал лидирующие позиции в масштабах страны, опередив своих коллег во Всероссийском телевизионном проекте «Танцуют все!».

В 90-е годы XX века ГНТПИТ «Байкал» был преобразован из одноимённого ансамбля, рождённого в период подготовки республики к I-ой декаде национального искусства и литературы в Москве в 1940 г. Его собратья: этнические коллективы, подобные осетинскому «Алану», калмыцкому «Тюльпану», чеченскому «Вайнаху», чукотско-эскимосскому «Эргырону» создавались в союзных и автономных субъектах СССР в период строительства новой социалистической культуры в 30-е годы. Каждый из них занимался активной популяризацией своего самобытного искусства, регулярно гастролируя в разных уголках великой страны.

У истоков «Байкала» находились опытные приезжие постановщики: И.А. Моисеев, М.С. Арсеньев, Т.К. Глязер, М.А. Заславский, которые при участии основоположника театрального искусства республики и первого режиссёра Г.Ц. Цыдынжапова закладывали начатки национальной хореографии в так называемых производственных танцах: «Танец охотников», «Выделка войлока», «Постройка юрты» и т.д. Первые концертные программы коллектива состояли из чередования музыкально-инструментальных, вокальных и танцевальных номеров по принципу сюитной композиции. В недрах коллектива вызревали яркие таланты: танцовщики Татьяна Ефремова, Василиса Тумурова, Баир Егоров, народные певцы Николай Таров, Цырен Хоборков, эстрадные певцы Чимита Шанюшкина, Аюша Данзанов, которые прокладывали дорогу на сцену молодым дарованиям и составляли славу коллектива. Выступления артистов проходили в сопровождении оркестра бурятских народных инструментов под руководством композитора Чингиса Павлова, внутри которого сформировался своеобразнейший ансамбль ятагисток с нежными голосами на подпевках.

Новая страница «Байкала» началась с приходом на художественное руководство хореографа Д.Ж. Бадлуева, имевшего обширный опыт публичных выступлений, в т.ч. и за рубежом. По его

инициативе была пересмотрена концепция подведомственного коллектива в сторону театральной зрелищности и смысловой содержательности, нанизанной на сюжетную основу. Изменилась и расширилась жанровая сфера программ от номерной структуры к театрализованным концертам и программным спектаклям. Они приобрели сквозное действие, сцементированное единой идеей: экзотические шоу-ревю, спектакли-легенды, стихии, мистерии и т.д. И в этом смысле, если роскошная феерия «Блеск Азии» демонстрировала невероятную прелесть и пластическое разнообразие Центральной Азии и Тихоокеанского региона, то серией последующих: «Угайм сүлдэ» («Дух предков»), «Мифы и легенды озера Байкал», «Эхо страны Баргуджин Тукум», «От монголов к моголам» как бы определялось место аутентичного наследия бурят в азиатском общежитии. А главное – обращение вглубь родных истоков и возрождение генетической памяти народа.

Материалом для постановок стали богатые традиции бурят-монголов, запечатлённые в вековых эпических сказаниях, ставших стержнем повествований в красочно костюмированных спектаклях на музыке. В них художественными средствами оживали повседневные реалии из жизни кочевников: их полная трудностей облавная охота, экзотические камлания шаманов, бытовые обряды и т.д. Постановочный персонал, сформированный для воплощения этих задач, выстраивал сценические композиции, исходя из своего опыта, обогащённого собственным пониманием и фантазией.

Заложенный в ранних видах искусства синкретизм в виде неразрывной связи пляски, пения и музыки требовал гармоничного баланса всех компонентов в целях соответствия замыслу, а также обогащения тембровой палитры. И для оживления звучащей природы помимо существующих в оркестре хуров, ятагов, иочинов, чанз, лимб, тобшуров и ударной секции появились эбэр-бүрээ (рог-труба с серебристым кларнетовым тембром), ханг – «космическая тарелка» и австралийский диджериду – длинная деревянная труба, имитирующая гул морского прибора (в нашем случае байкальского), загадочные шорохи таёжных обитателей. Завораживающее своим звукоколеритом обновление оркестрового инструментария было продемонстрировано в ряде концертных программ коллектива и активизировало деятельность местных композиторов.

Что же касается вокальной стороны, то здесь перед Д.Ж. Бадлуевым встала проблема переучивания вокалистов с оперно-концертной манеры пения, приобретённой в консерваториях и музыкальных училищах, на народно-натуральную. Ибо академическое европейское пение плохо соответствовало претворяемым замыслам. Рождение в Тункинском районе и глубинная связь с корневыми истоками позволили ему на основе природной восприимчивости уловить тонко живую и яркую ритмоинтонацию тункинских (прибайкальских) ёхорных напевов и мастерски исполнять их в своих выступлениях на сцене как соло, так и в составе хора.

Так, образовавшийся стилистический разноречивый привёл его к двухуровневой этнопедагогике, подразумевающей воспитание на своём национальном/первородном материале как зрителя, так и своего коллектива. Здесь на одном уровне артисты в художественной форме дают аудитории знания об образе жизни, бытовавшем во времена седой старины, на другом – их руководитель Дандар Бадлуев преподаёт уроки народно-натурального вокала. И в самом деле, вбирая в себя опыт поколений, коллектив «Байкала», изучив родной материал, а это, по сути, родноведение, передаёт нынешнему поколению событийный ряд из глубинного прошлого и воссоздаёт эстетические представления наших далёких предков.

Этнопедагогика, основанная на комплексе воспитательно-познавательных мероприятий, проводимых вне школы [1], смыкается также с понятиями родноведения и патриотизма, означающих любовь к родине, или, как писал великий классик русской поэзии: «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». В случае же деятельности «Байкала» мы имеем дело с любовью к творческому наследию своего народа в виде проектов: «Угайм сүлдэ» («Дух предков»), «Мифы и легенды озера Байкал», «Эхо страны Баргуджин Тукум», «От монголов к моголам», вдохновлённых фольклорно-этнографическими материалами известных хранителей сказок и исследователей-краеведов. Составляющие их космогонические мифы, исторические предания, ульгэрные сказания, шаманские легенды носят назидательно-наставительный характер и также представляют педагогическую ценность, т.к. направлены на формирование личности, отвечающей национальному идеалу, или приближенной к нему.

Главные принципы педагогики: постепенность, доступность, наглядность, присущие в т.ч. и этнопедагогике, присутствуют в программах «Байкала». Окуная в далёкое прошлое, вышеозначенные спектакли способствуют усвоению национальной духовной культуры, выработанной во тьме веков, а также приобщают к социальным нормам и ценностям, накопленным длительным опытом народа.

Наглядным примером тому служит спектакль «Эхо страны Баргуджин Тукум» со сценическими уроками из далёкого прошлого: добывание нашими предками пропитания на массовой облавной охоте «аба хайдаг» на лоне природы. В него вплетены эпизоды метания арканов, победных мужские игр со скачкой воинов-наездников, стимулирующие физическое развитие молодёжи на фоне природы, воспитание у них смекалки и наблюдательности. Здесь же преподают знание свадебного обряда из помолвки с обменом кушаками будущих сватов или девичника с плачем и трогательным прощанием с родными. Теми же задачами проникнут показ погребения усопших сородичей с последующими молениями на родовом обоо из груды камней [2]. Не оказался в стороне от внимания постановщиков и легендарный персонаж из буддийской мистерии Белый старец Сагаан Үбгэн – носитель светлых деяний и помыслов.

Таким образом, идя по этнопедагогическому вектору, коллектив «Байкала» служит публике с удвоенной пользой: помимо эстетического удовольствия зритель приобретает и освежает знания из собственной истории.

Примечания

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: АCADEMA, 1999. 168 с.
2. Цибудеева Н. Монголосфера в музыкально-хореографическом преломлении государственного театра песни и танца «Байкал» // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2018. № 1(5). С. 92-95.
3. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 663 с.

Гудина А. В., Занегина Е. А., г. Улан-Удэ, Россия

Gudina A. V., Zanegina Ye. A., Ulan-Ude, Russia

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СОЛБОНА РИНЧИНОВА
В ФОНДАХ МУЗЕЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА №22 ОАО «РЖД»**

**SOLBON RINCHINOV'S CREATIVE HERITAGE IN THE
FUNDS OF THE MUSEUM OF BOARDING SCHOOL № 22
OF "THE RUSSIAN RAILWAYS" PLC**

В статье рассматриваются картины известного бурятского художника Ринчинова Солбон Раднаевича, представленные в фондах музея школы-интерната № 22 Открытого акционерного общества «Российские железные дороги».

The article considers the pictures of the famous Buryat artist Solbon Radnaevich Rinchinov presented in the funds of the museum of boarding school № 22 of the public limited company «The Russian Railways».

Ключевые слова: Ринчинов Солбон Раднаевич, изобразительное искусство, художник, картина, пейзаж, природа.

Keywords: Rinchinov Solbon Radnaevich, fine arts, artist, picture, landscape, nature.

«Люди, служившие другим, служившие по-умному, имевшие в жизни добрую и значительную цель, запоминаются надолго. Помнят их слова, поступки, их облик, их шутки, а иногда чудачества. О них рассказывают» [1]. Одним из таких людей является Ринчинов Солбон Раднаевич. Народный художник Бурятской АССР, Народный художник Российской Федерации, Член-корреспондент Российской академии художеств. Основатель художественного отделения Бурятского республиканского училища культуры и искусств.

Ринчинов С. Р. является автором более трехсот произведений изобразительного искусства, в которых отражены исторические события XVIII-XX вв., народные праздники и традиции республики, портреты замечательных деятелей республики.

Однако особое внимание привлекают произведения художника, на которых прослеживается тесная взаимосвязь человека и природы. И это не случайно, художник родился и вырос в улусе Хилгана, где горные вершины и перевалы, красота нетронутой природы, чистый воздух и целебные воды аршанов стали источником вдохновения для художника. Именно привязанность художника к родному краю – одна из ведущих тем его картин.

В картинах художника мы видим седые вершины гор и голубые воды озер, знойные, бескрайние степи Бурятии и зимние пейзажи, передающие протяженность и безмолвие земли. Полотна художника отражают силу и энергию природы и человека, неразрывно связанного с ней. Такие картины всегда притягивают взгляд, не оставляя зрителя равнодушным. Именно поэтому в 1990 г. Солбон Ринчинов стал лауреатом Государственной премии Республики Бурятия в области литературы и искусства за живописные работы «У родного очага» и «Жаворонок».

Картина «Жаворонок», написанная автором в 1979 г., находится в Художественном музее им. Ц.С. Сампилова. Искусствовед Инесса Соктоева так описывает произведение: «В картине «Жаворонок» изображен мальчик-подросток, лежащий на земле. Он запрокинул голову и устремил взгляд в небо. Его силуэт четко выделяется на фоне прозрачной голубизны воздуха. Полотно передает приподнято-эмоциональное состояние юноши, его упование светом, красками и звуками природы. В образе героя и художественном решении полотна выражена устремленность в неведомое будущее, его радостное предчувствие» [2, с. 6].

Именно в этой картине художник наиболее полно передал свою любовь к природе. Сам автор говорил: «Это самая космическая моя картина, гимн своей Родине». Возможно, именно поэтому автор сделал еще одну такую картину в 1988 г. под названием «Ранний жаворонок», которая и находится в школе-интернате № 22 ОАО «РЖД». 20 февраля 2020 г. в 6 «А» в рамках программы национально-регионального компонента для учителей Восточно-Сибирской железной дороги был проведен открытый классный час «Тайна старой картины. Страна ранних жаворонков», целью которого было познакомить с творчеством бурятского художника С. Р. Ринчинова, и в том числе с картиной «Ранний жаворонок». В про-

цессе мероприятия ученики составили короткое эссе, описывая свои впечатления и высказывая свои мнения по поводу изображения. Положительный эмоциональный настрой учеников, их желание разгадать картину, полученные знания непременно надолго сохранятся в памяти у ребят.

Однако в школе-интернате есть еще одно произведение Солбона Раднаевича Ринчинова. Картина «Дальние поезда» написана автором в 1988 г., на холсте, масляными красками. На переднем плане картины виден юный пастух, пасущий стадо овец. Рядом с ним его верный пес. Юноша стоит спиной к зрителям. Его фигура помогает нам сосредоточить свой взгляд на красоте и величественности весенней природы. В левой части картины виднеется поезд. Изображение поезда по диагонали передает в картине динамику и движение. В то же время призывает к размышлению о судьбе и будущем юного пастуха. В правой части картины извилистая, широкая, могучая Селенга, убегающая вдаль. Широкие просторы равнины, окруженные высокими, величественными горами, изображены через коричнево-зеленый, фиолетовый и голубые цвета. Нежное розово-голубое небо, подчеркивая красоту местности, создает впечатление бескрайности, бесконечности, величественности и красоты Бурятии.

Особый интерес к картине Солбона Ринчинова «Дальние поезда» возник в 2018 г. Именно в это время ученик 9 класса школы-интерната № 22 ОАО «РЖД» Красиков Андрей провел исследовательскую работу и выступил с сообщением: «История одной картины (Жизнь и творчество Солбона Раднаевича Ринчинова)» на школьной научно-практической конференции, познакомив ребят с творчеством самобытного бурятского художника.

Ринчинов Солбон Раднаевич – художник с собственным видением окружающего мира. Его произведения изобразительного искусства, в том числе картины «Ранний жаворонок» и «Дальние поезда», хранящиеся в школе-интернате № 22 ОАО «РЖД», формируют у современного поколения уважение к истории, культуре своего народа и красоте природы родного края.

Примечания

1. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. : Прогресс, 1992. 237,[1] с.
2. Солбон Ринчинов. Баргуджин Токум - край родимый / [авт. вступ. ст. И. И. Соктоева]. Улан-Удэ, 2006. 38 с.

СЕКЦИЯ III. КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАСЛЕДИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ

УДК [008+502](571.54)

Цыремпилова И. С., г. Улан-Удэ, Россия

Tsyrempilova I. S., Ulan-Ude, Russia

ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БУРЯТИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

NATURAL AND CULTURAL HERITAGE OF BURYATIA: MODERN RESEARCH EXPERIENCE

В статье представлен обзор основных результатов современных исследований, посвященных проблемам сохранения и использования природного и культурного наследия Бурятии. Разнообразие и уникальность объектов наследия, их особенности, современное состояние и потенциал стали объектом интереса ученых различных областей.

The article gives the review of the main results of the modern research devoted to the problems of conservation and usage of natural and cultural heritage of Buryatia. The richness and uniqueness of heritage objects, their peculiarities, current state and potential have become the objects of interest of the specialists in various fields.

Ключевые слова: природное и культурное наследие, объекты, памятники, Республика Бурятия, исследования, опыт.

Keywords: natural and cultural heritage, objects, monuments, the Republic of Buryatia, research, experience.

Одним из современных трендов является развитие научного знания, способствующего не только устойчивому социально-экономическому развитию территории, но и построению гармоничного и экологически благополучного общества. Это определяет необходимость комплексного изучения и разработки проблем сохранения природного и культурного наследия. Ведь профессио-

нальное сообщество, опираясь на имеющийся опыт, должно сформировать сбалансированную политику по отношению к наследию как совокупности объектов и явлений, имеющих особую ценность и значимость.

Сегодня концепт наследие рассматривается с различных сторон. При этом следует отметить, что современные ученые рассматривают и природное, и культурное наследие либо как взаимосвязанные компоненты, либо как самостоятельные. Каждая позиция имеет право на существование и определяется её содержательным наполнением. В настоящих условиях особое значение приобретает актуализация наследия как деятельность, направленная на его включение в социокультурный контекст. Культурное и природное наследие рассматривается как фундамент сохранения межпоколенческих связей и ресурс территориального развития, обладающий огромным информационным потенциалом.

Республика Бурятия представляет собой территорию, отличающуюся широким разнообразием объектов природного и культурного наследия (ОПиКН). Особенности географического положения, динамика миграционных процессов, специфика исторического развития региона способствовали формированию комплекса уникальных природных и культурных ценностей. Статус озера Байкал как объекта Всемирного природного наследия (ОВПН) подчеркивает не только его исключительную ценность, но и накладывает как на регион, так и на общество огромное количество ограничений и обязательств.

Практика изучения природы, истории и культуры на территории Западного Забайкалья начала складываться в ходе академических экспедиций XVIII века. На протяжении XIX-XX веков были достигнуты положительные качественные результаты, сформировавшие самостоятельные исследовательские направления. Современные ученые естественнонаучных и гуманитарных специальностей, опираясь на накопленный опыт предшественников, продолжают изыскания в области сохранения и освоения природного и культурного наследия Бурятии.

Озеро Байкал как объект ОВПН и Байкальская природная территория находятся под постоянным и пристальным вниманием ученых. Деятельность академических научных организаций, таких

как Лимнологический институт СО РАН, институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, институт земной коры СО РАН, институт геохимии им. А. П. Виноградова СО РАН, Байкальский институт природопользования СО РАН, институт общей и экспериментальной биологии СО РАН и др. направлена на комплексные междисциплинарные исследования Байкальского региона. В связи с этим в нашей работе вопросы, связанные с изучением Байкала, его охраной, подробно не будут рассматриваться.

Разделяя точку зрения доктора биологических наук А. А. Ананина о том, что «природное наследие включает особо охраняемые природные территории (ООПТ), биологическое разнообразие территории и уникальные природные объекты» [1, с. 645], представим основные результаты его изучения на материалах научных работ последних лет.

Среди наиболее известных работ, посвященных памятникам природы Бурятии, выделяются труды А.Б. Иметхенова [2; 3]. Будучи известным специалистом в области геоморфологии и эволюционной географии, геологии, биологии А. Б. Иметхенов разработал классификацию памятников природы Бурятии и Байкала и составил их аннотированный список. Существенным вкладом ученого в охрану окружающей среды стала разработка концепции об особо охраняемых природных территориях, где были определены основные принципы отбора природных объектов в качестве охраняемых территорий [4]. Одна из работ ученого посвящена изучению природных культовых объектов Байкала, в которой была предложена авторская типизация священных мест (от культовых гор до почитаемых деревьев – долгожителей) [5].

Работы Е. В. Кислова «Памятники природы (на примере Западного Забайкалья)», «Памятники природы Северо-Байкальского района», «Памятники природы Кяхтинского района», «Памятники природы Тункинского национального парка» [6-9] наряду с рассмотрением общих вопросов теории и методологии сохранения памятников природы дают описание конкретных объектов в пределах обозначенных административно-территориальных образований. В этих работах была дана общая характеристика объектов, их особенностей, собран материал о видах животных и растений, включенных в «Красные книги» РФ и РБ.

В 2018 году эта тематика нашла продолжение в научно-популярном издании «Памятники природы Республики Бурятия» [10]. Наряду с общими теоретическими вопросами, историческим экскурсом в становление и развитие охраны памятников природы, в книге представлена систематизированная и актуальная информация по ботаническим, водным, геологическим, зоологическим, ландшафтным, природно-историческим памятникам Бурятии, а также по перспективным объектам. Согласимся с мнением авторов о том, что работа обязательно найдет будущих исследователей и, безусловно, будет способствовать дальнейшей популяризации уникальных и бесценных природных объектов, которые являются визитной карточкой республики. В целом отметим, что поставленные авторские задачи были реализованы, обобщающий материал и качественные фотографии позволят читателю получить целостное представление о богатстве природы республики.

В связи с изменениями в природоохранном законодательстве, одним из нерешенных продолжает оставаться вопрос о точном количестве памятников, также требует постоянного мониторинга их состояние. Сегодня, согласно официальной информации, в Бурятии имеется 226 памятников природы, из которых 19 ландшафтных, 82 геологических, 111 водных, 25 ботанических, 9 зоологических, 20 природно-исторических [11]. Это разнообразие позволяет современным исследователям изучать историю и состояние памятников природы на отдельных территориях, рассматривать вопросы сохранения и трансляции природного наследия различными способами и др. [12-14].

В последнее двадцатилетие активно разрабатывается как самостоятельное исследовательское направление – объекты природного и культурного наследия Бурятии в развитии туризма. Эта тема стала своего рода мейнстримом научных мероприятий самого различного уровня, объектом ряда кандидатских и докторских диссертационных исследований [15-20]. Востребованность данной проблематики обусловлена тем, что благодаря уникальному сочетанию природных богатств и культурных ценностей Бурятии сегодня туризм рассматривается как стратегическое направление социально-экономического развития региона. Среди всех видов особое значение отводится развитию экологического туризма как ответ-

ственного путешествия в природные территории, базирующегося на принципах устойчивого развития. Этот вопрос рассматривается учеными с различных сторон: нормативно-правовое регулирование [21], как одно из направлений деятельности системы особо охраняемых природных территорий, в т.ч. заповедников и национальных парков [22; 23], изучение и популяризация биоразнообразия региона [24; 25] и др.

Одной из актуальных задач является инвентаризация и учет объектов культурного и природного наследия. В изучении этого вопроса имеется положительный исследовательский опыт в части картографирования территорий. Исследователи Д. А. Батуев, В. Е. Гагин, Н. В. Котельникова и др., учитывая многообразие, уникальность и научную значимость ОПиКН, предложили методику их цифрового картографирования [26-28].

С целью продвижения региона в глобальном пространстве серьезное внимание уделяется теме интеграции информационных ресурсов об объектах культурного и природного наследия Бурятии. Это обусловлено необходимостью повышения качества и уровня цифрового контента, предоставления полной и достоверной информации. При этом накопленный научными организациями, учреждениями образования и культуры большой объем ресурсов, хранящихся в неоднородных независимых источниках, требует разработки и внедрения универсальных информационных систем, направленных на поиск, сбор и анализ информации об объектах наследия [29-31].

Что касается исследовательского опыта по изучению богатейшего культурного наследия Бурятии, то нами ранее предпринимались попытки анализа и обобщения его основных результатов [32; 33]. В настоящее время научному сообществу необходимо акцентировать внимание на имеющихся лакунах и так называемых «белых местах» не только в изучении, но и в освоении и сохранении культурного наследия.

Одними из наиболее важных продолжают оставаться вопросы разработки подходов и методологической базы культурного наследия, его категориально-понятийного аппарата. Продолжающиеся дискуссии, обсуждения ученых и практиков имеют не только теоретическое значение, но и несомненную практическую востре-

бованность. При этом отметим, что многообразие и вариативность определений свидетельствуют о широте исследовательского поля и подтверждают фундаментальное значение культурного наследия как «всей совокупности предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность». Под культурным наследием понимаются предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в предшествующие эпохи, и нематериальные ценности (языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира), выработанные этнической культурой и тесно сопряженные с природной средой.

Обмен мнениями специалистов по различным аспектам изучения, интерпретации и использования культурного наследия, активизации его социокультурной роли как ресурса является целью научных мероприятий, проводимых в последние годы научными и образовательными учреждениями Бурятии. Среди наиболее крупных выделим: «Этнокультурное наследие Сибири и туризм: проблемы и перспективы» (2015 г.), «Наследие – музей – туризм: мифы и современные реалии» (2016 г.), «Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации» (2018 г.), «Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития» (2019 г.), «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество» (2019 г.), «Эпос «Гэсэр» – духовное наследие народов Центральной Азии» (2020 г.) и др.

К бесспорным достижениям и показателям эффективного сотрудничества органов государственной власти, ученых и практиков следует отнести подготовку и издание «Свода объектов культурного наследия Республики Бурятия»: «Памятники архитектуры и истории» (Т. 1, 2010 г.), «Памятники археологии» (Т. 2., 2011 г.); фотоальбома «Храмы Бурятии» (2014 г.), научно-популярных изданий: «Тамчинский дацан» (2015 г.), «Воскресенская церковь в Кяхте» (2017 г.). Наряду с этими работами свой вклад в популяризацию культурного наследия вносят экскурсионные путеводители [34-36], каталоги музеев, справочные издания, альбомы. Так, Кяхтинским краеведческим музеем были опубликованы: альманах «Кяхтинская старина» (2009

г.), совместно с Национальным музеем РБ альбом «Чайный путь в коллекциях музеев Бурятии» (2011 г.), научно-популярное издание «НеобыЧАЙная Кяхта» (2013 г.), «Кяхтинский краеведческий музей имени академика В. А. Обручева. Коллекции» (2015 г.). В последние годы Национальный музей РБ подготовил к изданию каталоги : «Путь воина» (2014 г.), «Полет дракона. Степной шелковый путь» (2018 г.), альбомы к 350-летию города «Улан-Удэ – любовь моя» (2016 г.), «Бурятский традиционный костюм» (2017 г.), «Союз художников Бурятии. К юбилею» (2018 г.), «Художники Бурятии о Великой Отечественной войне» (2020 г.) и др.

Сегодня сложным вопросом, требующим государственной поддержки, является проведение технической и историко-культурной экспертизы объектов культурного наследия для оценки их технического состояния, особенно это касается памятников архитектуры. Наличие на территории Бурятии свыше 700 объектов археологического наследия, их постоянное выявление, перспективы и возможности их музеефикации требуют комплексного подхода, где важное значение имеет подготовка квалифицированных специалистов.

В Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. №808, в качестве одной из задач определена «поддержка и развитие инициатив граждан по участию в этнографических, краеведческих и археологических экспедициях, в работе по выявлению, изучению и сохранению объектов культурного наследия». В связи с этим, актуализацию природного и культурного наследия можно рассматривать как приоритетную задачу, как один из факторов формирования национальной идеологии и роста самосознания местного сообщества, повышения его заинтересованности в сохранении традиционной культуры и памятников, представляющих ценность для людей из разных стран и регионов. Все это требует совершенствования организационных, экономических и правовых механизмов, разработки региональных моделей освоения и популяризации объектов наследия.

Примечания

1. Ананин А. А. Природное наследие Байкальского региона как туристский ресурс // Байкальские встречи – VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. 11-13 сент. 2014 г. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2014. С. 645-656.

2. Иметхенов А. Б. Памятники природы Байкала. 2-е изд. Улан-Удэ : Буряад Унэн, 2002. 169 с.

3. Иметхенов А. Б. Природные достопримечательности Восточного Саяна. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2015. 162 с.

4. Иметхенов А. Б., Тулохонов А. К. Особо охраняемые природные территории Бурятии. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1992. 152 с.

5. Иметхенов А. Б. Природное и культовое наследие озера Байкал // Научные труды государственного природного заповедника «Присурский». 2015. Т. 30, Вып. 2. С. 164-169.

6. Кислов Е. В. Памятники природы (на примере Западного Забайкалья). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. 180 с.

7. Кислов Е. В. Памятники природы Северо-Байкальского района. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. 104 с.

8. Кислов Е. В. Памятники природы Кяхтинского района. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. 73 с.

9. Кислов Е. В. Памятники природы Тункинского национального парка. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. 73 с.

10. Мещеряков С. А., Иметхенов А. Б., Иметхенов О. А. Памятники природы Республики Бурятия. Улан-Удэ : Респ. тип., 2018. 184 с.

11. Особо охраняемые природные территории // Республика Бурятия : офиц. портал. URL: https://egov-buryatia.ru/about_republic/geografic-and-weather/osobo-okhranyaemye-prirodnye-territorii (дата обращения: 11.12.2020).

12. Мишакова О. Э., Сартакова А. В. Из истории становления и развития музеев природы при ООПТ Республики Бурятия // Байкальские встречи – IX: Этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона :

материалы междунар. науч.-практ. конф. 14-17 сент. 2016 г. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2016. С. 516-526.

13. Ваганова Е. В. Природное и культурное наследие с. Большая Речка Кабанского района Республики Бурятия: история и современное состояние // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2017. № 3(3). С. 15-22.

14. Бураева С. В., Мурзинцева А. Е. Культурное и природное наследие в академическом музее на востоке России // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, г. Барнаул, 24-26 сент. 2020 года. Барнаул : АлтГПУ, 2020. С. 21-25.

15. Мужанова О. А. Государственное регулирование развития туризма в Байкальском регионе (на примере Республики Бурятия) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000. 24 с.

16. Чимитов Б. З. Экологический туризм как фактор приобщения людей к ценностям природного и культурного наследия (на материалах Республики Бурятия) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2006. 25 с.

17. Батоцыренов Э. А. Географические особенности развития активного туризма в Республике Бурятия : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Улан-Удэ, 2010. 22 с.

18. Барлукова А. В. Территориальные особенности управления развитием этнического туризма (на примере Республики Бурятия) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Сочи, 2012. 23 с.

19. Васильева Д. Д. Старообрядчество в развитии религиозного туризма Бурятии: конец XX - начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2013. 26 с.

20. Максанова Л. Б.-Ж. Совершенствование системы государственного регулирования устойчивого развития туризма : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2017. 37 с.

21. Ангаев Б. Д. Эколого-правовое обеспечение охраны Байкальской природной территории : автореф. дис. ... канд. юридич. наук. М. ; Улан-Удэ, 2008. 26 с.

22. Абалаков А. Д. Заповедники и национальные парки Байкальского региона в свете современной концепции развития

системы особо охраняемых природных территорий России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2012. Т. 5, № 1. С. 16-37.

23. Байкал как участок Всемирного природного наследия: 20 лет спустя : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году экологии, Году особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации, 60-летию Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2017. 264 с.

24. Красная книга Республики Бурятия. Редкие и исчезающие виды животных. 2-е изд., перераб. и доп. Улан-Удэ : ИнформПолис, 2005. 328 с.

25. Красная книга Республики Бурятия. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов / отв. ред. Н. М. Пронин. Изд. 3-е, перераб. и доп. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2013. 688 с.

26. Батуев Д. А. Разработка и создание комплексной картографической модели природопользования региона (на примере Республики Бурятия) : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

27. Гагин В. Е. Разработка методики создания цифровых карт природного и культурного наследия территорий (на примере административного района Республики Бурятия) : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2013. 24 с.

28. Котельникова Н. В., Олзоев Б. Н., Гагин В. Е. Электронные карты рекреации и туризма территорий Байкальского региона // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. Т. 1., № 2. С. 113-118.

29. Арбатская О. А., Бардунаев В. Ю. Интеграция мультимедийных ресурсов объектов природного и культурного наследия Восточной Сибири и Монголии на основе веб-портала // Культурное пространство и культурная среда Восточной Сибири и Монголии как фактор развития человеческого капитала : материалы V междунар. симпозиума. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2014. С. 194-201.

30. Батуева Э. Б., Миронова Л. В. Проблемы интеграции информационных ресурсов по объектам историко-культурного наследия Республики Бурятия // Инновационное развитие:

ключевые проблемы и решения : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 8 дек. 2015 г. Казань, 2015. Ч. 2. С. 218-223.

31. Батуева Э. Б., Миронова Л. В. Применение системного подхода при систематизации и поиске информационных ресурсов об объектах культурного и природного наследия // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2017. № 2(2). С. 87-93.

32. Цыремпилова И. С. Культурное наследие Бурятии в современных региональных исследованиях // Байкальские встречи – X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., 20-22 сент. 2018 г., Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2018. С. 230-243.

33. Цыремпилова И. С. Объекты культурного наследия Республики Бурятия в современной региональной гуманитаристике // Власть. 2018. Т. 26, № 8. С. 141-147.

34. Улан-Удэ : путеводитель. Улан-Удэ : Экос, 2009. 96 с.

35. Экскурсионные маршруты Республики Бурятия / Протопопова И. В., Соболева Ю. Е., Цыремпилова И. С., Шагжина З. А. Иркутск : Репроцентр, 2011. 212 с.

36. Бреславский А. С. Улан-Удэ : путеводитель по знаковым местам и истории города. Иркутск : Оттиск, 2019. 148 с.

УДК 502-051(438)+94(571.5)(=162.1)«19»

Семенов Е. В., г. Улан-Удэ, Россия

Semenov Ye. V., Ulan-Ude, Russia

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА ПОЛЬСКИМИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

**MAIN DIRECTIONS OF STUDYING THE NATURE OF THE
BAIKAL REGION BY THE POLISH RESEARCHERS IN THE
SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

В статье рассматриваются направления научно-исследовательской деятельности польских ученых – ссыльных

участников польского восстания 1863-1864 гг. Автор останавливается на характеристике деятельности Б.И. Дыбовского и И.Д. Черского. Б.И. Дыбовский проявил себя в изучении флоры и фауны Забайкалья и оз. Байкал. Благодаря исследованиям Б.И. Дыбовского была пересмотрена теория о биологическом разнообразии Байкала. И.Д. Черский занимался изучением геологии и орографии Байкальского региона.

The article considers the directions of the research activities of the Polish scientists – exiled participants of the Polish uprising of 1863-1864. The author dwells on the characteristics of B.I. Dybowski and I.D. Chersky. B.I. Dybowski showed himself in studying flora and fauna of Transbaikalia and Lake Baikal. Thanks to B.I. Dybowski's research, the theory of the biological diversity of Lake Baikal was revised. I. D. Chersky studied the geology and orography of the Baikal region.

Ключевые слова: Дыбовский Б.И., Черский И.Д., польские исследователи, Байкальский регион, озеро Байкал.

Keywords: Dybowski B.I., Chersky I.D., the Polish researchers, the Baikal region, Lake Baikal.

Уникальная природа Байкальского региона и ее основной объект – озеро Байкал на протяжении многих лет вызывал интерес российских и зарубежных исследователей. Особое место в плеяде исследователей природы региона занимают польские ученые, изучавшие Байкал и Прибайкалье в 60-70-е гг. XIX в.

Вопросы изучения научной деятельности польских исследователей в Сибири рассматривались как российскими, так и польскими учеными. В рамках настоящей статьи рассматриваются основные направления научно-исследовательской деятельности польских ученых на территории Байкальского региона, а также конкретизируются некоторые моменты, связанные с организацией и проведением научных исследований поляков в Сибири.

Период каторжных работ и поселения в Сибири сыграл большую роль в становлении и формировании научных интересов ряда польских политических ссыльных второй половины XIX в. Наиболее известными польскими исследователями, оказавшимися в Сибири в рассматриваемый период, являются Б.И. Дыбовский, А. Годлевский, А.Л. Чекановский, И.Д. Черский и многие другие. В

статье будет охарактеризована научно-исследовательская деятельность Б.И. Дыбовского и И.Д. Черского.

В области изучения флоры и фауны Байкальского региона наибольшие заслуги принадлежат Б. Дыбовскому. Уже находясь на каторге в Забайкалье, он предпринимает первые попытки проведения систематических исследований природы региона. Имея возможность выбора характера работ в Сивяковском тюремном помещении, всегда стремился пойти на такие работы, которые давали возможность собрать полевой материал для изучения флоры и фауны региона [5, с. 86].

Формально находясь на каторге, фактически Б. Дыбовский обладал значительной свободой перемещения и был направлен в Дарасун для организации санатория при минеральных источниках. К тому времени Дарасунские минеральные воды становятся предметом пристального внимания областной администрации, планировавшей сделать их здравницей областного значения. В Дарасуне ученый занимался сбором образцов забайкальской фауны и проводил исследования в области систематизации. Здесь исследователь рассчитывал на сотрудничество с другим польским ссыльным Александром Чекановским, который также прибыл на каторжные работы в Забайкалье. По объективным причинам А. Чекановский более ориентировался на сотрудничество с российскими научными центрами, в отличие от Б. Дыбовского, который поддерживал контакты с польскими исследователями [4].

Большой свободой Б. Дыбовский пользовался после освобождения от каторжных работ и выхода на поселение на основании манифеста от 25 мая 1868 г. Планируя продолжить исследование фауны Забайкалья и Приамурья, просил разрешение проживать в этом регионе, на что получил отказ и рекомендацию заняться изучением фауны Байкала. Местом проживания исследователь выбрал д. Култук, расположенную в южной оконечности оз. Байкал [6, с. 306]. В Култуке Б. Дыбовский провел четыре года. В этот период им были проведены исследования фауны Байкала, результаты которых опровергали существовавшие до того ошибочные представления о бедности животного мира озера. Им были открыты и исследованы эндемичные виды байкальской ихтиофауны. К числу наиболее интересных эндемиков Байкала, исследованных Б. Ды-

бовским, следует отнести большую (*Comephorus baikalensis*) и малую (*Comephorus dybowskii*) голомянку [6, с. 407]. Ученый также провел исследование уникальной фауны амфипод, обитающих в Байкале и выступающих эндемичными видами. По результатам исследований ученый условно разделил фауну Байкала на две части: *сибирскую*, которая была представлена видами, обитающими в других водоемах Сибири, и *эндемичную*, представленную видами, встречающимися только в Байкале.

Сам исследователь следующим образом оценивал ситуацию, в которой оказался в Култуке, начиная исследование Байкала: «Редко кто из исследователей оказывался в таком положении к изучаемой фауне, в каком положении мы оказались тогда по отношению к фауне Байкала: каждая прорубь преподносила новые формы, все более интересные и все более оригинальные. Разнообразие форм, красота цветов покрытия тела, причудливость вооружения и т.п., все это нужно было точно исследовать, оценить, измерить, обчислить и из всего хаоса разнообразных данных создать прозрачную схему для возможности дальнейшей работы в исследовании все более новых форм» [6, с. 316].

Кроме изучения фауны Байкала Б. Дыбовский проводил исследования физико-географического состояния озера. В зимний период он, совместно с В. Годлевским, проводил замеры глубины озера в его южной оконечности. Ученый проводил наблюдения за температурным режимом воды озера.

Период жизни и деятельности Б. Дыбовского в Култуке явился наиболее продуктивным для изучения зоологии и зоогеографии Восточной Сибири. Свои исследования Б. Дыбовский проводил при тесном сотрудничестве с Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества. Достижения Б. Дыбовского в области изучения были отмечены научным сообществом, и Русское географическое общество наградило его золотой медалью [1, с. 28]. Было даже предложено добавить к его фамилии приставку «Байкальский», однако Бенедикт Иванович отказался.

По результатам исследования флоры и фауны Байкальского региона Б. Дыбовским, в соавторстве с В. Годлевским, был опубликован ряд научных статей и работ: «Исследование голомянки» (1870), «Ихтиологические и другие естественноисторические ис-

следования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского» (1870), «Материалы для зоогеографии Восточной Сибири» (1872), «Гаммариды озера Байкал» (1875), «Рыбы озера Байкал» (1876) и др.

Другой польский исследователь, Иван Дементьевич Черский, в рассматриваемый период занялся изучением геологии Восточной Сибири. В рамках данной статьи мы остановимся на характеристике его научно-исследовательской деятельности в Прибайкалье.

В отличие от Б.И. Дыбовского, И.Д. Черский не обладал серьезными научными знаниями на момент ссылки в Сибирь. Участие в восстании он принял в молодом возрасте. По приговору трибунала в возрасте 18 лет он был отправлен в один из сибирских батальонов. Первоначально находился на службе в Омске, здесь же познакомился с известным российским исследователем и путешественником Г.Н. Потаниным. Именно встреча с Г.Н. Потаниным сыграла значительную роль в жизни будущего исследователя природы Сибири [2, с. 10]. В 1869 г. Черский был освобожден от службы. Проживая некоторое время в Омске, он погрузился в самообразование и в скором времени овладел знаниями в области зоологии и геологии.

В 1871 г. И.Д. Черский был приглашен в Иркутск для работы в Восточно-Сибирском отделе Российского географического общества. Здесь он занялся систематизацией музейных коллекций, а позднее становится консерватором краеведческого музея, а также библиотекарем ВСОРГО. В Иркутске И.Д. Черский получил помощь и поддержку от своих земляков и товарищей по ссылке [6, с. 425].

И.Д. Черский не являлся камерным исследователем, полученные знания в геологии, зоологии и палеонтологии он стремился проверить на практике. Прибыв в Иркутск, он уже в 1873 г. отправляется в свою первую научную экспедицию. Целью исследования явились Тункинские и Китойские гольцы, являвшимися на тот момент наименее исследованной частью Байкальского региона. Исследование этого района было продолжено в последующие годы, вплоть до 1876 года.

На протяжении четырех лет, в период 1877-1880 гг. И.Д. Черский, по поручению ВСОРГО, провел серьезное обследование геологического строения береговой линии озера Байкал. Результатом этого многолетнего исследования явились ежегодные отчеты, опубликованные в Известиях ВСОРГО, подробная геологическая карта побережья Байкала, а также 16 реперных засечек, высеченных собственноручно ученым в труднодоступных местах, на отвесных скалах.

Реперные засечки, чаще всего называемые «засечками Черского», представляют собой памятник науки на Байкале. По мысли исследователя они должны были фиксировать изменение уровня воды в озере Байкал, а также вековых поднятий и опусканий байкальских берегов [3].

В середине 80-х гг. XIX в. И.Д. Черский покинул Иркутск и переехал в Петербург, где продолжил заниматься обработкой и систематизацией накопленных материалов. Тем не менее, он не порвал с Сибирью и совершил еще ряд экспедиций. Из своей последней экспедиции он не вернулся.

По словам Б.И. Дыбовского, И.Д. Черский «в областях, охваченных своими исследованиями, стал на таких высотах, на которые нелегко подняться даже не самоучкам» [6, с. 425].

Оказавшись в совершенно новых и непривычных условиях, не все польские ссыльные смогли адаптироваться к этим условиям, а тем более активно включиться в общественную, культурную и научную деятельность. Наиболее яркими примерами на этом фоне выступают Б.И. Дыбовский, А.Л. Чекановский и И.Д. Черский.

Научные работы польских исследователей природы Байкальского региона, и в особенности озера Байкал, носили широкий характер и в большинстве своем являлись пионерскими.

Заслуги Б.И. Дыбовского в исследовании фауны Байкала были высоко оценены его современниками и до настоящего времени являются актуальными для науки. Научные исследования геологии, зоологии и палеонтологии Байкальского региона и Восточной Сибири И.Д. Черским раскрыли во многом основные этапы формирования и геологического устройства Байкальского региона.

Примечания

1. Винкевич Г. А. Б. И. Дыбовский: (Основные этапы жизни и деятельности). Иркутск, 1961. 59 с.
2. Черский И. Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1956. 370 с.
3. Иметхенов А. И., Снытко В. А., Щипек Т. Засечки Ивана Дементьевича Черского как памятник истории науки // *Acta Geographica Silesiana*. 2015. № 18. С. 11-18.
4. Семенов Е. В. Бенедикт Дыбовский в Забайкалье в 1865-1868 годы // *Гуманитарный вектор*. 2019. Т. 14, № 6. С. 81-86.
5. Brzęk G. Benedykt Dybowski. *Życie i dzieło*. Warszawa-Wrocław, 1994. 396 s.
6. *Pamiętnik dra Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878*. Lwów, 1930. 627 s.

УДК 316.77(571.54-25)

Затеева Н. А., Татарова С. П., г. Улан-Удэ, Россия

Zateeva N. A., Tatarova S. P., Ulan-Ude, Russia

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ УЛАН-УДЭ О ВЛИЯНИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

THE OPINION OF ULAN-UDE POPULATION ON THE INFLUENCE OF MASS MEDIA

В статье рассматривается отношение современного населения к средствам массовой информации. Основываясь на результаты социологического исследования, авторы приводят оценки жителей г. Улан-Удэ, констатируют рост недоверия населения к СМИ.

The article examines the attitude of the modern population to the media. On the basis of the sociological study results, the authors give the assessments of the residents of Ulan-Ude, state the growing distrust of the population towards mass media.

Ключевые слова: средства массовой информации, общественное сознание, общественное мнение, коммуникация, информация.

Keywords: mass media, public consciousness, public opinion, communication, information.

На сознание, формирование системы ценностей населения оказывает влияние комплекс различных факторов, одним из которых является совокупность информации, поступающей из различных источников. Устная речь, книги, пресса, телевидение, радио, сеть Интернет – каждый из коммуникационных каналов оказывает влияние на процесс формирования общественного мнения. В общественном мнении фиксируется позиция, присущая большинству по отношению к определенной проблеме в данный момент времени. Общественное мнение выступает одним из механизмов социального взаимодействия, так как коллективные оценки, суждения, общая позиция необходимы для принятия решений и преодоления проблем социума. «В структуру общественного мнения входят массовые настроения, эмоции, чувства, а также формализованные оценки и суждения» [1]. Средства массовой информации (далее – СМИ) оказывают непосредственное влияние на выработку общественного мнения, общественное сознание в целом. Значительная роль СМИ обусловлена тем, что информационные продукты и каналы на современном этапе не только отражают, но и формируют социальную реальность.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) осуществляет мониторинг доверия россиян к СМИ. Уровень доверия к СМИ как институту и к отдельным информационным каналам низкий, хотя еще в 2015 г. большинство россиян считали получаемую информацию достоверной. Предпочтение отдавали телевидению и радио (76 %), печатной прессе и Интернету доверяли немного меньше (69 %) [1]. В течение следующих лет произошел отказ от радио в пользу Интернета, электронные площадки все увереннее набирают популярность у пользователей. Согласно данным ВЦИОМ, телевизионные программы как источник новостей в 2015 г. предпочитали 62 % россиян, в 2017 г. этот показатель снизился до 52 %. Новостные интернет-ресурсы, напротив,

отвоевали аудиторию с 22 % до 32 % за указанный промежуток времени [2].

Другим показателем отношения к СМИ выступает индекс доверия, который определяется как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы следующим средствам массовой информации?». Чем выше полученная разность в диапазоне от 100 до 100 пунктов, тем больше доверия оказывается тому или иному средству массовой информации [2]. Индекс доверия изменился соответственно выбору источника информации. В 2017 г. индекс доверия телевидению составлял 42 пункта, тогда как в 2012 г. он был равен 58 пунктам, в 2015 – 53.). В то же время индекс доверия новостным и аналитическим сайтам вырос с 7 до 11 пунктов с 2015 по 2017 гг. (ранее этот источник не указывался при исследованиях ВЦИОМ) [2].

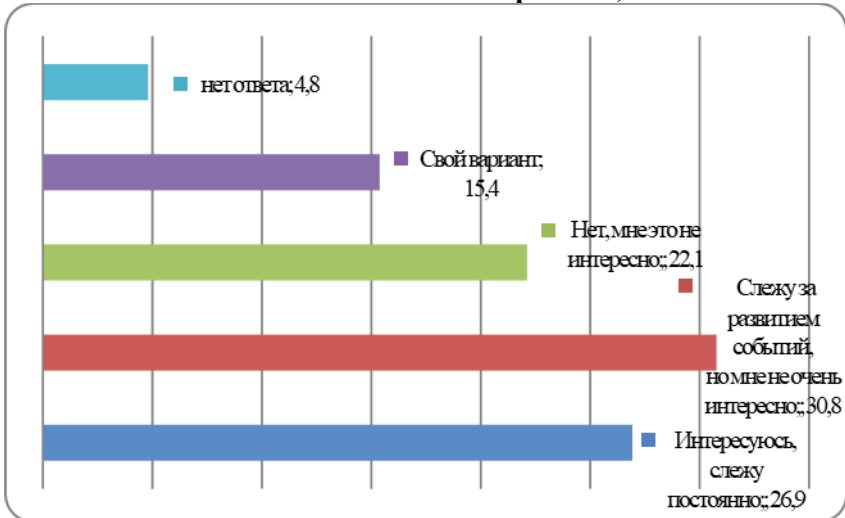
В настоящее время снижается уровень доверия россиян к СМИ в целом. В течение 2020 г. этот показатель потерял 9 позиций. Индекс одобрения деятельности СМИ в августе 2020 г. составил 6 единиц. Для сравнения, индекс доверия Российской армии составляет 71 пункт, правоохранительным органам и политическим партиям – 19 и 0 соответственно [3].

Опираясь на результаты социологического исследования, проведенного авторами в феврале-марте 2020 г. среди населения г. Улан-Удэ, определим отношение современных горожан к средствам массовой информации и их месту в социальной жизни.

Важнейшая функция масс-медиа, их назначение – давать объективную информацию, на основе которой можно составить реальную картину настоящего, обеспечивать свободу мысли и слова, право публично выражать свои мысли, отстаивать собственную гражданскую позицию [4, с. 8]; осуществлять контроль за работой различных ветвей власти, поднимать актуальные вопросы, следить за решением важных проблем. СМИ играют также важную роль в формировании сознания, культуры и поведения людей [5, с. 17]. Согласно результатам опроса, более половины опрошенных (57,7 %) по совокупности ответов утвердительно ответили на вопрос о том, следят ли они за развитием событий в стране. В диаграмме 1 приведены полученные данные по этому вопросу.

Диаграмма 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Интересуетесь ли Вы тем, как развивается политическая и экономическая жизнь нашей страны?», в %

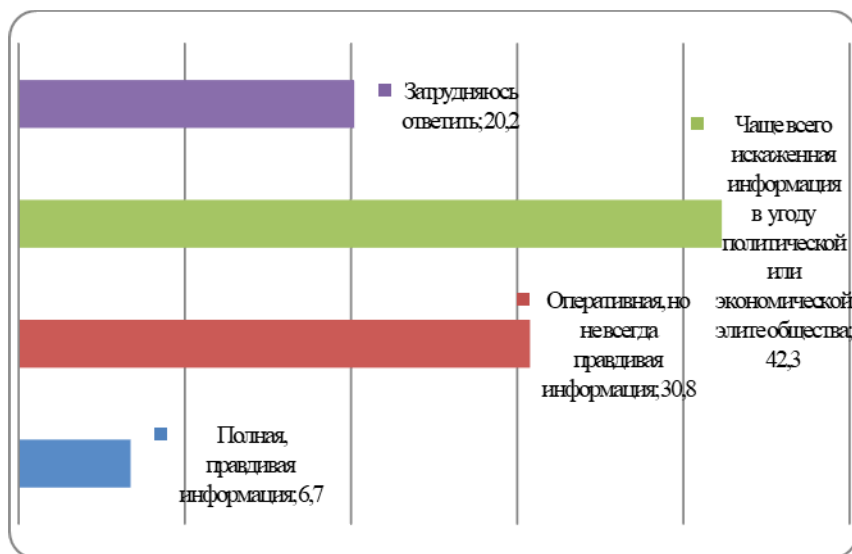

Независимо от того, какой из информационных каналов предпочитает каждый человек, горожане узнают новости преимущественно из СМИ. Приведенные выше ответы демонстрируют определенное недоверие к информационным продуктам. Так, часть респондентов, следящих за новостями, отметили, что делают это без особой заинтересованности. Естественно предположить, что это связано с отношением к качеству информации, предоставляемой различными СМИ. Полученные ответы подтверждают данную гипотезу (см. диаграмму 2). Лишь 6,7 % опрошенных считают правдивой информацию, транслируемую СМИ. 30,8 % отмечают оперативность доведения информации до населения, но ставят под сомнение её достоверность. Современные исследователи отмечают, что манипуляционные методы, применяемые СМИ, зачастую направлены на искаженное представление информации, а события и факты интерпретируются в нужном для авторов (заказчиков) свете, навязывая обществу нужную мысль и настраивая на ответные действия [5]. Отношение к информации зависит от формы ее подачи. Так, визуальный контент вызывает больше доверия у зрителей,

чем печатный или аудиоформат, так как задействует разные органы чувств. Другим аспектом, влияющим на восприятие, является тематика информационного материала. По мнению россиян, непредвзятыми являются новостные материалы о природных катаклизмах (70%), а также деятельности главы государства (55%) и положения России на мировой арене (51%), значительно реже верят в объективность при освещении положения дел в экономике, деятельности оппозиции и других тем [2]. Наиболее распространённой среди населения г. Улан-Удэ точкой зрения является позиция о политической ангажированности информационных каналов, их зависимости от источников финансирования (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

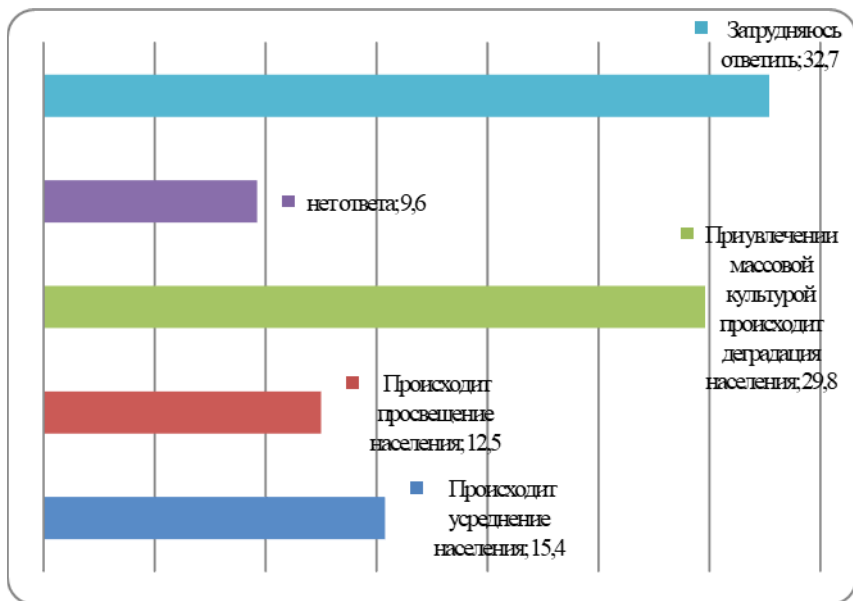
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете качество информации, получаемой через средства массовой информации?», в %

Негативное отношение к СМИ, присущее современному обществу, обусловлено не только качеством и достоверностью получаемой информации. Еще одним аспектом формирования данной оценки является представление о разрушительном влиянии развле-

кательного контента, продуктов массовой культуры на сознание. В диаграмме 3 отражено, что ответы 45,2 % респондентов имеют негативную окраску, у 32,7 % вопрос вызвал затруднения, около 10 % отказались дать ответ. Таким образом, позитивные оценки оказались минимальны. 29,8 % среди опрошенных нами жителей Улан-Удэ считают, что увлечение массовой культурой ведет к деградации, 15,4 % высказали мнение, что происходит «усреднение населения». Лишь 12,5 % отметили просветительную роль информационной продукции.

Диаграмма 3
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, массовая культура (реклама, средства массовой информации, мода) влияет на население?», в %

Таким образом, мнение жителей г. Улан-Удэ о средствах массовой информации соотносится с ростом недоверия к информационным продуктам различных источников в целом по стране. Негативные оценки вызваны демонстрацией со стороны СМИ под-

держки позиции власти, политической элиты, противоречивых социальных реформ и изменений в законодательстве. Преследование оппозиционных журналистов и каналов, закрытие программ, предлагающих альтернативный взгляд, сокращает диапазон мнений. Не получая со стороны СМИ достоверной и объективной информации, не находя контента, отвечающего потребностям, аудитория СМИ отказывается от традиционных каналов (телевидение, печатная пресса, радио) в пользу подкастов, блогов, программ в сети Интернет.

Примечания

1. Суханова Т. Н. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Пермь, 2015. URL: <https://elis.psu.ru/node/322856> (дата обращения: 29.09.2020).

2. Интернет против телевидения: битва продолжается : анализ. обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 29.09.2020).

3. Деятельность общественных институтов : рейтинги и индексы ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov (дата обращения: 29.09.2020).

4. Городенко Л. М. Средства массовой информации в контексте общественного мнения: формирование, функционирование, жанровые приёмы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2003. 12 с.

5. Ильченко Д. А., Майкова В. П. Влияние СМИ и Интернета на формирование общественного сознания в современной России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 17-25.

Дементьева В. В., г. Улан-Удэ, Россия

Dementyeva V. V., Ulan-Ude, Russia

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

BUSINESS CULTURE: DEFINITION AND ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE NOTION

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию деловой культуры. Дается определение понятия деловой культуры как неотъемлемой составляющей предпринимательской деятельности. Раскрываются сущностные характеристики деловой культуры. Подчеркивается приоритет ценностно-нормативного содержания деловой культуры.

The article considers various approaches to the study of business culture. The article defines the concept of business culture as an integral part of business activity. Its essential characteristics are revealed. The content of business culture from the point of values and norms is emphasized.

Ключевые слова: деловая культура, культура, предпринимательство, ценности, нормы.

Keywords: business culture, culture, entrepreneurship, values, norms.

Проблема изучения деловой культуры в современной научном дискурсе связана с возрастающей ролью мировой экономики, расширением международных отношений в сфере бизнеса, активным внедрением новых приемов и методов ведения деловых переговоров с учетом особенностей национальных культур.

Понятие «деловая культура» появилось в конце 50-60-х гг. прошлого столетия в связи с решением практических задач и теоретическим осмыслением данного явления и зачастую рассматривалось в контексте организационной, корпоративной или профессиональной культур. Такая тенденция сохраняется в научной литературе и сегодня. Тем не менее, развитие и формирование в России

нового социального слоя – предпринимателей – актуализировало и детерминировало исследования, направленные на раскрытие сущности деловой культуры, определении ее структурных компонентов, функций, уровней, видов и ценностных доминант.

Обратимся к уточнению категориально-понятийного аппарата исследования деловой культуры.

И. М. Невлева относит появление деловой культуры к индустриальному и постиндустриальному обществам и связывает ее, прежде всего, с процессом самомотивирования и самоорганизации людей, направленный на более эффективный способ получения прибыли [5]. С точки зрения исследователя, можно выделить различные пласты проявления деловой культуры: внутренний и внешний. Первый включает в себя стереотипы поведения и действия субъектов данной культуры, а второй – раскрывает их внутренний мир, т.е. цели, ценности, формы восприятия времени и другие компоненты делового поведения.

Обращаясь к деятельностному подходу, автор определяет субъектов деловой культуры, подчеркивая, что предпринимательскую функцию может реализовывать любой человек, обладающий соответствующими качествами, например, «предпринимательской жилкой», а не только собственник и управляющий. В структуре деловой культуры взаимодействуют разные субъекты: финансист, эксперт, менеджер, но лидирующую позицию должен занимать бизнесмен-новатор.

Таким образом, И.М. Невлева рассматривает деловую культуру как процесс, направленный на наиболее эффективный способ получения прибыли, учитывая особенности делового поведения субъектов.

Достаточно подробно исследует деловую культуру П. Н. Шихирев, трактуя ее как «культуру получения и распределения прибыли» [8]. Именно прибыль является структурообразующим элементом деловой культуры, а также основой существования, развития и воспроизводства бизнеса. По мнению П.Н. Шихирева, деловая культура не включена в хозяйственную или экономическую, но может рассматриваться как часть организационной или корпоративной культур.

В диссертационном исследовании П. В. Соболевой деловая культура раскрывается как интегративная дефиниция, частично совпадающая и соприкасающаяся с организационной, корпоративной, профессиональной культурами. Деловая культура – это культура ведения дел, «знания, умение и навыки специалиста, качество оборудования, содержание рабочего места и инструмента, поведение, следование определенным нравственным ценностям, качество человеческих отношений» [7, с. 17].

Основу деловой культуры составляют ценности и нормы. Автор предлагает выделить два структурных компонента деловой культуры – аксиологический и ментальный. Аксиологический компонент выступает основой профессиональной деятельности и формируется в зависимости от культурных традиций, ценностей, норм того или иного этноса, нации; воплощается в форме паттернов поведения, стереотипов. Ментальный компонент зависит от личности субъекта и воплощается в идеальной модели ценностей и норм, которые декларируются, но не всегда одобряются и выполняются. По мнению Н.В. Одиноковой, такая ситуация создает определенные проблемы соответствия идеальной модели деловой культуры, тем нормам и ценностям, которыми реально руководствуется российский предприниматель [6].

Многие исследователи при обосновании и раскрытии сущности деловой культуры апеллируют к ценностной составляющей. Деловая культура, являясь частью общечеловеческой культуры, определяет особенности деятельности людей в сфере деловых отношений и представляет совокупность материальных и духовных ценностей, которые взаимодействуют между собой и оказывают влияние на способы ведения дел, межличностное взаимодействие. Исходя из вышеизложенных позиций ученых, ядром деловой культуры является деловая этика, включающая в себя ценности, нормы бизнес-сообщества, неотделимые от особенностей национального менталитета, культуры.

Обратимся к категории ценности, достаточно хорошо разработанной в рамках философии, аксиологии, культурологии. Неоспоримо утверждение о том, что ценности занимают важное место в содержании культуры. Существует достаточно много точек зрения на природу ценностей, ее типологию. Согласно представи-

телям фрейбургской школы В. Виндельбанду и Г. Риккерт, ценности являются феноменами культуры, они образуют «самостоятельное царство», которое находится вне «царства бытия».

Ценность – это зафиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту: событию, явлению, процессу, предмету, вещи и т.д. Как правило, ценность это не предмет сам по себе, а тот смысл, который вкладывает в него человек. Ценностью обладают как материальные вещи, процессы, так и духовные явления: знания, идеи, представления и т.д. По мнению М.С. Кагана, ценность определяется не столько свойствами объекта, сколько отношением к нему человека. При этом решающее значение имеют сложившиеся в культуре представления об этих объектах, какими способами принято удовлетворять свои желания и потребности, и в какой степени личность, которая воспринимает предмет, освоила эти представления и разделяет их [3].

Ценности определяют отношение человека с другими людьми, самим собой, социумом, природой. Человек, осваивая ценности окружающего мира, опирается на традиции, нормы, обычаи, характерные для его культуры. Принято говорить о системе ценностей, которыми руководствуется личность в своей жизни. Как правило, система ценностных ориентаций человека формируется на основе господствующих в культуре ценностных представлений.

Разнообразие и неоднородность существующих ценностей позволяет ученым предлагать их различные классификации. Например, Г. П. Выжлецов выделяет: духовные, социальные, материальные и экономические ценности [1]. М.С. Каган определяет художественные, нравственные, правовые, религиозные, политические, экзистенциальные ценности. Автор считает, что все ценности находятся в исторически обусловленных структурных взаимосвязях и функционируют на разных уровнях: индивидуальном, социально-групповом, межличностном.

Правомерно говорить и об иерархичности системы, в которой ценности располагаются в соответствии со степенью значимости для конкретного индивида, социальной либо этнической группы, человечества в целом. Благодаря системе ценностей поддерживается целостность культуры, формируется ее уникальность, неповторимость, своеобразие.

Таким образом, ценности являются важной составляющей культуры, в том числе и деловой, поскольку определяют особенности поведения субъектов как внутри организации (компании), так и их взаимодействие с внешним миром.

Наряду с ценностями культуры формируются и требования к поведению человека, которые регулируют распределение этих ценностей, взаимоотношения между людьми. Каждая культура создает свою систему долженствований и запретов, так называемых регулятивов нормативного поведения. Культурные нормы выполняют различные функции: с одной стороны, они унифицируют поведение людей, обеспечивают согласованность их действий, упорядоченность. С другой стороны, представляют собой процедурные правила, программы и способы деятельности, направленные на получение определенного результата.

Кроме этого, можно говорить о степени нормативности той или иной культуры, т.е. строгости и обязательности культурных норм, которые регулируют различные стороны человеческой деятельности. Например, при «нормативной недостаточности» культуры наблюдается падение нравов, криминализация общества. В случае «нормативной избыточности» для культуры характерно стабильность общества, устойчивость общественного порядка, но вместе с тем, ограничение свободы, инициативности, творческого начала, что в самых крайних формах может привести к замедлению темпов развития общества.

Все многообразие культурных норм можно разделить на три группы: общекультурные, свойственные представителям одной культуры и определяющие ее специфику; групповые, регулирующие поведение представителей какой-либо группы людей; ролевые, предписывающие долженствующее поведение в соответствии с выполняемой им социальной ролью.

Нормативность культуры поддерживается также с помощью нравов, традиций, обрядов, обычаев, законов. Все они культурно обусловлены и имеют разное содержание, в соответствии со сложившимся образом жизни общества, социально-сословной структурой.

Таким образом, нормы, также как и ценности являются основополагающими для любой культуры, и определяют ее своеобраз-

зие, уникальность и неповторимость. Данные категории необходимо учитывать при выстраивании взаимодействий с представителями бизнес-сообщества, принадлежащих к иной культурной среде.

Некоторые исследователи, подчеркивая приоритет ценностно-нормативного содержания деловой культуры, отождествляют ее с деловой этикой. Например, Д.Т. Кожоголова пишет, что деловая культура включает в себя: деловой этикет, протокол деловых переговоров, правила представления сторон, ритуал дарения и получения подарков [4]. В деловой культуре существуют формальные и неформальные нормы поведения. В процессе развития предпринимательства система норм складывалась в своды и кодексы правил, ориентированные на нравственные ценности.

Деловая культура, в отличие от культуры в широком смысле, охватывает только те ценности, которые связаны с деловыми нуждами и оказывают на данную сферу значимое влияние. К таким ценностям можно отнести: самореализацию, материальные блага, уважение окружающих, деловую репутацию, социальное признание и др. Эти ценности больше носят личностный характер и свойственны людям, занимающимся предпринимательской деятельностью. Если речь идет о деловой культуре корпорации, организации, фирмы, то важнейшими ценностными параметрами здесь будут выступать стабильность, развитие, выгода, устойчивость, надежность, формальные и личностные отношения между партнерами, служащими и т.д. [2].

Интересные параллели в отношении ценностно-нормативных составляющих деловой культуры и уровня нравственности в обществе проводит доктор культурологии А.З. Инкина-Ерицпохова. Автор считает, что в условиях стабильной экономико-политической ситуации, роста благосостояния граждан и устойчивой системы ценностей и норм поведения наблюдается достаточно высокий уровень этики бизнес-сообщества. И, наоборот, в переломные моменты, сопровождающиеся экономической, политической нестабильностью в стране происходит падение ценностно-нравственных ориентиров, что, несомненно, отражается на деловой культуре предпринимательства, его моральных принципах.

По мере развития человеческого общества, формирования различных видов хозяйственно-экономической деятельности скла-

дывается своя культура ведения дел. Так как деловая культура является составной частью культуры общества, то опирается, прежде всего, на те, ценностные ориентиры, традиции, приоритеты, установки, паттерны поведения, характерные для данной социокультурной общности. В связи с этим наибольшие различия в характеристиках деловых культур будут наблюдаться между разными цивилизациями (Запад-Восток), нежели внутри одной цивилизационной общности.

Итак, понятие деловая культура рассматривается в рамках различных исследовательских позиций и выступает как неотъемлемый элемент предпринимательской деятельности; близко по содержанию, но не идентично дефинициям корпоративная, организационная, профессиональная культуры. Сущностной характеристикой деловой культуры является ценностно-нормативный компонент, отражающийся в мышлении, представлениях, восприятии и особенностях поведения субъектов в сфере деловой активности.

Примечания

1. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 148 с.

2. Инкина-Ерицпохова А. З. Ценности и нормы современной деловой культуры // Эффективные способы и формы модернизации и технологического развития региональной экономики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2012. С. 96-101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30621135>. (дата обращения: 10.11.2019).

3. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб. : Петрополис, 1997. 204 с.

4. Кожоголова Д. Т. Деловая культура как специфический вид общей культуры // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. 2017. № 8. С. 129-138. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39282836_34300057.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

5. Невлева И. М. Деловая культура: универсальность и специфика : автореф. дис. ... д-ра философских наук : 09.00.13. Ростов н/Д., 2002. 54 с.

6. Одинокова Н. В. Ориентация деловой культуры российского предпринимательства // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 1(3). С. 227-231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21438704> (дата обращения: 12.02.2020).

7. Соболева П. В. Деловая культура в условиях транснационализации социокультурного пространства: эволюция национальных моделей : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2009. 29 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/delovaya-kultura-v-usloviyakh-transnatsionalizatsii-sotsiokulturnogo-prostranstva-evolyutsiy> (дата обращения: 11.03.2020).

8. Шихирев П. Н. Введение в российскую деловую культуру. М. : Прогресс, 2010. С. 188.

УДК 338.48-6(571.54)

Сандакова С. Д., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Sandakova S. D., Budaeva S. B., Ulan-Ude, Russia

**РАЗРАБОТКА СОБЫТИЙНОГО ТУРА
«ФЕСТИВАЛЬ «ГОЛОС КОЧЕВНИКОВ»**

**DEVELOPING THE EVENT TOUR «FESTIVAL
«THE NOMADS' VOICE»**

Республика Бурятия имеет высокий потенциал развития и здесь проводится большое количество праздников, которые могут заинтересовать. Фестивали – одни из самых популярных событий в мире. В данной статье рассматривается разработанный событийный тур «Голос Кочевников». Музыкальный фестиваль «Голос Кочевников» ежегодно привлекает несколько тысяч туристов со всего мира. Помимо посещения самого фестиваля гости ознакомятся с другими достопримечательностями Республики Бурятия.

The Republic of Buryatia has a great development potential and a large number of holidays that may be of interest are held here. Festivals are some of the most popular events in the world. The article examines the developed event tour “The Nomads’ Voice”. The music festival “The Nomads’ Voice” annually attracts several thousand tourists from all over the world. Besides coming to the festival, the guests get acquainted with other sights of the Republic of Buryatia.

Ключевые слова: туризм, событийный туризм, фестиваль, Республика Бурятия, мероприятие.

Keywords: tourism, event tourism, festival, the Republic of Buryatia, event.

Событийный туризм – туристская деятельность, сопряженная с различными общественными событиями, мероприятиями, а кроме того и редчайшими природными явлениями. Все они уникальны, неповторимы, аутентичны. Во всем мире масштабные события привлекают большие массы не только сограждан, но и зарубежных туристов со всего мира [2].

Республика Бурятия – это развивающийся регион с глубокими историческими и культурными традициями, который обладает большим потенциалом. Одними из самых популярных событийных мероприятий в Республике Бурятия считаются: межрегиональный туристский проект «Сказочный Сагаалган», республиканский фестиваль по подледной рыбалке «Байкальская рыбалка», бурятский культурно-спортивный народный праздник «Эрын гурбан на-адан», международный музыкальный фестиваль «Голос Кочевников», Международный фестиваль «Ночь Ёхора», праздник бурятской гастрономии и культуры «Буузын Баяр – Праздник Буузы».

Все вышеперечисленные события имеют большой потенциал развития, но именно фестивали считаются одними из самых популярных событий в мире [1]. Первые фестивали были музыкальной направленности и зародились они в Англии. Из года в год популярность фестивалей только возрастала, и в настоящее время можно говорить о целой индустрии фестивальной деятельности с широким спектром направлений [3].

Событийный тур «Голос Кочевников» направлен на иностранных туристов, жителей других регионов, приезжих гостей.

Количество туристов в группе – 10 человек, так как для перемещения по маршруту и обеспечения комфорта был выбран 18-ти местный «Fiat Ducato» (10+8). Мотивом поездки для туристов, выступают, во-первых, посещение международного музыкального фестиваля в формате этномызыки «Голос Кочевников», во-вторых, познавательный интерес к культуре другого народа, его традициям и обычаям, истории. Это люди, интересующиеся музыкой, культурой и традициями других народов, экономическое положение которых позволяет внести в бюджет статью «отдых и путешествия», а также люди, которые стремятся повысить свой культурный уровень и удовлетворить познавательный интерес. По половому признаку деления нет. По возрастному составу это люди 25-35 лет. Имеются ограничения для путешествия лицам, нуждающимся в лечении и постоянном врачебном наблюдении.

В туре «Голос Кочевников»:

- тип туризма – внутренний, международный;
- вид туризма – событийный;
- вид турпродукта – событийный тур;
- дестинация – Республика Бурятия;
- тип предложения – групповое обслуживание;
- фокус-группа – люди, интересующиеся музыкой и культурой;
- класс обслуживания – туристский. Самый массовый вариант обслуживания.

Предусматривает размещение в гостиницах категорий «две-три звезды», перелет экономическим классом регулярных авиарейсов, питание по типу шведского стола, трансфер на заказном автобусе в составе группы.

Экскурсии, анимационные программы, дополнительные услуги:

- экскурсия в Музей культуры и быта староверов Забайкалья и древлеправославную церковь;
- посещение дома-усады староверов в с. Тарбагатай, знакомство с бытом, хозяйственным укладом старообрядцев;
- анимационная программа «свадьба староверов»;
- участие в фольклорных обрядах и играх;

- катания на качелях, фотосессия в народных костюмах староверов;
- экскурсия по Ацагатскому дацану;
- экскурсия по дому-музею Агвана Доржиева;
- анимационная программа «Бурятская свадьба»;
- экскурсия по Иволгинскому дацану;
- консультации лам-лекарей, лам-астрологов Иволгинского дацана;
- посещение единственной в мире фотовыставки Мир в Лицах известного этнофотографа Александра Химушина;
- этнопрограмма: посещение краеведческой юрты, бурятского дома, юрты галактики, традиции и культура бурят и др.;
- мастер класс игры в «Шагай Наадан»;
- мастер класс бурятского танца «Ёхор»;

Продолжительность путешествия составляет 6 дней/ 5 ночей, за это время туристы посетят международный музыкальный фестиваль в формате этномызыки «Голос кочевников», познакомятся с культурой, традициями бурят и староверов, окунутся в жизнь г. Улан-Удэ. Тип маршрута – радиальный, так как маршрут начинается в г. Улан-Удэ и заканчивается там же. Маршрут: г. Улан-Удэ – Иволгинский дацан, с. Верхняя Иволга – г. Улан-Удэ – гора «Спящий Лев» – с. Тарбагатай – с. Ацагат – г. Улан-Удэ.

Протяженность тура 331,8 км на автомобильном транспорте. Обслуживание на маршруте исключительно сезонное (лето), так как тур приурочен к определённом международному музыкальному фестивалю «Голос Кочевников», который проходит ежегодно в июле.

Цель тура «Голос Кочевников» – в первую очередь, это посещение международного музыкального фестиваля «Голос кочевников», так же туристы попутно познакомятся с культурой и традициями жителей Республики Бурятия.

В первый день туристы прибывают в г. Улан-Удэ авиа-транспортом. Группу туристов встречает руководитель, далее – трансфер до гостиницы «Бурятия». Гостиница находится в центральной части г. Улан-Удэ, рядом с отелем расположены Театр оперы и балета, площадь Советов, здание Правительства Республики, Филармония, торговые центры. Туристов размещают в 2-

хместных стандартных номерах, стоимость размещения 3900 рублей. После завтрака в ресторане по типу шведский стол туристам предоставляется свободное время для отдыха. После обеда туристы выезжают в Иволгинский дацан «Хамбын сумэ» – центр буддизма России. По прибытию в Иволгинский дацан туристская группа отправляется на экскурсию по храмовому комплексу, руководитель группы предварительно рассказывает о правилах поведения на территории дацана. Туристам предоставляется свободное время для фотосессии, приобретения сувенирной продукции, посещения консультаций у лам-астрологов по различным вопросам. Посетив Иволгинский дацан, группа отправляется обратно в г. Улан-Удэ, в гостиницу, где поужинают в кафе «Чашка». Затем туристам предлагается свободное время.

На второй день после завтрака в гостинице туристы отправляются в экскурсию «К староверам Забайкалья» – «В гостях у семейских» для знакомства с древней культурой староверов Забайкалья. Экскурсия проходит по маршруту: г. Улан-Удэ – гора «Спящий Лев» – с. Тарбагатай. Предполагается остановка на горе «Спящий Лев» для подъема. Программа рассчитана на 6 часов и включает в себя анимационную программу, посещение музея, обед, фотосессию в костюмах. После программы в с. Тарбагатай группа отправляется в с. Ацагат, в место проведения фестиваля «Голос кочевников». Размещение в «Степном кочевнике». Предоставляется свободное время для посещения мероприятия. Туристы ужинают на территории фестиваля самостоятельно.

На третий день после завтрака туристы отправляются на экскурсию в Ацагатский дацан. Обед будет проходить в кафе «Степной кочевник». Затем туристы отправляются на программу, которая будет проходить в этнокомплексе «Степной кочевник». Программа рассчитана на 3 часа. После окончания программы предоставляется свободное время для посещения мероприятия. Туристы ужинают на территории фестиваля самостоятельно.

На четвертый день после завтрака туристы могут посетить творческие площадки фестиваля. Туристам предоставляется свободный день, без экскурсий и программ для того, чтобы они полностью прониклись атмосферой фестиваля. Обед и ужин на территории фестиваля самостоятельно.

На пятый день после завтрака туристы сдают номера и отправляются в г. Улан-Удэ, в гостиницу «Бурятия». Обед в гостинице. После обеда у туристов свободное время. Затем они отправляются в автобусную экскурсию по г. Улан-Удэ. Во время экскурсии дается свободное время для фотографирования. После экскурсии они отправляются в ресторан с аутентичной кухней «Тэнгис». После возвращения в гостиницу туристам выдается сухпаек на следующее утро.

На шестой день туристов ожидает ранний подъем и выезд в аэропорт.

Таким образом, нами разработан туристский продукт для посещения музыкального этнофестиваля «Голос Кочевников», ставшим традиционным событием в жизни нашей республики, привлекающий внимание огромного количества не только жителей Бурятии, но и всего мира.

Примечания

1. Биржаков М. В., Воронцова И. В., Метелей П. И. Событийный туризм: карнавалы в истории и современном туризме // Туристские фирмы. 2000. № 23. С. 8-13.

2. Алексеева О. В. Событийный туризм и инвент-менеджмент // Российское предпринимательство. 2011. № 6. С. 15-17.

3. Веткин В. А., Винтайкина Е. В. Технология создания тур-продукта: пакетные туры : учеб.-метод. пособие. М. : Финансы и статистика : ИНФРА-М, 2010. 240 с.

Сергеева Е. Б., Ринчиндоржиева В. А., г. Улан-Удэ, Россия

Sergeeva Ye. B., Rinchindorzhieva V. A., Ulan-Ude, Russia

**ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
УПРАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТАМИ ТРУДА
ХУДОЖНИКА-СКУЛЬПТОРА**

**INFORMATION AND TECHNOLOGICAL RESOURCE OF
MANAGING THE LABOUR RESULTS OF AN ARTIST-
SCULPTOR**

Автор статьи рассматривает общие составляющие использования информационно-цифровых технологий в социо-культурной практике менеджера социально-культурной деятельности, как коммуникационный ресурс, по управлению результатами труда художника-скульптора.

The author of the article considers the general components of using information and digital technologies as a communication resource in the socio-cultural practice of a manager of socio-cultural activities for managing the labor results of an artist-sculptor.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, информация, информационно-цифровые технологии, деятельность менеджера социально-культурной сферы, интернет-технологии.

Keywords: social and cultural activity, information, information and digital technologies, activities of a manager of the social and cultural sphere, Internet technologies.

Деятельность менеджера социально-культурной сферы предполагает применение различных технологий в решении рабочих вопросов, способность быстро адаптироваться к определенным условиям и умение работать в режиме многозадачности.

В контексте социально-культурной деятельности работа предполагает изобилие коммуникационных процессов. Менеджер социально-культурной сферы принимает, обрабатывает, анализирует, передает информацию. Вследствие чего, становится очевидным то, что средства и процессы информационно-цифровых технологий

выступают связующим звеном в передаче той информации аудитории, которая отображает действительность и настоящие качества результатов деятельности художника изобразительного искусства (скульптуры), а так же как инструменты работы менеджера социально-культурной сферы.

Развитие мировой науки показало, что в настоящее время человечество живет в период так называемого информационного взрыва, когда объем знаний, накапливаемый цивилизацией в ходе своего развития, удваивается каждые 10 лет, а по некоторым оценкам, уже в самое ближайшее время это удвоение будет происходить каждые 5 лет [1].

Сфера использования средств информационно-цифровых технологий должна максимально изучаться, практически использоваться, и необходимым образом оптимизировать работу менеджера социально-культурной сферы.

Для продвижения карьерного пути художника изобразительного искусства, в данном случае, скульптора, использование средств информационно-цифровых технологий является одним из наиболее действенных инструментов в социально-культурном пространстве. Художники по природе своей очень закрыты, сконцентрированы на своем творчестве, малоконтактны в информационном пространстве. Поэтому необходима помощь менеджера по продвижению продуктов творческого труда художника, скульптора, дизайнера и пр.

Применение информационных технологий в социальной сфере – это наиболее эффективный метод решения этой проблемы. Эти технологии обладают эластичностью, ликвидностью и приспособляемостью к воздействиям внешней среды. В ходе модернизации социальной среды информационные технологии представляют собой основной фундамент общества, так как с их помощью можно улучшить и автоматизировать процессы обработки данных информации, которые в последние годы занимают значимое место в жизненном пространстве человеческого общества [2].

В задачах реализации результатов творчества художника-скульптора, несомненно, стоит установление коммуникаций с аудиторией, спонсорами, партнерами, любыми участниками того

или иного творческого проекта или процесса, посредством интернет-технологий.

Концептуальные подходы к практике менеджера социально-культурной деятельности обозначены в публикациях известнейших ученых современности: А. Д. Жаркова, М. А. Ариарского, В. М. Чижикова, В. В. Чижикова, А. А. Сукало, В. Е. Триодина, Н. Н. Ярошенко и других исследователей, определивших круг вопросов понимания роли и места социально-культурных технологий и практик в социально-культурном пространстве.

Согласно исследованиям В.М. Чижикова и В.В. Чижикова, в современной теории и практике социокультурной деятельности информационные технологии трактуются как аппаратное обеспечение, программное обеспечение, телекоммуникации, системы управления базами данных и другие технологические средства хранения, обработки и передачи коммуникации. Информационные управляющие системы, электронное технологическое оснащение развиваются настолько динамично, что малейшее отставание в их изучении и освоении непременно выводит организацию, учреждение, предприятие на периферию развития.

На сегодняшний день это основной способ информатизации общества.

В.М. Чижиков, В.В. Чижиков отмечают, что требования времени диктуют нам искать новые возможности организации и управления творческими процессами.

Наиболее филигранными должны быть механизмы управления творческими процессами. Можно сказать, что работа с творческими людьми, которые являются творцами продуктов культуры: художники, композиторы, исполнители и др., не поддается управлению, она направлена, прежде всего, на создание условий для их творческой самореализации [3].

В настоящее время практически каждый человек пользуется в Интернет-пространстве различные сети для делового и бытового общения, укрепления социального взаимодействия, досуга, удовлетворения различного круга интересов, развития познавательных процессов. Информационно-цифровые технологии позволяют выполнять многие управленческие задачи гораздо быстрее, тем самым повышая эффективность работы.

К основным средствам информационно-цифровых технологий, способствующим отображению действительности и настоящих качеств культурного продукта (скульптуры) художника, отнесем интернет-сервисы для передачи информации. Наиболее популярные организации для общения в сети Интернет: ВКонтакте, Twitter, Instagram, YouTube, ОКОдноклассники, Facebook, Telegramm, Скайп, мессенджеры Viber, Whatsapp, Google Meet и др. Указанные сервисы используют такие средства общения и передачи информации как чаты, чат-боты, электронная почта, блоги, микроблоги, платформы, форумы и т.п.

Использование сегодня популярных интернет-сервисов позволяют наиболее реально отобразить скульптуру в объеме и изображении для четкого понимания аудитории ее эстетических качеств. Здесь решающую роль играет цифровая техника – смартфоны, компьютеры, принтер, 3D-принтер, сканер, 3D-сканер, планшет, телефон, ноутбук, электронная книга и др. Качественная характеристика цифровой техники позволяют перенести зрителя в реальное пространство художника, даже, так сказать, трехмерное отображение действительного пространства автора. Это выступает своеобразным процессом диалога между художником и аудиторией. В данном процессе важность составляет четкое изображение, т.е. качество передачи: цвет, тень, объемы. Для скульптуры качественное изображение является важной составляющей самой идеи. Здесь основной замысел мастера воплощается в вещественном реальном объеме. В скульптуре важна передача объемно-пластического изображения, трехмерная форма, обладающая реальной тяжестью. Через формы скульптуры раскрываются содержание скульптурного произведения, доносится до зрителя основной замысел скульптора.

Установление контактов, обратная связь, купля-продажа скульптур, реклама, участие в профессиональных онлайн-проектах, сессиях, акциях, создание интернет-портфолио – все это также предполагает грамотное использование цифровых технологий. Например, в проекте продвижения художника-скульптора менеджер социально-культурной деятельности обязательно включает использование продвижения в социальных сетях (SocialMedi-

aMarketing). Преимущества маркетинга в социальных сетях следующие:

- доступность;
- огромная аудитория, которая с каждым днем растет;
- все можно сделать бесплатно;
- моментальное распространение информации (публикации);
- обратная связь: можно отвечать на вопросы аудитории, делиться впечатлениями, обсудить вопрос с другими.

Далее следует создание собственных аккаунтов, страниц, блогов в Инстаграм, Вконтакте и Facebook. Следующим этапом в продвижении художника идет разработка стратегии продвижения в социальных сетях, которая предполагает использование основных функций менеджмента: организацию, мотивацию, контроль.

Для построения коммуникаций менеджера социально-культурной деятельности с партнерами, спонсорами, аудиторией социальные сети и мессенджеры позволяют повышать эффективность работы и ее этапов реализации. Как инструменты оперативной передачи информации, в режиме реального времени появляется возможность контактировать, принимать, передавать, рекламировать, презентовать, выступать, участвовать, предлагать и совершать множество других действий в процессе реализации деятельности.

Обратная связь является важной составляющей социальных сетей, особенно аккаунтов, связанных с деятельностью художников, в процессе которой происходит диалог творца со своей аудиторией. Здесь такой фактор как критика может сыграть роль в координации работы автора произведений искусства, положительные отклики зрителей могут послужить стимулом к дальнейшему развитию и определению профессиональных целей, не только творческому деятелю, но и менеджеру.

Бурятское республиканское отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» активно использует социальную сеть Facebook (<https://www.facebook.com/ArtistsBuryatia/>) для продвижения творчества художников-скульпторов. На официальной странице БРО ВТОО «Союз художников России» освещается проведение ежегодного традиционного Межрегионального художественного проекта

«Баргуджин Токум», который реализуется в рамках национального проекта «Культура» при поддержке Министерства культуры РФ. Неоднократно освещается проведение Симпозиума деревянной скульптуры «Генезис», это межрегиональный арт-проект для художников-скульпторов, который собирает неординарных талантливых людей: Юрий Аввакумов, Александр Менухов, Баир Сундупов, Надежда Супонина, Юрий Цырендашиев, Дондок Юндунов, Бадма-Доржо Тыхшеев, Сокто Дашиев, Баир Яндаков и др. Они разработали прекрасные эскизы скульптур, инсталляций, которые уже сегодня украшают Этнографический музей народов Забайкалья.

Семейная пара Надежда Супонина и Юрий Цырендашиев, из Бурятии, известна своими скульптурами из бронзы. Надежда работала в мастерской Дмитрия Будажабэ, в художественной мастерской Даши Намдакова. Скульпторы являются основателями собственного арт-бренда GARmaev&SUPonina. Свое творчество молодые художники так же продвигают с помощью различных информационных ресурсов.

Таким образом, цифровые технологии являются средствами диалога между заинтересованными людьми, зрителем и художником, художником и менеджером, менеджером и партнерами.

В современном мире цифровые технологии играют ведущую роль в установлении коммуникаций и информатизации в обществе. Их развитие идет ежегодно, ежедневно в геометрической прогрессии. Значимые функции цифровых технологий такие, как оперативность информации, ее передача в реальном времени, четкость изображения и звука, актуальность и достоверность сведений намного облегчают процессы организации деятельности менеджера социально-культурной сферы.

Недостатки информационно-цифровых технологий проявляются в переизбытке и огромном объеме принимаемой информации, в недобросовестности некоторых сайтов, групп, пабликов, где под сомнение ставится актуальность и, особенно, достоверность информации. Для построения грамотной деятельности менеджер должен уметь правильно работать с источниками информации. Ввиду большого ее объема, необходимость возникает в умении фильтровать информацию, т.е. принимать только те сведения, которые важны в актуальном спектре решаемой задачи. Процесс по-

строения деятельности коммуникаций также предполагает проверку достоверности получаемой информации.

Итак, можно сделать выводы о том, что преимущества использования цифровых технологий в профессиональной деятельности менеджера социально-культурной сферы значительно облегчают процесс выполнения работы и способствуют ее эффективности. Благодаря информационно-цифровым технологиям появились возможности решения различных трудовых этапов реализации деятельности, которые проявляются в сокращении временного промежутка выполнения задач, в возможности дистанционного контроля над происходящими процессами, моментального построения диалогов с коллегами, партнерами и др., независимо от их местонахождения. Таким образом, применение цифровых технологий в решении рабочих вопросов, способность быстро адаптироваться к определенным условиям и умение работать в режиме многозадачности, все это определяет профессионализм специалиста.

Сегодня применение информационно-цифровых технологий – это колоссальные возможности в коммуникациях индивида со всем миром, в то же время всего мира с отдельным человеком.

Примечания

1. Григорьева Д. Р., Попченко А. С. Применение информационных технологий в социальной сфере // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 177-179.

2. Перспективы развития информационных технологий : сб. материалов XXXIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2016. 214 с.

3. Чижиков В. М., Чижиков В. В. Теория и практика социокультурного менеджмента. М. : Моск. гос. ин-т культуры, 2008. С. 33.

Шагжина З. А., г. Улан-Удэ, Россия

Shagzhina Z. A., Ulan-Ude, Russia

**МИССИОНЕРСКИЕ ШКОЛЫ И УЧИЛИЩА
И ИХ РОЛЬ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ
И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДИ БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**MISSIONARY AND SPECIALIZED SCHOOLS AND THEIR
ROLE IN SPREADING ORTHODOXY AND RUSSIAN
ORTHODOX CULTURE AMONG THE BURYATS OF TRANS-
BAIKALIA IN THE SECOND HALF OF
THE XIX-BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

В статье автор рассматривает деятельность миссионерских школ и училищ и их роль в распространении православия и русской православной культуры среди бурятского населения Забайкалья во второй пол. XIX – нач. XX вв., дает характеристику учебных программ и состава учащихся по численности, национальности, социальной принадлежности и вероисповеданию.

The author considers the activity of the missionary and specialized schools and their role in spreading Orthodoxy and Russian Orthodox culture among the Buryat population of Transbaikalia in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries, gives the characteristic of the curriculum and composition of the school population according to the nationality, social stratification and beliefs.

Ключевые слова: Забайкальская духовная миссия, миссионерские училища и школы, русская православная культура, состав учащихся, программы обучения, миссионерские стипендии, пансион, полупансион.

Keywords: Transbaikal spiritual mission, missionary and specialized schools, Russian Orthodox culture, school composition, training programs, missionary stipends, boarding house, half board.

В Забайкалье первая миссионерская школа была организована при Посольском Спасо-Преображенском монастыре в

1862 г., где в это время располагалась резиденция главы Забайкальской духовной миссии. Впоследствии школа при Посольском монастыре была переименована в училище. В 1864 г. в Посольском миссионерском училище обучалось 11 мальчиков [10, с. 122].

В 1868 г. в Посольском училище обучалось уже 20 мальчиков, с подразделением на старших и младших. Старшая группа изучала священную историю, катехизис, объяснительное богослужение, церковное пение, арифметику, русскую грамматику, географию, русскую историю, письменный монгольский язык и чистописание. Младшие обучались чтению, письму, молитвам, краткому катехизису, некоторые из них – устному и письменному монгольскому языку и пению. Кроме этого, в монастыре действовала иконописная мастерская, где иеромонах Антоний обучал способных к рисованию детей иконописи, а затем, впоследствии, расписывал вместе с ними миссионерские церкви, как, например, церковь при Улонском миссионерском стане [8, с. 8].

Необходимо отметить, что количество учащихся в Посольском монастыре в разные годы было различным, не все доучивались до конца, многие отсеивались по объективным и субъективным причинам. Закончившие училище выпускники посвящались в дьяконы (низший чин священнослужителя в православной церкви), а также могли работать церковнослужителями – причетниками и псаломщиками, которые не могли самостоятельно проводить службы, а только помогали священнослужителям во время богослужений и в других церковных делах. В 1877 г. училище закончили 9 человек, из них только двое получили духовный сан священника и дьякона, а семеро остальных получили назначение причетников [10, с. 552]. Не все выпускники Посольского училища были обязаны работать только миссионерами, многие из них служили в приходских церквях Забайкальской области и Иркутской губернии. В 1878 г. в составе, к примеру, Забайкальской миссии работало всего лишь 7 выпускников Посольского миссионерского училища: 2 дьякона и 5 псаломщиков [4, с. 91-104].

В 1880 г. в связи с переводом резиденции начальника Забайкальской миссии в г. Читу туда также было переведено и училище, именуемое с этих пор Центральным миссионерским

училищем. Изменение было внесено не только в название училища, но и в программу обучения. Первоначально учебный курс училища равнялся приблизительно курсу одноклассной церковно-приходской школы с присоединением специальных миссионерских предметов. После преобразования в Центральном миссионерском училище были организованы 4 класса с годичным обучением в каждом классе, кроме этого при училище была устроена образцовая школа с программой одноклассной церковно-приходской школы, рассчитанной на 3 года обучения. С этого времени Центральное миссионерское училище превратилось из начальной школы подготовки миссионерских кадров в низшее образовательное учебное заведение духовного ведомства, готовящее кадры миссионеров для церковных школ Иркутской и Забайкальской епархий.

Образцовая школа служила местом учебной практики для старших учеников училища в их будущей учительской деятельности. Новая программа самого училища основывалась на программе второклассных школ, расширенной за счет специальных предметов, изучавшихся в церковно-учительских школах и необходимых для миссионерской деятельности. Кроме обязательных наук низшей образовательной школы учащиеся Центрального миссионерского училища изучали предметы педагогического цикла (дидактика и методика) и миссионерские (шаманизм и ламаизм, их отличие друг от друга; характеристику и этнографию забайкальских бурят; историю православного миссионерства) [4, с. 95]. Помимо этого, в целях подготовки псаломщиков, в которых особенно нуждались церкви, в училище большое внимание уделялось церковному пению, было организовано два хора: пели на старославянском и бурятском языках, пользуясь переводами Иркутской переводческой комиссии.

Съезд деятелей Забайкальской духовной миссии, состоявшийся в Чите в 1906 г., также рекомендовал миссионерским школам и училищу ввести в программу «преподавание сельского хозяйства и ремесел, притчи и рассказы из русской истории, уроки по гигиене» [2, с. 106].

Часть учащихся находилась на полном пансионе в 120 рублей в год, другие – на полупансионе в 60 рублей. Находившиеся

на полном пансионе получали все готовое, полупансионерам выдавалось все, кроме одежды и обуви. В училище было установлено 16 полных и 34 половинных миссионерских стипендий, предоставляемых инородческим или русским детям, хорошо знавшим бурятский язык [4, с. 91-104].

В начале XX в. в Центральном миссионерском училище и образцовой школе при нем обучалось всего 126 человек. По сословию учащиеся подразделялись: инородцы – 28 человек, казаки – 29, крестьяне – 28, мещане – 21, духовенство – 15, из чиновников – 1. По вероисповеданию: православных – 122, буддистов – 4. По национальности: русских – 98, бурят – 25, тунгусов – 1, китайцев – 2 [2, с. 91]. Таким образом, Центральное миссионерское училище в Забайкалье в начале XX в. представляло собой образовательное учебное заведение духовного ведомства, которое не делало различий в учениках ни по сословию, ни по вероисповеданию, ни по национальности. Ученики-буряты представляли 19,8%.

Кроме Миссионерского училища в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв. действовала также целая сеть миссионерских школ, организованных при миссионерских станах. Вслед за Посольским миссионерским училищем открывается в 1863 г. миссионерская школа при Кударинской Степной думе. Располагалась она на квартире миссионера, и в 1864 г. в ней обучалось 6 мальчиков [10, с. 122].

В 1867 г. из 11 забайкальских миссионерских станом в 7 имелись школы, в которых в общей сложности обучалось 22 человека: Селенгинском – 9, Кударинском – 4, Тугнуйском – 2, Анинском – 1, Ононском – 2, Баргузинском – 3, Баунтовском – 1 [10, с. 388].

Большинство миссионерских школ располагалось в плохо приспособленных помещениях, не имело надлежащей материальной базы и достаточного количества наглядных пособий и учебников. Например, Агинская миссионерская школа располагалась в казенном миссионерском доме и содержалась на миссионерские и инородческие средства. Согласно рапорта учителя об имуществе школы в 1888 г., в ней имелось: чернильниц фарфоровых – 2, линеек – 1, ручек перьевых – 1, ножей перочинных – 2, больших классных счетов – 1, псалтыри на

славянском языке – 1 [3, Л.3]. Обучение детей возлагалось на самих миссионеров или их жен, а иногда даже на дьяконов и псаломщиков, которые не имели к этому ни способностей, ни соответствующих знаний.

Директор народных училищ Иркутской губернии Троицкий-Сенютович после обзора церковно-приходских и миссионерских школ губернии в 1886 г. в своей докладной вышестоящему начальству отмечал, что «... учителями в школах большей частью являются члены местных причтов, некоторые из них вследствие своей неподготовленности или отсутствия склонности к учительским занятиям, а частью вследствие необходимости отлучаться нередко на продолжительное время из сел для совершения духовных треб, не могут с достаточной пользой в этих школах преподавать, а потому многие из вновь возникающих школ имеют мало данных для успешного обучения в них грамоте» [1, с. 204].

Обучение в миссионерских школах носило сугубо догматический характер, механическое заучивание являлось единственным способом усвоения предметов. В некоторых миссионерских школах допускалось обучение детей-бурят на родном языке, при этом использовалось старо-монгольское письмо и переведенные на бурятский язык священные писания.

В отчете о работе Иркутской духовной миссии за 1874 г. епископ Вениамин писал, невысоко оценивая успехи миссионерских школ: «Училищное образование не составляло особенно выдающегося предмета деятельности миссии при всем значении его для будущих поколений новокрещеных. Если приходские священники, имеющие по нескольку деревень в приходе, не в состоянии сами заниматься обучением детей грамоте, то тем менее возможно это для миссионера, имеющего на попечении своем до десяти тысяч и более инородцев-христиан и язычников, рассеянных по степям на больших пространствах» [9, с. 4-5].

Несмотря на незначительные успехи миссионерских школ, стремление православной церкви расширить сеть школ духовного ведомства соответствовало новой политике царского правительства в вопросе просветительства бурятского населения. «Православный благовестник», который являлся официальным выразителем

политики православной церкви в ее миссионерской деятельности, в одном из номеров за 1896 г. отмечал: «В прежнее время обращение инородцев в христианство ... было чисто внешнее... Совсем другим характером отличается деятельность миссионеров нового времени. Здесь на первый план ставится забота о сознательном усвоении инородцами христианского учения и особенно о христианском воспитании детей новокрещеных. Поэтому устройство инородческих школ – одна из первейших забот миссионеров...» [6, с. 28].

Как видим, наряду с разными новыми методами и приемами христианизации местного населения организация, устройство и деятельность школ имела для православных миссий важное значение. Идеи Н.И. Ильминского, известного миссионера, переводчика и просветителя о том, что «в деле христианского просвещения на инородца успешнее всего может действовать инородец же, обладающий живым словом своей природной речи, вследствие чего его проповедь получает жизненность и убедительность», была претворена в так называемую «систему Ильминского» по просвещению и обучению инородцев, которая и была положена в основу миссионерских школ во второй половине XIX – начале XX вв. Суть этих школ состояла в том, чтобы учащиеся выходили из них не только хорошими христианами, но чтобы через детей просвещались и приобщались к русской православной культуре и взрослые инородцы – крещеные и некрещеные, т.е. школы церковного ведомства должны были выполнять не только образовательную, но и христианско-воспитательную задачу.

«Православный благовестник», отмечая тесную связь миссионерских школ с церковью, в одном из номеров за 1915 г. писал: «Миссионерская школа остается преимущественно церковной школой, она – преддверие Церкви, огласительное училище веры и благочестия... Здесь учатся и молятся, читают и назидаются: учатся не для экзамена, а для жизни; некоторые добрые обычаи, которые питомцы школы должны вынести с собой в семью, практически изучаются и усваиваются в школе» [7, с. 16]. Таким образом, миссия смотрела на воспитанников своих школ как на проводников православной веры и культуры среди инородцев, а

сама школа должна была быть очагом не только грамотности, но и христианской морали и нравственности.

Содержались миссионерские школы на средства Православного Миссионерского общества, жалование преподавателям оплачивалось из тех же средств. Несмотря на скудные средства, отпускаемые на содержание и развитие миссионерских школ, они продолжали развиваться, и количество их в Забайкалье во второй половине XIX – нач. XX в. заметно увеличивается. В начале XX в., в 1907 г., при станах Забайкальской миссии имелась уже 21 школа, в которых обучалось в общей сложности около 400 детей разных национальностей [4, с. 93].

В 1914 г. при 23 забайкальских станах и 6 сотрудничествах количество миссионерских школ оставалось прежним, но количество учащихся увеличилось до 716 [5, с. 181]. Если судить по данным Читинской миссионерской школы, то ученики-буряты составляли в 1914 г. 12,8% учащихся этой школы. В целом, вероятно, количество детей-бурят в миссионерских школах по всему Забайкалью было незначительным. Но в то же время в Забайкальской области по данным 1911 г. дети бурят и эвенков обучались в 36 министерских и 28 церковно-приходских школах [5, с. 184], которые также решали задачи обрусения коренного населения.

Таким образом, миссионерские школы и училища наряду с министерскими и церковно-приходскими школами сыграли определенную роль в образовании, просвещении и воспитании бурятского общества Забайкалья – это была первая ступень к получению европейского образования, приобщения к русской православной культуре, возможность быстрой адаптации и «вживания» в новых условиях в сложную структуру государственной и общественной жизни Российского государства.

Примечания

1. Андреев В. И. История бурятской школы (1804-1962 гг.). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. 567 с.

2. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 262, Оп. 1, Д. 409.

3. ГАРБ. Ф. 191, Оп. 1, Д. 93.

4. Забайкальская духовная миссия. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 год. Чита, 1908. 126 с.
5. Панчуков А. Н. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 512 с.
6. Православный благовестник. 1896. № 17.
7. Православный благовестник. 1915. № 4.
8. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям : еженед. издание. 1867. № 12.
9. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям : еженед. издание. 1875. № 20.
10. Труды православных миссий Иркутской епархии. Т. 1 : 1862-1867. Иркутск, 1883. 559 с.

УДК 94(571.55-21)

Ваганова Е. В., Першина Т. Ю., г. Улан-Удэ, Россия

Vaganova Ye. V., Pershina T. Yu., Ulan-Ude, Russia

Г. СРЕТЕНСК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

SRETENSK TOWN IN THE HISTORY AND CULTURE OF THE TRANSBAIKAL REGION

В статье представлена история одного из старейших городов Забайкалья – г. Сретенск. На основе имеющегося материала здесь рассмотрена история основания исторического города и его развитие. Статья посвящена особенностям развития поселения и его архитектурно-планировочной структуре. За изучаемый период взят большой временной отрезок от 1689 по 2020 гг. В работе выявлено современное состояние архитектурного наследия г. Сретенск Забайкальского края.

The article presents the history of one of the oldest towns in Transbaikalia – Sretensk. On the basis of the material available the article considers the history of the foundation of the historical town and its

development. The article is devoted to the peculiarities of the settlement development and its architectural plan structure. The study has covered a long period of time from 1689 to 2020. The article reveals the current condition of its architectural heritage.

Ключевые слова: Забайкалье, Сретенск, острог, историческое поселение, купечество, архитектура, архитектурно-градостроительное наследие, памятники архитектуры.

Keywords: Transbaikalia, Sretensk, ostrog, historical settlement, merchants, architecture, architectural and urban heritage, architectural monuments.

Присоединение Забайкалья к русскому государству явилось логическим продолжением завоевания Сибири, начавшегося в конце XVII в. [26, с. 5]. Долгое время эта территория была слабо заселена, по ней кочевали малочисленные и нередко враждующие между собой коренные народы. С XVII в. Россия начинает освоение Сибири и Дальнего Востока, в том числе и Забайкалья [9, с. 187].

В 1638 г. под предводительством Михаила Перфильева здесь впервые появились русские [12]. Первоначально они селились вместе с бурятами и эвенками. С середины XVII в. край оказался в орбите развития российской цивилизации. Русские землепроходцы принесли сюда пашенное земледелие, православие, городскую культуру. Почти два столетия Забайкалье было крайней юго-восточной территорией государства – «полуденным краем Сибири». В XVII-XVIII вв. здесь сложилась государственная граница, разделившая российскую и китайскую цивилизации. В XVIII в. началась прокладка дорог, что способствовало заселению региона. С середины XVII в. вплоть до 1917 г. этот край был местом каторги и ссылки [14, с. 5]. Огромную роль в жизни Забайкалья и Иркутской губернии сыграли политические ссыльные, в частности, декабристы. Они оказали влияние буквально на все стороны жизни края – развитие сельского хозяйства, промышленности, промыслов [26, с. 5].

В Забайкалье во второй половине XVII в. постепенно сложилась целая система острогов: Баргузинский, Баунтовский, Иргенский, Нерчинский, Телембинский, Селенгинский, Еравнинский, Удинский, Аргунский, Сретенский и др. [26, с. 6].

Возникновение Сретенска относится к концу XVII в. [23, с. 4]. О времени его закладки существуют разные версии. Одна из версий связывает закладку острога с событиями 1689 г., когда появление русских людей на Шилке и Амуре встревожило маньчжуров, и уже в 50-е гг. XVII в. они начинают нападать на казачье поселение и дважды штурмуют Албазинский острог, который находился в городе Албазине, а в 1689 г. осаждают Нерчинск.

Был подписан исторический Нерчинский договор, согласно одному из его пунктов люди, которых называли героическими защитниками Албазинской крепости, должны были быть выведены. Позже они влились в Нерчинские казачьи села или же образовали новые поселения: Размахино, Старо-Лоншаково и другие, в том числе и Сретенск, возникший сначала как зимовье, а затем как острог [31, с. 2].

В «Описании Иркутского наместничества» 1792 г. также отмечается, что время основания Сретенска неизвестно, однако, по свидетельству старожилов, здесь «сперва было небольшое селение самовольно зашедшими и выходцами из Албазина при Амуре обитателями под названием Усть-Верх, потом учинилось село, именуемое Усть-Стретенском» [20, с. 135].

Сретенский краевед А. К. Белявский в первой части своего рукописного очерка «Летопись Сретенских педкурсов 1917-1927 гг.» [19, л. 1] отмечал, что время основания Сретенска неизвестно, но считал несомненным, что произошло это во второй половине XVII в., в промежутке между 1653 и 1661 гг. Читинский краевед Н.Е. Дворниченко в популярной работе «Край, в котором ты живешь» отметил, что Сретенск был основан в 1689 г. «с целью обезопасить дороги в Восточном Забайкалье и на Амур». [10, с. 51].

Один из наиболее авторитетных краеведов Сретенска В. П. Чапыгин в одной из своих работ отмечал, что Сретенск возник как зимовье и был основан выходцами из Албазина [31, с. 2]. Большая Советская энциклопедия в каждом своем издании дает разные статьи о Сретенске. В первом издании год его основания не указан [6, с. 514], во втором издании обозначен 1689 г. [7, с. 390], в третьем вновь отсутствует [8, с. 388]. В. Щербань в своей работе «Путеводитель Амур» [33, с. 51] пишет так: «Сретенск был основан в 1658 г. и назывался Нижним острогом». Как отправная точка основания

Сретенска 1689 г. был отражен и в региональной «Энциклопедии Забайкалья» [3, с. 90-91].

Другой исследователь А.К. Белявский не сомневался, что Сретенск был основан во второй половине XVII в. в промежутке между 1653 г. (основанием Нерчинска) и 1661 г. – возобновлением деятельности Албазинского острога Н. Черниговским [5, с. 63].

По воспоминаниям старого жителя г. Сретенска Геннадия Тихоновича Куликова, родившегося в 1899 г. в семье казака-бедняка, окончившего городское училище: «Сретенск основан в 1689 г. По его названию есть два предания: первое: в 1688 г. китайский император Богдохан написал русскому царю жалобу на то, что казак Албазин со своими казаками проплывая по р. Шилке и Амуру творит безобразие и есть опасность, что перейдет границу и будет бесчинствовать в Китае. Царь приказал: Нерчинскому воеводе немедленно выслать Албазина в с. Комбазино на р. Амур, заковать в цепи атамана Албазина и представить перед «светлые очи воеводы» [16, л. 38].

Услышав про это Албазин, в свою очередь, послал казаков послов с драгоценными подарками: мехами, золотом, серебром. Посольство повезло по Амуру и Шилке этих послов, встретились у устья р. Куренги. Послы Албазина заявили, что они едут к русскому царю и кланяются ему покоренными народами от Шилки до Амура и преподносят подарки. И просят царя, а воеводу ходатайствовать, что они ему передают под высокую реку все земли до Амура. После этого на горе (ныне «Затон») казаки Албазина и казаки прибрежных поселений занялись постройкой острога, который впоследствии получил название – Сретенск по месту встречи.

Второе предание: на месте постройки острога была построена небольшая церковь. Строительство ее совпало с днем православного праздника Сретенья господня [16, с. 38].

Забайкальский краевед, военный врач И.В. Колбасенко-Дудченко (1857-1917) в своей работе «Станица Сретенская Забайкальской области, ее народонаселение и санитарный быт» пишет: «Станица Сретенская – поселение древнее. Время ее основания, несомненно, далеко восходит за 1757 г. В первой половине XVIII столетия она, по-видимому, служила пограничным сторожевым постом и называлась «Нижний острог» [11, с. 80].

В популярных в начале XX в. Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и Большой энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова, имеются отдельные статьи о Сретенске, однако в обоих случаях дата его основания не обозначена [25, с. 30]. Станица Стретенская в церковных книгах за 1757 г. называется «Нижним Острогом», а с 1784 г. – городом. В 1790 г. Стретенск опять переименован в Нижний Острог, очевидно, «не оправдав своего городского названия». Более точных данных получить не удалось, хотя к трехсотлетнему юбилею официальные запросы посылались в государственные архивы Москвы и Иркутска. И все-таки вопрос, когда возник Сретенск, остается до конца невыясненным [17, л. 2].

Сретенск принадлежит к старейшим селениям Забайкалья. Выбирая места для зимовий и острогов, казаки учитывали «удобства местности» не только для «наблюдения и обороны», но также и для хлебопашества, и скотоводства. Вот почему первые крепостные сооружения русских возводились по берегам рек [34, с. 149]. В то время при выборе места для поселения исходили, прежде всего, из требований обороны, хотя принимали во внимание и условия торговли, развития сельского хозяйства, транспорта. Для города или острога надо было «разыскать место лучшего, которого было угодно, накрепко и водяно и лесно и впредь бы в том месте острогу и городу стоять было мочно, и всякие торговые люди с товарами мимо того острога не обходили некоторыми дорогами» [13, с. 3-4].

Исходя из требований, предъявляемых к строительству острогов, в 1689 г. на правом берегу Шилки в устье р. Куренги на высокой горе казаками был основан Сретенск, сначала как зимовье, затем острог [16, л. 68]. Острог был обнесен частоколом из плотно сколоченных и поставленных вертикально бревен, заостренных сверху. Высота такого частокола достигала четырех метров [13, с. 3-4]. На четырех углах острога были сторожевые башни. Внутри в рубленых избах жили служивые люди. Здесь же была построена часовня, освященная в день праздника Сретенья Господня второго февраля 1689 г. [24, с. 4]. В честь этого праздника получил название и острог, а позднее – город.

В 1783 г. он возводится в ранг города, став центром уезда первоначально в составе Удинской провинции Иркутской губер-

нии, а затем Нерчинской области Иркутского наместничества. С этого времени, а именно с 26 октября 1790 г. по старому стилю, он имеет свой герб, который представлял щит, разделенный на две части. В верхней – герб Иркутска: бегущий тигр, который держит во рту соболя, а в нижней – на голубом поле – три слитка серебра, в знак того, что «в округе сего города находятся серебряные руды, где и сплавливаются [1, с. 162].

Из описания Сретенска 1780-1790 гг.: «достопримечательных зданий кроме одной деревянной церкви, нет. Городского укрепления не было, казенный дом один. Гостиного двора нет, хлебных заводских магазинов восемь и один с соляной лавкою. Ни училищ, ни воспитательных дворов, ни больниц, ни фабрик не имеется, да и всех обывательских домов только пятьдесят пять. Крестьяне упражняются в земледелии...» [20, с. 135-136].

В 1798 г. Сретенск утратил статус города и был переведен в категорию волостного селения с припиской всех его жителей к Нерчинску, каким и оставался до 1851 г. [16, л. 69] В эти годы он совершенно не развивался. Вот каким увидел его в феврале 1833 г. член общества «Военные друзья» Александр Иванович Вегелин: «Представьте себе деревню в самой почти оконечности восточных пределов огромного Российского государства, удаленного еще при этом от большой почтовой дороги на 71 версту, состоящую из не более девяти-десяти домов самых бедных, с маленькой каменной церковью, окруженную с трех сторон большими горами, на которых ничего более не растет, кроме небольшого березняка, у четвертой же стороны река Шилка протекает...» [17, л. 4].

После утверждения положения «О Забайкальском казачьем войске» в 1851 г. Сретенск становится казачьей станицей 3-го пешего военного отдела [31, с. 7]. Вот что пишет в своих воспоминаниях бывший политкаторжанин Л. Г. Дейч, отбывавший каторгу на Каре: «Старый дореволюционный Сретенск был типичным купеческим городом, в 1910 г. здесь было занято торговлей 39,4 процента населения» [13, с. 3].

Дореволюционная казачья станица Сретенская представляла из себя небольшое купеческое селение. Половина его жителей занимались торговлей, в промышленности было занято десять процентов, в земледелии – чуть более трех процентов населения. Ни

книг, ни культурных развлечений в городе не было. Но культура и просвещение проникают и сюда. Ее приносят в начале XIX в. лучшие люди России, сосланные на каторгу. Через Сретенск прошли декабристы и петрашевцы, народовольцы и польские повстанцы. В 1833-1837 гг. в Сретенске отбывали каторгу декабристы А. И. Вегелин и К.Г. Игельстром [15, с. 2-3].

Благодаря активному освоению русскими амурских земель, интенсивному движению по Шилке на Амур и увеличившемуся грузообороту из-за открытых на Каре и по Амуру месторождений россыпного золота, станица Сретенская стала крупным перевалочным и торговым пунктом в точке пересечения сухопутного Сибирского (Московского) тракта с водной Шилкинской трассой. Московско-Сибирский тракт – колесно-гужевая дорога от Екатеринбурга до Сретенска положена в 1735 г. [35, с. 283]. Приток переселенцев, развитие торговли, пароходства и мелкой промышленности, движителями которых были иркутские, кяхтинские, нерчинские и благовещенские купцы, строительство здесь железной дороги способствовали и увеличению числа жителей станицы, и расширению самого поселения [25, с. 61-63].

В 1830 г. все силы отдаются работам по розыску золота. Здесь было открыто много месторождений [17, л. 4]. Так, именно золотодобыча со второй половины XIX в. благоприятствовала формированию купечества. Значительная прослойка еврейского купечества объяснялась ссылкой. Многие высланные в Сибирь занимались торговлей, часть торговцев становилась купцами. Концентрация еврейского купечества объяснялась и выгодным положением станицы как торгового узла, близостью золотых приисков и возможностью торговли с Китаем.

К началу XX в. Сретенск неузнаваемо изменился, став средоточием красноярских, иркутских, нерчинских и кяхтинских торговых домов. В городе насчитывалось свыше 25 крупных торговых фирм, более 60 купцов и множество мелких торговцев, включая и китайских. Купцы поставляли товар в Приамурье, Приморье, Охотско-Камчатский край, в Европейскую Россию и Англию, торговали с Маньчжурией [21, с. 13].

Станица Сретенская в конце XIX в. состояла почти сплошь из деревянных построек. Вот что пишет в записках А.К. Белявский:

«Сретенск живописно расположен в котловине, замкнутой со всех сторон высокими горными цепями, вытянулся в длину по правому берегу километров на 5 широкой полосой в 3–4 улицы. Окрестности напоминают Кавказ в миниатюре. Дома тогда строились исключительно деревянные, как всегда в сибирских городах, только позже стали строить каменные дома» [4, с. 81].

В этот период в Сретенске была большая таможня, 105 торговых заведений, почтовая станция, казачество, три пароходных общества, три банка: Русско-Азиатский, Сибирский торговый банк, банк взаимного кредита. Промышленные предприятия: три паровые мельницы, лесопильный завод В. М. Лукина, шубный завод Середкина, два пивоваренных завода И.Е. Шустова и В.М. Лукина, три паровых мукомольных мельницы и водяная мельница Мыльниковая, Малышева-Козлова и Телицына, лесопильный, красочный, кирпичный заводы Шустова в районе пади Филиппиха, два кожевенных завода, пимокатный, веревочный, дроболитейный, мыловаренный завод С. Х. Вейнермана. Заведение искусственных минеральных вод, два колбасных заведения. Одна электростанция, принадлежавшая З.Я. Андоверову [13, с. 3–4].

Хотя печально известная Карийская каторга к тому времени перестала существовать, вниз по реке Шилке через Сретенск шли и шли пароходы, с трюмами, полными бритоголовых арестантов, плашкоуты перевозили сотни закованных в кандалы людей, направляющихся к месту каторги в Александровский завод и Горный Зерентуй, на строительство Амурской колесной дороги [30, с. 1].

Ниже по течению Шилки в районе так называемой Перевозной падушки (пади) находилась паромная переправа местного (матоканского) предпринимателя Бубнова. Еще ниже, от района Теребиловки, начинались дома и строения богатых сретенцев: Лукина, Позднякова, Телицына и др. Ближе к центру строились купцы Коляденко, М. А. Штейн, С. Х. Вайнерман, Эдельштейн, И. Е. Шустов и др. А в восточной части города разместились предприятия промышленника и коммерсанта С. Я. Андоверова. Перед началом первой мировой войны по объемам торговли в Забайкалье Сретенск уступал только Чите и стоял на одном уровне с Верхнеудинском [32, с. 106–121].

После постройки железной дороги Сретенская станция явилась ее конечным пунктом. Благодаря этому сильно развились торговля и промышленность, а станция быстро разрасталась. Когда была проведена Китайско-Восточная железная дорога, отвлекшая от Сретенской железнодорожной ветви большинство грузов, значение Сретенска стало падать. Но во время строительства Амурской железной дороги (1908-1916 гг.) грузы для нее пошли через Сретенск, усилилось пассажирское движение, город вновь ожил. Однако такая ситуация, как и раньше, наблюдалась главным образом во время навигации. По-прежнему зимой жизнь здесь замирала, население сокращалось из-за оттока пришедшего рабочего люда.

В марте 1922 г. Сретенск становится уездным городом [3, с. 90]. В то время в Сретенске жили богатые купцы. Так, Я. С. Андоверов имел кожевенный, шубный, красочный мыловаренный, лесопильный, клееварный, пимокатно-войлочные заводы, электростанцию, горно-промышленные и торговые предприятия [29, с. 114]. Братья Мошковичи Соломон и Григорий владели дроболитейным и мыловаренным заводами. В Сретенске Г. П. Мошкович жил в красивом двухэтажном особняке на Береговой улице [29, с. 118]. Второв – известный в Сибири и на Урале миллионер, сам никогда не был в Сретенске, однако это не помешало ему иметь свое представительство и дом (ныне здание районного дома культуры) [29, с. 113].

В конце XIX – начале XX вв. в черте города было шесть действующих церквей: Храм Сретения Богородицы, Свято-Георгиевская церковь – на православном кладбище, церковь на переселенческом пункте, гарнизонная церковь, церковь на заводе Я.С. Андоверова и молельная комната в городском училище. Еврейское общество построило двухэтажную деревянную синагогу по ул. Большая Средняя [28, с. 30].

Если взглянуть сегодня на город с высокой Крестовой сопки, что за кладбищем, то даже с первого беглого осмотра можно увидеть, что Сретенск еще и сегодня город деревянный. Таким он сложился исторически: вокруг много лесов, поэтому в течение двух столетий дома здесь строили деревянные. И только в конце XIX вв. была сделана попытка построить полукаменные дома.

В 1912 г. братья Штейн взяли подряд и возвели высокую кирпичную ограду вокруг еврейского кладбища [17, л. 23]. В 1917 г. организована учительская семинария и открыты четыре класса смешанной гимназии; действовали железнодорожная и еврейская школы, четыре начальные школы, две больницы, почтово-телеграфная контора, два иллюзиона, клуб приказчиков, зимний и летний театры при гостинице Штейна. В городе были две библиотеки: общества приказчиков и членов почтово-телеграфной конторы, недоступные для большинства жителей. В 1923 г. была восстановлена паровая мельница, а в 1925 г. открылась типография акционерного общества «Печатное дело» [3, с. 90-91].

Сретенск при определенных обстоятельствах неоднократно использовался для различных целей. Так, в период Первой мировой войны с лета 1915 г. по 1917 г. на территории населенного пункта размещались военнопленные, нижние чины австро-венгерской и немецкой армии; с осени 1918 г. по август 1920 г. – подразделения японского экспедиционного корпуса; с сентября 1919 г. патронат для выздоравливающих воинов Белой Армии [27, с. 59].

Советский период внес свои коррективы в развитие поселения. В 1926 г. Сретенск становится окружным центром Дальневосточного края, в состав которого вошли восемь районов: Газимуро-Заводский, Жидкинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Олинский, Сретенский, Усть-Карский и Чернышевский [31, с. 22].

В 1930 г. здесь был открыт краеведческий музей на материалах, переданных из школьного краеведческого музея педтехникума [18, л. 8]. В 1936 г. в городе был объявлен сбор средств на строительство памятника В. И. Ленину. Рабочие и служащие района внесли половину дневного заработка, колхозники – по трудодню. Памятник был отлит и установлен в центре Сретенска [31, с. 27]. В 1947 г. была запущена в эксплуатацию механизированная маховичная фабрика. Летом 1959 г. в Сретенске открылась станция скорой медицинской помощи. С апреля 1953 г. в Сретенске начала работать автотранспортная контора [31, с. 36]. В 1949 г. заработала макаронная фабрика [18, л. 9]. Средняя школа № 1 открыла свои двери для детей в 1962 г. В 1966 г. на площади «Жертв Революции» поставлен памятник Ф.А. Погодаеву. В 1971 г. открыта сред-

няя школа № 2. По ул. Луначарского в сентябре 1976 г. открылась гостиница «Заря» [18, л. 10].

В августе 1986 г. был построен новый большой мост, который надежно связал между собой берега Шилки [31, с. 43]. Этот автомобильно-пешеходный мост является одной из достопримечательностей современного Сретенска.

В 1989 г. Сретенск торжественно отметил свое 300-летие [18, л. 10]. В 1990 г. он был включён в список исторических населённых мест РСФСР. По Сретенскому району было зарегистрировано 150 памятников архитектуры, в т.ч. памятники города – Банк взаимного кредита, Кинематограф Вейнермана «Гранд – иллюзион Меркурий», усадьба Мошковича, Сибирский торговый банк, улицы, Свято-Георгиевская церковь и др.

Современный Сретенск является одним из старейших забайкальских городов, со своей историей и достопримечательностями он и сегодня по-прежнему крупный населенный пункт. В нем находится более 90 объектов культурного наследия [2, с. 6-7]. В марте 2008 г. Сретенск стал центром муниципального образования «Сретенский район» Забайкальского края. А в 2015 г. исполнилось 80 лет со дня основания Сретенского судостроительного завода. В том же году в городе открыт Парк Победы. После масштабной реконструкции в ноябре 2017 г. заработал городской парк отдыха. В сентябре 2018 г. в Сретенске состоялось торжественное открытие стадиона. Свое 330-летие Сретенск отметил 31 августа 2019 г. открытием памятника в честь основания города, по проекту школьницы Росаны Перебоевой.

Осенью 2020 г. открылся речной вокзал, ремонт и реконструкция которого были начаты в 2019 г. Летом 2020 г. Сретенск победил в IV Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды в категории «Малые города с численностью населения до 20 тысяч человек включительно». Победителями стали 160 проектов, в том числе и три города Забайкальского края – Борзя, Краснокаменск, Сретенск [22, с. 1].

Сегодня город производит неоднозначное впечатление: он как бы приостановился в своем развитии, но ценный в историко-художественном отношении фонд продолжает безжалостно разрушаться временем. Памятники ветшают и находятся (значительное

их количество) в состоянии аварийном или предаварийном. Но Сретенск – это город с интересной историей, насыщенный событиями прошлого, он входит в пятерку старейших городов Забайкалья. Ценность его наследия будет с каждым годом возрастать и, будем надеяться, великолепное наследие исторического поселения будет сохранено для будущих поколений.

Примечания

1. Балабанов В. Ф. Строкой и памятью отмечено... Чита : Экспресс-издательство, 2007. С. 162.
2. Балдандоржиев Ж. Б. Историческое наследие города Сретенск // Молодой ученый. 2010. № 12, Т. 2. С. 6-7.
3. Бардакова В. В., Жеребцова Т. И. Сретенск // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4 т. Т. 4 / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2006. С. 90-91.
4. Белявский А. К. Записки военного врача. Чита : Экспресс-издательство, 2016. С. 81.
5. Белявский А. К. Сретенск // Сретенский район: история и современность : сб. статей и материалов. Чита : Экспресс-издательство, 2009. С. 63.
6. Большая советская энциклопедия. Т. 52 / под ред. С. И. Вавилова, К. Е. Ворошилова, А. Я. Вышинского [и др.]. М., 1947. С. 514.
7. Большая советская энциклопедия. Т. 40. / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. М., 1957. С. 390.
8. Большая советская энциклопедия. Т. 24, ч. 1. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1976. С. 388.
9. География Забайкальского края : учеб. пособие. Чита : Экспресс-издательство, 2009. С. 187.
10. Дворниченко Н. Е. Край, в котором ты живешь. Чита : Читин. кн. изд-во, 1963. С. 51.
11. Дудченко И. С. Станица Стретенская (Забайкальской области), ее народонаселение и санитарный быт // Сретенский район: история и современность : сб. статей и материалов / И. С. Дудченко. Чита : Экспресс-издательство, 2010. Вып. 2. С. 80.

12. История заселения региона. URL: <https://1baikal.ru/obajkale/istoriya-regiona/istoriya-zaseleniya-regiona/> (дата обращения: 09.08.2018).

13. Карначеева С. Из прошлого нашего города // Советское Забайкалье. 1989. № 77-79. С. 3-4.

14. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года) : учеб. пособие по региональному компоненту образования. Чита : ЦНОП : Изд-во ЗабГПУ, 2002. С. 5.

15. Коптелов Л. Родословная Сретенской печати // Советское Забайкалье. 1971. 9 сент. С. 2-3.

16. МАСР (Муниципальный архив Сретенского района). Ф. 302. Оп. 1. Д. 43. Л. 38, 68, 69.

17. МАСР. Ф. Р-306, Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 4, 23.

18. МАСР. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 9, 10.

19. МАСР. Ф.1. Р-39. Оп. 1. Д. 1. Л.1.

20. Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск : Наука, 1988. С. 135-136.

21. Пичуев К. Развитие Сретенского района в 19 веке // Совет. Забайкалье. 2019. 7 марта. С. 13.

22. Попова И. Место встречи – Сретенск // Совет. Забайкалье. 2020. 10 сент. С. 1.

23. Самойлова Е. Наш город (Сретенск) в прошлом // Совет. Забайкалье. 1969. 31 мая. С. 4.

24. Самойлова Е. Наш город (Сретенск) в прошлом // Совет. Забайкалье. 1969. 3 июня. С. 4.

25. Сретенск / под ред. К. К. Ильковского. Чита : ЗАБГУ, 2014. С. 30, 61-63.

26. Сретенск. Страницы истории. Чита : Экспресс-издательство, 2009. С. 5, 6.

27. Чащин А. И. Сретенск. Исторические вехи. Чита : Профи, 2014. С. 59.

28. Сретенск на старых открытках и фотографиях / сост. : А. И. Чащин, О. Ю. Черенщиков. Чита : Экспресс-издательство, 2011. С. 30.

29. Сретенский район: история и современность : сб. статей и материалов. Чита : Экспресс-издательство, 2008. С. 113, 114, 118.

30 Чапыгин В. П. В сумерках, перед рассветом // Совет. Забайкалье. 1986. 2 окт. С. 1.

31. Чапыгин В. П. Город Сретенск и его окрестности : крат. ист.-геогр. очерк. Сретенск, 1991. С. 2, 7, 22, 27, 36, 43.

32. Чапыгин В. П. Становление купечества и социально-экономическое развитие Сретенска во второй половине XIX – начале XX вв. // Сретенский район. История и современность : сб. статей и материалов. Чита : Экспресс-издательство, 2008. Вып. 1. С. 106-121.

33. Щербань Б. С. Амур : путеводитель. Хабаровск, 1960. С. 51.

34. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 2 т. Т. 1. Общий очерк. 2-е изд., испр. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2002. С. 149.

35. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. 3. Новосибирск : Наука, 2006. С. 283.

УДК 758-051(571.1/.5)«19»

Мотренко В. С., г. Петровск-Забайкальский, Россия

Motrenko V. S., Petrovsk-Zabaikalsky, Russia

**ДЕКАБРИСТ ПЕТР ИВАНОВИЧ БОРИСОВ:
ХУДОЖНИК, РИСОВАВШИЙ ЖИЗНЬ**

**THE DECEMBRIST PETR IVANOVICH BORISOV:
ARTIST WHO PAINTED LIFE**

Статья посвящена научной деятельности декабриста Петра Ивановича Борисова в области природы. Научное наследие, оставшееся после П.И. Борисова, состоит из оригинальных трудов, переводов, метеорологических измерений и природоведческих рисунков.

The article is devoted to the scientific activity of the Decembrist Petr Ivanovich Borisov in the field of nature. The scientific heritage left after P.I. Borisov consists of the original works, translations, meteorological measurements and natural history drawings.

Ключевые слова: декабрист, Сибирь, природа, ботаника, растения, фауна, рисунок, природоведение, научное наследие.

Keywords: Decembrist, Siberia, nature, Botany, plants, fauna, drawing, natural history, scientific heritage.

Декабристы в Сибири – это тридцатилетний период в истории России, большой вклад внесли «государственные преступники» в развитие далекой от России глубинки. Занимались просвещением, врачеванием, развитием науки и культуры, и, конечно же, природа Сибири, произвела на декабристов глубочайшее впечатление.

Изучение флоры и фауны началось уже во время перехода декабристов из Читы в Петровский завод (1830 г.). Поход был труден, но после почти четырехлетнего пребывания в Чите «путешественники поневоле» с глубоким наслаждением любовались природой Забайкалья, неповторимыми ландшафтами, изрезанными перелесками, долинами петляющих речек. Округлые сопки, сменяемые неожиданно странными хребтами с каменистыми вершинами, казались издали развалинами древних городов. Трудно сказать, чем руководствовался комендант, облеченный почти неограниченной властью над заключенными, организовав им возможность более тесного знакомства с природой края изгнания. А она предстала перед декабристами во всей красе забайкальской осени. «В Восточной Сибири, и особенно за Байкалом, природа так великолепна, так изумительно красива, так богата флорой и приятными для глаз ландшафтами, что, бывало, невольно, с восторженным удивлением, простиошь несколько времени, глядя на окружающие предметы и окрестности. Воздух так напитан ароматами душистых трав и цветов, что, дыша ими, чувствуешь какое-то особенное наслаждение», – вспоминал позднее Н. В. Басаргин [3, с. 128].

Одним из яростных любителей природы был Петр Иванович Борисов (1800-1854 гг.), а также и его старший брат, неизменный друг и помощник Андрей Иванович Борисов (1798-1854 гг.). Они являлись основателями и руководителями Общества соединенных славян, которое затем слилось с Южным обществом. Еще, будучи юнкерами, в 1917 году два брата основали «Общество друзей природы». Петр Иванович был основным автором программных документов и девизов всех этих обществ, президентом общества

соединенных славян. Название «Общество друзей природы» имело для Петра Ивановича глубокий философский смысл, ведь в природе он видел основу всего сущего, почитал совершенство ее во всех проявлениях и мечтал о переустройстве человеческого общества согласно ее нормам. В правилах, составленных им для членов общества друзей природы, говорилось, что все они должны «почитать науки, художества и ремесла, возвышая любовь к ним до энтузиазма» [5, с. 78].

Петр Иванович, вместе с братом Андреем получили домашнее воспитание. Отец их, дворянин, офицер Черноморского флота – Иван Андреевич Борисов, человек просвещенный и гуманный, не имевший ни поместий, ни крепостных крестьян, был единственным учителем и наставником своих сыновей. Он, в прошлом преподаватель военных учебных заведений, дал им основы знаний по географии, истории, астрономии.

В дни выступления Черниговского полка, братья делали все возможное, чтобы содействовать успеху восстания, они принадлежали к числу сторонников самых решительных действий.

Петр Иванович был арестован в январе, а Андрей Иванович в марте 1826 года. Они были привезены в Петербург и заключены в Петропавловскую крепость.

Братья, отнесенные к 1 разряду, были приговорены к вечной каторге, которая, после смягчения приговора, была заменена пятнадцатью годами [5, с. 54].

Первая партия декабристов, 8 человек, отправленных после приговора в Сибирь, провела неподалеку от Нерчинска, в руднике Благодатском около года. Среди них были и братья Борисовы. Судьба русских ученых, в частности, декабристов Борисовых, судьба их научных трудов – одна из самых трагических. Борисовы сделали для науки все, что могли в тех условиях, в которые были поставлены; нет, они сделали для развития русской науки, гораздо больше, чем могли.

Там, в жесточайших условиях каторги, во время редких прогулок, совершаемых в цепях по берегу Аргуни, братья Борисовы первыми из всех декабристов приступили к научной работе, которую не прекращали все долгие годы своей ссылки в Сибири. Мария Николаевна Волконская вспоминала: «Братья Борисовы,

страстные естествоиспытатели, собирали травы и составляли коллекцию насекомых и бабочек» Это в кандалах, после работы под землей, в шахте, в редкие часы прогулок и отдыха! [6, с. 35].

Борисовы были тихие, молчаливые, скромные люди, всякому готовые помочь и услужить. Преданность братьев друг другу не имела границ, и с каждым годом они становились все более похожи друг на друга. Воспоминания товарищей и друзей рисуют братьев необыкновенно покорными, беззлобными, тихими.

Из воспоминаний И. Д. Якушкина о Петре Ивановиче: «Он был самого скромного и кроткого нрава, никто не слыхал, чтобы он когда-нибудь возвысил голос...» Знаменитый врач-сибиряк Н. А. Белоголовый, который в отрочестве учился у Петра Ивановича, рассказывая о своем учителе, не устает с умилением удивляться его «непомерной безобидности», его «незлобivosti» и «любящей душе» [2, с. 56].

Не получив должного образования, не учившиеся ни в каких учебных заведениях, эти скромные люди, в течение всей своей жизни упорно занимались самообразованием. С молодых лет они были увлеченными натуралистами, в Сибири вели природоведческие наблюдения, создали естественнонаучные коллекции. Одновременно они стремились овладеть различными ремеслами и художественными навыками.

Андрей Иванович освоил переплетное дело, Петр Иванович стал художником. Навыками акварельной живописи Петр Иванович овладел еще до ареста. Насколько важна была для него живопись, можно судить по тому, что он, не имея в Петербурге родственников или близких знакомых, сумел приобрести все для нее необходимое, находясь в Петропавловской крепости. В Сибирь он вез с собой из Петербурга все рисовальные принадлежности, которые по прибытию в Благодатский рудник были сразу же у них изъяты [1, с. 45].

В Петровском Заводе братья Борисовы отбывали каторгу с 22 сентября 1830 года по 27 июля 1839 года. И в Чите, и в Петровском Заводе Петр Иванович много рисовал. Вспоминая эти годы, Дмитрий Иринархович Завалишин отметил, что Борисов «нарисовал акварелью виды всех растений Даурской флоры и изображения почти всех пород птиц Забайкальского края» [1, с. 371].

Научное наследие, оставшееся после П. И. Борисова, со-

стоит из оригинальных трудов, переводов, метеорологических измерений и природоведческих рисунков. Это его наследие свидетельствует о безграничной любви декабриста к природе, о его восторженном восхищении ее совершенством. Несомненно, что природа Забайкалья, Петровского Завода, произвела на Петра Ивановича огромное впечатление и нашла отражение в его творчестве.

Исследователь художественного наследия декабристов М. Ю. Барановская, характеризуя творчество Петра Ивановича, писала: «Борисов составил большие коллекции зарисовок различных экземпляров цветов, птиц и насекомых, с изумительным вкусом подобрав краски для передачи довольно сложных цветовых комбинаций. Здесь он показал себя непревзойденным мастером, тонким художником» [4, с. 111].

Все декабристы высоко ценили его талант художника. Николай Александрович Бестужев писал своей сестре: «Петр Иванович Борисов отличный ботаник и натуралист; я бы желал, чтобы ты видела его собрания бабочек и букашек здешнего забайкальского края. Чтобы ты посмотрела его альбом, в котором нарисованы все цветы и все птички здешней стороны» [5, с. 69].

И сам Петр Иванович, и все его друзья-союзники не раз писали, что рисовал он с натуры, с живой природы, стремясь к предельной точности в воспроизведении оригинала. И, наверное, поэтому всех, кто впервые знакомится с его акварелями, поражает фотографическая точность воспроизведения растительного царства Забайкалья, с присущей ему богатейшей палитрой красок.

Акварели Петра Ивановича Борисова с изображением растений Петровского Завода, букеты представляют собой отдельные подарочные листы, а также ливрезоны (тонкие книжечки в мягкой обложке).

Отдельные рисунки растений Петровского Завода Петр Иванович посылал для Ботанического сада Академии наук в Петербург и в Московское общество испытателей природы при Московском университете. Связь декабриста с Ботаническим садом осуществлялась, прежде всего, М. Н. Волконской, поскольку директор его, профессор Ф. Б. Фишер, был близко знакомым Волконских и Раевских. Ее письма рассказывают о том, что Фишер отправлял в Сибирь книги, семена растений и даже булавки для коллекций

насекомых.

Много своих работ он подарил друзьям-декабристам и их женам. Его акварели, выполненные в Петровском-Заводе, хранились в семейных собраниях Николая и Михаила Бестужевых, М. Н. Волконской, Е. И. Трубецкой.

Декабрист Фролов вспоминал, что в казематах Петр Иванович занимался научной работой не менее шестнадцати часов в сутки. Камеры братьев Борисовых в Петровском каземате, по свидетельству их товарищей, были настоящим музеем. Начав собирать насекомых, засушивать травы и цветы еще в Благодатке, зарисовывать птиц, набивать их чучела еще в Чите, братья Борисовы сильно пополнили свои коллекции по дороге из Читы в Петровский Завод. Здесь, в каземате Петровского Завода, их камеры стали центром естественнонаучного изучения края.

Сохранились некоторые материалы, связанные с научными занятиями П. Борисова.

Работа Борисова виртуозна по точности и тонкости исполнения, в первую минуту не верится, что все сделано кистью. Необыкновенно искусно переданы все оттенки расцветки – зеленовато-оливковое, желтовато-зеленое оперение пеночки, серо-голубая спинка, черная шапочка и красная грудка снегиря; желтовато-оранжевый хохолок королька – и самая фактура оперения – ее нежная шелковистость.

Каждая птица сидит на ветке того дерева, где можно встретить ее чаще всего. Она сидит, повернув голову или вздернув хвост, или нацелившись клювом на муху в той трудно уловимой и с чрезвычайной точностью воспроизведенной позе, которая свойственна именно данному виду птиц. Поэтому эти акварели невольно можно назвать портретами.

Этот труд П. И. Борисова свидетельствует о том, что такое воспроизведение природы доступно ученому, обладающему даром и взглядом художника.

П. И. Борисов рисовал на протяжении всех лет заточения, но наиболее плодотворный период его творчества начинается с 1942 года, времени поселения братьев Петра и Андрея Борисовых в Малой Разводной, где были созданы более благоприятные условия для художественных занятий. В этот период был создан альбом

«Букет Восточной Сибири» (по заказу К. Я. Дарагана), содержащий шестьдесят шесть изображений цветов [1, с. 349].

Самой большой и последней работой П.И. Борисова стала серия рисунков, выполненных для И. Д. Булычева, она состоит из 7 альбомов (281 рисунок), 179 рисунков (4 альбома) посвящены орнитологии, 86 рисунков (2 альбома) объединены в разделе «Сибирь. Забайкальская флора».

Альбомный заглавный лист №519, на котором видна рамка из цветов (лилия карликовая, купальница, рододендрон даурский, красоднев малый, выюнок), расположена надпись «Очерк изящной флоры Забайкальского края», выполненная акварелью. Перекрещивающиеся жарки (купальница) и ветка багульника (рододендрон даурский) являются как бы символом забайкальской флоры. Само название листа, открывающего альбом №519, говорит о том, что П. И. Борисов, по всей вероятности, готовил научный труд, посвященный описанию цветов и растений Забайкалья, и эта работа, к сожалению, осталась незавершенной. Последний, седьмой, имеет название «Сибирь. Энтомология и зоология» и составляет 16 рисунков. Серия рисунков, выполненная для И.Д. Булычева единственная, которая полностью сохранилась до наших дней и до сих пор хранится в собрании Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета.

Все декабристы ценили талант художника П. И. Борисова, и все они настолько привыкли видеть его за работой, что сложилась легенда о том, что он умер, рисуя цветы: М. А. Бестужев ... он в одно утро, копируя с живых цветов букеты из Забайкальской флоры, едва ли не лучше самого Одюбона, с кистью в руке, склонил голову на стол и отошел в вечность [4, с. 94].

Здесь интересно то, что Бестужев сравнивает Петра Ивановича с Джоном Одюбоном, американским натуралистом и художником, который прославился своим многотомным трудом «Птицы Америки».

Собрание акварелей П. И. Борисова, написанных им в условиях каторги и ссылки, представляет собой удивительный памятник, ценный источник для истории русской науки и культуры. А для нас, жителей Забайкалья XXI в., научное и художественное наследие братьев Борисовых бесценно.

Его акварели вызывают гордость за удивительную природу нашего края, помогают увидеть неповторимую красоту наших цветов и растений, осознать уникальность нашей природы.

Примечания

1. Куйбышева К. С. Акварели декабриста Петра Ивановича Борисова. М. : Искусство, 1986. 549 с.
2. Миронова И. А. Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин. М. : Просвещение, 1987. 106 с.
3. Порох И. В. Н. В. Басаргин : воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 541 с.
4. Принцева Г. А. Декабристы в изобразительном искусстве. М. : Искусство, 1990. 230 с.
5. Сергеев М. Д. Декабристы в Сибири. М. : Сов. Россия, 1988. 261 с.
6. Соловьева Т. Л. Записки княгини Волконской. Чита : Читин. кн. изд-во, 1991. 84 с.

УДК 069.016(571.52)

Оюн О. М., г. Кызыл, Мишакова О. Э., г. Улан-Удэ, Россия

Oyun O. M., Kyzyl, Mishakova O. E., Ulan-Ude, Russia

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЧЫРГАЛАНДИНСКОЙ ШКОЛЫ ТЕС-ХЕМСКОГО КОЖУУНА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

PRESERVATION AND POPULARIZATION OF LOCAL HIS- TORY ON THE EXAMPLE OF THE LOCAL HISTORY MUSE- UM OF THE CHYRGALAND SCHOOL OF TES-KHEM KO- ZHUUN OF THE REPUBLIC OF TUVA

Авторы статьи на основе неопубликованных источников показывают этапы становления и развития одного из школьных историко-краеведческих музеев Тес-Хемского кожууна Тывы. Приводят информацию о выдающейся личности Ю. Аранчына, имя кото-

рого было присвоено впоследствии музеем. Отмечают роль школьного музея в сбережении и популяризации локальной истории – истории родного края.

On the basis of the unpublished sources the authors of the article show the stages of the formation and development of one of the school local history museums of the Tes-Khem kozhuun of Tuva. They present information about the outstanding personality of Yu. Aranchyn, whose name was later given to the museum. The role of the school museum in preserving and popularizing local history – the history of the native land is emphasized.

Ключевые слова: локальная история, краеведение, школьный музей, Тес-хемский кожун, Республика Тыва.

Keywords: local history, school museum, Tes-Khem kozhuun, the Republic of Tuva.

В современной России декларируется, что культурное наследие – это основа развития общества, которое способствует устойчивому развитию не только государства в целом, но и отдельных регионов в частности, влияет на решение задач экономического и социально-культурного развития.

Сохранение, поддержание, распространение культурного наследия является, как известно, одной из важнейших задач культурной политики России, которая касается всех субъектов страны. Тыва здесь не исключение.

Тес-Хемский кожун Республики Тыва является одним из крупных муниципальных районов. В состав кожууна входят семь сельских поселений. От районного центра в трех километрах находится село Белдир-Арыг, где расположена чыргаландинская школа, при которой работает историко-краеведческий музей-класс им. Юрия Аранчына.

Чыргаландинская семилетняя школа была открыта 15 октября 1950 г. Первый выпуск дал плеяду талантов, которые впоследствии прославили родной край, а именно: Сырат Владимир Борисович – первый профессиональный лучник Тывы, мастер спорта СССР; Сувандии Била Максимовна, Заслуженный учитель РФ; Симчит Тииле Дадаровна, первый профессиональный библиотекарь Тывы; Эртине Очур-Хоо Сагдыевна, Заслуженный работник обра-

зования РТ; и, наконец, первый директор школьного музея Юрий Аранчын.

В 1975-1976 учебном году школа была переименована в среднюю 10-тилетнюю школу. По воспоминаниям Отличника народного просвещения РФ, Заслуженного работника образования РТ, ветерана труда З. К. Сондуймаа можно установить, когда было принято решение о создании школьного музея: «На педагогическом совете с вопросом о подготовке к 50-летию школы было принято решение об открытии пришкольного музея. Создан оргкомитет в составе директора школы В. Д. Соян, завуча и внеклассного организатора А. Л. Чаптыновна» [1].

Здесь уместно отметить, что феномен школьного музея сохранился со времен существования Советского Союза, когда мощно была развита краеведческая работа, почти сошедшая на нет в сложные 90-е гг. XX в., но вновь получившая свое развитие уже в новейшее время, и перешел в наследство современной России.

Возвращаясь к теме, продолжим, что на основании решения педагогического совета школы от 20 мая 2000 г. в целях развития патриотического и духовно-нравственного воспитания учащихся школы директором В. Д. Соян был издан приказ «О создании школьного музея» [2].

Оргкомитет утвердил план мероприятий по открытию музея, требующий немалых капиталовложений. Юбилей школы состоялся 7 октября 2000 г. В этот же день торжественно открылся и школьный музей. Площадь экспозиции заняла два кабинета.

Экспозиция в первом кабинете посвящалась истории Республики Тыва. Были представлены предметы быта тывинского народа в количестве 57 единиц. Во втором кабинете были выставлены предметы из истории самой школы. Портреты учителей, альбомы, оформленные обо всех учителях, работавших в школе с момента основания и до 2000 г., альбом о пионервожатых и др.

Один из тематических разделов был посвящен выпускникам, которыми гордится школа. Здесь же были представлены списки первых первоклассников и первых выпускников 7, 8, 9, 10 классов. А в двух альбомах, кроме фотографий, даны списки всех выпускников Чыргаландинской школы за 50 лет.

Следующий раздел был представлен информацией и материалом об известных личностях сумона. Заголовок тематического комплекса красноречиво гласил: «Ключи от хорошей жизни одни – работа, работа и еще раз работа». Под ним 20 портретов земляков, которые внесли вклад в развитие не только сумона, а всей Тывы. На подиуме были выставлены альбомы и раскладушки с фотографиями и биографиями известных личностей сумона.

Подобный раздел, на взгляд руководителя музея, был и остается оптимальным для профориентационной работы среди учащихся школы.

Для того, чтобы наполнить экспонатами тематические разделы экспозиции о развитии села, все организации подключились к составлению репрезентативной информации о своей истории и сбору материала.

Изучая годовые отчеты музея, находим, что в 2001-2002 учебном году в школьном музее начали проводиться первые экскурсии [3, с. 6]. Также с целью популяризации истории родного края все организации села были разделены на группы, для которых были выделены отдельные дни и часы посещения музея и проведены просветительские лектории.

Как во всех школьных музеях при Чыргаландинской школе создан актив музея, который задействован в постоянной краеведческой работе, принимает участие в различных краеведческих и исторических конкурсах и конференциях.

Например, в 2002 г. в Республиканской неделе «Музей и дети» член актива – Артыш Сагаан занял I место в номинации «Лучший экспозиционер», Буяна Соян заняла II место в номинации «Лучший экскурсовод» [4, с. 20].

С момента открытия музея директором школы, руководителем музея, экскурсоводами, а также неравнодушными учителями проделана немалая работа по сбору и комплектованию коллекций музея.

Одной из форм поисковой работы школьного историко-краеведческого музея являлась работа с архивными документами и периодической печатью. Кроме того, проведены многочисленные встречи с участниками Великой отечественной войны, других зна-

чимых для Тывы и кожууна исторических событий, проводились беседы и интервью.

В 2006 г. музей переехал в новое отдельно стоящее напротив школы здание площадью 191 кв. м. и постоянная экспозиция музея разместилась в трех залах. Первый зал обновленной экспозиции стал представлять повседневную жизнь тувинского народа. Здесь неподдельный интерес всегда вызывала и продолжает привлекать внимание несколько экспрессивных экспонатов, а именно – макет юрты (один из первых экспонатов музея) и тувинская люлька, переданная в дар музею семьей Сувандии, известных животноводов республики. Уникальна легенда этого экспоната. В люльке выросло 10 детей семьи Сувандии, она передавалась по наследству. На деревянной люльке – символы бесконечности. По тувинскому поверью, этот знак должен оберегать новорожденных от сглаза и болезней.

Во втором зале музея освещается история школы, известные учителя и выпускники, также есть уголок, посвященный Великой Отечественной Войне. Третий зал посвящен амбын-нойонам Урянхая. А также Юрию Лудужаповичу Аранчыну. Юрий Аранчин родился 21 декабря 1926 г. в Чыргаландинском сумоне Тес-Хемского кожууна в семье арата-скотовода. В числе первых выпускников окончил в 1947 г. с серебряной медалью школу №2 г. Кызыл, поступил на Восточный факультет Ленинградского университета и в 1952 г. окончил его с красным дипломом [5].

Вся научная деятельность Ю. Л. Аранчына неразрывно была связана с Тувинским институтом гуманитарных исследований (ныне, это Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований в г. Кызыл). Без отрыва от основной работы он подготовил и успешно защитил в 31 год кандидатскую диссертацию «Тува в годы Великой Отечественной войны» в Иркутском государственном университете и первым в Туве в 1958 г. он получил ученую степень кандидата исторических наук.

В 1980 г., когда ему было 60 лет, он блестяще защитил докторскую диссертацию «Исторический путь тувинского народа к социализму». На ученом совете Института истории и философии Сибирского отделения Академии наук СССР ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук [5].

Юрий Лудужапович, как один из ведущих историков Тувы, внес большой вклад в изучение новой и новейшей истории Тувы. 27 сентября 1997 г. его не стало, и было принято решение – увековечить память выдающегося историка, земляка. В 2006 г. его имя присвоено школьному музею, а фонды музея пополнились личными вещами Ю. Аранчына [6, с. 16].

Близкими родственниками и родными академика был создан республиканский фонд им. Ю. Аранчына. Активное участие в работе фонда принимают учителя Чыргаландинской школы, руководитель музея, музейный актив, ученики-экскурсоводы.

Экспозиция школьного музея постоянно задействована в образовательном процессе. Классы регулярно посещают музей, на его базе проводятся «живые уроки истории родного края». Гостям проводятся обзорные экскурсии. Также всем желающим возможен самостоятельный осмотр экспозиции.

Школьный музей ежегодно продолжает принимать участие в республиканской неделе «Музей и дети». В 2007 г. ученица 9 класса, юный экскурсовод музея Шенне Балданай, заняла III место в номинации «Лучший экскурсовод» [7, с. 22].

На основании протокольного решения Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения в 2009 г. Центром детско-юношеского туризма г. Кызыл официально получено свидетельство и паспорт на школьный музей, где зафиксированы наименование и профиль музея: историко-краеведческий музей-класс, профиль: историко-краеведческий [8].

В настоящее время экспозиция музея разделена на следующие тематические комплексы: краеведческий раздел, военно-патриотический раздел, раздел наши выпускники; история кожууна, профориентационный раздел, раздел быт и утварь наших предков, этнографический раздел, раздел, посвященный Ю. Л. Аранчыну, участникам Кобдинской битвы и раздел религии.

По данным паспорта фонд школьного музея составляет 570 предметов, из них: число предметов основного фонда составляет 368 единиц, предметов научно-вспомогательного – 202 единиц [9].

Актив музея на своей источниковой и информационной базе регулярно осуществляет культурно-просветительские, учебные, методические и другие мероприятия. В 2013 г. музей стал победи-

телем конкурса в номинации «Лучший музей Боевой славы и труда». В 2014 г. к 70-летию присоединения ТНР к СССР в республиканском конкурсе «100 имен Тывы» музей занял 1 место.

В 2015 г., к 15-летнему юбилею историко-краеведческого музея Ю. Аранчына, учителя и актив музея опубликовали 850 страниц архива школьного музея. Благодаря такой кропотливой работе вышла двухтомная книга, состоящая из материалов архива музея «Бурун шагданөгбемчурту – буян долган Чыргаландым» («Чыргаланды – древняя страна моих предков») [10]. Можно сказать, что это действительно уникальное издание. Название книге дал Народный писатель Тывы А.А. Даржай. Заведующая школьным музеем У. Д. Эртине являлась составителем книги, над художественным оформлением работала Б. К. Соян, а иллюстрации взяты из «Сказания о богатырях» автором, которого является профессиональный художник Тывы С. К. Ланзыы [11].

В 2016 г. музей стал победителем в республиканском конкурсе «Лучший школьный музей», а также получил номинацию «Лучший виртуальный музей». В ноябре 2016 г. на базе музея была проведена научно-практическая конференция среди учащихся школ кожууна «Мой родной кожуун: Люди. События. Факты», посвященная 90-летию юбилею доктора исторических наук, академика Ю. Л. Аранчына.

В 2020 г. планировалось провести 20-летний юбилей музея. Но из-за сложной эпидемиологической ситуации и запрета проводить массовые мероприятия, решено отпраздновать в следующем году.

Подводя итог, отметим, что школьные музеи, конечно, не претендуют на уровень государственных музеев. Они не конкурируют с крупными публичными классическими музеями. Но, благодаря энтузиазму его создателей, ученикам и музейному активу, которые скрупулезно занимаются поисковой и краеведческой работой, бережно собирают предметы – артефакты, которые репрезентативно отражают, популяризируют локальную историю, пишется летопись родного края, сохраняется и передается последующим поколениям история малой Родины.

Примечания

1. ПМА. Интервью Оюн О.М.-о. с Сондуймаа Зоей Кундуувной, учителем математики и геометрии Чыргаландинской школы, апрель 2020 г.

2. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив (Историко-краеведческий музейный класс им. Аранчына (СОШ с. Чыргаланды, Тес-Хемский кожуун, Республика Тыва). О создании школьного музея : приказ № 147/1 от 02.10.2000 г.

3. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив. Отчет о работе школьного музея имени Ю. Аранчына за 2006-2007 учебный год. С. 6.

4. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив. Отчет о работе школьного музея им. Ю. Аранчына за 2001-2002 учебный год. С. 20.

5. Копуш Л. Н. Достойный сын народа (к 90-летию со дня рождения Ю. Л. Аранчына, выдающегося историка, организатора науки в Тыве, 1926-1997). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29014646> (дата обращения: 10.12.2020).

6. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив. Отчет о работе школьного музея имени Ю. Аранчына за 2006-2007 учебный год. С. 16.

7. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив. Отчет о работе школьного музея имени Ю. Аранчына за 2007-2008 учебный год. С. 22.

8. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив. Историко-краеведческий музейный класс им. Аранчына. Архив Свидетельство Историко-краеведческого музея-класса им. Ю. Аранчына. 2009 г.

9. ИКМК им. Ю. Аранчына. Архив. Паспорт Историко-краеведческого музея-класса им. Ю. Аранчына. 2009 г.

10. Эргине У. Д. Бурун шагдан өгбем чурту-буян долган Чыргаландым. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2016. 276 с.

11. Сказания о богатырях : Тувин. героич. эпос / предисл., пер. и коммент. Л. В. Гребнева ; ил.: С. Ланзы, В. Кузнецов. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1960. 185 с.

**Николаева Л. Ю., Петров С. П., Санникова М. И.,
г. Улан-Удэ, Россия**

Nikolaeva L. Yu., Petrov S. P., Sannikova M. I., Ulan-Ude, Russia

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА АРХИТЕКТУРНОЙ
РЕСТАВРАЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ XIX в.
СЕЛА НИЖНИЙ ЖИРИМ ТАРБАГАТАЙСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

**THE PROJECT IMPLEMENTATION OF THE
ARCHITECTURAL RESTORATION OF THE OLD
BELIEVERS' HOMESTEAD OF THE XIX CENTURY IN THE
VILLAGE NIZHNIY ZHIRIM OF THE TARBAGATAI
DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

Проект архитектурной реставрации старообрядческой усадьбы XIX в. в селе Нижний Жирим Тарбагатайского района Республики Бурятия реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. При реализации проекта используется комплексный подход к реставрации, включающей консервацию и реконструкцию, и системный подход к сохранению культуры старообрядцев-семейских Забайкалья.

The architectural restoration project of the Old Believers' homestead of the XIX century in the village of Nizhniy Zhirim of the Tarbagatai district of the Republic of Buryatia is implemented with the grant use of the President of the Russian Federation for the development of civil society provided by the Fund of the presidential grants. During the project implementation, the integrated approach to restoration is used which includes conservation and reconstruction, and a systematic approach to preserving the culture of the Old Believers of Transbaikalia.

Ключевые слова: архитектурная реставрация, системный подход, традиционная культура старообрядцев-семейских Забайкалья

Keywords: architectural restoration, systematic approach, traditional culture of the Old Believers - the Semeiskie of Transbaikalia.

Проект архитектурной реставрации старообрядческой усадьбы XIX в. в селе Нижний Жирим Тарбагатайского района Республики Бурятия реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Архитектурная реставрация памятников деревянного зодчества стала особенно актуальной в последние годы в связи с тем, что в постперестроечное время большое количество памятников было утрачено по причине хаотичной застройки городов и других факторов безответственной хозяйственной деятельности. Современная архитектурная реставрация является комплексным процессом, тесно связанным с консервацией и реконструкцией. Основным направлением является сохранение не отдельной постройки, а комплекса, ансамбля, исторического ландшафта в целом. Проблемы сохранения многообразия традиционной культуры народов Российской Федерации приобретают все большую актуальность в современных условиях глобализации. Традиционная, в том числе этноконфессиональная культура народов Российской Федерации разнообразна. Каждая территория имеет свои неповторимые особенности, целесообразность сбережения которых обусловлены как этически, так и экономически. Вызывает сожаление изменение облика исторических ландшафтов. Происходит унификация и обезличивание старинных сельских поселений в связи с использованием современных облицовочных и строительных материалов. Одной из причин применения новых технологий является непонимание исторической ценности построек, недостаточное владение старыми приемами и техниками деревянного зодчества. Утрата самобытности влечет за собой снижение интереса к историческим поселениям как объектам туристского показа. Смена поколений и отток молодежи из сельской местности приводит к неуклонному вымыванию традиционной материальной и духовной культуры общества.

Этноконфессиональная культура старообрядцев Сибири является уникальной реликтовой частью российского наследия. Принудительное расселение старообрядцев на территории Забайкалья по долинам рек Селенга, Уда, Чикой преследовало несколько внутри- и внешнеполитических целей правительства, включая земле-

дельческое освоение края. Старообрядческие семьи, ссылаемые в Забайкалье с 1765 г., получили название «семейские» [1]. Старообрядцы сформировались как этноконфессиональная и этнокультурная группа. Сплоченность внутри общин способствовала их выживанию и сохранению культурных традиций на новых землях с резко континентальным климатом и менее плодородными почвами. Уникальная сохранность культуры семейских основана на выработанном в суровых условиях выживания принципе самообеспечения общины. Каждое домохозяйство обеспечивало производство всего необходимого для всех своих членов, вовлекая всех в совместный труд, соответственно жестко регламентируя образ жизни. Высокий крепкий забор (заплот) охранял двор с хозяйственными постройками. В семейских деревнях традиционный уклад сохранял основные черты почти до 1980-х гг., соблюдались вероисповедание и нормы поведения допетровского времени. Стремительное разрушение традиционной культуры семейских в начале XXI в. было связано с упадком сельского хозяйства. Тем не менее, численность населения семейских сел до сих пор остается более стабильной по сравнению с другими.

На территории Бурятии семейские компактно проживают в основном в Бичурском (70% населения), Тарбагатайском (80%), Заиграевском (50%) и Мухоршибирском (60%) районах. Семейские села есть еще в 5 районах. Также большая часть семейских проживает в городе Улан-Удэ и дисперсно по всей республике. В целом их численность составляет 20% населения Бурятии, или порядка 200 тыс. чел. В то же время по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. только 26 человек в Республике Бурятия отождествляют себя с этноконфессиональной группой «семейские». Таким образом, этнокультурная и этноконфессиональная самоидентификация семейских испытывает определенные проблемы, которые являются отражением социокультурных процессов и не могут быть решены в одночасье.

Проблемы сохранения этнокультуры семейских обсуждаются органами региональной власти. Так, 29 ноября 2019 г. Народный Хурал Республики Бурятия провел круглый стол, в ходе работы которого были разработаны Рекомендации «О разработке комплекса мер по сохранению и развитию культуры семейских Республики

Бурятия». В частности, в «Рекомендациях» было указано, что «после 2006 года комплексного подхода к сохранению и развитию культуры семейских нет <...> в условиях урбанизации и всеобщей унификации происходит постепенное разрушение традиционного уклада жизни семейских».

Во время посещения Республики Бурятия заместитель министра культуры РФ Ольга Ярилова дала поручение правительству Бурятии разработать государственную программу сохранения и развития традиционной культуры старообрядцев в республике [2]. При разработке программы необходимо учитывать сложную ситуацию с архитектурными памятниками культуры семейских. Во время работы над проектом строительства памятника-часовни протопопу Аввакуму «Обществом культуры семейских РБ» было выявлено, что сохранившиеся в историческом ландшафте на территории Бурятии объекты деревянного зодчества семейских XVIII-XIX вв. не включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, не имеют статуса объектов историко-культурного наследия Республики Бурятия.

Культурно-историческое наследие сельских поселений, включающее организацию сельского быта, ремесла и промыслы, фольклор, экологические традиции и т.д., требует системного подхода к его сохранению. Поэтому реставрация в населенном пункте одной усадьбы в последующем может повлиять на сохранение исторического поселения в целом вместе со сложившимся ландшафтом, привести к переоценке и переосмыслению значимости традиционной культуры самими жителями села. Этот замысел лег в основу проекта реставрации традиционной старообрядческой усадьбы XIX в. в селе Нижний Жирим Тарбагатайского района Республики Бурятия.

Село Нижний Жирим, заселенное старообрядцами-семейскими в 1765 г., является уникальным. В определенной мере местные жители сохраняют свою культуру, что прослеживается во внешнем облике самого села, пространственном решении дворов, хозяйственных построек. Все дома в селе построены в соответствии с традициями древнерусского деревянного зодчества, без фундамента. Даже постройки 1970-х гг. следуют им. В некоторых ста-

ринных домах в 1970-80-е гг. жители сделали посильный ремонт, изменения коснулись только печей и крыш. Но, к сожалению, современные жители села, за редким исключением, не видят ценности деревянного зодчества как историко-культурного наследия, не понимают важности его сохранения для своих потомков. Сейчас они не имеют достаточных средств для ремонта, и существует опасность, что при появлении финансовой стабильности они сделают выбор в пользу современных материалов и технологий. Так, в соседнем селе Тарбагатай уже многие старинные дома обшиты сайдингом, окна заменены на стеклопакеты. Утрата аутентичной архитектурной среды наносит невосполнимый ущерб основам традиционной культуры старообрядцев, её сохранению и изучению. Стирание черт традиционного быта затрудняет и делает невозможным даже достоверное восприятие праздничной культуры семейских, костюма, пения. Это наносит ущерб культурному многообразию народов России.

Реализация проекта архитектурной реставрации старообрядческой усадьбы XIX в., как один из примеров системного отношения к историко-культурному наследию, направлен на сохранение и популяризацию традиционной культуры, активизацию познавательной деятельности самих жителей села Нижний Жирим. Выбор в качестве объекта реставрации усадьбы Петровых обусловлен её сохранностью и бесспорностью датировки. Усадьба находится в исторически сложившейся среде. Это единственный в селе дом-связь 1885 года постройки, сохранившийся без изменений, включая интерьер. Фамилия Петровых упоминается в архивных источниках в числе первых поселенцев села Жирим [3]. Дом-связь состоит из избы, горницы, сеней, кладовой (казенки). Аутентичным является и его интерьер, сохранились столы, скамейки, зеркала, кухонный и навесные шкафы, полки, сундуки, скорняжные инструменты. Уникальной является глинобитная русская печь конца XIX в., расположенная в горнице и дошедшая до нашего времени без значительных повреждений. В современной музейной практике, при перевозе изб на территорию этнографических музеев, транспортировать такие печи не представлялось возможным. В результате в музеях-скансенах экспонируются вновь сложенные печи, не всегда повторяющие их первоначальный облик. Аутентичны и сохранившиеся

хозяйственные постройки: ворота, заплот, амбар, зимовье, стойка. В амбаре находятся плотницкие инструменты, бондарные изделия XIX – начала XX вв. Утрачена завозня, требующая реконструкции.

Меры, направленные на реставрацию и консервацию объектов деревянного зодчества, способствуют сохранению этнокультурного регионального компонента, его привлекательности, как для жителей, так и для гостей республики. Начавшаяся реализация проекта уже привлекла внимание жителей села. Например, общей проблемой всех старинных домов является угроза разрушения нижних венцов. В процессе реставрации мастерами предложен и реализован способ укрепления, полная или частичная их замена без разборки всего сруба.

В процессе реставрации усадьбы решаются вопросы по возможности полного ее воссоздания, включая реконструкцию утраченных элементов комплекса: обратная замена шиферных крыш деревянным тесом, воссозданием элементов декора наличников, замена современных оконных стекол «муаровыми», восстановление утраченного элемента ворот, изначально бывшими «под кабаном» и др. При реставрации заменяются нижние венцы дома-связи и хозяйственных построек. Консервация включает обработку антисептиком всех деревянных частей, использование масляной краски при покраске ставень и внутренних помещений, а также установление бетонного фундамента в целях предотвращения соприкосновения нижних венцов с землей и отсыревания.

Реставрация усадьбы, популяризация истории древнерусской архитектуры, привлечение внимания СМИ помогут жителям села Нижний Жирим осознать историческую и культурную ценность своих собственных домов как объектов традиционного деревянного зодчества, увидеть смысл и цель их сохранения и научной реставрации как ресурса исторической памяти и объекта привлекательности для туристов. Приобретенные навыки реставрационных и консервационных работ позволят привлекать мастеров к подобным работам в этом и других селах. Обучающие видеоролики, шаги к приданию старообрядческой усадьбе впервые статуса памятника истории и культуры будут способствовать сохранению традиционной культуры семейских, этноконфессиональной и этнокультурной идентичности семейских Республики Бурятия.

(Статья реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов).

Примечания

1. Болонев Ф. Ф. Семейские : ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1985. 224 с.

2. В Бурятию с рабочим визитом прибыла заместитель министра культуры России Ольга Ярилова // Тивиком. 2020. 02 окт. URL: <https://tvcom-tv.ru/v-buryatiyu-s-rabochim-vizitom-pribyila-zamestitel-ministra-kulturyi-rossii-olga-yarilova.html> (дата обращения: 02.10.2020).

3. Нижний Жирим // Старообрядцы (семейские) Бурятии : энцикл. словарь. Иркутск : Оттиск, 2015. С. 130-131.

УДК [069+37.013](571.54-25)

Изыкенова И. Т., г. Улан-Удэ, Россия

Izykenova I. T., Ulan-Ude, Russia

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

MUSEUM PEDAGOGY AS A MEANS OF FORMING CIVIC IDENTITY IN SCHOOLCHILDREN

В статье рассматривается эффективность использования технологии музейной педагогики и её влияние на формирование гражданской идентичности у школьников как основы становления личности, достойного гражданина страны. Важной задачей в деятельности Музея истории города Улан-Удэ сегодня становится взаимодействие с посетителями субъект-субъектных отношений, перевод пассивного наблюдателя и слушателя в активного участника процесса. И в этом состоит суть разработанных музейных интерактивных программ.

The article examines the effectiveness of using the technology of museum pedagogy and its influence on the formation of civic identity among schoolchildren as the basis for the formation of a personality, a worthy citizen of the country. An important task in the activities of the History Museum of Ulan-Ude today is building subject-subject relations with visitors, transferring a passive observer and listener into an active participant of the process. And this comprises the essence of the developed museum interactive programs.

Ключевые слова: гражданская идентичность, музейная педагогика, эффективные методы, культурные артефакты, просветительно-педагогическая функция, интерактивные экскурсии.

Keywords: civic identity, museum pedagogy, effective methods, cultural artifacts, educational and pedagogical function, interactive excursions.

Высокая динамика общественного развития, увеличение инновационного потенциала в культурно-образовательной среде предопределяют актуальные тенденции в музейной педагогике. В чём заключается сегодня музейная деятельность? Появятся ли более современные форматы подачи информации в музее? Будет ли музей востребован? А главное: будет ли он способствовать формированию у школьников гражданской идентичности? В настоящее время эти вопросы становятся приоритетными.

На современном этапе развития просветительно-педагогическая деятельность музея должна выстраиваться с учётом культурно-исследовательских подходов к целям и задачам. В этом случае организация выставок и экскурсий поможет плодотворно осуществлять координацию усилий различных культурных и образовательных учреждений. И в этом помогает специфичная научная дисциплина «музейная педагогика», в которой присутствует феномен единства культурного, информационно-логического и образно-эмоционального воздействия на разум и чувства посетителей музея. Она учитывает возрастные и личностные особенности музейной аудитории; диалоговый стиль общения; развитие творческих способностей личности; взаимодействие с семьей и школой. «Формируется новая образовательная концепция отечественного музея, т.е. система представлений о его общественном предназначении и сущ-

ности работы с посетителями. Музей пытается отказаться от прежних достаточно жестких идеологических установок. Основой его культурно-образовательной деятельности становится аксиологическая концепция, согласно которой сущностью этой деятельности является формирование у посетителей ценностного отношения к культурно-историческому наследию» [2]. А в центре музейно-педагогического процесса всегда должен быть исторический или культурный артефакт. В музейном пространстве активизируется его визуальное восприятие, а подаваемая информация воспринимается более наглядно и образно.

Благодаря эффективным методам музейной педагогики на сегодня учреждение имеет богатый потенциал социально-образовательной работы с детьми и подростками, который позволяет освоить им новые социальные роли через участие в интерактивных проектах и экскурсиях. Поэтому Музей выстраивает субъект-субъектные отношения, переводя пассивного наблюдателя и слушателя в активного участника процесса. Ведь основная цель формирования гражданской идентичности - воспитание человека, с ответственностью выполняющего свой гражданский долг и понимающего, что от его действий зависит не только собственная жизнь, но и судьба близких людей, народа и государства, его конкретное общественное поведение, являющееся существенным условием развития демократического общества.

Эффективная реализация социально-воспитательного потенциала музея в нашем городе осуществляется путём установления тесного сотрудничества с дошкольными, дополнительными, общеобразовательными, средними профессиональными и высшими учебными заведениями. Музей истории города Улан-Удэ стремится превратить единичные посещения музея в разветвленную коммуникационную систему постоянного взаимодействия со своими партнёрами, на основе разработанных инновационных интерактивных программ, соответствующих вызовам посетителей XXI века. Для формирования гражданской идентичности у современной молодёжи необходимы такие жизненные приоритеты, которые заслужили бы их внимания. И в этом смысле Музей играет важную роль, предоставляя им возможность соприкоснуться с культурными артефактами, войти в контакт и узнать их уникальную историю. Зна-

комясь, изучая, исследуя, школьник, тем самым, познает новое и обогащает своё внутреннее содержание, повышает свой интеллект. В совокупности всё это помогает ему самоопределиться, сделать правильный выбор, стать достойным гражданином своей страны. Настолько высока степень воздействия музейного пространства!

Технология музейной педагогики на практике доказала, что именно её применение развивает личностные компетенции школьников, их профориентацию и гражданскую идентичность, а также способствует формированию нравственных и ценностных ориентиров. «... музей, как выражение всей души, возвратит нам мир душевный, лад внутренний, даст нам радость, которую чувствует отец при возвращении блудного сына» [1].

В условиях повсеместного распространения новых средств коммуникации Музей истории города Улан-Удэ активно включается в процессы перестройки систем взаимодействия с посетителями. Выполняя просветительскую функцию, являясь частью социокультурного пространства, Музей создаёт благоприятные условия для проведения досуга жителей Улан-Удэ.

Так, новыми подходами к просветительской деятельности для подрастающего поколения стали музейные занятия, интеллектуальные игры, исторические квесты, поэтические и музыкальные вечера.

С 2011 года функционирует музейный кино-двор как независимая и единственная орен-площадка города, куда приходят поклонники просмотра кинофильмов. Основной контент кино-двора: кинопоказы (артхаус, независимое кино, киноклассика). В 2017 г. Музей истории города Улан-Удэ был награждён дипломом X Международного смотра-конкурса городских практик городов СНГ и ЕАЭС «Город, где хочется жить» за организацию орен-площадки «КИНО-ДВОР».

В феврале 2018 года МАУ «Музей истории города Улан-Удэ» стал обладателем гранта Правительства Республики Бурятия за творческий проект «Территория СЭМа», который является примером инновационной технологии музейной педагогики. Актуальность заключается в том, что в настоящее время увеличивается доля социально-культурных потребностей человека. Люди чаще стали приобщаться к искусству и культуре. Концепция проекта «Терри-

тория СЭМа» – совершенствование музейной коммуникации посредством благоустройства музейного дворика, превращения его в уютную живую среду, где в центре внимания – публика, посетитель, человек, где легко организовать диалог на разные темы средствами культуры.

Реализация проекта позволила создать пространство взаимодействия носителей разных систем знаний, идеалов, ценностей, устремлений и, как следствие, – осознания своей индивидуальности и непохожести на других.

И в то же время Музейный двор является зоной отдыха от будничной городской суеты, площадкой для участия в буккроссинге, театре, стрит-арте, в создании инсталляции.

Рассматривая дворик в аспекте социально-культурного центра, мы представляем его как творческую лабораторию, которая объединяет в одно целое самые разные ресурсы. Так, он разделён на 6 креативных зон: 1 – кинозона, 2 – концертная, 3 – детская, 4 – художественная, 5 – оранжерейная, 6 – выставочная. Реализация проекта «Территория СЭМа» рассматривается нами не только как пространство отдыха, но и как форма воспитания активной гражданской культуры и позиции у молодого поколения, формирования нравственно-эстетических качеств, чувства патриотизма, как поддержка в реализации социальных инициатив детей и подростков.

Цель проекта: создание социокультурной зоны при Музее истории города Улан-Удэ для предоставления жителям и гостям города возможности раскрытия своего творческого и культурного потенциала и таланта. Для реализации проекта сотрудниками разработана интерактивная летняя программа, приобретены необходимые ресурсы, созданы творческие зоны для детей и взрослых, освоена грантовая поддержка. СЭМ – это Символ Энергии Музея, пространство для реализации интерактивных тематических программ.

Кроме творческих проектов привлекают внимание посетителей тематические экскурсии. Пешеходная экскурсия «Прогулка по Большой Николаевской» познакомит гостей и жителей города с достопримечательностями города Улан-Удэ. Пешеходное путешествие позволяет прикоснуться к более чем 300-летней истории столицы Бурятии.

Во время экскурсии гости и жители города смогут пройти по исторической улице города, увидеть здания и знаменитые памятники, символы Улан-Удэ, побывать на площади Советов у знаменитого памятника В.И. Ленина, увидеть эклектичный экстерьер бурятского театра Оперы и Балета, здания купеческих домов с их неповторимым архитектурным стилем и столетней историей. Участники экскурсии посетят Музей истории города Улан-Удэ, гостиные ряды и узнают историю ярмарочной торговли в Верхнеудинске. Завершающим этапом экскурсии будет, Одигитриевский собор – первое каменное сооружение Верхнеудинска.

Интерактивная экскурсия «Под куполом синего неба» предоставляет гостям возможность узнать об истории традиционного праздника в буддийской культуре, символизирующего наступление Нового года. Выступая в роли Хозяев дома в войлочной старинной юрте, сотрудники разыгрывают сцены встречи гостей, сохраняя правила древних обычаев, вовлекая в действие посетителей; выполняют ритуал оформления стола национальными угощениями, сопровождая знакомством с рецептами приготовления. Далее гостям предлагается участие в мастер-классе, проводимом фольклорным ансамблем «Тоонто», по исполнению народного танца «Ёхор» как очень важного элемента культуры Бурятии. И между различными видами танца звучит рассказ об элементах бурятского костюма. Заканчивается экскурсия национальной игрой «Шагай наадан».

Экскурсия «Война. Победа. Память» является уникальной, знакомит посетителей с историей проспекта Победы, с его архитектурой, памятниками и жителями. Возле памятника Константину Константиновичу Рокоссовскому гостей познакомят с жизнью будущего прославленного маршала в Забайкалье, расскажут историю открытия мемориала Победы и вечного огня, а также про подвиги героев Советского Союза, увековеченных на барельефе «Мемориала Победы». Экскурсанты знакомятся с историей легендарного танка Т-34-85, венчающего мемориал. А пройдя по проспекту, останавливаясь возле домов, где жили известные деятели культуры, можно будет узнать истории их подвигов на фронтах Великой Отечественной войны. Закончится экскурсия возле здания, где нахо-

дился эвакогоспиталь № 1486, с рассказом о подвиге врачей, спасавших тысячи жизней в те страшные годы.

Воспитательная музейная среда решает важные коммуникативные задачи, обучая школьников умению вести диалог с экспонатом, интерпретируя его историю, содержание, исследуя и приобретая глубокие познания. Трансляция принципиально новых программ осуществляется посредством вовлечения посетителей в активную деятельность, такую как ролевая игра, «погружение», театрализация, когда школьник из объекта музейной коммуникации превращается в ее активного участника, что позволяет решать вопросы воспитания гражданской идентичности. Российский ученый и психолог А. Г. Асмолов понятие «гражданская идентичность» рассматривает как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе». При этом А. Г. Асмолов отмечает, что гражданская идентичность в отличие от понятия гражданство имеет личностный смысл.

Миссия каждого музея заключается в осуществлении культурно-просветительской и образовательной функций. Однако очень важно, чтобы она не носила фрагментарный характер и оставляла у посетителя музея самое общее представление об увиденном. Поэтому для разрешения данного противоречия необходимо использование технологии музейной педагогики, вовлекающей человека в целесообразно организованный педагогический процесс комплексного восприятия историко-культурных ценностей. Приоритетные задачи развития музейной педагогики направлены в основном на то, чтобы максимально и успешно удовлетворить интеллектуальные запросы и предпочтения личности. На наш взгляд, вовлечение музея в процесс формирования гражданской идентичности школьников может быть рассмотрено в плоскости полиисторического характера вовлечения их в мир государственности, традиций, обычаев народов и социально-культурной деятельности. В настоящее время важно как можно более полно и эффективно использовать социокультурный потенциал музея в деле формирования гражданской идентичности школьника. При этом следует учитывать большой объем информации, поступающий из средств массовой информации, интернета. Следовательно, при формировании гражданской

идентичности школьника необходимы альтернативные формы и методы социально-педагогической деятельности музея.

Гражданская идентичность как результат самосознания гражданской общности определяет взаимосвязанность и взаимозависимость ее членов, а также ее способность проявлять различные формы совместной активности. Цели музейной педагогики, как инновационной технологии в системе формирования культуры школьников, создающей условия погружения личности в специально организованную предметно-пространственную среду, реализуются и показывают самые эффективные результаты.

Для создания особого воспитательного пространства, творческого обновления и совершенствования сотрудники Музея находятся в постоянном поиске, апробируют музейные педагогические технологии для развития свободной, творческой, инициативной личности школьника. И только в этом случае, действительно, мы можем воспитать человека как гражданина своей страны, как представителя человеческой цивилизации через воспитание любви к малой родине, приобщение к всеобщей истории, общечеловеческим ценностям, достижениям культуры, науки и техники.

Примечания

1. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение / под ред. А. В. Гулыга. М. : Мысль, 1982. С. 576 .

2. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. ин-т культурологии. М., 2001. С. 3.

Николаева Е. Н., с. Сахюрта, Россия

Nikolaeva Ye. N., Sakhyurta, Russia

**МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА (НА ПРИМЕРЕ
ОЛЬХОНСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**MUSEUM AS A CENTER OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY
OF YOUNG PEOPLE OF THE MODERN RUSSIAN VILLAGE
(THE OLKHON DISTRICT OF THE IRKUTSK REGION AS AN
EXAMPLE)**

В данной статье автором на примере реализации социокультурного проекта рассмотрена проблема вовлечения молодежи в социокультурную деятельность и приобщения их к сохранению и популяризации культурного наследия локальной территории, посредством создания музея силами местного сообщества.

On the basis of implementing the socio-cultural project the author of the article studies the problem of youth involvement into the socio-cultural activity and their engagement in preserving and popularizing the local territory cultural heritage by means of the museum creation by the local community.

Ключевые слова: музей, социокультурное проектирование, сельская молодежь.

Keywords: museum, socio-cultural projecting, rural youth.

Социокультурная жизнь современного российского общества характеризуется целым рядом проблем, обусловленных как внутренними, так и общемировыми тенденциями и процессами. Проблемы молодежи, её здоровье, воспитание, предназначение, досуг, ценностные ориентации и т.д. поставлены в ранг наиболее значимых в государственной культурной политике. Реализуя свои собственные устремления, молодёжь объективно становится главным фактором сохранения и развития России, её исторического и культурного наследия и выработки новых способов деятельности.

Условиями для развития, раскрытия инновационного потенциала, успешной интеграции в общество молодежи зависит от многих факторов, среди которых одним из наиболее значимых является досуг.

Возможность качественного проведения досуга в большей степени доступна для городской молодежи, но достаточная часть молодого поколения проживает на селе. Проблема досуга сельской молодежи становится одной из приоритетных. В Иркутской области доля городской молодежи составляет около 80%, соответственно доля сельской молодежи составляет чуть больше 20% от общего числе молодого населения Иркутской области [2]. Остановимся на анализе досуговых форм, предоставляемым молодежи социокультурными учреждениями Ольхонского района Иркутской области. Специфика организации культуры досуга молодежи здесь, помимо, личностных предпочтений, строится, исходя из природно-климатических условий (прибайкальская территория) и локального культурного наследия.

Социокультурными институтами на селе традиционно являются клубы и библиотеки, музеев практически нет. Тем интереснее опыт с. Сахюрта, в котором сегодня осуществляется попытка создания музея.

Современный музей – это не только научно-просветительное учреждение, сочетающее в себе отбор, реставрацию, хранение и экспозицию историко-культурных ценностей. Сегодня музей – это сложная, многоуровневая система, решающая ряд социально значимых задач, среди которых все более заметные позиции занимает художественная организация досуга, интеграция познавательной, развлекательной и художественной творческой функции и вовлечение в этот процесс местного сообщества. Музей способен «оказывать воздействие на развитие общества через аккумуляцию знаний и презентацию научной картины мира, а также воспитание личности на основе подлинных духовных ценностей и сформировавшихся в социуме культурных традиций» [3].

Исследователями-музеологами относительно роли музея в формировании досуга молодежи отмечается, что он «должен стать местом встречи, обмена опытом, получения знаний, проявления эмоций и впечатлений – площадкой для событий особого рода,

освобождающих от повседневной рутины» [4]. «Музей является отражением культуры и культурной памяти, средством сохранения культурного наследия и национальной самобытности» [1], а для нас он еще и средство привлечения туристов, без которых невозможно перспективное развитие нашего района.

И если в городах и крупных населенных пунктах сельской местности существуют и ведут активную деятельность музеи и музейные кластеры, то жители небольших российских деревень, не имеющие таковых, всё чаще сами создают разного рода музейные проекты. Один из них реализуется в селе Сахюрта Ольхонского района Иркутской области. Поселение было образовано в 1930-е годы на берегу Байкала, что обусловило основной вид деятельности – рыболовство, а рыболовецкие бригады славились во всем Советском Союзе. В 1990-е годы рыболовецкая станция была закрыта, население, в первую очередь, молодежь, стало покидать село. Сейчас жизнь переживает возрождение в связи с развитием массового туризма, получившая образование в городе молодежь возвращается. Но старшее поколение, рыбаки, владеющие навыками вязания сетей, неводов, изготовления сачков, удил для традиционной ловли, постепенно уходят из жизни. И возвращающиеся на малую родину молодые жители села уже не помнят ничего и не знают, как добывается рыба, какими способами ловится, каков процесс ее переработки. Мы имеем ситуацию, когда уклад жизни быстро меняется, историческая память становится как бы ненужной, теряется связь поколений, смысл жизни еще живых людей старшего поколения обесценивается.

Команде проекта видится крайне важной задачей успеть сохранить историческую память, привлечь внимание к уходящему образу жизни, восстановить связь между молодым и старшим поколениями, рассказать молодежи об уважаемых людях села, о жизни дедов и отцов, помочь людям вернуться к своим корням, возродить былую гордость за свою малую родину, передать опыт старожиллов, которые еще живут в поселке, школьникам и молодежи, которые смогли бы развивать поселение.

В результате реализации проекта на территории Шара-Тоготского МО появился центр притяжения социокультурной активности населения и привлекательный туристско-экскурсионный

объект, активизирующий жизнь поселения, давший новые направления развития территории и приобщения молодежи к делу сохранения нематериального наследия родного края. На базе сельского клуба с. Сахюрта создан музей, раскрывающий локальную идентичность рыболовного промысла, хранящий память нескольких поколений и рассказывающий о рыболовстве, главном традиционном промысле. Энтузиастами собран соответствующий тематике музея информационный материал и экспонаты. Экспозиция расположена в здании сельской библиотеки. В ней представлена выставочная фото-экспозиция знаменитых рыбаков, рыболовецких бригад, коллекция музейных экспонатов рыболовецкого промысла, способы рыбалки (подледный лов, невод, сетевая рыбалка и проч.). Установлен экран для показа видеороликов по различным направлениям.

На базе музея проводятся мастер-классы по вязанию невода, посадки сетей, изготовлению удил, постановке сетей в море, интерактивная экскурсия по промысловым местам залива Малого моря. Особенной популярностью пользуются кулинарные мастер-классы по приготовлению таких традиционных блюд, как байкальская уха, «загудай», рыба на рожнах, а также знакомство с секретами засолки, вяления, копчение рыбы, выпечки пирожков с рыбой. Важным для нас является вовлечение молодежи и школьников в процесс проведения мастер-классов и экскурсий, что позволит создавать для этой категории новые рабочие места. В настоящее время местная молодежь принимает активное участие в деле сохранения и развития культурного наследия родного края, демонстрируя свою заинтересованность и инициативность.

Продолжая работу по вовлечению местных жителей в процесс развития проекта, была создана передвижная экспозиция для охвата большей территории. Наиболее значимой была работа данной экспозиции на площадке международных «Ёрдынских игр», где посетители были не только зрителями, но и участниками мастер-классов по плетению невода и экологической сумки – «байкальская авоська», которая изготавливается по технике плетения невода. Разработана программа и проведены соревнования среди молодежи Ольхонского района «Рыбачье многоборье», вошедшие в программу проведения ежегодного традиционного праздника

«День рыбака», который благодаря работе музея, приобрел статус мероприятия районного уровня. Кроме того, сейчас на базе музея на постоянной основе работают новые любительские объединения, такие как клуб «Плетем невод вместе», кружок по изготовлению сувенирной продукции по теме рыболовства, школа юного экскурсовода. Видя перспективу развития музея и вовлечение в этот процесс сельского населения, местные власти выделили территорию для продолжения деятельности музея. На данном отрезке времени продолжается сбор экспонатов, и идет работа над созданием экспозиции под открытым небом «Рыбацкое подворье», где местные жители выступают не только в качестве дарителей музейных экспонатов, но и в качестве добровольцев, которые вносят свой посильный вклад, принимая участие в строительных работах.

Проект востребован, важен и актуален для развития локальной территории, дает возможность жителям приобщиться к изучению истории родного края, приобрести знания и навыки ремесла предков, сохранять традиции локальных территорий, почувствовать свою причастность в создании культурного центра на своей малой родине.

Примечания

1. Амгаланова М. В. Мемориальное наследие как ресурс формирования регионального туризма (на материале Республики Бурятия) // Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий : материалы XVIII международн. науч.-практ. конф., посвящ. 415-летию г. Томска. Томск, 2019. С. 55-58.

2. Годовой отчет о работе отдела культуры комитета по управлению социальной сферой администрации Ольхонского районного МО Иркутской области за 2018 г. URL: <http://xn----8sbwebcbgqgbbhxj1dvg.xn--p1ai/komitet-po-upravleniyu-sotcial-noy-sferoy.html> (дата обращения: 12.12.2019).

3. Морозова Е. В. Музей и современное общество: взаимодействие и взаимодействие // Царскосельские чтения. 2015. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-sovremennoe-obschestvo-vzaimovliyanie-i-vzaimodeystvie>. (дата обращения: 17.09.2020).

4. Никифорова С. В., Иванова М. А. Музей как «третье место» в культурном пространстве села // Человек и культура. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muзей-kak-tretie-mesto-v-kulturnom-prostranstve-sela>. (дата обращения: 17.09.2020).

УДК [061.1+069.02](571.54)

Эрдынеева С. Э., г. Улан-Удэ, Россия

Erdynееva S. E., Ulan-Ude, Russia

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ИМБТ СО РАН И МУЗЕЯ ИСТОРИИ БУРЯТИИ
ИМ. М. Н. ХАНГАЛОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЛИЧНОГО АРХИВА К. М. ГЕРАСИМОВОЙ)**

**SCIENTIFIC AND PRACTICAL COOPERATION OF IMBT SB
RAS AND THE MUSEUM OF THE HISTORY OF BURYATIA
NAMED AFTER M. N. KHANGALOV (BASED ON THE
MATERIALS OF K. M. GERASIMOVA'S PERSONAL
ARCHIVE)**

Статья посвящена сотрудничеству ИМБТ СО РАН и Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Дана краткая характеристика личного архива К.М. Герасимовой. Подробно рассмотрен проект научно-практического сотрудничества и его содержание.

The article is devoted to the cooperation between the IMBT SB RAS and the Museum of the history of Buryatia named after M.N. Khangalov. A brief characteristic of K. M. Gerasimova's personal archive is given. The project of scientific and practical cooperation and its content have been considered in detail.

Ключевые слова: музейное дело, ИМБТ СО РАН, Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, концепция, экспозиция.

Keywords: museum business, IMBT SB RAS, the Museum of the history of Buryatia named after M.N. Khangalov, conception, exposition.

Личный архив Ксении Максимовны Герасимовой, ученого-востоковеда, религиоведа, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Бурятия – важная часть научного наследия республики. К.М. Герасимова внесла существенный вклад в изучение буддологии, тибетологии и развитие музейного дела нашего региона. Ее труды получили широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Она всегда подходила к своим исследованиям с критическим взглядом и объективно их анализировала. Исследования Ксении Максимовны отличаются богатой источниковедческой базой, и сегодня они не утратили своей актуальности. Все ее исследования находятся в постоянном научном обращении, и это подтверждает то, что жизнь ученого в его трудах [1, с. 229].

Сегодня личный архив Ксении Максимовны хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В состав архива входят материалы по тибетологии, истории, краеведению, буддийскому искусству, музейному делу. В фонде собрано большое количество материалов на тибетском, английском, немецком, монгольском, французском языках, рецензий, отзывов, справок, экспедиционных записей и фотографий. В архиве насчитывается 1574 единицы хранения, из них 992 ед.хр. – документы, 150 ксилографов, 339 – фотоматериалы, 46 танка [4, л. 7].

Особый интерес для нас представляет раздел фонда «Музеи и ВООПИК», куда входят 33 единицы хранения. Сюда объединены все материалы, связанные с музейной работой. Ксения Максимовна фактически была одной из ключевых фигур в развитии музейного дела Бурятии, формировании и укреплении взаимодействия научной и музейной сферы.

Рассмотрим подробнее дело о сотрудничестве Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН с музеем истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Это один из примеров сотрудничества музеев с научными учреждениями, где взаимодействие и сотрудничество способствуют более эффективному изучению и представлению музейных фондов.

Каковы предпосылки сотрудничества ИМБТ СО РАН и Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова? Все началось с закрытия

краеведческого музея Бурятии в г. Улан-Удэ в конце 1970-х гг., его здание перестраивалось для размещения двух музеев – Музея истории Бурятии и Музея искусств народов Центральной Азии. По поручению правительства Бурятии (конец 1970-х гг.) в разработке тематико-экспозиционных планов этих музеев участвовали историки и востоковеды Бурятского научного центра, совместно с музейными работниками [3, л. 2].

Как отмечает Ксения Максимовна, в 1999 г. на ученом совете ИМБит проходило обсуждение программы научно-практического сотрудничества по строительству Национального музея истории Бурятии. Музей истории представил Ученому совету ИМБТ СО РАН коллективный проект общей структуры блоков новой тематической исторической экспозиции. Проект был обсужден и, в целом, одобрен.

В своей статье К.М. Герасимова [2] пишет, что создание научной концепции истории Бурятии должно происходить без давно установившихся стереотипов советской исторической науки. Она считала это отправной точкой разработки музейной исторической экспозиции. Ксения Максимовна отмечает, что история Бурятии развивалась в неадекватных условиях после ее вхождения в состав Российской империи. Россия была впереди на один или два формационных этапа, что вызвало ускорение, которое сбilo и поторопило естественный ход местной истории и привело к возникновению и сосуществованию различных укладов [5, с. 209].

Первой попыткой учета и показа экспонатуры и наличных резервов по плану тематических блоков экспозиционного проекта 1999 г. было открытие выставки в Музее истории «Хронограф исторических событий в Бурятии» в 2002 г. В этом же году Ученый совет ИМБИТ СО РАН рассмотрел представленный уточненный проект экспозиции Музея истории Бурятии, утвердив состав участников научно-практического сотрудничества по строительству национального музея истории Бурятии [3, л. 1].

Постановлением Ученого совета ИМБТ СО РАН с участием сотрудников Музея истории Бурятии был определен состав исполнителей программы проекта научно-практического сотрудничества по теме «Строительство национального музея истории Бурятии». Научным руководителем проекта назначили К.М. Герасимову, со-

ветника дирекции ИМБТ СО РАН, главным ответственным исполнителем со стороны ИМБТа был С.В. Данилов – заместитель директора по науке, со стороны Музея истории Бурятии – Е.С. Митыпова – заместитель директора по науке.

Задача при разработке новой исторической экспозиции, которая стояла перед руководителем проекта, была в преодолении шаблона формационной периодизации по мерке Российской истории, который игнорировал специфику местной истории, социально-экономического, политического, этнического и культурного развития «малых народов» России и необходимости восстановления приоритета принципов музейного показа исторических событий и явлений на подлинных памятниках и документах.

Научная и практическая актуальность проекта не требовала особых доказательств: в Бурятии около 30 лет не было музея национальной истории региона, также музея художественной культуры народов Республики Бурятия, поскольку здание художественного музея использовалось в основном как площадка для ротации временных выставок привозных коллекций [3, л. 3].

На тот момент перед К.М. Герасимовой стояла проблема отсутствия современной объективной научной монографии по истории Бурятии. Первые два издания истории Бурятии были раскритикованы, а новое до сих пор не было создано.

В содержании проекта были представлены тематические блоки общей структуры экспозиции.

1. Древняя Бурятия. Археологические памятники этнических процессов, тюрко-монгольские и самодийские компоненты формирования бурятского этноса.

2. Народы Бурятии. Расселение бурят, эвенков и русских на территории Бурятии.

2.1. Эвенки: родовой состав, расселение и деление этнических групп эвенков по хозяйственным занятиям и месту расселения.

2.2. Буряты: родоплеменной состав, расселение этнических групп. Традиционная социальная организация (род, родовая семейная община, территориальная община), землевладение и землепользование, хозяйство, поселения, жилище, материальная культура, бытовой уклад жизни. Традиционные обычаи и верования (родо-

племенные дошаманистские и шаманистские). Обряды жизненного и природно-хозяйственного циклов. Традиционная художественная культура народа: фольклор, песни, танцы, прикладное искусство.

2.3. Русское население края. Характер сибирской колонизации. Социально-профессиональный состав русского населения. Хозяйственные занятия: земледелие, огородничество, сенокосение, скотоводство, извоз, промыслы, ремесла, кустарное производство. Торговля, внутренняя и внешняя, горнодобывающая и обрабатывающая промышленность.

2.4. Поселения русских, деревни, поселки, города. Города: Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск, Кяхта, Селенгинск, Баргузин, административные, торговые, товарораспределительные центры, центры русско-китайской торговли.

3. Сибирская административная система управления русским коренным населением.

В 1796 г. Сибирь была разделена на 2 губернии – Тобольскую и Иркутскую, которые делились на дистрикты-уезды. Система управления губернией и уездом, органы городского и сельского управления. Реформа М.М. Сперанского 1822 г.

Новая административная структура в соответствии с Уставом «Учреждение для управления сибирских губерний» и «Уставом об управлении инородцев».

Управление в бурятских ведомствах в XVIII и XIX вв. «Инструкция пограничным дозорщикам 1728 г.» Саввы Рагузинского, «Инструкция Сената 1763 г.», «Положение об управлении инородцами 1822 г.» М.М. Сперанского. Органы степного управления: родовое управление – инородная управа – степная дума. Суд и тяжёлое разбирательство на основе обычного права бурят. Сборники обычного права хоринских и селенгинских бурят XIII и XIX вв.

4. Волостная и земельная реформа 1900-1901 гг.

5. Статус конфессий народов Бурятии в системе российской государственности (буддизм, православие, старообрядчество).

5.1. Буддизм. «Положение о ламайском духовенстве 1853 г.». Церковная организация ламаизма (буддизма). Сеть дацанов в родоплеменных ведомствах бурят, административная система дацанского управления, приход, джаса, клир-деление по должностям,

духовному званию и образованию, культовая система храмовой и бытовой обрядности.

5.2. Православие. Иркутская епархия – 1727 г., 1862 – Селенгинское викариатство. Деятельность православной миссии в Бурятии. Православие среди бурят.

5.3. Старообрядчество.

6. Просвещение и культура в Бурятии в XVIII – первой четверти XX в.

6.1. Конфессиональное образование в буддизме, православии, старообрядчестве. Буддийское конфессиональное образование в Бурятии (возникновение в XIX в.). Система 10 буддийских наук, формы обучения. Специализированное школьное образование в хоринских и селенгинских дацанах.

Философские школы чойра. Программа обучения, учебные пособия, обучение бурятских лам в цаннит-дацанах Тибета (Галдан, Брайбун, Сэра), Амдо (Лавран, Гумбум), Халха-Монголии (Урга).

Тантрийские школы в Бурятии: джуц, дуйнхор.

Школы индо-тибетской медицины. Начало: Цугольский дацан (1869). Агннский дацан (1884), распространение медицинского образования в других хоринских и селенгинских дацанах.

Книжная культура бурятского буддизма. Рукописная книга. Книгопечатание на тибетском и монгольском языках в бурятских дацанах.

6.2. Конфессиональное образование в православии, старообрядчестве.

6.3. Система светского русскоязычного школьного образования в Бурятии XVIII-XX вв.

Уставы учебных заведений 1789 г., 1804 г.

Типы учебных заведений: в городах, губернские гимназии (Иркутск), уездные училища (Иркутское, Верхнеудинское, Троицкосавское), приходские училища.

В сельской местности с 1804 г.: министерские, миссионерские, церковно-приходские, казачьи, горнозаводские, бурятские, частные школы.

Специальные учебные заведения: Троицкосавская частная русско-монгольская школа, Кяхтинская войсковая русско-монгольская школа.

Педагогические учебные заведения: Иркутская учительская семинария (1872), Читинская учительская семинария (1899). Средние школы: Верхнеудинское, Троицкосавское реальные училища и женские гимназии. Читинский учебный пансион с гимназическим курсом. Иркутская и Читинская мужские гимназии. Первая бурятская женская школа (1867). Двухклассные училища в Иркутской губернии и Забайкальском округе.

7. Деятели просвещения и науки в Бурятии. Персоналии.

8. Общественно-политические процессы в Бурятии конца XIX в. – первой четверти XX в. Завершение борьбы за политическую национальную автономию бурят. Образование БМАССР [3, л. 5].

Тема галереи третьего этажа была «Вероучение, духовная и художественная культура буддизма Бурятии». Она была разделена на 2 раздела: 1. Доктринальное и популярное вероучение буддизма в Бурятии. 2. Художественная культура буддийской конфессии в Бурятии.

Разработка общей концепции была поручена К.М. Герасимовой. Экспозиционная реализация концепции – К.М. Герасимова, С.Б. Бардалеева с группой помощников и художник – В. Асхаев.

Также распределили площади экспозиции: в малый зал первого этажа была определена «Древняя Бурятия»; два малых зала первого этажа ушли на временные выставки по темам текущих событий; большой зал второго этажа исторической экспозиции был отведен для тематических блоков общей исторической экспозиции и галерею третьего этажа на «Вероучение и художественная культура буддизма в Бурятии».

Ответственными исполнителями тематических разделов проекта стали:

1. Древняя Бурятия. Исполнители: Институт – д.и.н. П.Б. Коновалов, с.н.с. Именохоев Н. Д., Музей – Л.Г. Ярославцева.

2. Народы Бурятии. Исполнители: Институт – к.и.н. О. В. Бураева, зав. отделом этнографии Института, Р.Н. Сыденова, с.н.с. отдела этнографии, Музей – к.и.н. Г.С. Митыпова, зам. директора по науке.

Для этого раздела «Народы Бурятии» востоковедами ИМБТ была сделана тематическая разработка: Локальные культы родо-

племенных, шаманистских и ламаистских верований Забайкальских бурят по материалам религиоведческих экспедиций отдела Зарубежного Востока, сектора буддологии БИОНА в 1960-1980 гг. в Тунке, Баргузине, Хоринском и Еравнинском районах Республики Бурятия, Агинском округе Читинской области.

2.1. Эвенки. Исполнители: Институт – Бураева О.В., Музей – Левитина Л.Ф.

2.2. Буряты. Исполнители: Институт – д.и.н. Зориктуев Б.Р., к.и.н. Нанзатов Б., Музей – Н.И. Пилсуева, Р.Г. Савельева.

2.3. Русское население края. Исполнители: Институт – к.и.н. Башаров И.П., Музей – к.и.н. Митьпова Е.С., Партола Е.Н.

2.4. Города Иркутской губернии и Забайкальской области. Исполнители: Институт – к.и.н. Замула И.Ю., Музей – Партола Е.Н.

3. Административная система управления русским и коренным населением Бурятии. Исполнители: Институт – к.и.н. Замула И.Ю., Музей – Партола Е.Н.

4. Правовой статус конфессий народов Бурятии в системе российской государственности:

Буддийская конфессия. Исполнители: д.и.н. Герасимова К.М., к.и.н. Жамсуева Д.С.

Православие. Исполнители: Институт – к.и.н. Бураева С.В., Музей – Митьпова Е.С.

Старообрядчество. Исполнители: Институт – к.и.н. Бураева С.В., Музей – Митьпова Е.С.

5. Просвещение и культура в Бурятии в XVIII – первой четверти XX в.

5.1. Конфессиональное образование в буддийской конфессии. Школьное образование на факультетах философии (чойра, цанит-дацаны), джуд, дуйнхор, индо-тибетской медицины.

6. Книжная культура бурятского буддизма. Рукописная книга. Книгопечатание на тибетском и монгольском языках. Исполнители: к.филол.н. Болсохоева П.Д., к.и.н. Жабон Ю.Ж., к.и.н. Гармаева Х.Ж., к.филол.н. Дашибалова Д.В., к.и.н. Жамсуева Д.С., Музей – Очирова Г.Н., Ичирова Ц.-Х.

7. Книжная культура и конфессиональное образование в православии и старообрядчестве. Исполнители: Институт – Бураева С.В., Музей – Е.С. Митьпова.

Светское русскоязычное школьное образование в Бурятии. Исполнители: Институт – к.и.н. И.Ю. Замула, Музей – Д.А. Фролов.

Деятели просвещения и науки. Персоналии. Институт – к.и.н. И.Ю. Замула, Музей – Ж.Д. Уханова, Г.В. Маринова.

Общественно-политические процессы в Бурятии конца XIX – первой четверти XX вв. Исполнители: Институт – д.и.н. Г.Л. Санжиев, Музей – Н.И. Пилсуева [3, л. 9].

Ученые ИМБТ СО РАН консультировали и всегда сотрудничали с Музеем истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Ксения Максимовна Герасимова была фактически двигателем в развитии музейного дела Бурятии, в частности Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Ее предложения всегда были научно обоснованы. И сегодня проект научно-практического сотрудничества ИМБТ СО РАН и Музея истории Бурятии, руководителем которого была К.М. Герасимова, актуален при создании тематико-экспозиционных планов для нового здания Национального музея Республики Бурятия.

Примечания

1. Болсохоева Н. Д. Ксения Максимовна Герасимова (1919-2011) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 4. С. 228-233.

2. Герасимова К. М. О концепции экспозиции музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова : сб. ст. Улан-Удэ, 1999. Вып. 2. С. 4-10.

3. Герасимова К. М. Личный архивный фонд // ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук). Ф. 41. Оп. 1 Д. 36 Л. 1-9.

4. Герасимова К. М. Личный архивный фонд // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 41. Оп. 1 Л. 1-63.

5. Эрдынеева С. Э. Герасимова К. М. О концепции экспозиции Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : Материалы VI Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22-23 окт. 2020 г.). Новосибирск, 2020. С. 204-210.

Райцанова Э. Н., г. Кяхта, Россия

Raitsanova E. N., Kyakhta, Russia

**ВЕЕР «ТЫСЯЧИ ЛИЦ»
ИЗ СОБРАНИЯ КЯХТИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМЕНИ АКАДЕМИКА В. А. ОБРУЧЕВА**

**THE VEER «THOUSANDS OF FACES» FROM THE
COLLECTION OF THE KYAKHTA LOCAL HISTORY
MUSEUM NAMED AFTER THE ACADEMICIAN
V. A. OBRUCHEV**

Собрание памятников китайского искусства, хранящееся в Кяхтинском краеведческом музее имени академика В.А. Обручева, включает уникальную коллекцию предметов декоративно-прикладного искусства. Предметы, входящие в её состав, были привезены из Китая в качестве даров, что является ценным материалом для изучения темы. Статья посвящена исследованию веера как необычного вида декоративно-прикладного искусства. Веер рассматривается не просто как модная вещь, а как предмет, далеко выходящий за рамки простого аксессуара женского костюма и обладающий вполне самостоятельным значением.

The collection of the Chinese art monuments stored in the Kyakhta local history museum named after the academician V. A. Obruchev includes a unique collection of decorative and applied arts. The items included were brought from China as gifts being valuable material for studying the subject. The article is devoted to the veer study as an unusual type of decorative and applied art. The veer is considered not just as a fashionable thing, but as an object that goes far beyond an accessory of a women's costume, and has its own significance.

Ключевые слова: веер, Китай, декоративно-прикладное искусство, собрание.

Keywords: veer, China, decorative and applied arts, collection.

На вторую половину XIX века, с развитием русско-китайских дипломатических отношений, приходится и развитие

отечественной синологии. В России активно увлекались Китаем, занимались изучением языка и культуры. Это было связано с активной научной деятельностью Русского географического общества, основанного 6 августа 1845 года. Сюда входили такие известные путешественники, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Н. Миклухо-Маклай, Н. М. Пржевальский, П. А. Кропоткин, А. И. Воейков и многие другие. Именно в этот период положило начало формирование китайских коллекций Эрмитажа, Кунсткамеры и многих других музеев [3, с. 21]. Наравне с данными ведущими собраниями образовались коллекции предметов китайского искусства в музейных собраниях России: Москве, Казани, Томске, Иркутске. На торговых путях с Китаем, в Кяхте, Минусинске, Благовещенске, собирались предметы китайского искусства, и в дальнейшем появлялись местные, основанные купцами и меценатами, собрания [4, с. 105].

С XVI-XVII вв. Кантон (Гуачжоу) считался главным центром резьбы и изготовления вееров. В XVIII в. спрос на веера из Китая был огромен. Объяснялось это не только модой. Они становились обязательным атрибутом туалета дамы, драгоценным украшением платья, семейной ценностью, передававшейся по наследству или дарившейся на свадьбу или по случаю других торжественных событий. Важнейшей причиной невероятного спроса на экзотические китайские веера было совершенство техники изготовления и сравнительно низкая цена, что объяснялась дешевизной работы мастеров в Китае [5, с. 118].

В России китайские веера в завершении XVIII – в первой половине XIX веков были весьма модными и почти важными предметами для каждой женщины. Популярными китайские экспортные веера остаются и во 2-ой половине XIX столетия. Восточные веера и раньше производились на экспорт. Отличались китайские и японские веера крайней восприимчивостью к европейскому модному рынку. По этой же причине их продукция экспорта регулярно развивалась в соответствии с запросами моды.

Китайские веера данного периода выделялись яркой расцветкой, комбинировались с разнообразными материалами. Именно «Мандаринские» веера получили особую известность. Изготавливали их в городе Кантон (Гуачжоу). Общепринятый китайский пейзаж и многофигурные композиции из ярчайших красок были изображены

на веере. Насыщенная покраска, в основном объясняется применение анилиновых красок. При изготовлении подобного вида вееров использовалась техника, которая не имела аналогов в других странах: аппликация из пластин слоновой кости для изображения лиц людей и кусочков шелковой ткани для передачи костюмов. Также значимыми были веера с цветной шелковой вышивкой гладью по шелку в классическом китайском жанре: «цветы и птицы» или с изображением китайских благопожелательных символов. Для таких вееров пластины использовали из слоновой кости и расписывали лаком – золотым, черным, красным. Считалось самым дорогим изделием – это изделия, декорированные перьями или пухом необычных птиц [8, с. 16].

Китайские мастера не считали резьбу искусством, а иностранцы, увидевшие виртуозно исполненные изделия, стремились приобрести их даже за очень большую цену. Наиболее дорогостоящим являлся веер, сделанный из слоновой кости. Олицетворял он власть и богатство. Наиболее обычный веер был изготовлен из пропитанной особым составом бумаги. И может быть использован и не один десяток лет.

Равно как в Китае, так и в Японии веер являлся элегантным орудием, что незаметно возможно было пронести в расположение вражеских войск. Неожиданно раскрытый веер перед противником помогал отвлечь его и запугать врага. Нередко из складок данного орудия разлетались по сторонам отравленные иглы и отделанные ножи. Но не только это одно составляло силу веера. Танец, исполняемый с ним, вызывал ассоциацию с полетами бабочек. Беря пример с этих насекомых, которые собирают пыльцу, веера забирали на себя так называемую «энергию пространства», что означало не военную выучку, а самосовершенствование и улучшение здоровья. Несомненно, такое представление вызывало непредсказуемое чувство [2].

В длительный период веер был включен лишь в ряд дамских атрибутов. На сегодняшний день отличается существенно выраженными яркими качествами, что дает возможность быть интересным предметом для исследования декоративно-прикладного искусства. Интересен тем, что он находится на стыке нескольких техник декоративно-прикладного искусства, та-

ких как: резьба по кости, металлу,ковка, ювелирное дело, декоративная роспись и пр. При изготовлении вееров используется множество различных материалов: металл, дерево, черепаховая, слоновая и моржовая кость, а также, шелк, атлас, перья, бумага и др. [8, с. 3].

Пополнению коллекции китайского искусства Кяхтинского краеведческого музея способствовали поездки членов Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в восточные страны. Многие дарители оттуда, следуя лучшим традициям собирательства, привозили и безвозмездно передавали ценные китайские предметы. К редким произведениям китайского искусства, сохранившимся в Кяхтинском музее до нашего времени, можно отнести китайский веер из слоновой кости, выполненный в стиле «Шинуазри», который является уникальным образцом декоративно-прикладного искусства. В России данный стиль приобрел широкое распространение с XVIII в.

«Шинуазри» от франц. *Chinoiserie* – «китайщина» предполагает собой увлечение Запада восточными странами, такими как: Китай, Япония, Индия, Ближний Восток и т.д. [3, с. 31]. Используемый тысячелетия назад китайский веер также на сегодняшний день не прекращает давать людям холодный ветерок, и является предметом блестящей китайской культуры и искусства.

Веер принят в Кяхтинский музей 30 ноября 1896 года [1, с. 79]. Поступил от Казанцева Иннокентия Петровича [7, с. 6] – члена Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества с 1896 года. Он был крестником И. И. Попова – народовольца, административного ссыльного, издателя газеты «Восточное обозрение». На Казанцева И. П. большое влияние оказала либеральная среда семьи кяхтинского купца А. А. Лушниковова [6, с. 2].

Данный веер относится к группе вееров «Тысячи лиц», и назван так, поскольку на его раскрашенную бумажную основу наклеены изображения лиц, вырезанные на ажурных пластинках из слоновой кости в технике «bris» – со сквозной резьбой. На бумажном экране веера с двух сторон нарисован акварельными красками пейзаж типа «мандаринского» – с многофигурной жанровой сцены

в пейзаже со строениями и деревьями. Веер складной, двусторонний. Такие веера изготавливались на экспорт в Кантоне примерно в 1850 г.

Как правило, веер имел футляр, который являлся одним цельным комплектом с веером. Подобный футляр мог быть выполнен из резной слоновой кости или из дерева. Оформлен резьбой или расписан цветным с золотом лаком. Такие футляры украшали росписью в стиле «цветы и птицы». Часто мастера ставили подписи, что давала возможность определить, кем и где изготовлен футляр [8, с. 17]. Внутри футляр обтягивался шелком, внутренняя сторона откидной крышки украшалась росписью. Такие футляры сами по себе являются произведениями искусства [5, с. 120].

Веер из коллекции Кяхтинского музея имеет футляр деревянный, который расписан коричневым и золотым лаком с изображением жанровых сцен. Футляр имеет откидную крышку, с замком. Внутренняя часть крышки футляра выглядит следующим образом: на верхней крышке с внутренней стороны на бумаге голубого цвета имеются изображения лотоса, летучих мышей, рыбки. Футляр нижней части с внутренней стороны обит, синим шелком, с углублением по размеру веера. Углубление обито розовым шелком.

Футляры или шкатулки для вееров, вырезанные из дерева, в основном служили вспомогательным целям. Выполненные из душистых пород деревьев – камфары, сандалы – футляры клали вместе с вещами, когда ими не пользовались. Футляры способствовали их сохранности, предохраняли от жучков и моли, придавали специфический аромат [5, с. 100].

Тематика восточного искусства рубежа XIX-XX вв. на сегодняшний день недостаточно представлена в музейных собраниях Республики Бурятия, что даёт основание называть представленный предмет одним из интереснейших в своём роде. Несмотря на проделанную работу по первоначальному определению веера, значимым остаётся последующее его исследование. В первую очередь, искусствоведческое изучение, установление использованных материалов и определение авторства. Веер «Тысячи лиц» из собрания нашего музея даёт образное представление о стиле и характере работ, созданных китайскими мастерами.

Примечания

1. Кяхтинский краеведческий музей им. В.А.Обручева. Главная инвентарная книга № 1 Основного фонда 1890–1939 гг. 521 с.
2. История китайского веера. Ч. 4. URL: [http : // www.chinamodern.ru/?p=5461](http://www.chinamodern.ru/?p=5461) (дата обращения: 25.11.2020).
3. Крушинская Д. И. Китайская культура в современном Санкт-Петербурге, 2016. 44 с. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/kitayskaya-kultura-v-sovremennom-sankt-peterburge> (дата обращения: 04.11.2020).
4. Итс Р. Ф. Первые китайские коллекции в России // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб. : Вост. коллекция, 1974. 480 с.
5. Меньшикова М. Л. Китайские экспортные веера. СПб., 2004.
6. Протокол обыкновенного общего собрания ТКО ПО ИР-ГО №3, 13 марта 1896 г. Иркутск : Типо-литография И. И. Макушина, 1896. 45 с.
7. Протоколы обыкновенных общих собраний ТКО ПО ИР-ГО № 6,7,8. 28 октября 1896 г. Иркутск, 1896. 31 с.
8. Чижова А. С. Искусство веера в России второй половины XIX – начала XX века. URL: <https://gigabaza.ru/doc/194569-p2.html> (дата обращения: 25.11.2020).

УДК [069:339.138](571.54-21)

Хутакова Е. А., г. Кяхта, Россия

Khutakova Ye. A., Kiyakhta, Russia

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ПРОДВИЖЕНИИ МУЗЕЯ

PUBLIC RELATIONS IN MUSEUM PROMOTION

В статье рассматривается музей как учреждение социально-культурной сферы, его задачи и роль в сохранении и ретрансляции культурных ценностей. Автор концентрирует внимание на методах

продвижения музея в рамках музейного маркетинга, в частности, на методах связей с общественностью. Особое место в музейной коммуникации занимает имидж руководителя. В статье представлены результаты исследования и проектные предложения по продвижению Кяхтинского краеведческого музея.

The article considers a museum as the institution of social and cultural sphere, its tasks and role in preserving and retranslating cultural values. The author focuses on the methods of promoting the museum within the framework of museum marketing, methods of public relations, in particular. The manager's image occupies a special place in museum communication. The article presents the results of the research and project suggestions for promoting Kyakhta local history museum.

Ключевые слова: музей, связи с общественностью, коммуникационная кампания, продвижение, имидж руководителя

Keywords: museum, public relations, communication campaign, promotion, manager's image.

Современное общество, несмотря на динамичность развития, стремится сохранить исторические ценности и развивать историческую память. Это обуславливает особый интерес к учреждениям социально-культурной сферы, призванным реализовывать озвученные задачи. В частности, необходимо остановиться на музеях, как организациях, ориентированных на тесное взаимодействие с обширной публикой, по сравнению с архивными учреждениями, к примеру.

Музей, согласно определению авторитетной международной организации музейной сферы – ICOM, определяется как открытая широкой общественности некоммерческая организация, действующая на постоянной основе в рамках реализации функций приобретения, исследования, сохранения и демонстрации материального и нематериального наследия человечества в целях образования и рекреации граждан [1].

Музеи России, согласно Концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 г., направляют максимум ресурсов для решения задач создания комфортной среды и повышения привлекательности учреждения для посетителей, в том числе, за счет модернизации управления и методов про-

движения, что должно увеличить поток клиентов до 143 миллиона человек в год [2]. Цель, на наш взгляд, достижима, т.к. по утверждениям Ф. Котлера, особенностью музея как объекта продвижения является специфичность музейной услуги, как впечатления, которое сложно найти в других местах, формируемых за счет контекста в виде зала и интерьеров музея, его коллекций, каталогов и путеводителей, экскурсий и музейных программ, дополнительных услуг, например, кафе [3, с. 156-157]. Для продвижения музея широко внедряют концепцию музейного маркетинга, особое место в котором занимают связи с общественностью. Современные связи с общественностью в музее, как любом учреждении культуры, предполагает внедрение разноплановых форм – специальные мероприятия, выставки, конкурсы, благотворительность – при взаимодействии с целевыми группами: потребителями услуг, государственными структурами, общественными организациями, инвесторами, СМИ, властями, местным сообществом и внутренней аудиторией (сотрудниками). Кроме того, в современных условиях возрастает значимость цифровых форм продвижения музейного продукта как наиболее оперативной и малозатратной формы взаимодействия с внешней общественностью. Так, по мнению зарубежных исследователей, социальные медиа становятся заметным и важным инструментом продвижения и брендинга новой музейной эпохи, учитывая преимущества этого канала коммуникации как на коммуникационном, образовательном, так и на рекламном уровне [4].

На наш взгляд, особое место в продвижении музея, в частности, на внутреннюю общественность занимает личный имидж руководителя организации. Рассмотрим данную проблему на примере Кяхтинского краеведческого музея. Этот музей, основанный в 1890 г., содержит крупнейшую коллекцию экспонатов по истории Юго-Западного Забайкалья. К сожалению, несмотря на уникальность музейного продукта, достаточно большое количество музейных мероприятий, на данный момент он не так активно популяризирует собственные услуги, что сказывается на посещаемости. В то же время в социальных сетях музея достаточно много подписчиков (ВКонтакте – 105 подписчиков, 1108 друзей, Facebook – 4446 подписчиков), аккаунты обновляются на постоянной основе. Мож-

но предположить, что определенные сложности с внешней коммуникацией могут быть вызваны проблемами внутренними.

Для оценки ситуации был проведен опрос сотрудников музея. Предметом исследования стал личностный и профессиональный имидж руководителя учреждения, так как от него, как менеджера, зависит эффективность работы музея в целом. Было выявлено, что наибольшая средняя оценка получена руководителем музея по шкале «Внешний вид и манера держаться» (3,83 балла), а также проблемные зоны в его личностном образе. В целях разработки проекта улучшения имиджа руководителя Кяхтинского музея, определим показатели, получившие наименьший средний балл, такие как кадровые возможности учреждения (2,93 балла); ежедневные коммуникации руководителя с сотрудниками (2,93 балла); обеспечение руководителем достаточного материального стимулирования для мотивации работников (2,73 балла); обеспечение руководителем достаточного морального поощрения для мотивации работников (3,001 балла); финансовые возможности учреждения (3,00 балла); обеспечение руководителем достаточной финансовой базы работы музея (3,07 балла). Таким образом, в структуре имиджа руководителя музея имеется 6 параметров, требующих улучшения, из них первые четыре относятся к коммуникативной эффективности, два – к эффективному решению организационных вопросов (финансовых). Очевидно, что действующему руководителю требуется улучшить качество работы в системе коммуникации. По мнению многих сотрудников и менеджеров музея, руководитель не всегда выслушивает их мнение, далеко не всегда корректен и вежлив в процессе делового общения с подчиненными (на планерках и корпоративах).

В качестве проектных рекомендаций уместно было бы предложить следующие варианты: 1. Назначить заместителя директора ответственным за проведение собраний и совещаний и обеспечение обратной связи в ответ на высказывания, просьбы и предложения сотрудников как способ делегирования зон ответственности и переноса негатива. 2. Поручить секретарю руководителя постоянно фиксировать устные распоряжения директора, адресованные коллективу, в печатной форме. 3. Ввести в расписание рабочего дня руководителя обязательный выход в залы музея и общение с посе-

тителями. 4. Внедрить в систему моральной мотивации сотрудников молодого и среднего возраста корпоративного тим-билдинга и продвижения по карьерной лестнице. 4. Озвучивать на коллективных собраниях и совещаниях меры, проводимые руководителем музея по обеспечению его финансирования

Реализация представленной программы позволила бы, на наш взгляд, эффективно проводить проектные мероприятия в системе действующей системы отношений в организации. Для определения оценки их эффективности требуется вести учет по представленным критериям оценки, в том числе, посредством проведения повторного тестирования по разработанной нами анкете с последующим сравнением достигнутых уровней оценок с представленными критериями их результативности.

Таким образом, рассмотренный нами социально ориентированный проект улучшения имиджа руководителя, в частности, Кяхтинского музея поможет повысить степень ресурсности его деятельности, связанной с углублением гуманитарной миссии в интересах не только нынешних, но и будущих поколений.

Примечания

1. Creating a new museum definition – the backbone of ICOM. URL: <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/> (дата обращения: 15.10.2020).

2. Шекова Е. Л. Особенности маркетинга в сфере культуры (на примере музеев) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-marketinga-v-sfere-kultury-na-primere-muzeev> (дата обращения: 16.10.2020).

3. Попова Е. В., Брюхнова А. В. Роль PR в деятельности учреждений культуры // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 8-1. С. 156-158.

4. Belenioti Z.-C., Tsourvakas G., Vassiliadis C. A. Museums Brand Equity and Social Media : Looking into Current Research Insights and Future Research Proposition // Strategic Innovative Marketing and Tourism. 2019. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-12453-3_139 (дата обращения: 16.10.2020).

СЕКЦИЯ IV. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИКАХ

УДК 316.752-053.6

Бояк Т. Н., г. Улан-Удэ, Россия

Boyak T. N., Ulan-Ude, Russia

ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА

PERSONALITY'S MORAL VALUES AS A FACTOR OF DEVELOPING THE SOCIETY CULTURE

Научная статья посвящена осмыслению значимости нравственных ценностей личности в развитии культуры общества. Подчеркивается важность благоприятных условий социализации в формировании нравственности личности: достойный уровень жизни, эффективная работа институтов и агентов социализации. Отмечается, что от уровня профессионализма, нравственности кадров в области культуры во многом зависит динамика развития культуры социума.

The article is devoted to comprehending the significance of moral values of a personality in the development of the society culture. The importance of socialization favorable conditions in forming the personality's morality as a decent standard of living, effective work of the institutes and agents of socialization is stressed. It is noted that the dynamics of developing the society culture greatly depends on the level of professionalism, personnel morality in the field of culture.

Ключевые слова: нравственные ценности, личность, молодежь, социум, культура.

Keywords: moral values, personality, youth, society, culture.

Нравственность занимает в системе духовных ценностей важнейшее место. Это отмечается многими отечественными учеными: В.С. Барулиным, Л.П. Буевой, И.А. Ильиным, В.А. Лектор-

ским, Л.Н. Столовичем, М.М. Тоненковой и др. Безусловно, нравственная стойкость, следование высоким нравственным идеалам, ценностям даже при крайне сложных объективно существующих реалиях, является показателем духовной силы личности.

Понятие «нравственные ценности» включает в себя много составляющих. В нем находит отражение отношение личности к себе, другим людям, обществу, природе. Характеристика содержания нравственных ценностей включает и ориентированность сознания личности на те или иные нормы, ценности общества, и ее нравственные чувства, убеждения, и реализацию убеждений, ценностных представлений личности в поступках, поведении. Нравственные ценности служат задачам личностного становления, духовного развития социума, человека.

Содержание нравственных ценностей личности определяется, с одной стороны, объективно существующей нравственной культурной обществу, а с другой стороны, потребностями и усилиями самой личности относительно приобщения к тем или иным объективно существующим ценностям. Ибо из всего многообразия объективно существующих ценностей, человек выбирает в качестве ориентира необходимые именно ему. Данный выбор и определяет содержание нравственности личности, которая раскрывается как на уровне ее сознания, так и на уровне поведения.

Ориентированность личности на высокие образцы морали, идеалы, имеющиеся в обществе, выступает необходимым условием ее нравственного развития. Это позволяет сравнивать свои действия с высшими ценностями, с тем, что должно, и стремиться приблизиться к ним, насколько это возможно. Данный путь нравственного совершенствования личности, ориентированный на высокие идеалы, является необходимым слагаемым в решении задач, связанных с повышением уровня нравственной культуры общества, развития социума в целом.

Важным условием успешности пути нравственного развития личности является наличие в обществе единого идеологического пространства, четких идеалов, ориентирующих сознание на лучшие общечеловеческие нравственные ценности. Конечно, чрезмерная идеологизированность общества, навязывающая определенные ценностные образцы, без учета потребностей самого человека,

лишает людей свободы выбора, не способствует гармонизации их отношений с обществом. Однако, отсутствие в социуме идеалов, четких ценностных ориентиров значительно осложняет процесс самоопределения человека в мире многообразных ценностей, может вызвать деструкции в его сознании и поведении, способствовать распространению среди социальных групп негативных процессов. Так, например, перестроечный период развития российского общества (90-е годы XX века) характеризовался резкими трансформационными процессами во всех сферах его жизнедеятельности, неустойчивостью, отсутствием единой системы идеалов, смешиванием самых разных ценностей: советских и постсоветских, дорыночных и рыночных и др. Процессы социализации в этой ситуации носили противоречивый, сложный характер. Выраженными в этот период были проблемы, связанные с регрессом нравственной культуры общества, личности: высокий уровень разводов, смертности, девиации, преступности и др. Результаты социологических опросов тех лет показывали, что у значительной части молодежи отсутствовали идеалы. Так, например, В.Т. Лисовский отметил: «На вопрос «Есть ли у Вас идеал?», заданный в 1998 году в ходе опроса молодежи России, сказали «да» – 36%, «нет» – 63%. А на вопрос «Кого Вы считаете героем нашего времени?», 87,5% ответили – нет такого, и лишь 12,5% дали утвердительный ответ» [1, с. 108].

Конечно, отсутствие у личности идеалов, ориентирующих ее развитие, совершенствование, очень тревожный факт, не характеризующий условия и процессы социализации как благоприятные.

Наличие в обществе идей, ценностей, поддерживаемых государством, общественным мнением, становится определенным ориентиром для ценностного сознания молодого поколения. Так, например, в современных российских условиях актуализировались ценности здорового образа жизни, государство стало уделять серьезное внимание задачам приобщения молодого поколения к ценностям здорового образа жизни. Наблюдается увеличение числа спортивно-оздоровительных учреждений, при государственной поддержке реализуются многочисленные социокультурные проекты, направленные на решение этих задач. Как следствие, увеличи-

вается число молодежи, осознающей важность ценностей здоровья и здорового образа жизни, что, конечно, является позитивной тенденцией.

Однако, важно, чтобы ориентация личности на положительные идеалы, ценности общества проявлялась не только на уровне ее ценностного сознания, но и поведения. Результаты исследований, проведенных автором данной статьи среди молодежи в разные годы, позволяют заметить противоречия между ценностным сознанием и поведением у части представителей группы. Так, ориентация молодых людей на ценности здорового образа жизни, общечеловеческие, высокие нравственные, гражданско-правовые ценности выражена в большей степени, на уровне сознания, нежели на уровне поведения. Например, не все молодые люди, понимающие важность ведения здорового образа жизни, придерживаются его на практике. Или не всем, кто осознает необходимость следования нравственным нормам, удается им следовать в должной степени. И сегодня в связи с этим представляется, что институтам, агентам социализации личности необходимо углублять работу по преодолению противоречий, имеющихся между ценностным сознанием и поведением молодого поколения, осуществляя поиск и внедрение наиболее эффективных моделей воспитания.

Результативность решения задач нравственного воспитания личности во многом зависит от экономических, социально-культурных реалий общества. Чем более благоприятны условия жизнедеятельности личности, тем больше возможностей для ее развития, совершенствования.

В сравнении с перестроечным периодом российского общества (90-е годы XX века) современные реалии социума значительно более благоприятны. Это положительно сказалось на динамике рождаемости населения, снижении уровня преступности, девиации, позволило применять новые технологии в деятельности учреждений образования, культуры.

Однако, задачи, связанные с повышением уровня жизни населения (особенно сельского), улучшением условий для социализации, самореализации молодого поколения, не утратили своей актуальности. И результативность их решения выступает важным слагаемым успеха процесса становления и развития личности.

Формирование высокого уровня нравственной культуры личности в современных реалиях российского общества должно входить в число по настоящему наиболее приоритетных направлений деятельности всех институтов и агентов социализации. Ибо, только добившись действительно положительных результатов в этом направлении, возможно достичь прогрессивного развития культуры социума, а значит и преобразований во всех его сферах.

Как верно отмечает В.М. Чижиков: «Уровень культуры личности в социально-экономической, общественной деятельности представляет собой базовую основу, на которой развиваются формы культуры, связанные с различными видами деятельности в экономико-технологическом процессе, в управлении, политике и цивилизационном процессе» [2, с. 227].

Данное обстоятельство налагает особую ответственность и на вузы культуры, осуществляющие подготовку кадров для отрасли. Важно, чтобы сегодняшние выпускники:

- характеризовались как профессионализмом, так и высоким уровнем нравственной, гражданской культуры,
- испытывали и реализовывали на практике (после окончания вуза) устойчивую потребность работать по полученной профессии на благо родного города / села, общества.

Конечно, в условиях высокой значимости в обществе утилитарных, прагматических, индивидуалистических ценностей, низкого престижа малодоходных профессий в сфере культуры, решать задачи, связанные с формированием высокого уровня нравственного поведения, твердых ориентаций студенчества на труд по полученной в вузе профессии – задача не простая, однако необходимая.

Современными вузами проводится большая трудоемкая работа, направленная на совершенствование образовательно-воспитательной среды. При высоком уровне компетентности, хорошей продуманности, концептуальной выстроенности, системности эта работа (совместно со всеми другими институтами социализации) в перспективе способна привести к положительным результатам – повышению уровня нравственности человека и общества, развитию культуры.

Примечания

1. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2000. 508 с.

2. Чижиков В. М. Социокультурные коммуникации города и села. М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. 290 с.

УДК 008(571.5)

Манзырева Е. С., г. Улан-Удэ, Россия

Manzyreva Ye. S., Ulan-Ude, Russia

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

A PERSONALITY'S ROLE IN FORMING REGIONAL ART CULTURE

В статье выявляется роль творческой личности в развитии художественной культуры городов Восточной Сибири. Автор рассматривает, какое влияние оказали политические ссыльные, представители купечества и местной интеллигенции на формирование профессионального искусства, выставочного дела, художественного образования.

The article reveals the role of a creative personality in the development of art culture in the cities of Eastern Siberia. The author considers the influence of the political exiles, representatives of merchants and local intelligentsia on the formation of professional art, exhibition business and art education.

Ключевые слова: личность, художественная культура, искусство, региональная культура, Восточная Сибирь.

Key words: personality, art culture, art, regional culture, Eastern Siberia.

Культура, будучи результатом деятельности человека, уже давно стала одновременно и способом упорядочивания этой деятельности при помощи сложной системы ценностных ориентаций и

норм. Благодаря этой системе человек обретает смысл своего существования и формируется как личность – т.е. социальный субъект, способный к активной продуктивной деятельности. Таким образом, личность создает культуру, а культура формирует личность. Какую бы сферу человеческой жизнедеятельности мы не рассматривали – материальную, художественную, политическую и т.д. – везде прослеживается эта замкнутая цепь взаимовлияния.

Рассмотрим это на примере художественной культуры, под которой мы понимаем область духовно-практической деятельности людей, направленной на создание, распространение и освоение произведений искусства [3, с. 12]. Исходя из определения понятно, что это сложноорганизованная система, где создатель художественных произведений является основным, но не единственным элементом. Художнику, архитектору, музыканту необходимо создавать условия для реализации своего замысла, необходимо обеспечивать связь со зрителем, слушателем или читателем, оценивать значимость художественного творчества и т.п. И для реализации этих задач также необходимы усилия отдельных личностей.

В культурологии и других науках существует категория «творческая личность», которую можно употреблять в двух смысловых масштабах: как людей, способных к художественному творчеству в различных областях искусства; и людей, которые стремятся преобразовать в ходе своей деятельности культурную среду. При этом не обязательно, что они сами занимаются созданием произведений искусства, но благодаря своим волевым качествам, коммуникабельности, организаторским и управленческим способностям, обеспечивают создание условий и благоприятной атмосферы для творчества, развития и восприятия искусства.

Становление творческой личности связано с особенностями процесса её социализации и инкультурации, культурной средой, в которой она оказалась. Богатое воображение, целеустремленность и жизнестойкость позволяют таким людям проявлять стремление преодолевать сложившиеся нормы, искать новые способы жизнедеятельности. Согласно А. Маслоу, «личностью становятся люди, когда они преданы не только делу, признанию, долгу, любимой работе («вне самих себя»), но и тогда, когда у них внутренняя необхо-

димось совпадает с необходимостью внешней, «я хочу» совпадает с «я должен»» [4, с. 57].

Симбирцева Н.А., исследующая специфику взаимодействия творческой личности и локального социокультурного пространства даёт следующее определение: «Творческой личностью может быть назван активный субъект, творящий культуру и реализующий свой культуротворческий потенциал, который продуцирует духовные ценности, созданные мировой культурой, как личностные, освещая их собственным светом и, тем самым, делая их по-новому значимыми для окружающих людей» [5, с. 9-10]. То есть, творческая личность в широком понимании, это не только создатель художественных произведений, а скорее человек, проявляющий социокультурную активность, желающий изменить или повлиять на окружающий его мир.

В истории мировой и российской культуры таких личностей немало. В качестве примера можно назвать И.И. Шувалова – инициатора создания Академии художеств, знаменитых меценатов XIX века П. М. Третьякова, С.Т. Морозова, С.И. Мамонтова, выдающегося организатора «Русских сезонов» в Париже» С.П. Дягилева и многих других.

Исторически сложилось, что особую роль творческая личность играла в процессе развития региональной культуры, который в досоветский период не имел государственной поддержки и носил случайный характер. Профессиональная художественная культура в регионах начала формироваться в XVIII-XIX вв. чаще всего благодаря энтузиазму и инициативности конкретных людей, а не государственной политике.

В провинции значение отдельной личности для развития местной культуры значило подчас больше, чем для столицы или крупного центра. В небольших городах каждая творческая личность была заметна сразу, она достаточно быстро получала уважительное к себе отношение, а результаты деятельности были заметнее, что позволяло таким людям, что называется «без посредников», оказывать влияние на культурную жизнь города. Но, в то же время, в провинции сложнее было найти единомышленников, получить понимание, а консервативный уклад жизни труднее подда-

вался трансформации. Как бы то ни было, даже одна яркая неординарная личность могла преобразить культурное пространство.

Развитие региональной художественной культуры городов Восточной Сибири в XIX в. происходило под влиянием отдельных личностей, как местных уроженцев, так и людей, которые появлялись в крае по разным причинам, образно говоря «волею судьбы». Речь здесь, прежде всего, идёт о политических ссыльных - декабристах (Н.А. Бестужев, П.И. Борисов, С.Г. Волконский, М.К. и В.К. Кюхельбекеры, А.М. Муравьев, С.П. Трубецкой, А.И. Якубович и др.) и участниках польских революционных выступлений (С.Е. Вронский, Л. Немировский, А. Сохачевский, Ю. Беркман и др.). Те из них, кто не пал духом, не потерял надежду, являлись для местных жителей образцом какой-то новой, столичной культуры. Места их пребывания стали своеобразными культурными центрами. Они дали импульс для развития очень многих сфер культуры – сельского хозяйства, экономики, образования и искусства [3, с. 91-93]. С этих пор местные уроженцы, прежде всего купцы, стали воспроизводить многие формы столичной культурной жизни, заниматься благотворительностью и меценатством. Несмотря на то, что большинство политических ссыльных при получении разрешения уезжали, возвращаясь к своим родным, ими были заложены основы музыкально-литературных салонов, частных художественных собраний, школ, мастерских и т.п. Но самое главное, декабристы и другие политические ссыльные со своими идеями, «столичным» мировоззрением стали своеобразным образцом и стимулом для дальнейшего развития региональных творческих сил.

Во второй половине XIX в. более активную позицию стали занимать местные жители. Прежде всего, это были представители купеческого сословия. Благодаря их организационной и финансовой поддержке открываются научно-просветительские и художественные учреждения, музеи и частные коллекции. Практически все богатейшие купцы региона – М.Д. Бутин, В.Н. Баснин И.Ф. Голдобин, М.А. Зензинов, А.М. Лушников и др. – были меценатами. Они поддерживали начинающих художников, делали заказы, приглашали на работу столичных мастеров. Включаясь в культурную жизнь, они становились непосредственно и опосредованно творцами культурного процесса, авторами многих культурных но-

ваций и одновременно хранителями историко-культурного наследия, используя творческий подход и реализуя свой личностный потенциал.

На рубеже веков, наряду с купцами, заметную роль в художественной жизни региона стали играть представители городской разночинной интеллигенции, а также выпускники столичных художественных учебных заведений, известные мастера других региональных центров, приезжающие в города Восточной Сибири (С.Б. Бирнбаум, К. Маковский, А.Ф. Лытнев, Н.С. Нелюбов и др.). Объединяясь в разнообразные любительские и профессиональные общества, они не только являлись сами создателями художественных произведений, но и выступали в качестве новаторов театрального дела, инициировали создание и развитие учебных заведений, занимались научной и исследовательской деятельностью.

Приведём ряд примеров.

Во всей Сибири была известна богатейшая частная коллекция золотопромышленника, мецената Михаила Дмитриевича Бутина (1835-1907) в Нерчинске. Она отличалась своим разнообразием – коллекции по минералогии, геологии и этнографии, предметы ДПИ из Китая и европейских стран, живописные полотна, в том числе местных художников, например С.Вронского, П.Н. Рязанцева, Н.И. Верхотурова. «В 20-е годы XX века большая часть художественной коллекции М.Д. Бутина вошла в фонды Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова» [1, с. 83].

Другим знаменитым примером формирования региональных художественных музейных коллекций является частное собрание иркутского городского головы, общественного деятеля, мецената Владимира Платоновича Сукачёва (1849-1920), формирование которой относится к 70-м годам XIX века. В отличие от коллекции М. Бутина, которая, по мнению искусствоведа Е.Г. Иманакowej, не отличалась взыскательным художественным отбором, собрание В. П. Сукачёва было систематизированным, тщательно отобранным и общедоступным для посетителей. Не раз картины из своего собрания Владимир Платонович выставлял на проходивших в городе художественных выставках. «Приобретая работы местных художников из Иркутска, Читы, Красноярска, он тем самым оказывая поддержку их творчеству. Незаурядный художественный вкус В.П.

Сукачёва позволил ему создать коллекцию, в которую вошли произведения, и сегодня остающиеся украшением постоянной экспозиции Иркутского областного художественного музея» [1, с. 83].

Одним из идеологов и ярких деятелей сибирского областничества был Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894) – крупнейший общественный деятель, ученый, писатель, блестящий публицист и талантливый сатирик-фельетонист, издатель и редактор лучшей провинциальной газеты XIX в. «Восточное обозрение». Его работы носили разносторонний характер. «Он рассматривал вопросы развития сибирского самосознания, соотношения центра и периферии, столицы и провинции, культуры и цивилизации, рождения и формирования нового этнографического типа населения и т.д. Не обошел своим вниманием Н.М. Ядринцев и художественную культуру. В многочисленных очерках, эссе, критических статьях, рецензиях автор анализировал современное состояние художественной жизни и изобразительного искусства Сибири, давал яркие и запоминающиеся "портреты" наиболее крупных и талантливых писателей, поэтов, художников, являясь, по сути, основателем художественной критики Сибири второй половины XIX – начала XX вв.» [3, с. 57].

Ещё одним явлением второй половины XIX – начала XX вв., способствовавшим формированию региональной художественной культуры, было организация любительских обществ. Они создавались как в губернских, так и уездных городах, имели разную продолжительность своего существования, но именно благодаря этим обществам развивались музыкальная и театральная культура, живопись и литература. Инициаторами здесь также выступали творческие личности, увлечённые искусством. К примеру, в Иркутске в 1890-х годах появилось Общество любителей музыки и литературы, идея создания которого принадлежит Алексею Петровичу Богословскому. По роду своей основной деятельности он был старшим инженером технического отдела Управления работами Забайкальской железной дороги. Но при этом являлся истинным ценителем изобразительных искусств. «Благодаря ему осенью 1899 г. при обществе возник кружок любителей живописи, ставший центром притяжения для разъединенных, живших обособленно местных художников. Вскоре в кружке возникла мысль устроить вы-

ставку имеющихся в Иркутске картин. Открытая в 1900 г. выставка была составлена из произведений русской школы и нескольких работ западноевропейских художников. Примечательной особенностью этой выставки стало то, что на ней большое место было отведено местным художникам и любителям» [2, с. 20-34]. Тем самым проведение выставок стимулировало любителей живописи к творчеству, повышению своего уровня, а у посетителей способствовало развитию художественного вкуса.

Художественное образование – ещё один важный компонент художественной культуры, формировавшийся благодаря личностным усилиям. Если в XIX веке это были кратковременные предприятия, то, как отмечает Ю.П. Лыхин, уже в начале XX века, в связи с развитием художественной жизни, появляется спрос на этот вид образования. Например, именно в это время начинает работать класс рисования и живописи Ивана Лавровича Копылова (1883-1941) – иркутского художника, талантливого педагога, общественного деятеля. «Немаловажными причинами успешной деятельности И.Л. Копылова следует считать его разнообразную практическую школу, которую он прошел, обучаясь в художественных заведениях Казани, Петербурга и Парижа. Школа И.Л. Копылова положила начало развитию изобразительного искусства в регионе. В ней получили первые профессиональные навыки и знания многие художники участники выставок, проводимых в Восточной Сибири в последующие годы. В дальнейшем школа была преобразована в Государственные курсы изобразительных искусств, а в 1930 г. – Восточно-Сибирский краевой педагогический техникум по изобразительным искусствам (изопедтехникум)» [2, с. 67-71].

Опыт первых художественных заведений постепенно распространился на весь регион и привел к учреждению в 1913 г. по инициативе художника, педагога Михаила Александровича Рутченко (Короткоручко) (1863-1937), Читинской художественно-промышленной школы с вечерними и воскресными классами по рисованию. Одним из знаменитых воспитанников этой школы был основоположник бурятской профессиональной живописи Ц. Сампилов, закончивший ее уже в годы советской власти [1, с. 69].

Примеров влияния отдельных личностей на развитие региональной художественной культуры достаточно много. По мнению

Н.А. Симбирцевой, «именно в досоветский период творческая личность имела относительную свободу в выборе тех ценностей и приоритетов, которые отвечали бы её внутренним потребностям и желаниям» [5, с. 10]. В XX веке искусство, как и вся сфера культуры, оказалось под контролем государственного аппарата как важный инструмент идеологической пропаганды. Безусловно, в этот период также были выдающиеся региональные творческие личности, из числа местных жителей, или попавших сюда волею судьбы, например в ходе распределения, но говорить о свободном самовыражении в этот период затруднительно. Общее преобладало над частным, национальное – над региональным, коллективное – над индивидуальным. В современной же культуре можно говорить абсолютно о противоположных тенденциях. Свобода, массовость, доступность, коммерциализация во многом упростили значимость творческих личностей. Широкое распространение таких сфер деятельности как продюсирование, связи с общественностью, спонсорство и т.д., наряду с государственными программами поддержки сегодня определяют развитие художественной культуры.

Таким образом, процесс формирования региональной художественной культуры в городах Восточной Сибири в XIX – н. XX вв., который выражался в появлении первых местных профессиональных деятелей искусства, в выставочном деле, коллекционирование, художественном образовании, художественной критике, на наш взгляд, осуществлялся только благодаря влиянию конкретных личностей.

Примечания

1. Иманакова Е. Г. Художественная жизнь Восточного Забайкалья как явление культуры второй половины XIX – первой четверти XX вв. : дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2002. 219 с.

2. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск, 2002. 336 с.

3. Манзырева Е. С. Художественная культура Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.). Улан-Удэ, 2014. 126 с.

4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2008. 352 с. URL: [http:// Vim-](http://Vim-)

Bad.ru>...maslow_motivation_and_personality.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

5. Симбирцева Н. А. Творческая личность в локальном социокультурном пространстве (на примере творчества А. П. Ромашова) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2009. С. 9-10.

УДК 002.6(517.3)

Отгондоогийн Алтанзаяа, г. Улан-Батор, Монголия

Otgondoogiyin Altanzaya, Ulaan-Baatar, Mongolia

**О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
ФОНДЕ ИМЕНИ С. ЛУВСАНВАНДАНА ИНСТИТУТА
ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ МонГУКИ
ABOUT THE RESEARCH DOCUMENTARY FUND NAMED
AFTER S. LUVSANVANDAN OF THE INSTITUTE OF
CULTURE AND ARTS OF THE MSUCA**

Оригинальные источники и документальные материалы определенного исторического периода являются объединяющим началом между прошлым и настоящим, имеют большое значение в их воссоздании и сохранении. Создание фонда исследовательских документов имени С. Лувсанвандана в рамках деятельности Института исследования культуры и искусства важно для сохранения, обогащения и распространения интеллектуальной собственности, культурного, художественного наследия и исторических документов монгольского народа. Основная цель деятельности Фонда научно-исследовательской документации заключается в сборе документов и источников, связанных с изучением монгольской культуры и искусства, в создании централизованного фонда, его регистрации и публикации в открытом доступе.

The original sources and documentary materials of some definite historical period are of unifying character between the past and present and are of great significance for their recreation and storage. The crea-

tion of the research fund named after S. Luvsanvandan within the activity of the Institute of culture and art study is important for preserving, enriching and spreading intellectual property, cultural, artistic heritage and historical documents of the Mongols. The main aim of the Fund of scientific documentation is in the collection of documents and sources connected with the study of the Mongolian culture and art, creation of the centralized fund, its registration and publication in the open access.

Ключевые слова: фонд, единица хранения, серия.

Keywords: fund, item of storage, series.

Институт исследования культуры и искусств Монгольского государственного университета культуры и искусств – один из первых научных центров Монголии, проводящих исследования в области культуры и искусства. Историческое развитие данного института можно представить в виде четырех этапов, в числе которых:

1. Постановлением Совета Министров Монгольской Народной Республики от 18 апреля 1975 г. № 192 в Институте языкознания Академии наук был создан сектор искусствознания.

2. На основании Постановления № 135 Политбюро ЦК Монгольской народно-революционной партии от 15 июля 1989 г. и Постановления № 220 Совета Министров Монгольской Народной Республики от 10 августа 1989 г., при Академии наук и Министерстве культуры был создан «Институт исследования культуры и искусств» [1].

3. Совместным приказом министра образования, министра национального развития и председателя Правительственного комитета по развитию культуры и искусства № 85/46/42 институт (ныне университет) культуры и искусств был объединен с Институтом исследования культуры и искусства. 25 февраля 1992 г. таким образом создан национальный университет [2].

4. 26 января 2015 г. Правительство Монголии издало Постановление № 27 «О некоторых мерах, которые необходимо принять в отношении научных учреждений», согласно чему в целях повышения эффективности и результативности научно-исследовательских институтов и центров и устранения дублирования функций были объединены 44 института и 23 центра;

6 институтов были профинансированы из государственного бюджета и включены в состав университета.

Согласно указу исследовательский институт стал частью университета и по настоящее время проводит различные фундаментальные и прикладные исследования монгольской культуры и искусства. В настоящее время функционируют 3 сектора и 1 исследовательский фонд. Решением Ученого совета от 5 ноября 2015 г. (№5) утверждена структура института и наш фонд назван в честь основателя института, известного ученого Лувсанвандана Сонома.

Документальное наследие – это важный инструмент исследования, который сохраняет историю, язык, культуру и обычаи страны и содержит четкую и подробную информацию об определенном периоде.

В соответствии с Положениями о «Государственной политике Монголии в области культуры» (2012 г.), «Программы защиты культурного документального наследия» (2014 г.) и «Основных инструкций для архивов организаций» (2007 г.) необходимо подавать документы и исследовательские работы любой организации. Считается, что должен быть носитель культурного наследия, фонд сохранения, документальное наследие, которое можно вести в научный оборот.

«Государственная политика в области культуры» [3] предусматривает, что письменные памятники, аудио-, видеоматериалы, фотографии и документальное наследие, хранящиеся в культурных, научных и медийных организациях, должны быть взяты под охрану государства, восстановлены и использованы для исследовательской деятельности. Памятники истории и культуры (материальное культурное наследие) классифицируются как «памятники истории и культуры, имеющие историческое, культурное и научное значение, независимо от формы собственности, которые могут представлять конкретное историческое пространство и время», рукописи, ксилографические и печатные книги, такие как письменные памятники, фотографии, видеофильмы, соответствуют целям и задачам нашего Фонда, базы данных исследовательской документации.

Также указывается, что «культурная деятельность» включает различные виды деятельности, связанные с созданием, владением, использованием, сохранением, изучением, продвижением и распространением культурных ценностей, в том числе:

а) предоставление услуг, направленных на сохранение, исследование и распространение материального и нематериального культурного наследия среди населения, а также на участие в производстве предметов культуры;

б) сохранение и восстановление нематериального культурного наследия монгольского народа, этноса, этнического языка, диалекта, устных и письменных памятников;

в) создание и обеспечение доступности произведений всех видов искусств, таких как литература, музыка, изобразительное искусство, театр, цирк, кино, дизайн, архитектура, и памятников, памятных предметов;

г) развитие культурологических исследований;

д) проведение культурных мероприятий через СМИ;

е) расширение международных культурных связей и сотрудничества.

Согласно Приложению № 1 Постановления Правительства Монголии № 238 от 2014 года об утверждении «Программы по охране документального культурного наследия», «Фонд книг и рукописей по монголоведению» Национальной библиотеки включает 21 000 рукописей и ксилографических книг; «Фонд тибетских книг» – около 1,5 миллиона книг и сутр, созданных монгольскими и тибетскими учеными; «Фонд восточных книг и издательского дела» насчитывает более 100 000 книг; в общей сложности – более трех миллионов редких и ценных книг и сутр.

Многие исторические научно-исследовательские институты, такие как Институт истории и археологии Академии наук и Институт лингвистики, имеют базу данных, основанную на их многолетних ресурсах и коллекциях полевых исследований. Например, в «Фонетическом фонде» Института лингвистики Академии наук хранятся около 1200 фильмов с устными и местными диалектными материалами, около 1100 текстов и рукописных работ ученых, собранных Институтом в период с 1950

г. по 1990 г. Кроме того, отмечается, что хранятся около 450 папок с материалами и отчетами на местном диалекте [4].

С 1975 года Институт ведет непрерывные полевые исследования. К примеру, в 1975 году были организованы полевые поездки в аймаки Дорнод, Тов и Дундговь; в 1976 г. – в Дорноговь; в 1977 г. – в Гоби-Алтай, Ховд, Баян-Улгий, Дорнод и Хэнтий; в 1978 г. – в Сухэ-Батор, Дорнод, Хубсугул, Архангай и Завхан; в 1989 г. – в Хэнтий и Дорнод.

В последние годы в рамках сотрудничества с Национальным университетом Хух-Хото (Внутренняя Монголия, Китай) проведена Международная научная конференция «Монголия-Китай: культура, искусство и туризм». Реализованы научные проекты «Культура монголов Алшаа» и «Культура монголов Ордоса», проведен ряд исследований в этих областях, создана документальная программа о Монгольском национальном радиовещании и пополнен его фонд документального наследия.

Коллекция нашего фонда включает в себя рукописи частных лиц и ведущих ученых, редкие исследовательские материалы на уйгурско-монгольской письменности, книги, компакт-диски, DVD-диски и кассеты с местными диалектами, собранные в полевых экспедициях учеными Института исследования культуры и искусств с 1975 г. по 2000 г.

В собраниях нашего Фонда хранятся личные рукописи известного ученого-этнографа Х. Нямбуу, удостоенного Государственной награды. Киноведа Т. Чимэд, Д. Хишигт и Л. Давааням также передали в фонд свои личные архивы и коллекции. К примеру, нашему Фонду Чимэд переданы более 600 книг, более 500 редких фотографий, более 500 художественных и документальных фильмов, а также сценарии фильмов, которые также хранятся при нашем Фонде.

В рамках публикации серий работ с 2016 года Фондом издан 3-томный сборник документов С. Лувсанвандана с общим объемом 1250 страниц. По материалам рукописей М. Ганболда изданы 2 тома (700 стр.). Опубликован также труд Б. Баатархуу и Н. Хатанбаатара «Наследие борджигинов» (150 стр).

Вывод

Все документы и материалы фонда, находящиеся в доступе для ученых, продолжают изучаться. Кроме того, идет сбор оригинальных источников, архивные и документальные материалы хорошо организованы и хранятся в соответствии со всеми правилами, создано депозитарное подразделение. Университет культуры и искусств открывает свои двери для создания частного фонда от своего имени, регистрации и дарения книг, переданных в его исследовательскую библиотеку, обеспечивает безопасное хранение, расширяет основной фонд и фонд исследовательской библиотеки для удовлетворения интеллектуальных потребностей студентов и исследователей монгольской культуры. В этом и состоит особенность «Научно-исследовательского документального фонда имени С.Лувсанвандана» Института исследования культуры и искусства.

Хотя фонд функционирует с 2016 года, за этот короткий период времени нами пополнена база данных фонда различными книгами, документами и другими единицами хранения.

Таким образом, сохранение и защита документального культурного наследия и его ведущая роль не только у монгольских, но также у зарубежных и отечественных ученых приводят к расширению дальнейшей исследовательской работы Университета культуры и искусств и создают условия для роста и расширения научного потенциала исследователей, магистрантов и докторантов. Фонд также открыт для совместного сотрудничества с университетами соседних стран, совместной подготовки научных монографий и сборников о коллекциях редких и важных документов и для создания документальных фильмов.

Примечания

1. Институт культуры и искусств : материалы науч. конф., посвящ. 30-летию Института культуры и искусств. УБ., 2005. С. 3.
2. Национальный центральный архив Монголии. Х-13, Д-2, ХН-1140. С. 59.
3. Культурная политика Монголии. УБ., 2013. С. 12.
4. Правительственная информация. №35 / 848 /. С. 1302.

Кучмурукова Е. А., г. Улан-Удэ, Россия

Kuchmurukova Ye. A., Ulan-Ude, Russia

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК БУРЯТИИ В ОБЛАСТИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ**

**THE ACTIVITIES OF LIBRARIES OF BURYATIA IN THE
FIELD OF USERS' ENVIRONMENTAL EDUCATION**

В статье охарактеризованы культурно-просветительские мероприятия по экологии, организованные библиотеками Республики Бурятия, традиционные и виртуальные выставки, электронные ресурсы собственной генерации.

The article characterizes cultural and educational events in ecology organized by the libraries of the Republic of Buryatia such as traditional and virtual exhibitions, electronic resources developed by their own.

Ключевые слова: экологическое просвещение, экология, библиотеки Бурятии, культурно-просветительские мероприятия, выставки, электронные ресурсы.

Keywords: environmental education, ecology, libraries of Buryatia, cultural and educational events, exhibitions, electronic resources.

Проблемы экологии всегда находились в центре внимания библиотечного сообщества. Возможность донести до пользователей информацию о богатейшем природном наследии страны и конкретного региона, о современном состоянии окружающего мира, позволяет библиотекарям не только быть в курсе существующих проблем, но и оказывать влияние на их решение. Обладая информационными ресурсами и создавая собственные электронные продукты, организуя разнообразные мероприятия, библиотеки способствуют экологическому просвещению населения.

Инициирование 2017 года Всероссийским годом экологии и особо охраняемых территорий активизировало работу в данном направлении. Особый интерес представляет деятельность библиотек Бурятии. Уникальная природа региона, потребность в бережном

отношении к ней и необходимость способствовать ее сохранению, заставляет сделать особый акцент на экологической тематике, которая распространяется на все направления проводимой ими работы. Остановимся на ее характеристике более подробно.

Анализ работы библиотек Бурятии в области экологического просвещения позволил определить наиболее используемые библиотекарями и востребованные у пользователей формы. Среди них:

1. организация выставок;
2. проведение культурно-просветительских мероприятий;
3. использование при обслуживании пользователей электронных ресурсов по экологии, в том числе собственной генерации.

Традиционной формой работы любой библиотеки являются выставки. Проблемы экологии в последние годы довольно часто выбирались в качестве основной темы при их организации. В 2017 году в Национальной библиотеке Республики Бурятия пользователи смогли посетить выставки «Экология и человек» (1-30 июня), «Экология леса» (15 марта – 1 апреля). Представленные статьи из периодических изданий по широкому кругу вопросов дали возможность более глубоко осветить существующие проблемы, узнать о путях их решения. Экспозиция «Разрушаем планету – разрушаем себя», отражающая публикации из периодических изданий 2019-2020 годов, знакомит пользователей библиотек с современными журналами по экологии, их содержанием. Интерес представляет организованная Центральной городской библиотекой г. Улан-Удэ им. И. Калашникова выставка творческих работ «Мы дарим тепло ваших рук», где были собраны изделия из природных материалов и вторсырья.

Необходимость быстрой переориентации деятельности библиотек и организации обслуживания пользователей в интернет-пространстве в связи с эпидемиологической ситуацией и предотвращением угрозы распространения COVID-19, активизировала процесс создания виртуальных выставок. Среди представленных на сайте Национальной библиотеки РБ в 2020 году можно отметить выставки «Дикоросы – национальный экологический ресурс России», «Байкал – сокровище мира», «Славное море – священный Байкал», «Байкал в редких изданиях Национальной библиотеки

Республики Бурятия», «Растительные ресурсы России: охрана и защита», «ТБО: современные системы переработки и утилизации». Республиканская детско-юношеская библиотека подготовила для пользователей виртуальные выставки «Чистая вода – твоя проблема и моя», «Класс! Насекомые», «Слышим, видим, читаем о Байкале», «Дикие и редкие: последний шанс их увидеть».

Культурно-просветительские мероприятия являются одним из приоритетных направлений работы библиотек. Особо насыщенным в плане реализации разнообразных экологических программ стал 2017 год. Так, в Центральной городской библиотеке им. И.К.Калашникова состоялась викторина «В гости к пернатому другу», библиотекой-филиалом №12 ЦБС г. Улан-Удэ совместно с ТРЦ «People's Park» для учеников СОШ № 63 и прогимназии №108 была организована игра «Поле чудес». Конкурс «Заповедными тропами», проведенный Кяхтинской городской детской библиотекой в рамках реализации программы по экологическому воспитанию детей и подростков «Мир, в котором я живу» (2015-2020 гг.), был ориентирован на школьников.

Ежегодно Центральная библиотечная система г. Улан-Удэ выступает организатором просветительских мероприятий экологической направленности. Одной из акций, проведенной Центральной городской библиотекой им. И. Калашникова, стало открытие летнего читального зала «Экология по-новому». Нетрадиционный подход к обслуживанию читателей, вызвал массу положительных откликов у жителей города. Работа зала была организована по тематическим площадкам «Экология творчества», «Экология мысли», «Экология слова».

Распространенной формой работы ЦГБ и филиалов ЦБС г. Улан-Удэ является проведение тематических часов для разных групп пользователей. Так, в 2019 году в Центральной городской библиотеке был организован час экологии «Байкал – живописный уголок Земли», в филиале № 19 для учащихся СОШ №64 – познавательный час «Озеро Байкал – жемчужина Сибири», в филиале №9 в 2020 году для учащихся младших классов средней образовательной школы №51 были проведены занятия «Вода – источник жизни на земле», «Заповедная гордость страны».

Особо значимым мероприятием, ежегодно проводимым всеми библиотеками Республики Бурятия, является «Библионочь». В 2017 году проблемы экологии оказываются в центре внимания библиотекарей и становятся главной темой при организации центрального события года. В программу, представленную муниципальными библиотеками РБ, вошло более 100 разнообразных мероприятий, включающих встречи с писателями и литературные гостиные, экологические праздники, конкурсы и викторины, игровые программы, квесты, презентации и мастер-классы. Среди них «Наш дом – планета Земля», «Вечер в экостиле», «Экологический калейдоскоп», «Энциклопедия родной природы», «Природа – в нас и мы – в природе», «Экологическая мозаика», «Экомир», «Живи в согласии с природой», «Стиль жизни – ЭКО» и др. На базе библиотек были организованы детские площадки, работа клубов, театральных студий и творческих мастерских. Наиболее насыщенными по числу проведенных в рамках «Библионочи» мероприятий были программы библиотек Джидинского, Кижингинского и Прабайкальского районов Бурятии.

В последующие годы теме экологии по-прежнему уделяется повышенное внимание. В феврале 2020 года Национальная библиотека РБ выступила площадкой для проведения Байкальского экологического форума «Пути к спасению озера Байкал», объединившего ученых, преподавателей, библиотекарей, представителей общественных организаций и всех заинтересованных в решении обозначенных проблем.

В последние годы интернет-мероприятия приобретают большую популярность у пользователей. Активно в этом направлении работает Республиканская детско-юношеская библиотека, на сайте которой размещены онлайн-квизы на тему «Будь экологом» и «На красной странице звери и птицы». Юным пользователям предлагается принять участие в викторине «Будь экологом» и экологическом турнире «Мир животных», ознакомиться с видеуроками «Птиц небесных стай» и «Я эколог». Важное место в ряду проведенных мероприятий занимает межрегиональная акция «#проБайкалчитай», которая в сентябре 2020 года была проведена в онлайн-формате, что позволило привлечь к участию 3207 пользователей из разных регионов России. Реализация проекта способствовала попу-

ляризации творчества писателей, чьи произведения посвящены Байкалу и байкальской нерпе, активному вовлечению подрастающего поколения к чтению художественной литературы и познавательных книг.

При обслуживании пользователей важное внимание библиотеками уделяется работе с электронными ресурсами. Используя ресурсы, созданные сторонними организациями, библиотеки создают собственные информационные продукты. Наиболее востребована у пользователей Национальной библиотеки РБ электронная библиотека «Бурятика», созданная в 2008 году. На данный момент она включает тематическую коллекцию «Экология. Охрана окружающей среды». При использовании ЭБ имеется возможность ознакомиться с полными текстами статей из региональных журналов и газет, сборников статей, посвященных проблеме. При поиске информации в разделе «Все ресурсы» по запросу «Экология» был выявлен 81 источник, по запросу «Байкал» - 470 документов.

Среди созданных в библиотеке справочно-библиографических баз данных можно отметить: «Аграрная Бурятия», «Байкал хозяйственный», «Заповедные земли Байкала. Особо охраняемые природные территории Республики Бурятии», «Исследователи и путешественники о Байкале». Интересны полнотекстовые базы данных, подготовленные Центром аграрной информации Национальной библиотеки РБ, среди которых «Номадное животноводство РБ», «Национальный проект «Развитие АПК» в РБ», «Пищевая и перерабатывающая промышленность РБ», «Адаптивное земледелие Бурятии», «Рыбное хозяйство Бурятии».

Для детей и подростков Республиканская детско-юношеская библиотека предлагает справочно-библиографические базы данных «Экокарта Бурятии» и «Экокопилка».

Одним из ресурсов, доступ, к которому возможен с сайта Национальной библиотеки РБ, является информационный портал «Байкал-Lake», материалы которого распределены по 5 разделам: «Озеро Байкал», «Прибайкалье», «Туризм и отдых», «Литература и искусство о Байкале», Электронная библиотека». Представленные здесь документы включают полные тексты статей из региональных периодических изданий, информационные материалы, подготов-

ленные сотрудниками Национальной библиотеки по широкому кругу вопросов.

Таким образом, библиотеки Республики Бурятия при организации экологического просвещения пользователей используют разнообразные формы работы. Наиболее востребованными являются культурно-просветительские мероприятия, ориентированные на различные категории населения. Тематическое и видовое разнообразие реализуемых библиотеками проектов и программ дает возможность с разных сторон рассмотреть стоящие перед обществом экологические проблемы, найти пути их решения, Традиционные и виртуальные выставки – наглядно иллюстрируют поднимаемые на мероприятиях вопросы, электронные ресурсы собственной генерации позволяют углубленно заняться их изучением.

УДК 025.22(571.54)

Шаньгинова Г. А., г. Улан-Удэ, Россия

Shanginova G. A., Ulan-Ude, Russia

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ
КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДА
КАК ОСНОВА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ МБУК «ЕРАВНИНСКАЯ ЦБС»)**

**QUANTITATIVE AND QUALITATIVE CRITERIA OF THE
FUND ACQUISITION AS THE BASIS FOR ITS FORMATION
(MBUC «ERAVNA CBN» AS AN EXAMPLE)**

В публикации раскрываются критерии фонда библиотеки – книгообеспеченность, объём поступлений, обновление, обращаемость, определяющие количественные и качественные характеристики его формирования.

The article reveals the criteria of the library fund book supply, volume of acquisition, renewal, accessibility determining the quantitative and qualitative characteristics of the formation.

Ключевые слова: фонд библиотеки, комплектование, книгообеспеченность, объём поступлений, обновление, обращаемость, выбытие, показатели.

Keywords: library stock, acquisition, book supply, volume of acquisition, renewal, accessibility, disposal, indicators.

История библиотек Еравнинского района ведёт своё начало с 1927 г., когда была создана районная библиотека. Фонд этой библиотеки насчитывал всего 500 экз. Первые библиотеки Еравнинского района функционировали как избы-читальни, что свидетельствует о преобладании культурно-просветительской функции библиотечных учреждений того периода времени. Распространение библиотек на территории Еравны относится к послевоенным годам.

Сегодня Централизованная библиотечная сеть Еравнинского района включает 20 библиотек: Центральная библиотека, Модельная детская библиотека и 18 сельских филиалов [1].

Деятельность любой библиотеки, в том числе и Еравнинской ЦБС, полностью зависит от своевременного и полноценного комплектования фонда. Для получения полного представления о сформированном фонде, обратимся к основным его нормативам. Согласно «Модельному стандарту деятельности публичной библиотеки» норматив средней книгообеспеченности одного жителя Российской Федерации на селе должен составлять 7-9 томов [2]. Книгообеспеченность 1 жителя Еравнинского района составляет 6 экз., книгообеспеченность 1 читателя – 11 экз. В нашем случае количество книг на 1 жителя не соответствует нормативу, и указывает на недостаточное комплектование фонда.

Другой, не менее актуальный критерий фонда, демонстрирующий количество приобретаемых документов – объём новых поступлений. В целом по району он не соответствует рекомендациям ЮНЕСКО (250 экз. книг на 1000 жителей), распределение данных за несколько лет выглядит следующим образом: 2017 г. – 191 экз.; 2018 г. – 129 экз.; 2019 г. – 108 экз. на тысячу жителей. Причём, прослеживается год от года тенденция к уменьшению.

Степень обновления фонда Еравнинской ЦБС отражается процентным соотношением поступлений к общему объёму фонда. За 3 последних года обновление составило: 2017 год – 3,06%; 2018

год – 2,20%; 2019 год – 1,86%. Ссылаясь на нормативы ИФЛА, которая считает, что фонд общедоступной библиотеки должен полностью обновиться за 10 лет, в нашем случае обновляемость не соответствует нормативам. Полагаем, что в современных условиях недофинансирования библиотек выполнить данный показатель или хотя бы приблизить его к идеальному, не представляется возможным. Подтвердим предположение данными об объёме финансирования за исследуемый период (см. таблицу № 1).

Таблица № 1.

Год	Всего, тыс. руб.	В том числе:	
		Книги, тыс. руб.	Периодика, тыс. руб.
2017	940409,55	616409,55	324,0
2018	748120,24	454120,24	324,0
2019	721945,22	397945,22	324,0

На основе приведённых данных видно уменьшение финансирования, что в целом, характерно для большинства общедоступных библиотек. Прослеживается тенденция: цены на выпускаемую продукцию ежегодно возрастают, в то время как финансовые средства, выделяемые на комплектование, уменьшаются. При сравнении суммы средств, выделяемых на комплектование книг и периодических изданий, существенно отличаются. Так, финансирование периодических изданий в течение нескольких лет остаётся неизменным – на уровне 324 тыс. руб., хотя выделяемой суммы явно недостаточно для сельских библиотек. В прошлом году каждая сельская библиотека получала от 3 до 6 наименований газет, 5-8 наименований журналов, не говоря уже о детской и профессиональной периодике.

Другая тенденция, наблюдаемая в настоящее время и характерная в целом для российских библиотек, это уменьшение поступлений на фоне роста выбывающей литературы. Об этом свидетельствуют абсолютные показатели (см. таблицу № 2).

Таблица № 2.

Годы	Поступило, тыс.экз.	в %	Выбыло, тыс.экз.	в %
2017	3289	3,07	1187	1,11
2018	2330	2,21	3763	3,56
2019	2480	2,3	3215	3,0

Расчёт процентного соотношения поступления продемонстрировал снижение количества поступающей литературы, в то время как процент выбытия показывает рост показателей. Среди причин выбытия наблюдаются разные: морально устаревшие, физический износ, неиспользованные читателями, порча книг. В сельской местности библиотека зачастую выступает единственным центром доступа к информации, с учётом высокой степени износа происходит значительное количество списаний. Отсюда возникает необходимость приобретения востребованных книг в нескольких количествах экземпляров, однако, это недоступно для многих библиотек.

При относительно низких количественных показателях книгообеспеченности, поступлении, обновлении фонда, качественный критерий – обращаемость – гораздо выше, что говорит об интенсивности его использования читателями – в 2018, 2019 гг. она составляла 2,6. Вероятно, стабильность обращаемости связана с запросами на художественную литературу, составляющую ядро фонда и вызывающую наибольшую заинтересованность пользователей независимо от возраста, пола, рода деятельности.

Таким образом, в формировании фонда библиотеки заложены различные критерии, свидетельствующие о количественных и качественных аспектах комплектования. Отметим, что данные критерии в формировании фонда являются основными, однако это не снижает значимости других важных критериев, не упомянутых в данной публикации – коэффициенты использования, укомплектованности, соответствия и т.д.

Примечания

1. МБУК «Еравнинская ЦБС» : сайт. URL: <http://библиотека-еравнинская.рф/about/five> (дата обращения: 12.10.2020).

2. Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/mod_publ.php (дата обращения: 10.10.2020).

УДК 159.922.7+028.6–053.6

Орешкина Е. В., Покацкая Е. И., г. Улан-Удэ, Россия

Oreshkina Ye. V, Pokatskaya Ye. I., Ulan-Ude, Russia

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

TO THE PROBLEM OF FORMING MODERN TEENAGERS' READING ACTIVITY

Статья содержит анализ возрастных особенностей современного подростка как читателя и соответствующие данным особенностям формы работы по развитию читательской активности младших подростков.

The article contains the analysis of the age characteristics of a modern teenager as a reader and corresponding forms of work at developing junior teenagers' reading activity.

Ключевые слова: читатель, читательская активность, читательский интерес, подросток, возрастные особенности.

Keywords: reader, reading activity, reading interest, teenager, age peculiarities.

Подростковый возраст является одним из самых сложных и важных этапов в жизни человека. Это возраст интенсивных физиологических и психологических изменений; возраст, в котором актуализируются социальные риски и открываются большие возможности для развития и становления личности. Следовательно, необходимо мобилизовать все возможности воспитательного воздействия,

все средства воспитания и развития личности. Как известно, чтение является одним из базовых компонентов воспитания, образования и развития культуры, оно способствует формированию установок, ценностей, мировоззренческих позиций. Поэтому перед педагогами и работниками детских и юношеских библиотек встает вопрос о формировании читательской активности подростков.

По мнению Н.Н. Светловской, читательская активность является типом правильной читательской деятельности, то есть «трехступенчатым процессом целенаправленного индивидуального осмысления и освоения подростком книг (до чтения, в процессе чтения и после чтения)» [6, с. 13]. Педагог Е.Л. Грек, считает, что читательская активность – «это направленный интерес, проявляемый в активном отношении читателя к человеческому опыту, заключенному в книгах, и к своей способности самостоятельно добывать этот опыт из книг» [2, с. 2]. Таким образом, читательскую активность можно назвать целенаправленной деятельностью читателя, имеющую самостоятельный и самоценный характер, а также деятельностью, имеющей сложную структуру: «предчтение», непосредственно само чтение, «послечтение». Также можно сказать, что читательская активность – это широкий круг чтения, включающий в себя индивидуальные особенности читателя, его особые качества и потребность в чтении книг.

В большинстве публикаций ситуация в области чтения современных подростков характеризуется как проблемная, читательская подростковая активность оценивается как низкая. В качестве же основной причины чаще всего называют визуализацию культуры и распространение «экранных» носителей информации, восприятие текста с которых формирует прерывистое и фрагментарное чтение [4]. Но как рассматривать данный факт: как потерю способности длительного сосредоточения на однородном информационном потоке или как на новые возможности человеческого сознания к переключению и охвату разнообразного информационного материала? «Нужно ли человеку XXI века читать так, как читали в XX веке?» – таким вопросом задается профессор, доктор философских наук Гиренок Ф.И., отвечает на него отрицательно и иллюстрирует свой ответ примером, фрагмент которого мы приводим. «Девочка двух с половиной лет просит прочитать сказку «Красная Шапочка».

Ей начинают читать. Она останавливает чтение и предлагает сразу же прочесть ту сцену, в которой появляются охотники. Ребенок внимательно слушает финальный рассказ известной сказки несколько раз подряд. Зададимся вопросом? Какие мышление у ребенка? На мой взгляд, клиповое мышление. Почему? Потому что секущие плоскости ее мышления превратили сказку в серию эпизодов, из которых был выбран один, но самый интересный, самый главный и самый непонятный, а именно: появление съеденных волком бабушки и внучки целыми и невредимыми из живота волка...» [1, с. 13]. Книга представляет собой линейную текстовую последовательность, и если эту линию прервать, то вместе с ней разрывается порядок мысли, что, с одной стороны, рождает хаос, но, с другой стороны – позволяет поймать смысл, а не информацию. Ввиду этого, трудно не согласиться с культурологом К.Г. Фрумкиным в том, что новый когнитивный стиль не является интеллектуальной неполноценностью, но люди нового когнитивного стиля, безусловно, выпадают из «культуры, ориентированной на длинный линейный текст» [8, с. 29].

Сейчас говорят о переходе от устойчивого, предсказуемого и определенного мира к миру неустойчивому и неоднозначному. И встает вопрос: какие механизмы позволят обеспечить современнику стабильность в мобильном мире? Этот вопрос, в частности, стал предметом размышления крупнейших умов современной отечественной научной психологии, объединенных междисциплинарным проектом «*Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*» (рук. Асмолов А.Г.). Центральным понятием в данном дискурсе выступает понятие преадаптации, рассматриваемое как эволюционная стратегия, которая в отличии от адаптации, отвечающей требованиям уже сложившейся среды, способна возникнуть в качестве предвосхищения «при пока неизвестных, но значительно отличающихся от прежних, условиях существования» [3, с. 82]. Действительно, обозначенное выше фрагментарное и скользящее чтение можно рассматривать как свойство, которое возникло в ответ на распространение электронных средств коммуникации и говорить о нем, как о механизме адаптации, но, в контексте приведенного фрагмента, мы имеем возможность взглянуть на него, как на элемент глобальной перестройки сознания, как на «перспективную заготовку»

в эволюционном процессе. Следовательно, данную особенность целесообразно не корректировать, а использовать для формирования читательской активности и развития интереса к чтению, например, через такие формы, как театр в библиотеке (с целью визуализации прочитанного); слайд-шоу; мультимедийные обзоры; юмористические акции и выставки «Книга вслепую», которые готовят сами подростки; мастер-классы по созданию самодельных книг в технике «Скрапбукинг» на конкретную тему. Наличие в читальном зале интерактивных книг также успешно привлечет читателя подросткового возраста.

Кроме того, замечено, что подростки отдают предпочтение, в основном, развлекательному чтению, тяготеют к малым жанрам: рассказам, эссе, небольшим повестям [7]. Однако, Обласова Т.В., Логинова Е.А., приводя результаты исследований социологов чтения, утверждают, что современный школьник-читатель мало чем отличается от сверстников, живших 150 лет назад [4]. В материалах второй половины XIX в. указывается, что «учащиеся читают в основном «посредственную» литературу и уровень начитанности показывают низкий» [4, с. 251]; основной интерес для читателей подросткового возраста XX века представляет фабульная литература, приключения, фантастика, детективы, привлекают произведения с активными, сильными и смелыми героями; предпочтение отдается произведениям, близким к своей жизни, преимущественно новейшей отечественной и переводной литературы [4]. Эти же интересы демонстрируют и школьники XXI века. Если опираться на результаты массового опроса детей и подростков по книгам о Гарри Поттере, то, согласно ответам, их «увлекают яркие, героические действия, необычность, опасность волшебного мира, наличие у героя цели, возможности самореализации, что создает ощущение «наполненности жизни», вдохновляет [4]. Таким образом, мы отмечаем, что, несмотря на изменения внешних обстоятельств, теми же остаются внутренние причины выбора содержания книги. Объяснение читательским предпочтениям подростков может дать возрастная психология.

Во-первых, начало подросткового возраста – это рефлексивный оборот на себя, на свои качества и умения, как основное условие решения разного рода задач. Во-вторых, ведущий вид дея-

тельности и одна из главных потребностей подростков – общение со сверстниками, группирование. В-третьих, социальная ситуация развития в этот возрастной период – это поиск своего места в обществе, что определяет еще одну генеральную потребность подростков – стремление к самостоятельности и независимости; возникает чувство взрослости. В-четвертых, центральное новообразование возраста – Я-концепция (представления о себе самом), с которой связано появление потребности в познании себя как личности, своих возможностей и особенностей, своего сходства с другими людьми и своей уникальности [9]. Хронология подросткового возраста включает период с 10-11 до 14-15, что позволяет выделить дополнительную специфику: в частности, реакция эмансипации будет более характерна для старших подростков, а младшие, напротив, еще сохраняют восприимчивость к тем установкам, которые транслируют взрослые. И.В. Шаповаленко отмечает, что «необходимым и обязательным условием благополучных отношений подростка и взрослого является создание общности в их жизни, содержательных контактов, расширение сферы сотрудничества, взаимопомощи и доверия, лучше всего по инициативе взрослого» [9, с. 252]. Исходя из этого, одним из основных условий формирования читательской активности подростков мы считаем создание единого читательского пространства «школа-семья-библиотека». Следовательно, важно выяснить читательский потенциал семьи, в которой воспитываются дети. Анкетирование родителей школьников позволит выяснить, какое место занимает чтение в семье, имеются ли домашние библиотеки, существуют ли традиции семейных чтений, читательские предпочтения самих родителей и т.п.

Большим потенциалом обладает работа с родительским активом. Классный руководитель имеет возможность в рамках воспитательной работы организовать проекты-презентации любимых книг для совместного чтения, любимых авторов, викторины с участием детей и родителей на базе школы или библиотеки. Кроме того, читательский интерес можно формировать и поддерживать при помощи организации подростками книжных выставок, тематика которых соответствует личностным особенностям подростков (дружба, взросление, взаимоотношения с родителями и т.п.). Полезной с точки зрения самопознания и возможности удовлетворе-

ния потребности в самопрезентации для подростков является выставка-бенефис. Данная выставка посвящена любимой подборке книг конкретного ребенка, который самостоятельно готовит ее и презентует во время классного часа или на уроке литературного чтения. Этим удовлетворяется его потребность в признании, появляется возможность для каждого почувствовать ситуацию успеха, оказаться центром всеобщего внимания, рассказать о себе и о своих интересах.

Стремление подростка занять удовлетворяющее его положение в группе сверстников сопровождается повышенной конформностью к нормам поведения и ценностям этой группы. Потребность быть принятым, включенным в группу, может быть удовлетворена в рамках волонтерской деятельности, основным направлением работы которой является просвещение, а принцип – «равный обучает равного». В рамках данной работы подростки организуют неформальные встречи, конкурсы, читательские марафоны, квесты для сверстников и младших ребят.

В настоящее время живое непосредственное общение – единственный формат взаимодействия. Интернет предлагает широкие возможности для общения, обмена информацией и творчества, а изучение и использование взрослыми различных форм интерактивного общения и взаимодействия будет способствовать успешной работе по формированию читательской активности подростков. В качестве примера данного взаимодействия можно назвать интерактивные читательские клубы, организованные на базе социальных сетей различных интернет-сайтов. В этом пространстве подростки делятся литературой и рекомендациями, обсуждают прочитанное, пробуют себя в творческой деятельности: иллюстрирование, стихотворчество, создание авторских рассказов, комиксов (нужно заметить, что качество данных творческих работ бывает достаточно высоким). Основное преимущество виртуальных клубов в том, что они, во-первых, интерактивны, то есть страничка несет не только информацию о книгах и планируемых мероприятиях, а является площадкой, где подростки могут общаться, обмениваться материалами. Во-вторых, общение носит неформальный характер, что способствует созданию комфортной среды для подростков, не готовых делиться впечатлениями о прочитанном со взрослыми. Админи-

стрирование работниками библиотеки виртуального подросткового читательского клуба позволит постоянно быть в курсе интересов и потребностей юных читателей, а также новинок современной литературы для детей; развивать читательский интерес подростка и управлять им; развивать письменную монологическую речь, контролируя обсуждения и задавая вопросы, на которые легче дать развернутый ответ; проводить творческие конкурсы, выставки, викторины; пополнять фонды электронными изданиями.

Кроме того, подросток, при выборе литературы для чтения, руководствуется собственными потребностями и предпочтениями. Следовательно, при формировании библиотечного фонда важно учитывать то, что литература может отвечать не только педагогическим задачам, но и психологическим запросам подростков. Уважение и интерес к читательскому выбору детей, стремление его исследовать – даст возможность поддержать личный разговор с подростком и его интерес к чтению.

По мнению А.И. Савенкова, читательская активность является естественным состоянием ребенка, так как чтение – это по своей сути исследовательская деятельность, а ребенок по своей природе исследователь [5, с. 10]. Следовательно, развивая читательскую активность и читательский интерес, мы опираемся на саму природу подростка, на его естественную потребность, а учет и использование его возрастных особенностей позволит сделать этот процесс наиболее комфортным и успешным. В результате библиотека станет для подростка не просто обязательным абонементом, а территорией личностного опыта и развития.

Примечания

1. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2015. 256 с.

2. Грек Е. Л. Формирование читательской активности младших школьников в условиях ФГОС // Образовательная социальная сеть. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-dlya-roditelei/2013/07/09/formirovanie-chitatelskoy-aktivnosti> (дата обращения: 20.09.2020).

3. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А. Г. Асмолова. М. : ЯСК, 2018. 546 с.

4. Обласова Т. В. Почему подростки не любят читать классику? // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 2. С. 247–257.
5. Савенков А. И. Содержание и организация исследовательского обучения школьников. М. : Сентябрь, 2003. 205 с.
6. Светловская Н. Н. Обучение чтению и законы формирования читателя // Начальная школа. 2003. № 1. С. 11–18.
7. Тихонова С. В. «Портрет» современного читателя-подростка // Приволжский научный вестник. 2014. № 8-2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-sovremennogo-chitatelya-podrostka> (дата обращения: 18.09.2020).
8. Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-izmeneniya-v-myshlenii-i-sudba-tekstovoy-kultury> (дата обращения: 14.09.2020).
9. Шаповаленко И. В. Возрастная психология. М. : Гардарики, 2005. 349 с.

УДК 791.6:574(470+510)

Гаврилова С. Р., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Gavrilova S. R., Budaeva S. B., Ulan-Ude, Russia

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ В РОССИИ И КИТАЕ

ECOLOGICAL HOLIDAYS IN RUSSIA AND CHINA

С каждым годом люди сталкиваются с проблемами экологического характера, которые несут за собой необратимые последствия, поэтому разрабатывается множество различных способов и методов для решения этих проблем. В данной статье рассматриваются основные экологические праздники, существующие в России и Китае, их значение в решении экологических проблем, и их влияние на окружающую среду как в самих государствах, так и во всем мире.

Every year people face the environmental problems that have irreversible consequences, that is why a number of different ways and methods are being developed to solve them. The article examines the

main ecological holidays of Russia and China, their importance in the solution of the environmental problems and the impact on the environment both in those states and around the world.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, праздники, Китай, Россия, сотрудничество, охрана, экологическая безопасность.

Keywords: ecology, environment, holidays, China, Russia, cooperation, protection, environmental safety.

*«Природа так обо всем позаботилась,
что повсюду ты находишь чему учиться».*

Леонардо да Винчи

В XXI веке существует множество проблем, связанных с экологией и окружающей средой, практически во всем мире и с каждым днем они все острее требуют незамедлительных и эффективных решений. Прежде всего, к глобальным экологическим проблемам относятся: вырубка лесных насаждений, разрушение озонового слоя, загрязнение воздуха, рек и водоемов, исчезновение редких и уникальных представителей животного и растительного миров, а иногда и уничтожение целых видов. Но несмотря на нарастающие масштабы проблем, люди на разных уровнях совместными усилиями разрабатывают различные способы и методы для решения этих проблем.

Некоторые страны справляются с экологическими проблемами эффективнее, поскольку они проводят комплексные меры по снижению темпов загрязнения окружающей среды. Также вместе с основными мерами проводятся разного рода конференции, симпозиумы, круглые столы, форумы, фестивали и т.п., которые носят просветительский и воспитательный характер. На этих мероприятиях рассматриваются актуальные проблемы, связанные с будущим экологии и окружающей среды.

На международном уровне это, прежде всего, сотрудничество между странами и поиск решений проблем. В связи с быстрыми темпами развития экономики и инновационных технологий и как следствие, индустриализации в целом, Китай привлекает все большее внимание к себе из-за обеспечения безопасности в плане экологии не только в своей стране, но и во всем мире, поскольку

Китай ставит проблемы экологического плана на первое место. Например, Китай активно проводит экологическую модернизацию в стране, стремясь улучшить данные по различным показателям, то же самое проводится и в России [2]. Поэтому в последнее время довольно перспективны взаимоотношения Китая и России в вопросах экологической безопасности, благодаря совместным проектам и исследованиям. Но не менее важным аспектом в решении проблем экологического характера является осознание и отношение самих граждан этих государств к экологическим проблемам.

Помимо обсуждения и решения поставленных проблем, люди отмечают так называемые «экологические праздники», которые напоминают им не только о существующих проблемах, но и необходимости осознанного поведения и бережного отношения к окружающей нас среде. Во всех странах есть свои праздники, посвященные различным аспектам экологии, природы и их обитателей, организуется множество международных праздников, которые, несомненно, играют большую роль в повышении значимости проблем экологии в жизни общества и человечества в целом. Поскольку экологические проблемы – это не проблемы конкретного человека или отдельной группы – это проблемы, которые затрагивают каждого человека, проживающего на этой планете.

Рассмотрим, какие праздники отмечаются в России и Китае на национальном уровне, и какую роль они играют. В России учреждено множество праздников, например, День заповедников и национальных парков (11 января), День защиты от экологической опасности (15 апреля), День экологического образования (12 мая), Российские дни леса (15 сентября), День работников заповедного дела в России (14 октября) и многие другие.

Всероссийский день посадки леса – акция, ежегодно проходящая в мае (в 2021 г. пройдет 8 мая). Акция направлена на, прежде всего, восстановление лесного фонда, а также сохранение и расширение зеленой зоны. Такая акция, посвященная посадке деревьев, проходит во всем мире, больше известная под названием «Arbor day». День посадки деревьев впервые был проведен в городе Небраска, США, а официально утвержден в 1872 г. В России эта акция проходит с 2011 года, хотя начало истории этого праздника берет еще с XIX века, и с каждым разом география и численность

участников увеличивается в разы. Например, в Республике Бурятия 18 мая 2019 г. в десятый раз провели День посадки леса, на котором было высажено более 10000 различных саженцев [3]. Эта динамика свидетельствует о понимании значимости данной проблемы жителями всей страны, что несомненно, положительно сказывается на улучшении экологической ситуации.

В Китайской Народной Республике День посадки деревьев считается одним из официальных праздников, отмечаемый 12 марта ежегодно. В этот день проводятся массовые посадки деревьев в память Сунь Ятсена – выдающегося революционера, который выступил инициатором проведения такого дня. В 1981 г. была установлена дата проведения Дня посадки деревьев и вместе с тем обязывала каждого человека посадить и вырастить от 3 до 5 деревьев в год [1]. Это решение было поддержано большинством населения Китая. Хотя на сегодняшний день в этом мероприятии участвует не каждый человек, но масштаб проведения поражает также – 500 миллионов участников ежегодно, а за все время проведения этой акции было высажено более 60 миллиардов деревьев, что говорит об успешности и пользе существования и проведения этого дня.

Одним из значимых праздников в России, в частности Республике Бурятия, является День заповедников и национальных парков, отмечаемый ежегодно 11 января. Это событие ведет начало с 1997 года по инициативе Центра охраны дикой природы и Всемирного фонда дикой природы. 11 января в качестве даты празднования выбрано в связи с образованием первого государственного заповедника в России – Баргузинского, как охотничьего заповедника по сохранению и изучению соболя в 1917 году [4].

На данный момент, такие заповедники и национальные парки, или особо охраняемые природные территории, являются, возможно, единственным, способом охраны небольшой части территории природы и животного мира в его первоначальном виде. Стоит отметить и неоценимый вклад волонтеров, которые приезжают с разных уголков мира только для того, чтобы принять участие в работе ООПТ. Это, несомненно, играет важнейшую роль в сохранении природы и снижении различных негативных влияний на нее. Поэтому проведение такого праздника является своего рода «про-

свещением» общественности и призывом к более осознанному отношению к окружающей нас природе.

С каждым годом значимость проведения таких праздников приобретает все более широкий характер, поскольку множество людей начинают вовлекаться в это. Поэтому существование экологических праздников играет огромную роль в улучшении экологической обстановки во всем мире и плодотворно влияет на окружающую среду.

Примечания

1. Дмитриева Е. И. Китай и Россия в международной системе обеспечения охраны окружающей среды // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1782-1784.

2. Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Сравнительный анализ экологической модернизации в Китае и в России // Известия Самарского научного центра Рос. акад. наук. 2012. Т. 14, № 1(9). С. 2423-2431.

3. Республика Бурятия : офиц. портал. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=39167 (дата обращения: 17.09.2020).

4. ФГБУ «Объединенная дирекция Баргузинского государственного природного биосферного заповедника и Забайкальского национального парка «Заповедное Подлеморье». URL: <http://zapovednoe-podlemorye.ru/territory/barguzin> (дата обращения: 17.09.2020).

Цибудеев А. Ц., г. Новосибирск, Россия

Tsybudeev A. Ts., Novosibirsk, Russia

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТУРИСТСКОГО
И САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА БУРЯТИИ**

**IMPROVING THE TOURIST AND
SANATORIUM-RESORT COMPLEX OF BURYATIA**

В статье рассматривается гидроминеральная и рекреационная база водного профиля Республики Бурятия, пути совершенствования туристского и санаторно-курортного комплекса республики.

The article considers the hydromineral and recreational basis of the water profile of the Republic of Buryatia, ways of improving its tourist and sanatorium-resort complex.

Ключевые слова: туризм, санаторно-курортный комплекс, термальные источники, рекреация, экология

Keywords: tourism, sanatorium-resort complex, thermal springs, recreation, ecology.

Как установлено, Республика Бурятия обладает богатейшим рекреационным потенциалом, определяемым наличием на её территории ценных природных лечебно-оздоровительных ресурсов. К ним относятся, в первую очередь, уникальная экосистема озера Байкал, включающая в себя огромные таёжные и лесостепные пространства с заснеженными вершинами гор и обилием естественных водных, в том числе термальных источников. А также древнейшие памятники природы истории и археологии, определяющие совокупную туристическую привлекательность республики. Здесь на фоне огромного и редкого разнообразия растительного мира обитает столь же многовидовый состав животных. Для наблюдения и регулирования состояния флоры и фауны в целях их разумной жизнедеятельности созданы и действуют особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) *федерального значения*:

- два биосферных и один природный заповедник («Баргузинский государственный природный биосферный заповедник», «Государственный природный биосферный заповедник «Байкальский», «Государственный природный заповедник «Джержинский»); два национальных парка («Государственный национальный природный парк «Тункинский»; «Забайкальский государственный национальный природный парк»); три государственных природных заказника под управлением Бюджетного учреждения Республики Бурятия «Природопользование и охрана окружающей среды Республики Бурятия»; а также *регионального значения*:

- тринадцать заказников в 13-ти административных районах и 1 природный парк, одна рекреационная местность, 62 памятника природы. Из них 11 расположены на Байкальской природной территории (далее – БПТ), в т.ч. четыре в Центральной экологической зоне БПТ.

Наличие значительного количества ООПТ помимо оздоровительно-лечебных мероприятий стимулирует организацию туристско-познавательных маршрутов, основанных на потенциале гидроминеральных природных ресурсов - минеральных вод наружного и внутреннего применения, лечебных грязей. Туристский и санаторно-курортный комплекс Бурятии, использующий в своей деятельности гидроминеральную базу и рекреационные местности водного профиля, включает в себя совокупность санаторно-курортных лечебниц, гостиниц, малых индивидуальных средств размещения в виде хостелов, кемпингов туристских и экскурсионных фирм, объектов туристического показа. В целом же, его можно дифференцировать по критериям:

По гидроминеральной базе.

Республика Бурятия с широким спектром минеральных вод бальнеологического и питьевого значения, а также лечебных грязей для удовлетворения потребностей граждан в санаторно-курортном лечении располагает большим количеством природных источников, родников с биологически активными компонентами и специфическими свойствами, оказывающими благотворное влияние на различные системы человеческого организма [1].

Согласно локальным особенностям: в Тункинском районе имеются выходы минеральных вод различных типов – углекислых холодных, углекислых термальных, термальных радоновых и углекислых термальных радоновых вод различного химического состава. На территории Тункинского национального парка действуют рекреационные местности: а) Хонгор-Уула – лечебно-оздоровительная местность, эффективно использующая минеральные воды сульфатно-гидрокарбонатных и кальциево-магниевых компонентов с минерализацией до $0,2 \text{ г/дм}^3$ и содержанием железа 10 мг/дм^3 ; б) «Нилова пустынь» – лечебный центр, основанный на применении кремнистых радоновых терм сульфатно-натриевого состава, с минерализацией на уровне 1 г/дм^3 и температурой вод от 41 до $45 \text{ }^\circ\text{C}$; в) «Аршан» – лечебный центр, применяющий минеральные и термальные воды углекислых источников Аршана Тункинского на основе гидрокарбонатного магниево-кальциевого типа, с минерализацией в пределах $2-4 \text{ г/дм}^3$, содержанием свободной углекислоты $1,46-2,43 \text{ г/дм}^3$ и температурой $8-14 \text{ }^\circ\text{C}$; г) «Вышка» – лечебно-оздоровительная местность на базе метановых терм железистого источника вблизи с. Жемчуг с содержанием железа в воде 10 мг/дм^3 при минерализации $0,167 \text{ г/дм}^3$. Здесь же выходят на поверхность Хурай-Хобокские термальные метановые гидрокарбонатно-натриевые, Зактуйские холодные железистые магниево-кальциевые источники, Хойто-Гольский термальный источник, Енгорбойский аршан термальных минеральных вод; а также углекислые радоновые термы Шумака в высокогорной части Восточных Саян [2; 3].

Иволгинский район обладает целым комплексом целебных источников различной степени обустройства, такие как Ута-Булаг, Халюта с примыкающими так называемыми «этигеловскими» источниками.

В Прибайкальском районе популярен курорт «Горячинск», использующий минеральные воды Горячинского типа (сульфатные натриевые кремнистые термы с небольшой минерализацией от $0,5$ до $1,0 \text{ г/дм}^3$, температурой от 20 до 75°C , содержанием кремнекислоты $77-89 \text{ мг/дм}^3$, концентрацией сероводорода $3-4 \text{ мг/дм}^3$; а также горячий открытый бассейн и детский реабилитационный центр в пос. Ильинка [3-5].

Чрезвычайно богат термальными источниками Северо-Байкальский район (Ангаракан-Сартинский, Сартинский, Асиндинский, Согзенский, Верхнеангарский, источник Горячий ключ, Корикийский, Чуронский, Делюн-Уронский, Верхне-Заимкинский, Фролихинский). Однако обустроены только четыре. Водолечебница «Хакусы» на территории Фролихинского заказника в долине р. Хакусы на базе использования источника с температурой 43-44 °С, обладающего сульфатной кальциево-натриевой водой с минерализацией 0,3 г/дм³, концентрацией фтора 3-5 мг/дм³, кремниевой кислоты 60-65 мг/дм³, сероводорода 2-3 мг/дм³ при рН более 8,4. В устье р. Дзелинда функционирует водолечебница "Дзелинда", использующая две гидротермальные группы сульфатно-гидрокарбонатного состава с минерализацией 0,56 г/дм³ и содержанием кремниевой кислоты около 130 мг/ дм³. Термальные воды Котельниковского источника, имеющие фторидно-гидрокарбонатный натриевый состав, минерализацию 0,21 г/дм³ с температурой до 81 °С используются на базе отдыха в районе одноименного мыса. Сульфатно-гидрокарбонатная натриевая, фтористая (13,2-30,2 мг/дм³), кремнистая вода термального источника Гоуджекит круглогодично используется в 2-х открытых бассейнах разной температуры 52 и 43 °С [3-5].

В Курумканском районе действуют пять небольших оздоровительных курортов республиканского и местного значения на термальных источниках аллинского, кульдурского и питателевского типа: Алла, Кучигерский, Умхэйский, Сеюйский, Гаргинский. Аллинские источники горячей воды сульфатно-гидрокарбонатного состава притаились на расстоянии 8 км к западу от с. Алла, в долине одноименной реки при её выходе на просторы Баргузинской долины. В долине же р. Гарги на Икатском хребте у с. Арзгун находится Гаргинский источник термальной воды сульфатно-натриевого состава с температурой 74-78 °С и концентрацией радона 35-43 эман. На севере же Баргузинской впадины у с. Улюнхан разместился Умхэйский водный источник сульфатно-гидрокарбонатного натриевого состава с содержанием сероводорода до 31 мг/дм³. В 5 км западнее с. Улюнхан находятся групповые выходы Кучигерского источника термальных вод сульфатно-гидрокарбонатного натриевого состава с минерализацией 0,4 г/дм³

и содержанием сероводорода до 29 мг/дм³. Сеюйский источник термальных минеральных вод гидрокарбонатно-сульфатно-натриевого состава находится в долине р. Баргузин у р. Джирга [3-5].

В Баргузинском районе из более чем десяти термальных источников (Толстихинский, Болотный, Уринский, источник Кулиных болот, Нечаевский, Большереченский, Езовский) благоустроены только три – Гусихинский источник сульфатно-натриевой воды с минерализацией 0,4-0,5 г/ дм³, температурой воды 42-43 °С в среднем течении р. Малая Гусиха у подножья Икатского хребта; Давшинский источник сульфатно-натриевой воды с минерализацией 0,95 г/ дм³ и температурой воды 43 и 52 °С с 8-10 мг/дм³ фтора, 65-100 мг/дм³ кремниевой кислоты в её составе; Змеиный источник горячих вод гидрокарбонатно-сульфатно-натриевого состава с сильным сероводородным запахом, содержанием фтора 8,5 мг/дм³ и кремниевой кислоты 130 мг/дм³ в Чивыркуйском заливе на полуострове Святой Нос [3-5].

Баунтовский район славится бальнеолечебницей заболеваний органов движения и опоры, нервной системы, кожных и гинекологических заболеваний с 1935 г. на основе использования горячих пресных вод азотно-кремнистого, слабо-сульфидного, сульфатно-гидрокарбонатного, натриевого состава с концентрацией фтора 19,4 мг/дм³ и метакремниевой кислоты 185,4 мг/дм³. Местное население пользуется также термальными водами Могойского источника и источника на оз. Бусани [3-5].

По соответствию туристскому отдыху. Действующие по Федеральному закону «Об охране озера Байкал» ограничения хозяйственной и иной деятельности обусловили значимость туристической деятельности в качестве одного из стратегических направлений республиканской экономики.

Разумеется, наличие на территории РБ уникального глубоководного озера Байкал привлекает туристические потоки на его побережье с оптимальными условиями для отдыха с благоприятными аэро – и гелиотерапевтическими процедурами. Продолжительность солнечного сияния превышает здесь $\approx 2200 - 2500$ часов в год с количеством бессолнечных дней в среднем $\approx 60 - 80$, что располагает к рекреационной деятельности в течение большей части года,

как летом, так и в зимний период. Особый интерес для отдыхающих представляет природный мир Байкала с чистой водой, обилием эндемичных видов флоры и фауны, галечными и песчаными пляжами [1].

При этом последние годы отмечены значительным ростом интереса к рекреационному использованию побережья оз. Байкал, организацией научно-познавательных и оздоровительных маршрутов, экологическими тропами. Эффективнее стали развиваться различные виды туризма: пешеходный туризм, походы, массовые спортивные мероприятия, рыбалка и др.

В этих целях в настоящее время здесь появились многочисленные туристические организации, гостевые домики, базы отдыха в местах массового туризма и отдыха. В Баргузинском районе в прибрежной зоне Байкала активно осваиваются и застраиваются территории с. Максимиха, Чивыркуйского залива. В близлежащем Кабанском районе наблюдается рост стихийных туристов в палатках, а также на турбазах местностей Култушная, Байкальский прибой, Лемасово, вблизи сс. Сухая, Энхалук. То же – в Прибайкальском районе: в сс. Гремячинк, Горячинск, Турка, в местностях Катково и Хаим. Одним из крупных водоемов, используемым в рекреационных целях, является оз. Щучье в Селенгинском районе. До 2009 г. на оз. Котокель действовало несколько туристических баз и санаторий «Байкальский бор», которые использовали озеро в качестве приемника сточных вод. С 2009 г. в связи с развитием так называемой «Гаффской болезни» организованный отдых на оз. Котокель был запрещен, хотя в настоящее время озеро возвращается к природной норме и вновь используется для рекреации. В Северо-Байкальском районе популярностью пользуются теплые Слюдянские озера, Кичерские озера в долине р. Кичера и оз. Арангатуй.

Однако рекреационная деятельность способна нанести значительный и непоправимый ущерб загрязнением рек и озер, засорением водосборных площадей отходами жизнедеятельности человека. Проведенными ранее исследованиями установлено, что за один купальный сезон в водоем поступает 6,5 г фосфора и 70 г азота в расчете на одного отдыхающего. Это в конечном счёте, способствует ухудшению качества воды благодаря снижению концентрации растворенного кислорода. Кроме того, одним из главных

источников загрязнения воды являются многочисленные плавательные средства и в том числе нефтепродуктами. Многократно замечено, что растущее стихийное освоение прибрежных территорий с неорганизованным купально-пляжным отдыхом и самостоятельным туризмом наносит значительный урон водной среде. Влияние возросшей «дикой» неорганизованной рекреации уже ощущается на прибрежных территориях [6].

Поэтому во избежание этого негативных факторов на природные экологические системы требуется создание туристических комплексов с хорошо оснащенной инженерной инфраструктурой для удовлетворения всё возрастающего спроса на туристические услуги [7]. Слабые стороны туристического бизнеса в Бурятии требуют повышенного внимания со стороны вышестоящих органов. К ним относятся: а) сезонный характер санаторно-курортных и туристских предложений; б) устаревшая материально-техническая база действующих предприятий; в) низкий уровень квалификации обслуживающего персонала.

В достижении сохранения природной экосистемы Байкала следует ограничить антропогенную и техногенную нагрузку на всю территорию, включая транспортные расходы туристов, составляющие от 20 до 70% от стоимости отдыха структуре расходов.

Принимая во внимание всё вышеуказанное, качественное и количественное совершенствование туристского и санаторно-курортного комплекса Бурятии требует по нашему мнению; а) реконструкции и модернизации имеющихся курортных мощностей с введением новых современных объектов туристской индустрии на мировом уровне сервиса, строительством крытых бассейнов и бальнеолечебниц, б) внедрения мощностей по переработке отходов, расширения спектра дополнительных услуг, включая транспортную инфраструктуру и благоустройство курортных территорий; в) повышения уровня подготовки персонала, способного качественно обслуживать культурно-развлекательный и лечебно-спортивный комплексы.

Примечания

1. Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 220 с.

2. Термальные источники Республики. URL: <https://thermalsprings.ru/> (дата обращения: 03.09.2020).

3. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 610 с.

4. Иметхенов А. Б., Тулохонов А. К. Особо охраняемые природные территории Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 180 с.

5. Кислов Е. В. Памятники природы (на примере Западного Забайкалья). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 180 с.

6. В Бурятии обследовали качество воды в местах купания. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/87419/> (дата обращения: 20.08.2020).

7. Цибудеева Д. Ц. Геоэкологические условия водопользования в речных бассейнах Республики Бурятия : автореф. дис. ...канд. геогр. наук. Барнаул. 2014. 20 с.

УДК 791.6(571.54)

Русинов В. Л., Русинова О. А., г. Улан-Удэ, Россия

Rusinov V. L., Rusinova O. A., Ulan-Ude, Russia

ПРАЗДНИКИ И ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА

HOLIDAYS AND THEATRICAL PERFORMANCES AS REPRESENTATIVES OF ETHNOCULTURAL EXPERIENCE

Статья рассматривает национальное культурное наследие – праздники, обряды, народное литературное, музыкальное и хореографическое творчество – как основу театрализованных представлений, актуализирующих традиционные формы взаимодействия

человека и природы. Содержание статьи опирается на творческий опыт театра «Душа Байкала», возникшего как театр музейно-экологический.

The article considers national cultural heritage – holidays, rituals, folk literary, musical and choreographic creativity as the basis for theatrical performances that actualize traditional forms of interaction between a man and nature. The content of the article is based on the creative experience of the "Soul of the Baikal" theater that emerged as an ecological museum theater.

Ключевые слова: экологическое воспитание, традиционные ценности, экоэтика, трансляция национального наследия, ландшафтное действо.

Keywords: environmental education, traditional values, eco-ethics, national heritage translation, landscape action.

Традиционная культура, являющаяся устойчивым комплексом социальных связей, накопила богатый опыт взаимодействия человека и природы. Однако негативное влияние глобализации выражается в унификации всех социальных процессов, в том числе культурных. Противостоять унификации – значит сохранить национальные культурные традиции, в том числе и экологические.

Базисом менталитета кочевых народов был принцип тождества этического и экологического начал, экоэтика. Человек поклонялся природе, будучи ее частью. Почитание природы и сейчас является элементом национальной ментальности. Народы, населяющие байкальский регион, издревле сформировали этнокультурные традиции отношения к природным объектам, как к живым существам, закрепив данные традиции в мифах, легендах, традициях и обрядах. Однако современная молодежь недостаточно компетентна в специфике этнокультурного опыта, а значит, и не придерживается этнокультурных традиций. Поучениями и морализаторством добиться перелома ситуации невозможно, необходимо подключение эмоционального фактора. Поэтому мы считаем, что одним из эффективных механизмов сохранения и репрезентации опыта взаимодействия человека и природы являются художественные мероприятия – праздники, фестивали, конкурсы, театрализованные представления.

Реализацию принципа, синтезирующего рациональное знание и чувственное переживание, начал осуществлять Музей природы Бурятии, ставший безусловным лидером экологического просвещения и воспитания в республике и занявший достойное место в экологическом движении, возникшем в 1990-е годы в нашей стране. Открытый в 1983 году музей постепенно накапливал виды и формы возрождения экоэтической традиции. Создавая новаторские экспозиции и экологические проекты, он инициировал этим формирование и развитие экологической культуры детей и взрослых, а также стимулировал повышение квалификации школьных учителей.

Огромную роль в этом процессе сыграла деятельность заместителя директора музея, кандидата биологических наук Евгении Васильевны Бухаровой. Ее инициативность и знание опыта естественнонаучных музеев мира вызвали к жизни реконструкцию музейных залов: их фрагментацию на несколько разноуровневых площадок, открытость диорам, использование светозвуковых эффектов. Новой формой музейной деятельности было проведение уличных праздников и агитбригадных представлений.

Постепенно вызревала идея необходимости театрализации, путь к воплощению которой не был прямым. Сначала в практику музея осуществилось внедрение кукольного спектакля, позже – интерактивных спектаклей театра «Музя», созданного вместе со студентами и преподавателями училища культуры [1, с. 78].

В 2000 году родился творческий союз музея и Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. Результатом их поисков явился музейный экологический театр «Душа Байкала», в основу концепции которого легли идеи Байкальской декларации о сохранении природного и культурного наследия. Поэтому целью театра стало возрождение в сознании зрителей понимания духовного единства человека и природы. Данный проект экологического воспитания стал компонентом программы «Местные инициативы» в разделе «Сохранение биологического разнообразия Российской Федерации» и был осуществлен при поддержке Глобального Экологического фонда [2, с. 5].

Центральным продуктом проекта явилась этно-экологическая мистерия «Хранители», представления которой осу-

ществлялись в залах музеев и школ Улан-Удэ, Иркутска, Ангарска, Гусиноозерска, Кяхты, на площадях Улан-Удэ и Читы, берегах Байкала. В спектакле-притче звучала тема экологии души, пробуждающая в зрителях хранителей, осознающих свою изначальную связь с миром природы и свою ответственность за ее сохранение [1, с. 81].

Материал мистерии был основан на мифопоэтическом наследии разных народов байкальского региона, так как территория вокруг Байкала издавна являлась своеобразной контактной зоной, в которой осуществлялось взаимодействие различных по происхождению, антропологическому типу, хозяйственному укладу, культурным традициям племен и народов – эвенков, сойотов, бурят, русского старожильского населения-старообрядцев и казаков [3, с. 71]. Поэтому были визуализированы мифопоэтические образы, принадлежащие разным этническим традициям: «Мать-Земля», «Небожители Тэнгри», «Прародители – Рыба-Омуль и Байкальская Нерпа».

Театр стремился избежать нравоучительности в театрализованном изложении экологических законов, напротив, задачей было пробуждение понимания их значимости и для нас, ныне живущих, пробуждение исторической памяти. Ведь в культуре народов, населяющих байкальский регион, издавна существовала система бережного отношения к природе и озеру Байкал, которое они называли даже не озером, а морем (Байгал далай).

Причиной трепетного отношения к природе был общий для разных этнических групп этнокультурный фундамент: идея единства человека и окружающей среды. Внедряемая в сознание с детства, она формировала представления о необходимости нравственного отношения к природе, ко всему живому, подкреплялась примерами, зафиксированными в мифах и легендах, пословицах и поговорках, в функционирующих до сего дня традициях и обрядах.

Театром был создан ряд музейных перформансов и анимационных экскурсий, ландшафтные действия «Байкальский сад», «Байкальские мифы», «Духи Байкала», «Байкальские Девы», «Священные воды», рекламный перформанс «Зов Байкала», анимационные игровые действия «Сказки зимнего леса», «Зелёная красавица».

Ландшафтное действие является наиболее часто используемым жанром в репертуаре театра. Само название жанра отсылает к природному пространству, отсутствию стен между зрителем и природой. Ландшафтное действие «Легенда об Усын-Лобсоне» после своей реализации получило материальное воплощение: в селе Дулан был создан анимационный объект «Обо Верховного Владыки Байкала Усын-Лобсона». Анимационный объект вошел в реальную жизнь, в обычную практику всех направляющихся к Байкалу.

Неоднократно транслировался театром ландшафтный спектакль-притча «Покровители» по мотивам сакральных мифов о покровителях бурятских родов – Небесной Деве – Праматери Лебеди (Хобоши хатан Хун Шубуун), Праотце Быке (Буха-нойон баабай), Небесной собаке (Тэнгэрийн нохой), Рыбе Налим (Гутаар). Учитывалась многовариантность данных мифических образов, обусловленная напластованием сюжетов, возникших в разные исторические эпохи и разной этнической среде.

Значительна роль природы и обрядов почитания ее объектов в межрегиональном проекте «Сказочный Сагаалган в Бурятии», анимационном эшине «Потомки небожителей», реализуемом в этно-культурном комплексе «Степной кочевник» села Ацагат.

Контент представлений театра опирается на народный опыт воспитания экологической культуры: в сказках, преданиях, обрядах, играх различными методами, такими, как совет, внушение, подражание, притча, пример, разъяснение, убеждение, намек, запрет – воспитывается и развивается чувственно-действенное отношение к природе и ее объектам [2, с. 6].

Анимационные проекты театра полифункциональны: они способствуют актуализации бурятского языка, расширяя культурный фоновый словарь, популяризируют литературное, музыкальное и хореографическое наследие народов Бурятии, а также традиционную обрядность, благодаря которой раньше усваивались нормы общения с людьми, природой, животным и предметным миром. Обогащают представления презентации компонентов бытовой культуры – национальной одежды, пищи, ремесел, видов спорта.

Важная функция деятельности театра – развитие межкультурной коммуникации, формирование навыков межэтнической толерантности через познание базовых ценностей культуры, быту-

ющих в поликультурном социуме, и «присвоение» их как личностно-ориентированных стимулов.

Анимационные представления театра «Душа Байкала» содержат многие элементы культуры этноса, преподнося традиции в зрелищной форме. Они выступают социальным механизмом, способствующим воспроизводству, сохранению, трансляции традиционных ценностей от поколения к поколению, следовательно – одним из средств формирования национального самосознания. Воссоздавая традиции и обряды, вовлекая зрителя в действие, театр «Душа Байкала» восстанавливает нить, соединяющую поколения, способствует сохранению древних и формированию новых этно-экологических традиций, вносит вклад в сохранение природного наследия региона.

Примечания

1. Бухарова Е. В. Музейный театр – анимация бытия // Проблемы подготовки, востребованности и адаптации режиссеров массовых праздников и театрализованных представлений в контексте смены эпох : сб. науч.-метод. материалов круглого стола, посвящ. 35-летнему юбилею каф. «Режиссура эстрады и театрализованных представлений», 9 окт. 2009 г. Улан-Удэ, 2010. С. 77-82.

2. Русинов В. Л., Русинова О. А. Театрализация в музейном деле и опыт создания музейного экологического театра : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 070209 (053300) Режиссура театрализованных представлений. Улан-Удэ : Юхта, 2011. 68 с.

3. Нимаев Д. Д. Народы и культура Байкала // Наше наследие : Формирование устойчивой модели развития народной художественной культуры в современном мире : материалы VI междунар. науч. симп. «Байкальские встречи – VI», 23-26 июня 2008 г., г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ, 2008. С. 66-74.

Денищук А. В., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Denishchuk A. V., Budaeva S. B., Ulan-Ude, Russia

**ДЕНЬ БАЙКАЛА КАК МЕРА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ
ВНИМАНИЯ К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОЗЕРА
THE BAIKAL'S DAY AS A MEASURE OF ATTRACTING THE
ATTENTION TO ECOLOGICAL PROBLEMS OF THE LAKE**

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме экологии озера Байкал и его уникальности. Приведены основные характеристики озера. Дается сравнение географических особенностей озера со странами и морями. Особое внимание уделено Дню Байкала, его проведению и целям.

The article is devoted to the today's actual problem of the ecology of Lake Baikal and its uniqueness. The main characteristics of the lake are given. Its geographical features are compared with the countries and seas. Special attention is paid to the Baikal Day, its organization and aims.

Ключевые слова: озеро Байкал, День Байкала, ЮНЕСКО, экология, экосистемы.

Keywords: Lake Baikal, The Baikal's Day, UNESCO, ecology, ecosystems.

Русский писатель и публицист В. Г. Распутин, проживший на берегах озера Байкал большую часть жизни, писал в своем очерке: «Байкал, казалось бы, должен подавлять человека своим величием и размерами – в нем все крупно, все широко, привольно и загадочно – он же, напротив, возвышает его» [8]. Распутин и многие другие писатели, путешествуя по Байкалу, не могли не обратить на него внимания в своих письмах и рассказах. Кроме своей красоты, кристально чистой воды и воздуха, озеро знаменито древностью и глубиной. В 1996 году, на 20 сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, озеро Байкал было внесено в реестр мирового наследия природы [6].

Это озеро привлекает внимание не только писателей и поэтов, но и научных деятелей, ведь это уникальное место возрастом более 25 миллионов лет. Также Байкал является самым глубоким озером на планете. Наибольшая известная глубина озера составляет 1637 метров. Площадь водной поверхности озера – 31 722 км², что примерно равно площади Бельгии, Нидерландов или Дании. По площади водного зеркала занимает восьмое место среди самых крупных озер мира. Так, объем воды составляет около 23 000 км³, что больше объема Балтийского моря. Озеро Байкал также и крупнейший природный резервуар пресной воды, с уникальной экологической системой [1].

Так для сохранения его уникальности, охраны эндемичных видов и сообщения о новейших результатах исследований, по инициативе Иркутской региональной общественной организации «Байкальская экологическая волна» и комитета по законодательству о природопользовании и экологии, 25 мая 1999 года в перечень государственных праздников России был вписан один из необычных праздников – День Байкала [4]. 24 июня 1999 года поддержал данное празднование Народный хурал Республики Бурятия, а 8 июля этого же года – Читинская область (ныне Забайкальский край) и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (Иркутская область). 18 февраля 2015 года Постановлением Законодательства Иркутской области празднование Дня Байкала было установлено на первое воскресенье сентября [7].

День Байкала стал важной и популярной датой в календаре экологических мероприятий. Целью праздника является рождение Байкальской цивилизации, построенной на идеологии ценности живой природы и жизни в гармонии с ней, формировании активной гражданской позиции людей. Этот праздник заставляет задуматься об уникальности озера, напоминает людям о необходимости охраны пресноводного резервуара от активной деятельности людей. Люди, отдыхающие и проживающие на берегу водоема, не задумываются – какую экологическую угрозу несет их деятельность. В-первых, это бытовые отходы, оставленные после отдыхающих. В-вторых, вырубка лесов и лесные пожары. В-третьих, промышленные стоки, что является одной из основных тем обсуждения в День озера. Река Селенга считается самым крупным и опасным притоком

озера Байкал, так как продукты промышленной переработки от предприятий городов Бурятии и Монголии стекают в реку, а далее попадают в священное озеро. В-четвертых, браконьерство на берегах озера Байкал и в воде. Озеро уникально своими экосистемами, так в Байкале проживают такие эндемики, как байкальская нерпа, байкальский омуль, баргузинский соболь, включенные в Красную книгу Республики Бурятия и Российской Федерации. Именно в День Байкала поднимают тему о несанкционированном истреблении.

Природоохранные организации привлекают внимание общества к экологическим проблемам водоема, организуют акции по уборке берега озера, проводят игры, конкурсы и викторины на тему экологии озера Байкал. Работники творческой сферы готовят такие тематические события, как конкурсы декоративно-прикладного творчества, встречи с писателями и поэтами, театрализованные представления и фестивали, выставки картин и фотографий, а также рисование на пленэре. Кроме этого, в День Байкала проводятся научно-практические конференции, где ученые с разных точек России обсуждают актуальные проблемы, сообщают новые результаты исследований обитателей озера и его глубин [3].

К примеру, очень ярким и запоминающимся оказался такой праздник, приуроченный к 100-летию Заповедной системы России. 6 августа 2017 года в городе Улан-Удэ был проведен праздник «День Байкала», организаторами которого было Министерство природных ресурсов Республики Бурятия. Было приглашено ФГБУ «Заповедное Подлесье», представившее фотовыставку «100-летию Заповедной системы России посвящается...», где были показаны снимки природы Баргузинского заповедника и Забайкальского национального парка. Также были проведены ярмарка «Байкальский сувенир», мастер-класс по росписи байкальских камней и концерт, на котором участвовали театр танца «Байкал», «Жемчужина Бурятия» и рэп-коллектив «Insane Fam». Не стали исключением для праздника и дети, для них была проведена игровая программа от студии праздников «Малыш.ру» [2]. 3 сентября в городе Иркутск День Байкала был отмечен флешмобом «Экопоколение» и уборкой мусора. Примечательно, что во флешмобе участвовало около 1000 волонтеров [5].

Таким образом, Байкал – самое древнее и глубокое озеро во всем мире. Путешествуя по священному озеру писатели, поэты, художники и научные деятели, вдохновлялись красотой и уникальностью данного места. Создание такого многообразного праздника, как День Байкала, было как напоминание о сохранении экологии озера, уважении к его исключительной природе и организмам. Стоит надеяться, что этот праздник будет распространяться на все участки мира, и люди будут бережно относиться к озеру Байкал.

Примечания

1. Впечатления. Экспедиция «Байкал-Аляска». URL: <https://www.baikal-alaska.ru/page/priroda/> (дата обращения: 15.09.2020).

2. День Байкала 2017 в городе Улан-Удэ. URL: <http://zapovednoe-podlemorye.ru/news/1936/> (дата обращения: 15.09.2020).

3. День Байкала. URL: <https://chara-baikal.ru/den-bajkala/> (дата обращения: 15.09.2020).

4. День озера Байкал в России. URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/718/> (дата обращения: 15.09.2020).

5. Иркутские активисты отметили День Байкала флешмобом «Экопоколение» и уборкой мусора. URL: <https://www.asi.org.ru/tag/den-bajkala/> (дата обращения: 15.09.2020).

6. Озеро Байкал. Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/754> (дата обращения: 15.09.2020).

7. О проведении Дня Байкала на территории Иркутской области : постановление ЗС Иркут. обл. от 18.02.2015. URL: <https://irkobl.ru/sites/ecology/Postanovlenie%20Zakonodatelnogo%20Sobraniya.ppd> (дата обращения: 15.09.2020).

8. Распутин В. Г. «Байкал, Байкал...». URL: http://www.belousenko.com/books/RasputinV/rasputin_baikal.htm (дата обращения: 15.09.2020).

Казанцева Д. С., Кан Д. Д., г. Улан-Удэ, Россия

Kazantseva D. S., Kan D. D., Ulan-Ude, Russia

ПРОЕКТ «АСТРОЮРТА В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ»

THE PROJECT «ASTROYURT IN THE TUNKA VALLEY»

В статье рассмотрен проект использования юрты в качестве музейно-выставочного образца по народной астрономии на маршруте Жемчуг-Бадары, где конечной точкой является действующая солнечная обсерватория. Создание экскурсионной программы основано на юрте, как модели Вселенной древнего кочевника и новейших технологиях наблюдения за небесными телами.

The article considers the project of using a yurt as a museum and exhibition sample of folk astronomy on the Zhemchug-Badary route, where the end point is the operating solar observatory. The excursion program creation is based on the yurt as a model of an ancient nomad's Universe and the latest technologies of observing celestial bodies.

Ключевые слова: тропа, народная астрономия, юрта, обсерватория, экскурсия, Тункинская долина.

Keywords: trail, folk astronomy, yurt, observatory, excursion, the Tunka valley.

Использование этнокультурных традиций бурятского народа является важным фактором в социально-экономическом развитии Республики Бурятия. Так, при проектировании туристско-рекреационных кластеров для увеличения аттрактивности используется фактор этничности, выраженный в духовной и материальной культуре народа (экологическая культура, народные промыслы, исторические типы хозяйствования).

Буряты, как представители кочевой культуры, интересны в данном проекте как носители знаний по народной астрономии. Особенности ведения кочевого животноводства требовали постижения первичных астрономических знаний о движении небесных тел, расчета и измерения начала и окончания сезонов выпаса скота, выбора мест кочевков по временам года, вероятности падежа скота

от нехватки пищи в неблагоприятные периоды бескормицы. Этот сугубо прагматичный расчет повлек за собой развитие астрономии, которая служила незаменимым подспорьем в хозяйствовании животновода. В сознании народа ранние астрономические знания закрепились как необходимый навигатор в пространстве и времени. Представления о концентрическом и линейном принципах освоения пространства и народной метрологии освещено в работах Н.Л.Жуковской и др. исследователей [1, с. 25].

Вхождение в Федеральную целевую инвестиционную программу «Развитие внутреннего и въездного туризма» по развитию автотуристского кластера «Тункинская долина» подразумевает дальнейшее развитие проектов, использующих рекреационный потенциал территории, в том числе с использованием национального жилища – юрты [2].

Освоение экологических троп пешком или на автомобиле, переход из одного места в другое, смена мест ночевки и дневных остановок, необходимо дополнить тематическими экскурсиями на всем протяжении определенного маршрута. В данном проекте рассмотрен предполагаемый маршрут от кемпинговой зоны с минеральными источниками Жемчуг – до урочища Бадары, где располагается радиоастрономическая обсерватория Института солнечно-земной физики СО РАН. Средняя протяженность тропы около 40 км. Большая часть маршрута проходит в долине реки Иркут, где есть возможности, как для сплава, так и пешего и автомобильного туризма. В рамках проекта «Астроюрта в Тункинской долине» предполагается пеший, однодневный тур. На протяжении всего маршрута вдоль реки Иркут туристы могут любоваться живописными видами долины, ее уникальными альпийскими лугами и растительностью, знаменитыми тункинскими гольцами. Удачные пейзажные фото можно сделать для создания визуального контента в Инстаграмм.

Рядом с территорией обсерватории планируется стационарно расположить юрту, но отличим ее от других юрт кемпингового назначения будет ее особенность – музейно-выставочное предназначение. В «астроюрте» (астрономическая юрта) будет представлена современная карта небесных тел, при помощи мобильного приложения и QR-кода (англ. Quick Response Code – код быстрого

реагирования) можно будет найти актуальную информацию о планетах, увидеть звездное небо с созвездиями в зависимости от местоположения, а также зеркально-линзовый телескоп для его наблюдения. Использование ГИС технологий в наблюдении небесных тел и история первичной кочевой астрономии может быть объединена в «астроюрте».

Пребывание в «астроюрте», материальном воплощении модели вселенной древнего кочевника, объединяется с экскурсией по радиоастрономической обсерватории, где представлен уникальный Сибирский солнечный радиотелескоп, новшество своего времени, созданный местными учеными-физиками в 70-е гг. XX века. Космогонические мифы бурят-монголов о создании вселенной, как и новейшие астрономические данные о Солнце и солнечной системе, ее небесных телах – основные пункты экскурсии. Выезжая с обсерватории, туристы могут посетить долину четырех потухших вулканов, которые хранят историю о том, что территория долины когда-то была заполнена водой. В экскурсии будет затронута древняя геология Тункинской долины, также связанная с деятельностью небесных тел и явлений. Говоря об инструментах научного познания в этом аспекте, появляется возможность соединить два таких разных предмета материального мира, как телескоп и юрта.

Содержательная часть экскурсии посвящена юрте, изготовление которой вошло в список нематериального наследия ЮНЕСКО [3]. Кочевые народы использовали свою юрту не только в прямом назначении, как жилище, но и как воссозданную модель мироздания в обыденном сознании. Квадратные переплетения решеток (монг. «ханы») символизируют связь с родной землей, взлетающие вверх жерди (монг. «уни») – восхождение человеческого духа, а кольцо (монг. «тооно») является символом Солнца и Вечно Синего Неба [4]. Форма юрты в виде окружности, тот путь, по которому совершают вращение планеты и небесные тела Солнечной системы. Окружность юрты делится на двенадцать областей по лунному календарю животного цикла, а также по зодиакальному принципу. Каждая область юрты имеет свою функцию и ритуальное значение. Важно отметить деление юрты по сторонам света, на женскую и мужскую, почетную и обычную, где строго регламентировано место входа в юрту (восток). Главное место в юрте – это

центр с очагом, являющийся местом приготовления пищи, источником тепла. Отверстие выше очага, *тооно*, на «потолке» юрты – это также центр, где располагается карта звёздного неба для наблюдателя. *Тооно* символизирует Солнце, вокруг которого сформирована наша Галактика.

В общефилософском смысле важно отметить, что человек, согласно антропному принципу, постигал законы окружающего мира в соответствии с расширением горизонта своих знаний о закономерностях явлений, как внутренних, так и внешних. Постижение неизведанного шло параллельно развитию представлений наблюдателя о нем. Микрокосм человека существует по принципу подобия макрокосмосу. Человек увидел аналогию явлений повседневности с космическими законами, которые действуют на всех уровнях вне связи с местом, временем и событиями во Вселенной.

Таким образом, проект пешего тура «Астроюрта в Тункинской долине» в перспективном автотуристском кластере будет интересен для широкого круга экскурсантов, как взрослых, так и детей. История постижения космоса и небесных тел при помощи создания астроюрты (астрономической юрты) – это соединение древних научных поисков и открытий современной астрономии, что подтверждает принцип универсальности знаний независимо от времени и технического прогресса.

Примечания

1. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М. : Вост. лит., 2002.

2. Автотуристский кластер «Тункинская долина» // Министерство туризма Республики Бурятия. URL: https://egov.buryatia.ru/minturizm/activities/directions/avtoturistskiy-klaster-tunkinskaya-dolina.php?clear_cache=Y (дата обращения: 13.10.2020).

3. Изготовление монгольской юрты стало нематериальным наследием человечества // Байкал24. URL: <https://baikal24.ru/text/07-12-2013/izgotovlenie/> (дата обращения: 13.10.2020).

4. Унуболд У., Сарангэрэл Б. Монгольская юрта и ее приращение в настоящее время // Символ науки. 2018. №3. С. 101-102.

Ким Э. З., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Kim E. Z., Budaeva S. B., Ulan-Ude, Russia

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ ТУНКИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА

ECOLOGICAL HOLIDAYS OF THE TUNKINSKY NATIONAL PARK

В статье рассматриваются фестивали, конкурсы, праздники, выставки, проходящие в Тункинском районе Республики Бурятия. Тункинский район – один из самых интересных районов республики, на его территории расположен Тункинский национальный парк. Каждый год в районе проходят различные международные, республиканские фестивали и конкурсы, воспитывающие у населения бережное отношение к природе.

The article considers festivals, contests, holidays, exhibitions taking place in the Tunkinsky district. The Tunkinsky district is one of the most interesting districts of the republic where the Tunkinsky National Park is located. Various international, republican festivals and contests are held annually in the district cultivating the population's respect for nature.

Ключевые слова: Тункинский район, Тункинский национальный парк, ООПТ, Республика Бурятия, фестиваль, снежный барс.

Keywords: the Tunkinsky district, the Tunkinsky National Park, specially protected natural territories, the Republic of Buryatia, festival, snow leopard.

Вся жизнь человека зависит от природы, без ее ресурсов жизнь человека невозможна. С давних времен человечество не только потребляло природные ресурсы, но и поклонялось им. Так были придуманы различные духи воды, гор и т.д. С течением времени люди перестали одухотворять природный мир и стали только потреблять его ресурсы, из-за чего в современное время экологическая обстановка во всем мире ухудшилась. У людей появилась по-

требность в сохранении природных богатств, так появились особо охраняемые природные территории (ООПТ). Помимо сохранения природы преследовалась цель в просвещении как можно большего числа людей о природных ресурсах, важности их сохранения. Самым эффективным средством просвещения стали фестивали, конкурсы, праздники, выставки на территории ООПТ (в основном в Национальных парках).

В данной статье рассматриваются фестивали, конкурсы и т.д., проводимые на территории Тункинского национального парка. Тункинский национальный парк – природоохранное, научно-исследовательское и эколого-просветительское федеральное государственное бюджетное учреждение, образован Постановлением Правительства РФ № 282 от 27 мая 1991 года. Национальный парк создан в целях сохранения уникальных экосистем Восточного Саяна и отрогов Хамар-Дабана на общей площади 1183662 га. Это один из крупнейших национальных парков России, часть территории которого включена в состав Байкальского участка Всемирного природного наследия и расположена в центральной экологической зоне Байкальской природной территории [1].

Для того чтобы привлечь внимание к проблемам сохранения природы и воспитать у местного населения бережное отношение к растениям и животным, с которыми они проживают, Тункинский национальный парк проводит различные фестивали и конкурсы.

Так, одним из самых интересных фестивалей является «Земля снежного барса». Снежный барс (*Panthera unica*) – особо охраняемый вид, занесенный в Международную Красную книгу, Красную книгу России. В Бурятии снежный барс обитает только на территории Тункинского и Окинского районов. Данный фестиваль проводится с 2018 года по инициативе Тункинского национального парка и Всемирного фонда дикой природы. Так, в 2018 году фестиваль стартовал среди образовательных учреждений Тункинского, Окинского районов и г. Улан-Удэ, в сентябре, с заочных конкурсов на лучший рисунок и стихотворение. Подведение итогов и финальный гала-концерт фестиваля состоялись 7 ноября в селе Кырен, в конторе Тункинского национального парка [2].

Следующий не менее интересный фестиваль – это зимний ледовый фестиваль «Алгана», алгана – в переводе с бурятского

означает окунь. На фестивале проводятся состязания в зимних видах спорта (керлинг, фигурное вождение на автомобиле, ледовое сумо и гольф) и национальных играх среди любителей подледной рыбалки.

В 2019 году в курортной местности «Вышка» состоялся первый Международный молодёжный фестиваль этно-музыки, национальной кухни и народных ремёсел «Традиции: молодёжный взгляд», прошедший в рамках II Республиканских детских сельских спортивных игр. Национальный парк «Тункинский» стал партнёром данного мероприятия и подготовил выставку сувенирной и полиграфической продукции. Участниками фестиваля стали представители сельских поселений Тункинского района, Иркутской области, районов Республики Бурятия и Монголии [2].

Также каждый год на территории национального парка проводится экологическая акция «День Национального парка Тункинский» в целях формирования у детей и взрослых правильного отношения к природе, нормам и правилам поведения в окружающей среде. Акция проводится два дня, во время которых участники озеленяют территорию, организаторы презентуют патрульную технику, снаряжение, сувенирную продукцию.

Из конкурсов, проводимых национальным парком, наиболее интересным считается «Эко-сумка». Условием конкурса является пошив творческой и креативной сумки из любых остатков ткани.

Тункинский район насыщен различными международными, республиканскими событиями, собирающими огромное количество людей.

Рассмотренные фестивали и конкурсы являются формами сохранения и репрезентации опыта взаимодействия человека и природы. Основной целью мероприятий является пропаганда бережного отношения к природе, экологическое просвещение населения.

Примечания

1. Общая информация // Национальный парк «Тункинский» : [сайт]. Раздел сайта «О парке». URL : <https://www.tunkapark.ru/about/obschaya-informaciya/> (дата обращения: 8.10.2020).

2. О парке // Национальный парк «Тункинский» : [сайт].
URL : <http://www.tunkapark.ru>. (дата обращения: 8.10.2020).

УДК 791.66(571.53)

Парфенова А. С., п. Чунский, Россия

Parfenova A. S., Chunsky, Russia

СОХРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАЗДНИКАХ И ФЕСТИВАЛЯХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

PRESERVATION OF FOLK TRADITIONS IN MODERN HOLIDAYS AND FESTIVALS OF THE IRKUTSK REGION

В статье говорится о хрупкости народной традиционной культуры в современном мире. Народные традиции продолжают жить, но всё чаще – в борьбе с модернизацией в обществе и культуре. Как быть с этой проблемой, и существует ли актуальность возрождения народных традиций.

The article tells about the fragility of traditional folk culture in the modern world. Folk traditions continue to live, but more often, in the fight against modernization in society and culture. How to deal with this problem and whether there is a relevance of the folk traditions revival.

Ключевые слова: народная культура, традиция, возрождение традиций.

Keywords: folk culture, tradition, revival of traditions.

На сегодняшний день объективная реальность демонстрирует угасание и исчезновение народных традиций, касающихся не только их первородной сущности, но и социокультурной среды бытования. Это обусловлено и современными процессами глобализации, и самим естественным историческим процессом общественного развития. Мы становимся свидетелями как ремесла и промыслы, жанры фольклора, народные обряды и другое постепенно уходят из социокультурного пространства и коллективной памяти. Но традиции народной культуры в современных реалиях становятся жизненно необходимыми, поскольку способствуют решению многих

задач социально-экономического, воспитательного, просветительского, художественно-творческого характера, стоящих перед российским обществом. Так, А.А. Карташов отмечает, что «воссоздание, сохранение, поддержание и внедрение народной культуры, даже единичных ее компонентов, способно активизировать к активной жизнедеятельности отдельного индивидуума, поднять деревню, поселок, улучшить жизнь людей в целом регионе» [2, с. 212]. Полагаем, что даже сохранение и трансляция отдельных элементов народной традиции способно интенсифицировать чувство отождествления индивидуума с традиционной культурой своих предков.

Народные традиции представляются цельной структурой материальных и духовно-нравственных парадигм, а исследование проблем народных традиций необходимо рассматривать с точки зрения системно-комплексного подхода. Вышеуказанное направление социокультурной политики связано со значимой проблемой нашего времени – восстановлением народных традиций в современных реалиях, а также отслеживанием трансформаций исконных традиций наших предков. Социум осмысливает потребность сохранения самоидентичности, культурную преемственность, духовных ценностей.

В решении данной конкретной проблемы специалистами выделяются три базовых направления, осмысливающих народные традиции, как культурно-историческое наследие, истоки культуры человечества в целом, культурная память. С позиций внедрения традиций народной культуры, в современную культурную жизнь определяющей становится роль государства, создающего соответствующую нормативно-правовую базу, а также обеспечивающего условия для сохранения и трансляции культурного наследия. В частности, отметим Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2025 гг.)», наиболее значимую для практиков. Также немаловажное значение приобретает развитие инфраструктуры этнокультурного пространства в порядке возрождения народных традиций и обычаев.

Стратегия культурной политики объективно сопряжена с восстановлением народных обычаев и традиций посредством развития инфраструктуры культуры, под которой сегодня понимается

организация сферы культуры в целом. В городах, особенно крупных, инфраструктура культуры достаточно разнообразна и представлена широким спектром мероприятий. Гораздо хуже обстоит дело в маленьких городах и селах, где она представлена большей частью библиотеками и клубами. Реализацию рассматриваемой нами проблемы берут на себя школы и учреждения дополнительного образования, например, краеведческая работа, сохранение народных ремесел и промыслов, организация художественно-творческой деятельности, экспозиций, организация и проведение праздников и многое другое. Эти многообразные и разноплановые формы и практики социокультурной деятельности способствуют приобщению населения, в том числе и молодого, к истории и культуре своего региона, к культурным традициям народов, проживающих бок о бок в течение долгого времени, выдающимся личностям, прославившим регион, а также к истории своей семьи. Наиболее массовой формой, с точки зрения включения широкого круга участников, являются праздники.

Цель государственной культурной политики РФ – поддержка многообразия культур народов РФ, сохранение преемственности и культурной памяти. Поддержка возрождения традиционных культур народов Российской Федерации на государственном уровне, признание народных культур как основы общечеловеческих духовных ценностей «в настоящее время стало едва ли не самым ощутимым достижением общества, общества, которому не безразлично свое прошлое» (Карташов). По мнению М.Н. Геновой, «этому способствуют различные национальные праздники и фестивали» [1, с. 5].

Как и большинство субъектов РФ, Иркутская область является полиэтничным регионом. Ежегодно в разных районах области организуются и проводятся народные праздники, которые способствуют сохранению традиций, проживающих в Иркутской области народов: русских, бурят, татар, башкир, чувашей, эвенков и других. В проведении национальных праздников активно участвуют региональные национально-культурные центры, а также различные социокультурные институты, в частности, на селе функцию организаторов берут на себя клубы, библиотеки, учреждения дополнительного образования, в частности, детские школы искусств.

Уже традиционным стало участие жителей, а также туристов в праздниках Алтаргана – международный фестиваль бурятской культуры, Сабантуй – народный праздник татар и башкир, Акатуй – чувашский национальный праздник, а также международный этнокультурный фестиваль «Ёрдынские игры», фестиваль традиционной русской культуры. Массовыми мероприятиями становятся различные фестивали, рассчитанные на разный возраст и разные интересы, включая как современные виды искусства, так и традиций народной культуры. Каждое мероприятие, реализованный социокультурный проект – это яркое культурное событие региона, обуславливающее все большее количество участников, простых зрителей, привлечение туристов.

Традиции народных праздников интегрируются в социокультурную жизнь Иркутской области, становясь значимым элементом политики консолидации, гражданской солидарности. При этом сохранение и трансляция исконных народных традиций посредством праздников ориентировано на патриотическое воспитание, содействует сохранению уникального культурного наследия народов, проживающих в Иркутской области. Однако современность диктует определенные трансформации традиционных праздников, обусловленных влиянием времени в ходе естественного исторического развития. Так, например, изменяется порядок обрядового действия, переносятся сроки. Одни упрощаются, другие – искажаются, третьи – дополняются включением традиций других народов и т.п. С одной стороны, подобные трансформации могут стать инструментом актуализации и популяризации традиционных культур. Но, с другой стороны, не станут ли они причиной кардинального искажения и, как следствие, потери исконной отработанной веками традиции.

Исходя из всего выше упомянутого, можно сделать вывод о том, что жизнь не стоит на месте, мир развивается и идёт вперед, однако, если народ забывает свои корни, он теряет свою самобытность, уникальность. Да, многое может претерпевать некую трансформацию, в том числе и народные традиции, но несомненным остается то, что забывать традиционную культуру современному обществу нельзя, ведь в ней – мудрость народа.

Примечания

1. Генова Н. М. Региональные аспекты формирования культурной политики // Развитие культурного пространства Иркутской области. Иркутск, 2019. № 11. С. 4-15.

2. Карташов А. А. Сохранение социально-культурных условий возрождения традиций народной художественной культуры средствами режиссерско-постановочных технологий (на примере свадебного обряда) // Социально-экономические процессы и явления. 2013. № 12 (58). С. 211-214.

УДК 504.75

Мыдыгмаева Л. Д., Иринчинова Ц. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Mydygmayeva L. D., Irinchinova Ts. B., Ulan-Ude, Russia

ВМЕСТЕ СОХРАНИМ ПЛАНЕТУ!

LET'S SAVE OUR PLANET TOGETHER!

В данной статье затрагивается проблема загрязнения окружающей среды. Сегодня это самая важная проблема. Здесь говорится о необходимости переработки мусора, об экономии и вторичном использовании сырья.

The article touches upon the problem of the environment pollution. Today it is the most important problem. The article tells about the necessity of litter recycling, economy and seconsary use of raw materials.

Ключевые слова: природа, флора, фауна, загрязнение, окружающая среда, токсичные отходы.

Kew words: nature, flora, fauna, pollution, environment, toxic wastes.

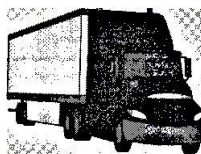
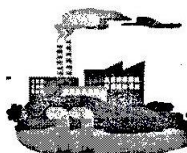

*«Все мы пассажиры одного корабля по имени Земля,
- значит, пересесть из него просто некуда».*
Антуан де Сент-Экзюпери

Мы смотрим и наслаждаемся, когда видим красивый, роскошный лес, широкие цветущие поля, полноводные реки, отражающие лучи солнца и белоснежные облака на синем небосводе. Природа. Она благосклонна к людям, что бы они ни делали.

Лесорубы вырубают лес, и тут же появляется молодая поросль, для того чтобы украсить мир зелёной красотой, восполняющей дисбаланс в природе. Реки стремятся освободиться от мусора, силой своего течения выталкивая его на берег. Ветер гонит дым, выхлопные газы, стараясь очистить воздух, которым мы дышим. Человек – часть природы. Люди изучают окружающую среду, флору и фауну, пользуются его дарами, наслаждаются красотой удивительного мира. Но вместе с тем, они загрязняют уникальную природу. Статья 9 в Конституции Российской Федерации гласит: 1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. 2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В статье 42 закреплено, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Статья 58 говорит, что каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [2].

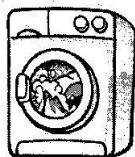
Для того чтобы удовлетворить потребности одного человека в пище, одежде и жилье, за год расходуется около 20 т различного сырья, но, как уже отмечалось, только 5-10% сырья переходит в конечный продукт, а 90-95% моментально идет в отходы [1, с. 7]. Возьмём, к примеру, одну пару джинсов. Почти семь тысяч литров воды потребуется для производства одной пары джинсов, если учесть сбор хлопка, переработку, производство, транспортировку и стирку.

2000 л.

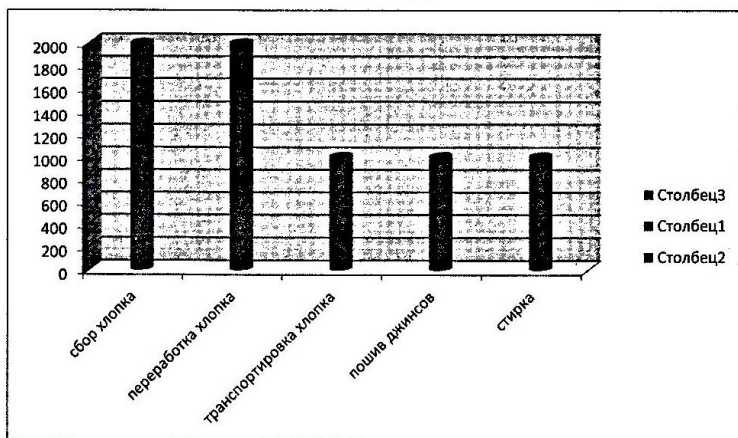
2000 л

1000 л.

1000 л.

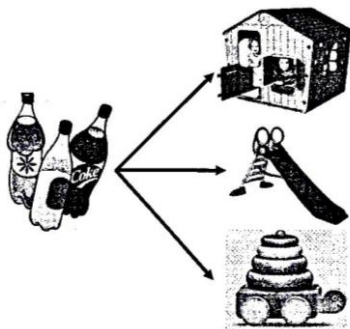
1000 л.

Кроме грязной воды, руками людей выбрасываются различные виды мусора, загрязняющие окружающую среду. «Мусор – это искусство смешивать разные полезные вещи и предметы. Смешивая полезные предметы с бесполезными, токсичные вещества с безопасными, горючие материалы с несгораемыми мы получаем

бесполезную, токсичную и плохо горящую смесь» (Пол Коннет) [3, с. 24].

Школьниками проведен эксперимент с пластиковыми бутылками и сделан следующий вывод. Из всех отходов, пластиковых больше всего по количеству и объёму. Всем известно, что пластмасса разлагается очень медленно и останется через сотни лет. [3, с. 32]. Из пластмассы можно изготовить оборудование для детских игровых площадок. Целесообразен постепенный отказ от пластиковых упаковок.

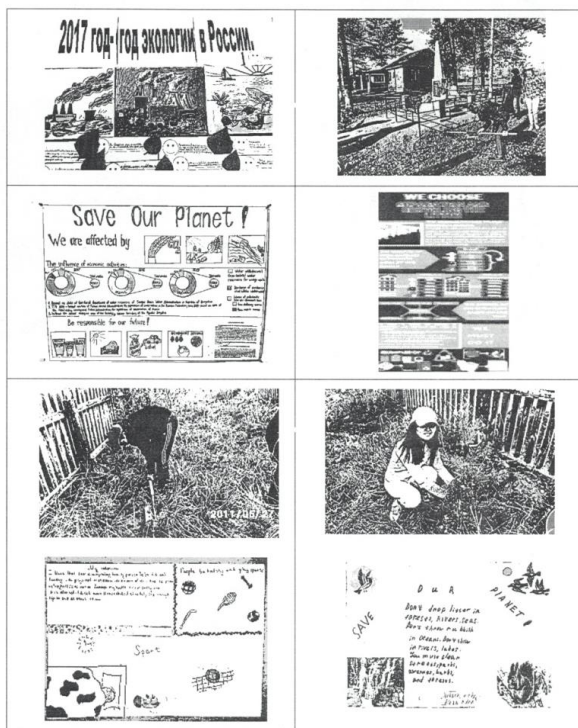
Известно, что годовой ущерб от загрязнения окружающей среды отходами производства и потребления оценивается на уровне 10% валового внутреннего продукта (55-57 млрд. рублей). Значит, наше будущее зависит от каждого из нас [3, с. 91].

Для разрешения проблемы с загрязнением окружающей среды от каждого человека требуется ответственное отношение. В 2019 году в сфере охраны окружающей среды и природопользования в нашем регионе были приняты 6 Законов и более 14 актов Главы Республики Бурятия и Правительства РБ [4, с. 225]. В рамках государственной программы РБ « Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» осуществлялась реализация семи значимых подпрограмм [4, с. 227-249]. Огромный вклад в решение проблем охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в регионе вносится общественным экологическим движением, представленным как взрослым, так и детским сообществом. Учителя, школьники и их родители прини-

мают активное участие в проводимых экологических акциях, дедантах, сборах, научно-практических конференциях. Формирование экологической культуры человека реализуется, в частности, и на уроках английского языка, что способствует воспитанию активной жизненной позиции, любви к природе, бережному отношению к нашей планете. На уроках и во внеклассных мероприятиях проводятся различные мероприятия на английском языке:

1. Save our planet.
2. Earth is our home.
3. Year of Ecology.
4. Environmental problems.
5. Ecological marathon.
6. We choose separation and recycling litter.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ШКОЛЕ

Примечания

1. Ершова М. Скажи "нет" пластику. М. : Эксмо, 2019. 125 с.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием, 12 дек. 1993 г. М. : Юрид. лит., 2014. 63 с.
3. Сапожникова Г. П. Конец «мусорной цивилизации»: пути решения проблемы отходов. М. : Оксфам в РФ : 2010. 108 с.
4. Государственный доклад «О состоянии и охране окружающей среды Республики Бурятия в 2019 году» / М-во природных ресурсов Респ. Бурятия. Улан-Удэ, 2020. 270 с.

УДК 628.4(571.54-25)

Иринчинова Ц. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Irinchinova Ts. B., Ulan-Ude, Russia

РАЗДЕЛЕНИЕ И ПЕРЕРАБОТКА МУСОРА

SEPARATION AND RECYCLING LITTER

В тексте рассматривается возможность разделения и переработки мусора на примере одного семидесятипятиквартирного дома в г. Улан-Удэ.

The article considers the separation and recycling litter taking one block of 75 flats in Ulan-Ude city as an example.

Ключевые слова: экология, мусор, разделение мусора, переработка мусора, пластмасса, стекло, пищевые отходы.

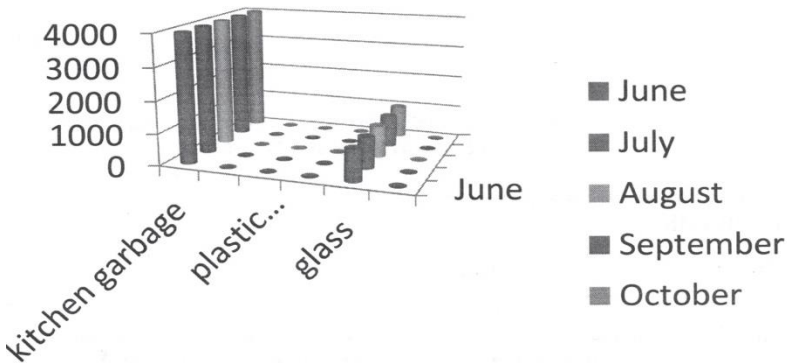
Keywords: ecology, litter, separation of litter, litter recycling, plastic, glass, food wastes.

It is generally agreed that the amount of rubbish created by humans today is a worldwide problem. Daily garbage is accumulated in one household, in every house of your community, in every city, in every country [1, с. 3]. Imagine how much rubbish people make every day. To begin with, kitchen garbage, paper, glass, cans, bottles, plastic containers are everywhere. They can be seen in the streets, along the streets, near the houses and on the flowerbeds. My colleague told me that a family had thrown a 3 litre glass can of pickled cucumbers from the fifth

floor. Imagine! Then people often throw litter near the litter bins. That's why dogs come to the litter places. They look for food. Moreover, they bark and can bite people, especially small children. Finally, there is a bad smell during warm time.

The research was made in one block of flats. There are 75 flats in this building. They are one - room flats. At the end of the week about 7 kg of litter is thrown from one flat. They are:

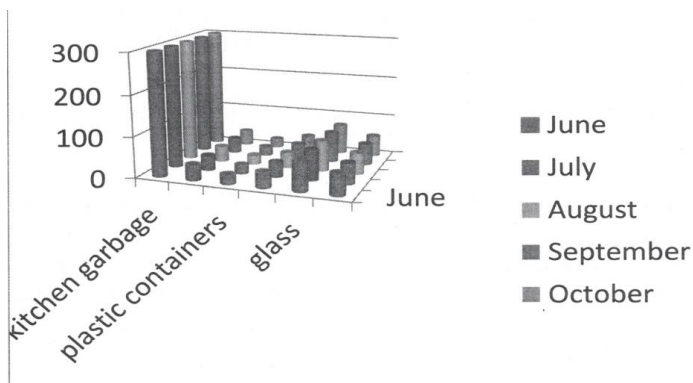
- 4 kg – kitchen garbage;
- 1 kg – glass
- 700 gr – metal cans
- 500 gr – carton packaging
- 500 gr – fabrics
- 300 gr – plastic containers

If we talk about 75 flats we can see the following data based on our research. 75 flats throw 525 kg of litter.

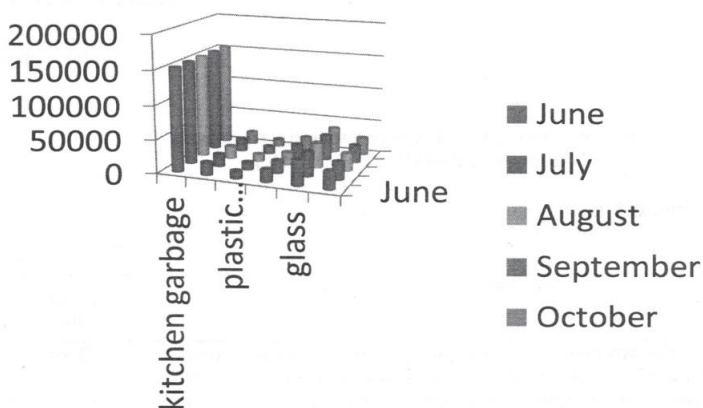
- 75 flats*4 kg=300 kg of kitchen garbage
- 75 flats *500 gr=37,5 kg of carton packaging
- 75 flats*300 gr=22,5 kg of plastic containers
- 75 flats*500 gr=37,5 kg of fabrics

- 75 flats*1 kg=75 kg of glass
- 75 flats*0,700 grs=52,5 kg of metal cans

In Ulan-Ude there are 38245 one-room flats. So, from 38245 flats people throw 267715 kg of litter!

- 38245 flats*4 kg=152980 kg of kitchen garbage
- 38245 flats *500 gr=19122,5 kg of carton packaging
- 38245 flats*300 gr=11473,5 kg of plastic containers
- 38245 flats*500 gr=19122,5 kg of fabrics
- 38245 flats*1 kg=38245 kg of glass
- 38245 flats*0,700 gr=26771,5 kg of metal cans.

To solve this problem, there should be separate containers in the town. It is good to use kitchen garbage as fertilizer. Plastic containers and bottles could be recycled into equipments for playgrounds. Plastic is just a tool [2, с. 5]. One good example of this is that tire companies develop new tires for cars which are not made of rubber but of new ecological material [1, с. 2].

It's better to reuse glass bottles and cans. Fabrics can be used to make biofuel. Paper can be recycled to make new paper. Our city needs factories to recycle litter. On the whole, the city needs factories to recycle rubbish. People ought to take care of the environment. Finally, with goodwill and efforts of the whole society, our future offspring will be better off with the well-preserved environment [1, с. 3]. It's everyone's responsibility.

Примечания

1. Nguyen A. Rubbish. Causes and solutions. APRIL 14 2015. URL: <https://annanguyen07.wordpress.com/2015/04/14/rubbish-causes-and-solutions> (дата обращения: 12.11.2020).

2. Watts J. Plastic in Paradise: Goldman prize winner's fight to protect Bahamas // The Guardian. 2020. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/nov/30/plastic-paradise-goldman-prize-winner-fight-protect-bahamas-kristal-ambrose> (дата обращения: 12.11.2020).

Вострякова К. В., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

Vostryakova K. V., Budaeva S. B., Ulan-Ude, Russia

**ОПЫТ БАЙКАЛЬСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
В ПРОВЕДЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ
ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ COVID-19**

**THE BAIKAL RESERVE EXPERIENCE IN HOLDING THE
EVENTS UNDER COVID-19 RESTRICTIONS**

Сталкиваясь со сложностями проведения мероприятий в условиях ограничений, вызванных новой коронавирусной инфекцией, коллектив Байкальского государственного заповедника ищет новые возможности для реализации программ по экологическому просвещению, проводит онлайн встречи и конференции.

Facing the difficulties of holding the events under restrictions caused by the new coronavirus infection, the staff of the Baikal state reserve is looking for new opportunities to implement environmental education programs holding online meetings and conferences.

Ключевые слова: экологическое просвещение, карантин, ограничения, мероприятия, окружающая среда, влияние, развитие.

Keywords: environmental education, quarantine, restrictions, events, environment, impact, development.

Экологическое просвещение и воспитание молодежи – это одна из первостепенных задач, которую ставят перед собой организации, занимающиеся особо охраняемыми природными территориями. Пропаганда бережного отношения к природе, формирование позитивного экологического мышления, привлечение внимания к проблемам охраны и защиты окружающей среды – необходимые элементы в воспитании экологически грамотного поколения, стремящегося сберечь ограниченные ресурсы нашей страны.

Высокая эффективность эколого-просветительской работы тесно связана с систематичностью проведения занятий и мероприятий, с выбором методики и формата проведения работы, а также с

тем, какое количество людей, особенно молодежи, возможно, охватить, привлечь и заинтересовать вопросами экологии и охраны окружающей среды.

В этом году весь мир столкнулся с проблемой ограничительных мер, в связи с пандемией коронавирусной инфекции нового типа. Проведение массовых мероприятий было отменено, что заставило природоохранные организации, думать над тем, каким образом осуществить решение задач по экологическому просвещению в новых условиях. Все мероприятия, которые подразумевали скопление большого количества людей, не могли быть реализованы. Но необходимость в расширении экологического кругозора сохраняется в любые времена и при любых обстоятельствах.

Коллективу Байкальского государственного заповедника так же пришлось проявить изобретательность и творческий подход в решении своих эколого-просветительских задач. В период с 01 мая по 01 июля был проведен ряд мероприятий в онлайн режиме. Одной из наиболее интересных и креативных стала идея проведения экскурсии в визит-центр «Байкал Заповедный», где экскурсантами выступали сказочные герои и байкальские птицы и звери. Экскурсия, проведенная 5 июня, была приурочена к Всемирному дню охраны окружающей среды и ко дню эколога, и представляла собой театрализованную сказку, где роли сказочных экскурсантов исполняли сотрудники заповедника. Таким образом, родилась очень интересная и необычная постановка, которую можно перенести на реальную жизнь. Птицы и звери, а также сказочные герои, попав в интерактивный музей, задавали вопросы и узнавали много нового о местах своего обитания, и в результате получения новых знаний меняли свое отношение к окружающему миру, становясь уважительнее, бережливее и образованнее.

Нечто подобное происходит и с нами в обычной жизни. Когда человек в полной мере осознает уникальность и значимость того места, где живет, когда начинает понимать удивительную взаимосвязь между живой и неживой природой и тем, какую роль играет именно он в сохранении и защите окружающей среды, тогда и отношение к природе меняется. Проблемы, которые у многих и так на слуху, становятся не безличными, а именно тех людей, кто живет на данной территории.

Следующим шагом после обозначения какой-либо проблемы становится определение того, что возможно сделать для ее решения. Любая задача должна предполагать определенный план действий, именно поэтому нужно не только провести мероприятия, но и, обязательно, дать людям практическую рекомендацию и направление, по которому нужно двигаться.

В ходе подобных мероприятий можно достичь высокой эффективности в решении эколого-просветительских задач, как путем интересной интерпретации, так и за счет охвата больших масс людей, что обусловлено проведением занятий и экскурсий в онлайн режиме, а так же возможностью записи на электронные носители с дальнейшим распространением среди населения.

Еще одним не менее интересным мероприятием стало проведение онлайн-конференции, посвященной проблемам природных территорий в пожароопасный период. Встреча проходила также в онлайн режиме. В ходе конференции выступали сотрудники различных отделов заповедника. Обсуждение затронуло тему лесных пожаров с самых разных сторон, начиная с того, каким образом происходит процесс обнаружения и тушения лесных пожаров, заканчивая тем, какой урон наносится растительному и животному миру в результате его разрушительного действия. Главной задачей было донести до аудитории не просто мысль о том, что лесной пожар это плохо, а наглядно на конкретных примерах объяснить, почему это плохо. Какие последствия возникают после пожаров, как это отражается на окружающей среде и биологическом разнообразии территорий. Ребятам давалась возможность ответить на вопросы и попробовать почувствовать себя в роли птиц и зверей, которые сталкиваются с опасностями и рисками, как во время самого пожара, так и после него. Кроме того, ребята могли сами задавать вопросы и получать разъяснения по данной теме прямо по ходу конференции, при этом отвечали люди компетентные, чей опыт в тушении лесных пожаров, а также в минимизации нанесенного ущерба причиненного природе после них, весьма велик, и подразумевает многолетний труд. Таким образом, в процессе плотного взаимодействия и вовлечения в процесс обсуждения можно достигнуть высокого показателя эффективности эколого-просветительской деятельности.

Заключительной частью конференции стало обсуждение возможных предупредительных мер, соблюдая которые можно предотвратить, если не все лесные пожары, то многие из них. Несмотря на то, что многим эти меры уже знакомы, их важность сложно переоценить, как в борьбе с болезнью огромную роль играет профилактика, так и в предотвращении пожаров важны предупредительные меры и соблюдение правил поведения, а так же техники безопасности при нахождении в лесу.

На основании всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ограничительные меры в условиях пандемии – это не повод для прекращения проведения работы с населением по укреплению взаимосвязей между людьми и окружающей средой. Обилие современных технических средств коммуникации, накопления и распространения информации дают широкие возможности взаимодействия с аудиторией, несмотря на расстояние и не совсем привычные условия. Нужно искать новые методы интерпретации, новые возможности и форматы проведения эколого-просветительских мероприятий.

УДК 371.398(571.54)+37.036-053.2

Ринчинова Ю. С., г. Улан-Удэ. Россия

Rinchinova Yu. S., Ulan-Ude, Russia

РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ ДЕТЕЙ

THE ROLE OF ADDITIONAL EDUCATION IN CHILDREN'S INCULTURATION

В данной статье автор рассматривает роль дополнительного образования в процессе инкультурации детей. В качестве примера автор описывает деятельность «Ресурсного центра художественного и технического творчества «Созвездие». В частности, описывается один из методов работы педагогов с детьми – создание обучающимися анимационных роликов.

The author of the article considers the role of additional education in the process of children's inculturation. The author describes the activity of the resource center of artistic and technical creativity «Sozvezdiye» as an example. The creation of animation clips as one of the methods of the teachers' work with the children is described, in particular.

Ключевые слова: инкультурация, традиции, обычаи, детская анимация, воспитание, технологии.

Keywords: inculturation, traditions, customs, children's animation, education, technologies.

Инкультурация – это процесс приобщения индивида к культуре, усвоение им определенных привычек, норм и стереотипов поведения. В узком смысле слова под инкультурацией в современной культурологии понимают восприятие культурных норм и ценностей ребенком [4]. Инкультурация проходит на протяжении всей жизни человека, но все-таки основа её закладывается в детском возрасте, когда формируется личность и индивидуальность человека.

Процесс инкультурации личности происходит как стихийно, так и при целенаправленном воздействии. Первоначально инкультурация происходит в процессе семейного воспитания. В семье ребенок приобретает первичные знания, представления об этом мире, религиозные воззрения, традиции, привычки и многое другое. Модель поведения в семье, ценности и нормы, приобретенные в детские годы, человек сохраняет в себе в течение всей своей жизни.

Целенаправленно процесс инкультурации происходит чаще всего через учебные заведения, как общего, так и дополнительного образования. Если общее образование предполагает передачу ребенку система основных знаний, умений и навыков, то именно системе дополнительного образования способствует развитию творческой составляющей мышления, воображения. Рассмотрим этот процесс на примере деятельности Ресурсного центра художественного и технического творчества «Созвездие» (далее – Центр).

Ресурсный центр художественного и технического творчества «Созвездие» имеет богатую историю. У его истоков был ансамбль песни и танца, который был основан в 1966 году. Со време-

нем коллектив ансамбля расширился, развивался и модернизировался, и на его основе был создан центр художественного творчества. В 2000 году он был преобразован в республиканское учреждение дополнительного образования социально-культурной сферы «Республиканский центр эстетического воспитания детей» при Министерстве образования и науки РБ. В 2015 году центр получил новый статус – государственное автономное учреждение дополнительного образования Республики Бурятия «Ресурсный центр дополнительного образования детей «Созвездие», а в 2017 года происходит слияние Ресурсного центра «Созвездие» с Республиканским центром технического творчества (г. Улан-Удэ).

Обучающиеся и педагоги центра не раз становились призерами различных конкурсов, таких как: Всероссийский конкурс «Россия глазами ребенка» (2018), Международный конкурс декоративно-прикладного и художественного творчества «Дерзай-Твори» (ежегодно), Всероссийский конкурс «Наследники традиций» (2018), региональный фестиваль «Школа Терпсихоры (2019)» а также обладателями Гран-при конкурса «Юные дарования России (2019)» и многих других. Ежегодно центр получает призовые места, в том числе в мероприятиях, проводимых в рамках нацпроекта «Образование». В 2017 году ему присужден статус «Регионального модельного центра». В центре обучаются дети с четырех до семнадцати лет, по таким направлениям как художественное, вокальное, театральное, хореографическое, роботехника, авиамоделирование и др.

Особенностью деятельности центра является то, что образовательный процесс основывается на совмещении художественной, творческой деятельности ребенка и его умения использовать современные компьютерные технологии. Сегодня неизбежной частью процесса инкультурации детей являются современные технологии, которые влияют и на образовательный процесс. Поэтому педагоги центра с одной стороны, пытаются приобщить ребенка к этнической и национальной культуре, а с другой стороны, помогают освоить компьютерные технологии. Одной из таких методик является процесс создания детьми анимации.

Анимация (от фр. animation – оживление, одушевление) создание иллюзии жизни и движения нарисованных объектов, путем

осуществления создания покадровой съёмки рисунков или кукольных сцен [5].

В рамках статьи мы не можем остановиться подробно на понятии и истории анимации. Отметим лишь, что «отцом» анимации является Эмиль Рейно – французский изобретатель, художник, который в начале XIX века создал механизм движущихся картинок. Необычные, динамичные и сменяющиеся друг друга картинки аппараты покорили сердца европейских граждан. Спустя некоторое время, благодаря развитию технических и цифровых механизмов, создание анимации стало глобальным [2].

Анимация, которая сделана руками обучающихся – это своего рода творческая площадка для фантазии и выявления художественного потенциала детей. Герои, которых придумал ребенок, оживают и приобретают темперамент и характер. Создание детской анимации также развивает речевые и эмоциональные качества ребенка. Он познаёт себя и других детей с другой стороны.

Все мы знаем, что дети любят смотреть мультфильмы. Часто замечаем, как они цитируют главных героев, поступают также как герои из мультфильмов в той или иной ситуации. Именно благодаря процессу самостоятельного создания анимации, ребенок начинает анализировать свои способности и действия, познавать мир.

Детская анимация включает в себе многоэтапную работу, а именно творческую, художественную и техническую деятельность [1]. Прежде всего, в процессе создания анимации, дети изучают определенную литературу, узнают о существующих традициях, обычаях. Параллельно педагоги учат правилам и последовательности работы с компьютером, фотоаппаратом, смартфоном, видеокамерой, звукозаписывающими устройствами.

Анимация как один из методов работы с детьми имеет два этапа влияния на развитие ребенка. Первый этап создания детской анимации – это сплочённая и грамотно выстроенная работа над мультфильмом, где ребенок проявляет свои способности и собственное видение различных персонажей. Второй этап – это когда другие дети могут посмотреть готовую детскую анимацию и узнать что-то новое. Эта методика чаще всего применяется для учащихся

третьего года обучения в Центре и старше, когда у них уже есть навыки рисунка, живописи, лепки, аппликаций.

Процесс создания анимации учащихся Центра состоит из трех этапов:

1. Познавательный этап. Разработка сценария анимации, работа с литературой, изучений образов всех персонажей.

2. Творческий этап. Рисование или лепка персонажей. Прорисовка мелких деталей, в соответствии со сценарием и изучением литературы. Раскадровка определенных моментов в анимации.

3. Технический этап. В него входят: 1) съемка готовых раскадрованных рисунков; 2) озвучивание ролика голосами детей, которые играют персонажей из анимации; 3) монтаж ролика и наложение готовой аудиозаписи.

Далее рассмотрим каждый этап подробнее.

Познавательный этап. В такой многонациональной республике как Бурятия дети изначально сталкиваются с многообразием культур, потому очень важно, чтобы они знали историю своего народа, образ жизни, быт, традиции и обычаи. Перед началом создания анимации, детям рассказывают легенды о народах Сибири, мифы, пословицы, поговорки, народные приметы разных народов, проживающих в нашем регионе. К примеру, прочитав с детьми легенду о небесной богине Балдан Лхамо, мы решили создать мультфильм «Сагаалган», используя технику лепки из пластилина и рисования на бумаге. Пластилиновая технология создания анимации доступна детям любого возраста, позволяет каждому обучающемуся найти применение своих индивидуальных креативных способностей. А вот для создания иллюстраций персонажей требуется не один год подготовки и практики, поэтому рисованием занимаются дети старше девяти лет [3].

Перед началом творческой работы педагог даёт установку детям придумать сценарий будущего мультфильма на определенную тему. В основном, после чтения и просмотра иллюстраций в книге, у детей активизируется воображение, эмоциональное состояние, внимание и красноречие. По желанию каждый обучающийся выбирает себе персонажа и начинает продумывать его образ. По времени это непродолжительный этап и принять участие в нём могут обучающиеся центра всех возрастов.

Творческий этап. Художественный процесс создания героев достаточно трудоемкий. В целом, педагогу требуется пять или шесть полноценных занятий с детьми. Каждый образ обдумывается, отталкиваясь от описания в источнике – сказке или легенде. Очень важно соблюдать последовательность лепки или прорисовки героев. Для того чтобы в дальнейшем с героем, особенно пластилиновым, ничего не произошло, соблюдается правило – сохраняя его облик таким, каким его начали снимать.

На этом этапе видно, какие художественные способности детей лучше всего использовать как в группе, так и индивидуально, ориентировать их в нужном направлении. Встречаются такие дети, которые налету схватывают и начинают создавать образ, а есть ребята, которым нужно помочь или посоветовать, как продолжить работу. Поэтому творческий этап является долгим и трудоемким по времени. Создание ребенком идеального рисунка, занимает в среднем около недели. При распределении заданий педагог оценивает психические, возрастные и интеллектуальные уровни детей. Чаще всего младшие школьники рисуют декорации, а ребята среднего и старшего возраста изображают персонажей.

Технический этап. На этом этапе начинается совместная работа с мультипликационной студией, созданной в Центре «Макошьфильм» и с его руководителем Следневой Валерией Игоревной. Именно благодаря ей происходит съемка героев мультфильмов, которые наши учащиеся нарисовали или слепили. Осуществляется фотосъемка и видеосъемка рисунков действий каждого героя, согласно сценарию сказки или легенды. Процесс съемки при средней продолжительности ролика в двенадцать минут, может осуществляться два дня.

После съемки видео происходит озвучивание мультфильма в звукозаписывающей студии, также находящейся в Центре. Но сначала в театральной студии «Большое сердце» под руководством Карпуховой Юлии Анатольевны проводится кастинг детей, распределяются роли. Актерские качества обучающихся позволяют персонажам мультфильма приобрести собственные голоса. На этом этапе дети учатся слушать и слышать, как себя, так и других, получают первоначальные навыки актерского мастерства, что важно не только для инкультурации, но и для социализации ребят, так как

актерские задатки помогают ребёнку свободно и творчески самовыражаться.

Завершающий момент создания анимации – это монтаж и обработка видеоматериала, аудиозаписи и их наложение друг на друга с помощью специальной программы. Чаще всего это происходит без участия детей, специалистами Центра. Конечно, здесь могут проявить свои умения дети старше 15 лет, но обязательно под руководством педагога звукозаписывающей студии.

Итак, на техническом этапе происходит совместная, сплочённая и интегрированная работа детей и педагогов – художника, аниматора, программиста и звукорежиссёра. Педагоги центра создают обстановку, условия, где дети самостоятельно работают в творческом и техническом планах.

Таким образом, за два года в Центре «Созвездие» были созданы такие детские анимации как: «Буддийский алтарь» (2020), «Сагаалган» (2020), русские народные сказки «Колобок» (2018), «Каша из топора» (2019), «Гуси лебеди» (2019). Все они размещены в сети Интернет на таких ресурсах как YouTube, канал «Макошь-фильм» и на официальном сайте Ресурсного центра художественного и технического творчества «Созвездие» (<http://sozvezdie03.ru>). После презентации мультфильма проводится выставка рисунков, которые дети рисовали, в процессе его подготовки.

Законченный мультфильм презентуют в стенах Центра, с приглашением не только учащихся нашего центра, но и их родителей, чтобы каждый понимал и представлял, какой интересный и большой труд выполнил их ребенок, и к какому результату он пришел. Во время общего просмотра, видно, что дети гордятся созданными героями. Ребятам хочется показать и рассказать о том, как они долго и упорно рисовали, чему за это время научились.

Таким образом, детская анимация способствует знакомству детей с окружающим миром, приобщению и познанию не только своей культуры, но и культуры других народов, которые живут рядом с ними. В свою очередь, педагоги отмечают, насколько занятия анимацией увлекает и меняет детей, делает их более раскрепощёнными, общительными, усидчивыми и дисциплинированными. Анимация проявляет у детей интерес и желание в дальнейшем заниматься творческой деятельностью. Исходя из этого, можно при-

знать, что детская анимация является эффективным способом инкультурации личности, формирует духовно-нравственные ориентиры и развивает творческие способности детей.

Примечания

1. Ревин Н. П., Дроговцова Н. О., Макарова Ю. Н. Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе // Современные технологии в мировом научном пространстве : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Аэтерна, 2016 . С. 150-152.

2. Репин А. Эмиль Рейно: истоки анимации. URL: https://zen.yandex.ru/media/artifex/emil-reino-istoki-animacii_5f073c52efd9af7fdf503e7c (дата обращения: 12.10.2020).

3. Свалова Е. В. Формирование у воспитанников представлений о семейных ценностях через знакомство с фольклором народов Сибири // Инновационные педагогические технологии : материалы IV междунар. науч. конф. Казань : Бук, 2016. С. 223-226.

4. Инкультурация и социализация // Vuzlit.ru : [сайт]. URL: https://vuzlit.ru/502224/inkulturatsiya_sotsializatsiya (дата обращения: 5.11.2020).

5. Значение слова «анимация» // КартаСлов.Ру - Карта слов и выражений русского языка : [сайт]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/анимация> (дата обращения: 23.11.2020).

Кривова И. Ф., г. Северобайкальск, Россия

Krivova I. F., Severobaikalsk, Russia

**ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ВИДОВ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИХ ЭВЕНКОВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**REVIVAL OF THE NORTHERN BAIKAL EVENKS'
TRADITIONAL TYPES OF HOUSEHOLDING
AT THE PRESENT STAGE**

В статье рассматриваются вопросы традиционных видов хозяйственной деятельности эвенков Северо-Байкальского района, начиная с середины XVII в. до современного состояния. В настоящий момент эвенкийское население района не имеет территорий для традиционных видов хозяйственной деятельности, таких как охота и оленеводство. В данной статье выявляется проблема эвенкийского населения района.

The article deals with the issues of traditional types of household activities of the Evenks of the Northern Baikal district beginning from the middle of the XVII century to the present condition. At the moment, the Evenk population of the district does not have territories for traditional types of household activities, such as hunting and reindeer husbandry. The article reveals the problem of the Evenk population of the district.

Ключевые слова: эвенки, тунгусы, Северо-Байкальский район, оленеводство, охота, традиционные виды хозяйственной деятельности, территории традиционных видов деятельности.

Keywords: the Evenks, the Tungus, the Northern Baikal district, reindeer husbandry, hunting, traditional types of household activities, territories of traditional types of activities.

На заре цивилизации люди брали всё необходимое для своей жизни из окружающей природы [2]. Они занимались охотой, собирательством, рыбалкой, но постепенно быт человека усложнялся,

развивая новые направления повседневных занятий, которые затем превратились в целые отрасли.

Для аборигенных этносов характерна неделимая связь природы и культуры, которая находит отражение в культурных ландшафтах, нарушение которых ведет к потере самобытности коренных народов и к их унификации.

Одним из видов хозяйственной деятельности народностей Крайнего Севера является оленеводство, имеющее большое историческое прошлое. Свидетельство о его древнем происхождении обнаруживаются и восходят к осколкам некогда широко развитого оленеводства древнего Забайкалья. Происхождение оленеводства хорошо подтверждается историко-этнографическими фактами возникновения этой формы хозяйства. Закономерность развития оленеводства невозможно представить без знания истории местных народов, для которых основным занятием является этот вид хозяйственной деятельности.

Северо-Байкальский район расположен на северной оконечности озера Байкал. Площадь территории района 54 тыс. км². Район является местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности эвенков, для которых охота и оленеводство является средством существования. Агроклиматические условия резко ограничивают ведение земледелия. Поэтому в структуре земельных ресурсов незначительная площадь приходится на пашни. Кроме того, широкие долины и обширные альпийские луга использовались как высокогорные пастбища для отгонного скотоводства.

Фауна района разнообразна и включает в себя практически все основные охотничье-промысловые виды животных. Наиболее ценным богатством являются пушные звери – белка, ондатра и соболь, особенно баргузинский. В значительном количестве на территории района обитают крупные дикие копытные, боровая дичь и перелетная водоплавающая дичь. Местные водоемы богаты различной рыбой. Подобное разнообразие и богатство фауны позволяет широко развивать охотничье хозяйство, которое может поставлять не только пушнину, но и значительное количество мясной продукции и т.д.

Характерной особенностью района продолжает оставаться малая обжитость земель и низкая плотность населения. По сравнению с другими районами Бурятии на севере исключительно маленькая численность сельского населения.

В прошлом широкие просторы северобайкальской тайги осваивало аборигенное население – эвенки, которые вели кочевой образ жизни. Для эвенков был характерен адаптационный тип освоения природы. Издавна местное население, сочетало в себе охотничий промысел, умело используя особенности агрометеорологических и пастбищных условий.

Первые сведения о северобайкальских оленеводах можно найти в трудах Н. Спафария и Фишера середины XVII в. В них упоминаются тунгусы, которые ездят «на ланях» [7]. Так же Гаге-мейстер в 1884 г. сообщает, что «тунгусы издавна занимаются оленеводством» [3].

В XVIII-XIX вв. в хозяйствах северобайкальских эвенков наблюдался большой падеж оленей от заболеваний. До середины XX в. среди различных видов хозяйственной деятельности северных народностей оленеводство, как отрасль оставалась практически не изученной. К началу 30-х г. XX в. в России стал изучаться вопрос оленеводства. Спецификой этого вида хозяйствования является его разделение на две формы ведения оленеводства: тундровое и таежное. Разница в географическом, широтном положении значительно отличает эти две формы. Для тундры характерна важная особенность, выражавшаяся в том, что оленеводство являлось единственным видом хозяйственной деятельности человека. Со всем другое дело в тайге. Северо-Байкальскому району присуща таежная форма оленеводства и являлась подсобной отраслью. На территории района проживает три эвенкийских рода. Территория района с давних времен была поделена между родами Шемагирским, Киндигирским и Чильчигирским.

Проведя анализ этнографических очерков Н. Спафария, Фишера, Георги, Гагейместера можно сделать выводы, что горные тунгусы (эвенки), занимавшиеся оленеводством были довольно состоятельными. Основным видом хозяйствования эвенков, по замечаниям исследователей, являлась охота, оленеводство выступало сопутствующим видом хозяйственной деятельности [8].

Но в связи с освоением Сибири в середине XVII в. приход отряда казаков на побережье северного Байкала отрицательно повлиял на хозяйственную деятельность. Русские проникли в тайгу и нанесли решительный удар первобытной туземной организации жизнеустройства. Прежде всего, хищническое проникновение торгового капитала вовлекает в сферу своего влияния оленных тунгусов и начинается разложение их хозяйств. Если в прежние времена пушнина и олени имели номинальную цену, то русские показали реальную стоимость. Ясак, которым были обложены тунгусы, взымался пушниной. Кроме того, производилась скупка пушнины по высоким ценам.

Туземцы пытались уйти от непрошенных гостей, сопротивляться, но спиртное, миссионеры и прочие «прелести культуры» окончательно закабаляют тунгусов. Наряду с этим оленные стада в XVIII-XIX вв. значительно сокращаются, поголовье оленей уменьшается и по причине падежа от губительных эпизоотий. Вековые устои расшатываются в течение ряда лет, рушатся родовые устои быт, экономика тунгусов в корне меняется. В конечном итоге появляется новая категория тунгусских родов – без оленей, которые были вынуждены вести оседлый образ жизни. Безоленные тунгусы влачили нищенское существование, этому сопутствовала высокая смертность, в том числе и детская. Таким образом, появился новый статус тунгусских семей береговые, они селились на побережье рек и озер, пытаясь заменить оленеводство рыболовством.

К XX в. тунгусы разделились, в каждом роду были горные, береговые и оседлые, оленями владели только горные. Киндигирский и Чильчигирский роды по своей структуре хозяйствования относились к таежному кочевому оленеводству. Шемагирское оленеводство приближено к оседло избенной форме оленных хозяйств [6].

Кардинальные изменения в хозяйственной и культурной жизни эвенков произошли в первой половине XX в. [10]. Изменилось название народности и теперь они стали называться не тунгусами, а эвенками. Эвенкийский язык получил свою письменность на основе кириллицы. В период коллективизации в хозяйства первых объединялись безоленная и малооленная часть населения. Наиболее обеспеченные оленями хозяева оставались кочевыми

единоличниками. Произошел насильственный переход от кочевой жизни к оседлой. Для эвенков колхозников строили стационарные деревянные дома, создавали населенные пункты для постоянного оседлого проживания. В дальнейшем поголовье оленей в районе было обобществлено и количественно увеличивалось. С переходом эвенков на оседлый образ жизни (1936-1937 гг.) содержание оленей в хозяйствах частного сектора постепенно прекратилось. В дальнейшем из-за коллективизации произошло значительное уменьшение количества оленей. Большие потери поголовья животных происходили из-за плохого окарауливания и разгона стад хищниками.

В колхозах оленеводство продолжало иметь транспортное значение вплоть до 60-х гг. XX в. Серьезной причиной низкого делового выхода и яловости являлось транспортное использование маток. Летняя грузоперевозка вызывала сильное истощение важенок, ослабление и падеж оленят.

Организация оленеводства сталкивалась с рядом серьезных трудностей, к числу которых следует отнести: существенная разница в коэффициенте оплаты труда, высокая себестоимость и низкое качество мясной продукции, кроме того, система оплаты труда оленеводов и охотников промысловиков страдало серьезными недостатками.

Наряду с этим на правительственном уровне, начиная с 30-х гг. XX в., принимались различные законодательные акты для улучшения жизни малочисленных народов Севера. На основании нормативно-правовых актов принимались решения о субсидировании эвенков, выплате пособий и множественных льгот. Такое отношение в некотором роде расхолодило эвенкийскую народность, к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. работать у эвенкийского населения стало «не модным». В. В. Беликов в своей работе «Эвенки Бурятии» приводит пример, когда между соседями эвенками происходил разговор, в котором один другого спрашивает: «Ты зачем работаешь, государство же пособие платит, на еду и водку хватает» [1].

В 1991 г. оленеводство на севере Байкала пришло в полнейший упадок, как пишет кандидат биологических наук Владимир Тимофеевич Носков в своей книге «Тайга северная оленная» – «казалось возродить оленеводство на северном Байкале невозможно» [5].

В начале 90-х г. XX в. было организовано несколько эвенкийских семейно-родовых общин (ЭСРО). Например: ЭСРО «Улукки» – которой руководил Юрий Иванович Черноев и ЭСРО «Орон» – руководитель Владимир Алексеевич Ганюгин. Соседствующие общины спорили за право обладания пастбищными территориями.

В 1996 г. в п. Нижнеангарск состоялась районная сессия народных депутатов. Основным вопросом обсуждения на сессии явилась программа повышения эффективности природопользования и охраны окружающей среды, укрепление семейно-родовых оленеводческих общин как основы возрождения материального благополучия и духовной культуры эвенкийского народа.

На современном этапе существует проблема, связанная с вопросами правового характера. Практически все эвенкийские семейно-родовые общины распущены из-за окончания срока безвозмездной аренды. Продолжает свою деятельность только одна ЭСРО «Звезда» в п. Уоян, но и они осуществляют свою деятельность лишь до окончания договора безвозмездной аренды. Заключать договора аренды на возмездной основе не рентабельно, поскольку оленеводство не является сверхприбыльным.

Нормативно-правовыми актами Российской Федерации регламентируется создание территорий традиционных пользований [9]. Но республиканские и муниципальные власти не заинтересованы в создании территорий традиционного природопользования, пользуясь юридической малограмотностью эвенков, отказываются от их попыток отписками, не желая оказывать содействие.

Таким образом, до настоящего момента на территории Северо-Байкальского района территорий традиционных пользований не создано. Актуальность организации ТТП увеличивается, поскольку в условиях нынешних реалий коренное население района испытывает глобальные трудности: разрушение природной среды в угоду получения быстрой прибыли, алкоголизм, безработица, молодые люди эвенкийской национальности «не видят своего будущего в ныне существующих условиях», природные и культурные ценности находятся под угрозой [4]. Это подчеркивает необходимость интегрированного подхода к решению проблем традиционного природопользования в современной обстановке.

Примечания

1. Беликов В. В. Эвенки Бурятии : История и современность. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН. 1994. 175 с.
2. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-XX вв.) .Л. : Наука, 1969. 304 с.
3. Гагемейстер Л. А. // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. М. : БРЭ, 2006. С. 243.
4. Напрасников А. Т., Рагулина М. В., Калеп Л. Л. Территория традиционного природопользования Восточной Сибири: географические аспекты обоснования и анализа. Новосибирск : Наука, 2005. 205 с.
5. Носков В. Т. Тайга северная оленная. Из дневника охотоведа. Улан-Удэ : Экос, 2013. 152 с.
6. Неупокоев В. П. Тунгусы Бурятии. Верхнеудинск, 1928. 21 с.
7. Отчет Байкальской оленной экспедиции в Северо-Байкальский район, района Бурят-Монгольской АССР. 1939 г. : Науч.-вспомогат. материал. Инв. № 1562 // Муниципальное автономное учреждение культуры «Художественно-историческое объединение» г. Северобайкальск.
8. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. Репринт. изд. 1882 г.. СПб.: Альфарет, 2010. 214 с.
9. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федер. закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Гарант . URL: <https://base.garant.ru/12122856/> (дата обращения: 25.12.2020).
10. Экономико-географический очерк Северобайкальского туземного района Бурят-Монгольской АССР. 1933 г. : Науч.-вспомогат. материал инв. № 1126 // Муниципальное автономное учреждение культуры «Художественно-историческое объединение» г. Северобайкальск.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Амгаланова Мария Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

2. Астахов Олег Юрьевич, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», г. Кемерово, Россия

3. Белоносова Ирина Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой звукорежиссуры ФГБОУ ВО «Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского», г. Красноярск, Россия

4. Болхосоев Станислав Борисович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнологии и народной художественной культуры ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

5. Бояк Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

6. Будаева Светлана Батовна, кандидат фармацевтических наук, доцент кафедры сервиса, туризма и физического воспитания ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

7. Бутовская Марина Львовна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром кросс-культурной психологии и этологии человека ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва, Россия

8. Ваганова Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

9. Вострякова Ксения Владимировна, специалист отдела экологического туризма ФГБУ «Байкальский государственный природный заповедник», г. Улан-Удэ, Россия

10. Гаврилова Светлана Робертовна, магистрант направления подготовки 58.04.01 Востоковедение и африканистика ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, Россия

11. Герасимова Ольга Александровна, профессор кафедры режиссуры эстрады и театрализованных представлений ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

12. Гомбоева Арюна Батуевна, магистрант направления подготовки 51.04.02 Народная художественная культура ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

13. Гудина Анна Викторовна, учитель ИЗО, частное общеобразовательное учреждение «Школа-интернат №22 ОАО «Российские железные дороги», г. Улан-Удэ, Россия

14. Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Улан-Удэ, Россия

15. Дандарон Мэдэгма Бидияевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

16. Данилова Наталия Ксенофоновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук», г. Якутск, Россия

17. Дашиева Надежда Базаржаповна, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

18. Дементьева Виктория Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

19. Денищук Анастасия Вадимовна, студент направления подготовки 43.03.02 Туризм ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

20. Доржиева Эржэна Сергеевна, кандидат филологических наук, МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №1», г. Улан-Удэ, Россия

21. Дякиева Балджа Батнасуновна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой калмыцкой литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия

22. Жамбаева Туяна Иннокентьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

23. Забанова Лариса Егоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

24. Занегина Елена Александровна, воспитатель школы-интерната №22 ОАО «РЖД», г. Улан-Удэ, Россия

25. Затеева Надежда Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

26. Игнатьева Саргылана Семеновна, кандидат педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск, Россия

27. Изыкенова Ирина Тимофеевна, директор МАУ «Музей истории города Улан-Удэ», г. Улан-Удэ, Россия

28. Иринчинова Цырегма Бадмадоржиевна, учитель английского языка МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №63», г. Улан-Удэ, Россия

29. Исаков Александр Викторович, студент специальности 52.05.04 Литературное творчество ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

30. Казанцева Диана Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», г. Улан-Удэ, Россия

31. Кан Дарья Дмитриевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социального и технологического сервиса ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», г. Улан-Удэ, Россия

32. Ким Эржена Золовна, студент направления подготовки 43.03.02 Туризм ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

33. Кривова Инна Фикретовна, заведующий отделом экскурсионно-массовой работы музея «История БАМ», г. Северобайкальск, Россия

34. Кучмурукова Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов, декан гуманитарно-информационного факультета ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

35. Ляпкина Татьяна Федоровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск, Россия

36. Манзырева Екатерина Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

37. Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

38. Мезенцева Анна Александровна, стажер-исследователь центра кросс-культурной психологии и этологии человека ФГБУН

«Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва, Россия

39. Миждидоржийн Ганжаргал, старший преподаватель кафедры культурологии Института культуры Монгольского государственного университета культуры и искусств, г. Улан-Батор, Монголия

40. Минайленко Мария Александровна, преподаватель кафедры специального фортепиано ФБГОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», г. Самара, Россия

41. Михайлова Саргылана Михайловна, студент исторического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Россия

42. Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

43. Мотренко Валерия Сергеевна, директор МБУК «Музей декабристов» городского округа «Город Петровск-Забайкальский», г. Петровск-Забайкальский, Россия

44. Мыдыгмаева Лариса Дондоковна, учитель английского языка МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №63», г. Улан-Удэ, Россия

45. Назаров Виктор Кузьмич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

46. Николаева Елена Николаевна, заведующий структурным подразделением Сахюртский сельский клуб МКУК Шара-Тоготский, с. Сахюрта, Иркутская область, Россия

47. Николаева Лариса Юрьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

48. Нимаева Баярма Бальжинимаевна, магистрант направления подготовки 51.04.02 Народная художественная культура ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

49. Нимаева Ирина Бальжинимаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

50. Орешкина Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

51. Отгондоогийн Алтанзаяа, докторант, младший научный сотрудник Института исследования культуры и искусства Монгольского государственного университета культуры и искусств, г. Улан-Батор, Монголия

52. Оюн Олча Маадыр-ооловна, аспирант кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

53. Парфенова Арина Сергеевна, заместитель директора МБУДО «Чунская детская музыкальная школа», п. Чунский, Иркутская область, Россия

54. Перова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ректор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

55. Першина Татьяна Юрьевна, преподаватель художественных дисциплин МБУ ДО «Детская школа искусств», г. Сре-тенск, Россия

56. Петров Сергей Петрович, председатель РОО «Общество культуры семейских Республики Бурятия», г. Улан-Удэ, Россия

57. Покацкая Елена Ивановна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

58. Покацкий Виталий Андреевич, научный сотрудник МАУ «Музей истории города Улан-Удэ», г. Улан-Удэ, Россия

59. Прокопьева Александра Николаевна, научный сотрудник ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук», г. Якутск, Россия

60. Прокудина Екатерина Сергеевна, студент направления подготовки 51.03.01 Культурология ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», г. Кемерово, Россия

61. Райцанова Эльвира Николаевна, главный хранитель ГАУК РБ «Кяхтинский краеведческий музей имени академика В.А. Обручева», г. Кяхта, Россия

62. Ринчиндоржиева Валерия Алексеевна, студент направления подготовки 51.03.03 Социально-культурная деятельность ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

63. Ринчинова Юлия Сергеевна, аспирант кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Ресурсный центр художественного и технического творчества «Созвездие», г. Улан-Удэ, Россия

64. Ростовцева Виктория Викторовна, младший научный сотрудник центра кросс-культурной психологии и этологии человека ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва, Россия

65. Ртищев Сергей Максимович, аспирант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», г. Кемерово, Россия

66. Ртищева Оксана Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, декан социально-гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры» г. Кемерово, Россия

67. Русинов Виктор Леонидович, профессор кафедры режиссуры эстрады и театрализованных представлений ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

68. Русинова Ольга Артемовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры хорового дирижирования, звукорежиссуры и вокального искусства ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

69. Сангадиева Эржен Гэндэновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО

«Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

70. Сандакова Сэржен Доржиевна, студент направления подготовки 43.03.02 Туризм ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

71. Санникова Марина Иосифовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

72. Семенов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

73. Сергеева Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

74. Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и языковедения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

75. Смирнягина Татьяна Юрьевна, кандидат искусствоведения, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников АНО ВО «Институт современного искусства», г. Москва, Россия

76. Стрекаловская Зоя Андреевна, доцент, заведующий кафедрой «Народная художественная культура» ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск, Россия

77. Сүндэвийн Энхнаран, M.Sc, младший научный сотрудник Института исследования культуры и искусства Монгольского государственного университета культуры и искусств, г. Улан-Батор, Монголия

78. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

79. Хобракова Людмила Матвеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

80. Хутакова Екатерина Андреевна, студент направления подготовки 51.03.03 Социально-культурная деятельность ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

81. Цибудеев Алдар Циденович, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет», г. Новосибирск, Россия

82. Цибудеева Надежда Циденовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры хорового дирижирования, звукорежиссуры и вокального искусства ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

83. Цыденова Арюна Дамбаевна, магистрант направления подготовки 51.04.02 Народная художественная культура ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

84. Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

85. Чебунин Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

86. Шагжина Зоя Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

87. Шаньгинова Галина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

88. Шаренда Олег Геннадьевич, старший преподаватель кафедры хорового дирижирования, звукорежиссуры и вокального

искусства ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

89. Шойбонова Саяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

90. Эрдынеева Снежана Эдуардовна, магистрант направления подготовки 51.04.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ, Россия

91. Эрдэнэбэлэгийн Зулцэцэг, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории музыки Института музыкального искусства Монгольского государственного университета культуры и искусств, г. Улан-Батор, Монголия

92. Яковлева Капитолина Максимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ----- 7

Игнатьева С. С., г. Якутск, Россия

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНСТИТУТАХ КУЛЬТУРЫ КАК
КУЛЬТУРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КРЕАТИВНОЙ
ЭКОНОМИКЕ ----- 7

**Ростовцева В. В., Бутовская М. Л., Мезенцева А. А., г.
Москва, Дашиева Н. Б., г. Улан-Удэ, Россия**

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ БУРЯТ: РОЛЬ ПОЛОВЫХ,
ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И СРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ ----- 13

Дякиева Б. Б., г. Элиста, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СМИ КАК СРЕДСТВО
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И
ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ ----- 27

Эрдэнэбэлэгийн Зулцэцэг, г. Улан-Батор, Монголия

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ МУЗЫКАЛЬНЫМ
МИНИМАЛИЗМОМ И ТРАДИЦИОННЫМИ
МОНГОЛЬСКИМИ УЗОРАМИ И ОРНАМЕНТАМИ ----- 33

Матвеева Е. В., г. Улан-Удэ, Россия

ОБ ЭКОЛОГИИ ИНФОРМАТИЗАЦИОННОГО
СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ----- 49

**СЕКЦИЯ I. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В
УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ ----- 55**

Перова Е. Ю., г. Улан-Удэ, Россия
РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
----- 55

Чебунин А. В., г. Улан-Удэ, Россия
КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ДУХОВНОЙ
СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ----- 59

Болхосоев С. Б., г. Улан-Удэ, Россия
ПЕГИЙ ВОЛК – ТОТЕМНЫЙ СИМВОЛ БУРЯТ –
БУЛАГАТОВ И КОРЕННЫХ МОНГОЛОВ ОНОНА И
КЕРУЛЕНА (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСТОКАХ БУРЯТСКОГО ПЛЕМЕНИ) ----- 68

Яковлева К. М., Михайлова С. М., г. Якутск, Россия
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯКУТОВ О ПРИЧИНАХ И МЕТОДАХ
ЛЕЧЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ ----- 75

Данилова Н. К., г. Якутск, Россия
МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА
В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДА САХА ----- 83

Мижиддоржийн Ганжаргал, г. Улан-Батор, Монголия НЕКОТОРОЕ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПОГОВОРКИ «ЕЗДОВАЯ ЛОШАДЬ – ПРИВЯЗАННЫЙ РЕБЕНОК»-----	90
Прокопьева А. Н., г. Якутск, Россия ЯКУТСКИЙ КОСТЯНОЙ ВАРГАН -----	98
Шойбонова С. В., г. Улан-Удэ, Россия ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА-	104
Гымпилова С. Д., г. Улан-Удэ, Россия МАЛЫЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ -----	108
Белоносова И. В., г. Красноярск, Россия ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА ЭВЕНКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ-----	117
Ляпкина Т. Ф., Стрекаловская З. А., г. Якутск, Россия НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ФОРМАХ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ -----	124
Дандарон М. Б., Цыденова А. Д., г. Улан-Удэ, Россия ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ -----	130
Назаров В. К., г. Улан-Удэ, Россия РОЛЬ ВСГИК В РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ -----	137

Жамбаева Т. И., г. Улан-Удэ, Россия ЭТНОСТИЛЬ В БУРЯТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ -----	151
Гомбоева А. Б., г. Улан-Удэ, Россия ТРАДИЦИИ БУРЯТСКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ВАСИЛЬЕВА -----	158
Нимаева Б. Б., г. Улан-Удэ, Россия БУРЯТСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В СОЗДАНИИ ФИРМЕННОГО ЛОГОТИПА -----	164
СЕКЦИЯ II. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ-----	
Астахов О. Ю., Ртищев С. М., г. Кемерово, Россия ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ Д. С. ЛИХАЧЕВА-----	169
Смирнягина Т. Ю., г. Москва, Россия МИФОЛОГЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РЕЖИССЕРА ТЕАТРАЛЬНО-ЗРЕЛИЩНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПРАЗДНИКОВ -----	173
Ртищева О. В., Прокудина Е. С., г. Кемерово, Россия ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ -----	178
Sundeviyn Enkhnarán, Ulaan-Baatar, Mongolia MONGOLIAN ART WORKS IN SWEDEN: SHARING KNOWLEDGE AND RETURNING ISSUES -----	182

МОНГОЛЬСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВ В ШВЕЦИИ: ОБМЕН ЗНАНИЯМИ И ВОПРОСЫ ВОЗВРАТА -----	182
Забанова Л. Е., г. Улан-Удэ, Россия ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА: ИЗ ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ -----	195
Минайленко М. А., г. Самара, Россия «ПРИРОДА МУЗЫКИ» НА ЛЮЦЕРНСКОМ ФЕСТИВАЛЕ 2009 -----	202
Шаренда О. Г., г. Улан-Удэ, Россия РОЛЬ ПРИРОДЫ В СОЗДАНИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ -----	210
Герасимова О. А., г. Улан-Удэ, Россия ВОССОЗДАНИЕ ЯКУТСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ. В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «ТЫГЫН ДАРХАН»-----	216
Хобракова Л. М., г. Улан-Удэ, Россия БИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ У. МАТУРАНЫ В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА-----	226
Серебрякова З. А., г. Улан-Удэ, Россия ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПОВЕСТИ М. ЖИГЖИТОВА «МОЯ МАЛЮТКА-МАРИКАН» -----	230

- Исаков А. В., Серебрякова З. А., г. Улан-Удэ, Россия**
 ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ПЬЕСЕ М. БАТОИНА «МАТЬ-
 ЛЕБЕДИЦА»-----236
- Покацкий В. А., г. Улан-Удэ, Россия**
 ПРИРОДА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ТВОРЧЕСТВЕ
 ЛЕОПОЛЬДА НЕМИРОВСКОГО -----240
- Сангадиева Э. Г., Доржиева Э. С., г. Улан-Удэ, Россия**
 КОНЦЕПТ «ЗЕМЛЯ» В РОМАНЕ В. МИТЫПОВА
 «ДОЛИНА БЕССМЕРТНИКОВ» -----249
- Нимаева И. Б., г. Улан-Удэ, Россия**
 ПРОБЛЕМЫ БУРЯТСКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА
 ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ-----253
- Амгаланова М. В., г. Улан-Удэ, Россия**
 ТВОРЧЕСТВО О.Б. И Л.М. СУЛЬТИМОВЫХ В
 ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
 ТЕАТРА «БАЙКАЛ» -----257
- Цибудеева Н. Ц., г. Улан-Удэ, Россия**
 ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ / РОДНОВЕДЧЕСКИЙ
 КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕАТРА
 ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ» В РАМКАХ ЛОКАЛЬНО
 ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА -----261
- Гудина А. В., Занегина Е. А., г. Улан-Удэ, Россия**
 ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СОЛБОНА РИНЧИНОВА В
 ФОНДАХ МУЗЕЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА №22 ОАО
 «РЖД»-----267

**СЕКЦИЯ III. КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАСЛЕДИЯ И
ПРОБЛЕМЫ ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ ----- 271**

Цыремпилова И. С., г. Улан-Удэ, Россия

ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БУРЯТИИ:
СОВРЕМЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ---- 271

Семенов Е. В., г. Улан-Удэ, Россия

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА ПОЛЬСКИМИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
----- 281

Затеева Н. А., Татарова С. П., г. Улан-Удэ, Россия

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ УЛАН-УДЭ О ВЛИЯНИИ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ----- 287

Дементьева В. В., г. Улан-Удэ, Россия

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И
СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ----- 294

Сандакова С. Д., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия

РАЗРАБОТКА СОБЫТИЙНОГО ТУРА «ФЕСТИВАЛЬ
«ГОЛОС КОЧЕВНИКОВ»----- 301

Сергеева Е. Б., Ринчиндоржиева В. А., г. Улан-Удэ, Россия

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
УПРАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТАМИ ТРУДА ХУДОЖНИКА-
СКУЛЬПТОРА----- 307

- Шагжина З. А., г. Улан-Удэ, Россия**
 МИССИОНЕРСКИЕ ШКОЛЫ И УЧИЛИЩА И ИХ РОЛЬ
 В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ И РУССКОЙ
 ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ БУРЯТ
 ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ
 XX ВВ. -----314
- Ваганова Е. В., Першина Т. Ю., г. Улан-Удэ, Россия**
 Г. СРЕТЕНСК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
 ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ-----321
- Мотренко В. С., г. Петровск-Забайкальский, Россия**
 ДЕКАБРИСТ ПЕТР ИВАНОВИЧ БОРИСОВ:
 ХУДОЖНИК, РИСОВАВШИЙ ЖИЗНЬ -----334
- Оюн О. М., г. Кызыл, Мишакова О. Э., г. Улан-Удэ,
 Россия**
 СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ
 ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКО-
 КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЧЫРГАЛАНДИНСКОЙ
 ШКОЛЫ ТЕС-ХЕМСКОГО КОЖУУНА РЕСПУБЛИКИ
 ТЫВА-----341
- Николаева Л. Ю., Петров С. П., Санникова М. И., г.
 Улан-Удэ, Россия**
 РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА АРХИТЕКТУРНОЙ
 РЕСТАВРАЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ XIX
 В. СЕЛА НИЖНИЙ ЖИРИМ ТАРБАГАТАЙСКОГО
 РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ -----349

- Изыкенова И. Т., г. Улан-Удэ, Россия**
 МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК СРЕДСТВО
 ФОРМИРОВАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ
 ИДЕНТИЧНОСТИ ----- 355
- Николаева Е. Н., с. Сахюрта, Россия**
 МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
 АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОГО
 РОССИЙСКОГО СЕЛА (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬХОНСКОГО
 РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ) ----- 363
- Эрдынеева С. Э., г. Улан-Удэ, Россия**
 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИМБТ
 СО РАН И МУЗЕЯ ИСТОРИИ БУРЯТИИ ИМ. М. Н.
 ХАНГАЛОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
 К. М. ГЕРАСИМОВОЙ) ----- 368
- Райцанова Э. Н., г. Кяхта, Россия**
 ВЕЕР «ТЫСЯЧИ ЛИЦ» ИЗ СОБРАНИЯ КЯХТИНСКОГО
 КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ АКАДЕМИКА В. А.
 ОБРУЧЕВА ----- 377
- Хутакова Е. А., г. Кяхта, Россия**
 СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ПРОДВИЖЕНИИ
 МУЗЕЯ ----- 382

**СЕКЦИЯ IV. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ
ПРАКТИКАХ -----387**

Бояк Т. Н., г. Улан-Удэ, Россия
НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК
ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА -----387

Манзырева Е. С., г. Улан-Удэ, Россия
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ -392

Отгондоогийн Алтанзаяа, г. Улан-Батор, Монголия
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ
ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФОНДЕ ИМЕНИ С.
ЛУВСАНВАНДАНА ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ МонГУКИ -----400

Кучмурукова Е. А., г. Улан-Удэ, Россия
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК БУРЯТИИ В ОБЛАСТИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ -----406

Шаньгинова Г. А., г. Улан-Удэ, Россия
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ
КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДА КАК ОСНОВА ЕГО
ФОРМИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МБУК
«ЕРАВНИНСКАЯ ЦБС»)-----411

- Орешкина Е. В., Покацкая Е. И., г. Улан-Удэ, Россия**
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ
АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ----- 415
- Гаврилова С. Р., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия**
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ В РОССИИ И КИТАЕ
----- 422
- Цибудеев А. Ц., г. Новосибирск, Россия**
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТУРИСТСКОГО И
САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА БУРЯТИИ427
- Русинов В. Л., Русинова О. А., г. Улан-Удэ, Россия**
ПРАЗДНИКИ И ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТЫ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА----- 434
- Денищук А. В., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия**
ДЕНЬ БАЙКАЛА КАК МЕРА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ
ВНИМАНИЯ К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОЗЕРА
----- 440
- Казанцева Д. С., Кан Д. Д., г. Улан-Удэ, Россия**
ПРОЕКТ «АСТРОЮРТА В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ»- 444
- Ким Э. З., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия**
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ ТУНКИНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА ----- 448

Парфенова А. С., п. Чунский, Россия СОХРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАЗДНИКАХ И ФЕСТИВАЛЯХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ -----	451
Мыдыгмаева Л. Д., Иринчинова Ц. Б., г. Улан-Удэ, Россия ВМЕСТЕ СОХРАНИМ ПЛАНЕТУ! -----	455
Иринчинова Ц. Б., г. Улан-Удэ, Россия РАЗДЕЛЕНИЕ И ПЕРЕРАБОТКА МУСОРА -----	460
Вострякова К. В., Будаева С. Б., г. Улан-Удэ, Россия ОПЫТ БАЙКАЛЬСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В ПРОВЕДЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ COVID-19 -----	464
Ринчинова Ю. С., г. Улан-Удэ, Россия РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ ДЕТЕЙ -----	467
Кривова И. Ф., г. Северобайкальск, Россия ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ВИДОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИХ ЭВЕНКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ -----	475
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ -----	482

Научное издание

**Байкальские встречи – XI:
ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В XXI ВЕКЕ:
ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ**

Материалы международной научно-практической конференции
10-11 декабря 2020 г.
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ

ISBN 978-5-89610-310-3

Корректор
Д. Ц. Цыденова

Библиографические редакторы:
Т. В. Бурлакова, С. Ю. Астраханцева

Подписано в печать 30.12.20. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 29,29.
Уч.-изд. л. 23,37. Тираж 300 экз. Заказ № 2470. Цена договорная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.

